

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 140

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1967

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

А92

ЧИТ.ЗАЛ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 140

П. А. РАППОПОРТ

ВОЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ X—XIV вв.

8 эк 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1967

Ш-Т Арт

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. Н. ВОРОНИН

2037
70

1-6-2
74-67 (I пол.)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ВВЕДЕНИЕ

Своеобразная культура западнорусских земель X—XIV вв. получила в научной литературе значительно менее яркое освещение, чем культура остальных районов древней Руси. Это объясняется несколькими причинами. Прежде всего Западная Русь позже, чем центральные русские районы, попала в поле зрения летописцев, и поэтому древнерусские письменные источники почти совершенно не касаются событий, происходивших там до XII в. А уже в XIV в., когда западнорусские земли потеряли свою политическую независимость (были захвачены Польшей и Литвой), русские письменные источники вновь теряют интерес к этим территориям. Наконец, то обстоятельство, что значительная часть западнорусских земель вошла в состав Советского Союза лишь в 1939 г., объясняет очень слабую их археологическую изученность.

Между тем в свое время Западная Русь играла немаловажную роль как в политической истории, так и в истории русской культуры. Больше того, в XII и особенно в XIII в. некоторые западнорусские земли несомненно относились к наиболее передовым районам Руси. Городская культура Галицко-Волынского княжества вызывала восхищение современников. И недаром же один из героев русских былин Дюк Степанович, приехавший в Киев «из славного города из Галича, из Волынь-земли богатые», хвастался перед киевским князем:

Как у нас во городе во Галиче,
У моей государыни у матушки,
У собора пресвятые богородицы,
Мощены мосточки все калиновы,
А вбиты гвоздочки шоломчатые,
Росстиланы сукна багрецовые.
. . . . . .
Есть гридни палаты белокаменны,
Полы и среда одного серебра,
. . . . . .
Широкий двор на семи верстах,
И около заборы позолочены.[1]

И не в унисон ли с этими словами звучит восклицание венгерского короля Андрея, впервые увидевшего город Владимир-Волынский: «Така град не изобретох ни в немечских странах».[2]

Понятие «западнорусские земли», конечно, в известной степени условно. В настоящей работе под этим термином понимаются как те княжества, которые непосредственно примыкали к западной границе Русской земли — Галицкое, Волынское и Полоцкое, так и те, которые являлись как бы промежуточными звеньями между западными и центральными русскими землями — княжество Смоленское и Турово-Пинская земля.

В исторических судьбах этих земель несомненно имеется много общего. Все эти княжества были достаточно тесно связаны с западными соседями Руси, все они менее чем Киевская земля или Северо-Восточная Русь пострадали от монгольского нашествия; во второй половине XIII—начале XIV в. эти земли переживали пору борьбы

[1] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, т. 2. М.—Л., 1938, стр. 595; т. 3. М.—Л., 1940, стр. 226. — О правомерности привлечения былин в качестве исторического источника см.: Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М., 1963, стр. 357. — Более детально о связи былины о Дюке Степановиче с историческими событиями см.: А. И. Лященко. Былина о Дюке Степановиче. Изв. Отд. русск. яз. и словесн. АН СССР 1925 г., т. XXX, Л., 1926, стр. 46.

[2] Ипатьевская лет., 6739 (1231) г.

за политическую самостоятельность, однако лишенные единства, а также поддержки остальных русских княжеств, ослабленных монгольским игом, они не смогли в отличие от Северо-Восточной и Северо-Западной Руси сохранить национальную независимость и в середине—второй половине XIV в. подпали под власть Польши и Литвы.

Этими общими чертами, характерными для исторических судеб всех западнорусских земель, определяются и хронологические рамки настоящей работы. Нижней границей является X в. — время, когда западные земли вошли в состав Древнерусского государства и когда на большей части рассматриваемой территории появились первые русские укрепленные поселения; до этого поселения здесь были, как правило, неукрепленными. Верхней хронологической границей является XIV в. — время потери западнорусскими землями политической самостоятельности.[3]

Наряду с общими чертами эти земли имели, конечно, и особенности, отличавшие одно княжество от другого. Более того, специфические особенности часто имели не только каждое княжество, но и отдельные районы внутри княжеств.

Так, огромная территория Волынского княжества очень четко делилась на две географические зоны — лесостепную на юге и полесскую на севере. Кроме того, некоторые районы Волыни резко отличались один от другого не только по естественногеографическим особенностям, но и по той военно-политической обстановке, которая была характерной для них в эпоху средневековья. Например, юго-восточная часть Волыни была тесно связана с Киевским Поросьем и из-за близости степей постоянно подвергалась набегам кочевников. В то же время северо-западная часть Волыни — Берестейская земля и лежащее за ней Подляшье — была тесно связана с Мазовией и представляла собой болотисто-лесистый район, где русские войска сталкивались с ятвягами и другими литовскими племенами. Западная часть Волыни — территория так называемых Червенских городов — была объектом непрестанной борьбы Руси и Польши, причем некоторые города этого района даже подолгу входили в состав Польского государства. Наконец, северная окраина Волыни — так называемая Черная Русь — была отделена от основной волынской территории труднопроходимой полосой Припятского Полесья и представляла собой совершенно обособленный район, где сталкивались интересы Руси и Литвы.[4]

Отличались друг от друга и районы Галицкого княжества. Северо-западная часть его — «Горная страна Перемышльская» — граничила в Карпатах с Польшей и Венгрией, в то время как юго-восточная — «Понизье» — простиралась далеко вниз по Днестру и Пруту в сторону причерноморских степей.

Относительно едиными были территории Полоцкого и Смоленского княжеств, но все же и здесь достаточно четко выделяются некоторые специфические районы, например район городов Куконоса и Ерсики, населенный ливами и латгалами, но политически подчиненный в XII в. полоцким князьям. Особенностью же Турово-Пинской земли является то обстоятельство, что эта территория никогда не играла в русской истории самостоятельной политической роли, а всегда находилась в русле политики киевских или волынских князей.[5]

---

[3] По общей истории западнорусских земель см.: В. Т. Пашуто. 1) Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; 2) Образование Литовского государства. М., 1959; см. также более старые работы, посвященные истории отдельных земель: Д. Зубрицкий. История древняго Галичско-Русскаго княжества, чч. 1—3. Львов, 1852—1855; Н. Молчановский. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев; А. Андрияшев. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887; Н. Дашкевич. Княжение Даниила Галицкого. Киев, 1873; И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия, ч. 1. Киев, 1884; П. Голубовский. 1) Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884; 2) История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895; Д. С. Леонардов. Полоцкий князь Всеслав и его время. Полоцко-Витебская старина, Витебск, вып. 2, 1912; вып. 3, 1916; В. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896; А. С. Грушевский. Пинское полесье, ч. 1. Киев, 1901, и др.

[4] Название Черная Русь закрепилось за этим районом лишь в XVIII в. (А. В. Соловьев. Белая и Черная Русь. Сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии, т. III, Белград, 1940, стр. 64).

[5] По-видимому, Турово-Пинская земля вообще не существовала как самостоятельная политическая единица, хотя туровские князья иногда обладали некоторой самостоятельностью (М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 305).

Различны не только исторические судьбы тех русских земель, которые рассматриваются в настоящей работе, но и история археологического изучения их памятников, в частности городищ.

Наиболее типичной была история исследований древнерусских памятников на территории Смоленского и Полоцкого княжеств. В XIX в. на их изучении отразились все положительные и отрицательные стороны русской буржуазной археологии. Так же как и в остальных районах Русской земли, здесь главным образом занимались раскопками наиболее эффектных памятников, в особенности курганных могильников, дававших значительное количество ярких и выразительных находок. Городища привлекали значительно меньшее внимание, однако все же и в области их исследования в предреволюционные годы кое-что было сделано.

Положение существенно изменилось после Великой Октябрьской социалистической революции. На территории этих древних земель началось систематическое изучение археологических памятников, и в первую очередь городищ. Большая работа была проделана группой археологов под руководством А. Н. Лявданского. Систематическое обследование городищ на значительной территории позволило А. Н. Лявданскому перейти к некоторым обобщениям и дать первую попытку классификации смоленских городищ.[6]

После Великой Отечественной войны наступил новый этап в изучении древнерусских городищ этой территории. Наряду с продолжением систематического обследования памятников начались и серьезные стационарные раскопки, главным образом в наиболее крупных городах — Смоленске, Минске, Полоцке, Друцке и др.[7] Велись раскопки и в небольших укрепленных поселениях типа феодальных замков.

На территории Смоленской и Полоцкой земель специальных исследований древнерусских оборонительных конструкций не проводилось, однако в процессе археологических работ в городах и на городищах внимание им все же уделялось. В результате изученность оборонительных сооружений Смоленской и Полоцкой земель в настоящее время примерно такая же, как и памятников, расположенных на территории Черниговского, Рязанского, Владимиро-Суздальского княжеств, и уступает лишь памятникам Киевской земли, где исследования приобрели несколько больший размах.

Почти аналогично протекало изучение городищ Турово-Пинской земли. Отличие этого района от Полоцкого и Смоленского заключается только в том, что эта болотистая и густо заросшая лесом территория (Полесье) меньше привлекала к себе внимание археологов и поэтому всегда уступала по степени изученности своим северным и восточным соседям. Это отставание усугубилось тем обстоятельством, что западная часть Турово-Пинской земли в течение долгого времени (с 1920 по 1939 г.) входила в состав буржуазной Польши, и в этот период археологические исследования здесь вообще почти не проводились.[8]

В послевоенные годы была проведена серьезная работа по обследованию городищ Полесья.[9] Однако древнерусские памятники Турово-Пинской земли и сейчас еще изучены менее полно, чем памятники Полоцкого и Смоленского княжеств.

Совершенно иначе происходило археологическое изучение городищ Волынской земли. Эта территория в течение нескольких веков была подчинена Польше и лишь в самом конце XVIII в. вошла в состав Российской империи. Национальные и религиозные противоречия были здесь очень велики, но особенно они усилились после освободительного движения 1830—1831 гг. В середине и второй половине XIX в. царское правительство энергично проводило на Волыни политику насильственной русификации и воинствующую пропаганду православия. Обстановка, сложившаяся в «юго-западном крае Российской империи», вызвала усиленный интерес к памятникам древности. Памятники X—XIV вв. — древнерусские городища и остатки древних храмов — рассматривались и пропагандирова-

[6] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. 3, ч. 3, 1926.

[7] Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Археологическое изучение древнерусского города. КСИА, вып. 96, 1963, стр. 9.

[8] Исключением являются раскопки в Давид-городке, проведенные Р. Якимовичем, но, к сожалению, полностью не опубликованные (см.: R. Jakimowicz. Dawidgródek. Pińsk, 1939).

[9] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, вып. Е1-57, М., 1961.

лись как свидетельства исконно русской, православной, старины этого края и с этой точки зрения всячески противопоставлялись более поздним памятникам, в которых видели влияние польской, католической, культуры. Наибольший интерес к археологическим памятникам проявляли реакционные круги, и в первую очередь деятели православной церкви. В губернских и епархиальных ведомостях одна за другой появлялись статьи, посвященные древнерусским городищам, особенно тем из них, которые можно было сопоставить с известными по летописям русскими городами домонгольского времени.[10] В противовес этому в польской исторической литературе рассматривались памятники Волыни, относящиеся почти исключительно к XV—XVIII вв.[11]

Несмотря на такой тенденциозный характер изучения русских древностей, фактический материал все же постепенно накапливался, археологическая изученность территории Волыни возрастала. В результате к концу XIX в., когда можно было уже подвести некоторые итоги, В. Б. Антоновичем была создана археологическая карта Волынской губернии.[12] Памятники южной части древней Волынской земли были отражены в изданной одновременно археологической карте Подольской губернии, составленной Е. Сецинским.[13] Казалось, что археологическое исследование территории древней Волыни начинает даже опережать изучение территории других русских княжеств. Однако этого не произошло. Острота религиозных и национальных противоречий постепенно затухала на фоне обострения классовой борьбы; царское правительство смогло найти общий язык как с польскими помещиками, так и с католической церковью. Интерес к русским древностям у царских чиновников пропал, а подлинные ученые перестали находить поддержку правительства, поэтому более или менее серьезные археологические раскопки на Волыни так и не начались.

В 1919 г. волынская территория была захвачена панской Польшей. Таким образом, после Великой Октябрьской социалистической революции, т. е. именно тогда, когда археологические исследования на территории остальных древнерусских земель начали приобретать все более широкий размах и подлинно научный характер, Волынь оказалась изъятой из сферы деятельности советских археологов. Буржуазная же польская археология уделяла этому району мало внимания. Небольшие археологические работы чисто краеведческого характера — это все, что было сделано здесь вплоть до 1939 г., когда Волынь была воссоединена с Советской Украиной.

Советские археологи начали работать на Волыни лишь после Великой Отечественной войны, причем на первых порах исследования разворачивались довольно медленно. Сводка древнерусских археологических памятников, опубликованная А. А. Ратичем в 1957 г., ярко демонстрирует чрезвычайно слабую изученность территории древней Волыни.[14]

Следует отметить, что на территории Польской Народной Республики в последнее время успешно проведено археологическое исследование нескольких древнерусских городов. Так, были осуществлены раскопки в Червене, Волыни;[15] систематиче-

---

[10] Например: Н. И. Теодорович. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии, тт. 1—4. Почаев, 1888—1899; Л. Баторевич. Историческое значение городищ и сведения о городищах и курганах, существовавших в Волынской губернии. Волынские губ. ведомости, 1880, №№ 89, 93; 1881, №№ 27, 29; А. Сендульский. Материалы для историко-статистического описания православных церквей Волынской епархии. Волынские епарх. ведомости, 1870, №№ 5, 6; 1871, № 3; 1873, №№ 19, 20; 1874, № 11; 1875, № 21; 1877, № 14; 1878, №№ 13, 19; 1880, №№ 5, 13; 1882, № 9; Л. Рафальский. Путешествие по Кременецкому уезду Волынской губернии. Приложение к Волынским епархиальным ведомостям за 1876 г., и др.

[11] Например: Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym. Przez T. J. Steckiego. Lwów, t. 1, 1864; t. 2, 1871.

[12] В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. Тр. XI АС, т. I, М., 1901.

[13] Е. Сецинский. Археологическая карта Подольской губернии. Тр. XI АС, т. I, М., 1901.

[14] О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957. — Очень полезна также сводка археологических материалов Волыни, составленная А. Цинкаловским (A. Cynkałowski. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. Warszawa, 1961).

[15] Z. Rajewski. Sprawozdanie z badań na grodach czerwieńskich. Sprawozdania archeologiczne, t. II. Wrocław, 1956; K. Jaźdźewski. Ogólne wiadomości o Czermnie—Czerwienu. Archeologia Polski, t. IV, z. 1, Warszawa, 1959; A. Poppe. Gród Wołyń. Studia wczesnośredniowieczne, t. IV, Wrocław—Warszawa, 1958.

ским раскопкам подвергся небольшой пограничный городок Сутейск.[16]

История археологического изучения территории Черной Руси имеет много общего с историей изучения Волыни. Здесь в XIX в. также имело место некоторое оживление историко-краеведческих интересов главным образом к памятникам церковной древности. Итоги обследования этой территории были отражены в археологической карте, составленной Ф. В. Покровским.[17] В дальнейшем, как и на Волыни, археологические исследования здесь почти совершенно не проводились. За годы, когда территория Черной Руси находилась под властью буржуазной Польши (1919—1939 гг.), были проведены серьезные раскопки только в одном из важнейших древнерусских городов этого края — в Гродно. Однако раскопки одного города не могли изменить общей картины почти полной археологической неизученности данного района. «Можно сказать без преувеличения, что территория Черной Руси в смысле ее археологического освоения отстала на полвека от других областей СССР».[18]

Положение коренным образом изменилось после воссоединения территории Черной Руси с Советской Белоруссией. За это время были завершены раскопки в Гродно, проведены раскопки в Новогрудке, Волковыске, Слониме, началось систематическое обследование археологических памятников этого района.[19]

Иной характер имело изучение городищ древней Галицкой земли. Территория Галиции в XIX в. входила в состав Австро-Венгерской империи; увлечение памятниками русской старины здесь не только не встречало правительственной поддержки, но рассматривалось как крайне нежелательное явление, как нелойяльное отношение к существующей власти. В известной мере австрийские чиновники были в этом отношении правы, так как изучением русских древностей занимались в Галиции главным образом люди, мечтавшие о воссоединении этого края с Россией.[20] Несомненно, что энтузиасты-исследователи принесли определенную пользу изучению истории и исторической географии Галицкой земли, однако сделано было все же очень немного. Изданная в 1918 г. сводка Б. Януша свидетельствует о крайне плачевном положении — почти полном отсутствии археологических данных по всей территории древней Галицкой Руси.[21]

Не произошло существенных изменений в археологическом изучении этого края и в годы польского владычества (1919—1939 гг.). За этот период лишь несколько западноукраинских археологов проводили здесь работы очень ограниченного масштаба.[22]

Археологические раскопки на территории древней Галицкой земли начались по существу лишь после воссоединения Галиции с Советской Украиной. В 1939—1941 гг. были осуществлены исследования в Галиче.[23] После Великой Отечественной войны работы в Галиче возобновились, проведены также раскопки в Звенигороде, на городище в Судовой Вишне.[24] Общий объем этих работ пока еще очень невелик; исследования только начинаются. По степени археологической изученности Галицкая земля занимает, по-видимому, последнее место среди всех территорий древнерусских княжеств, уступая в этом отношении даже Волыни.[25]

---

[16] Z. Wartolowska. Gród czerwieński Sutiejsk na pograniczu Polsko-Ruskim. Warszawa, 1958.

[17] Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губернии. Вильна, 1895.

[18] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. М., 1954, стр. 11.

[19] Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962; Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Археологическое изучение древнерусского города, стр. 8.

[20] Ф. Ф. Аристов. Карпато-русские писатели, т. 1. М., 1916, стр. 25. — Очень характерной фигурой среди галицийских историков был Д. И. Зубрицкий (см.: Русский биографический словарь. Том «Жабокритский—Зяловский». Пгр., 1916, стр. 549).

[21] B. Janusz. Zabytki przedhistoryczne Galicyi Wschodniej. Lwow, 1918.

[22] См., например: J. Pasternak. Ruské Karpaty v archeologii. Praha, 1928; Я. Пастернак. Коротка археологія західно-українських земель. Львів, 1932.

[23] Я. Пастернак. Старий Галич. Краків—Львів, 1944.

[24] Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Археологическое изучение древнерусского города, стр. 4.

[25] О том, что городища Галицкой земли в основном даже не обследованы, писал в 1939 г. Р. Якимович (Encyklopedia Polska, t. IV, c. 1. Kraków, 1939—1948, стр. 418). О том же говорит и М. Смишко: «Советская часть карпатского подгорья принадлежит к наименее изученным в археологическом отношении районам Украинской ССР»

Особо следует отметить начало систематических археологических работ по исследованию городищ на территории современной Молдавии — древнего Понизья, где древнерусские памятники до этого вообще не были известны.[26]

Специальным изучением памятников военного зодчества западнорусских земель до сих пор никто не занимался. Конечно, в ряде случаев одновременно с археологическими раскопками на поселениях производилось и исследование их оборонительных сооружений. Обследовали плановую структуру городищ, кое-где изучали и оборонительные конструкции. Так, археологи обнаружили и частично раскрыли внутренние деревянные каркасы в валах древнего Минска, Сутейска, на городищах в Судовой Вишне, в Ленковцах, в Екимауцах. Раскопаны и исследованы оборонительные сооружения на маленьком городище Церковище под Смоленском. Собраны и опубликованы сведения об археологических и реставрационных работах по каменным башням в Каменце-Литовском, Столпье и Белавине, по каменным стенам в Гродно.

Однако ни в одной из этих работ не ставилась задача общего изучения западнорусских оборонительных сооружений. Да и материалов для такого изучения было ничтожно мало. Лучше всего об этом свидетельствует сводка сведений по оборонительным сооружениям Галицко-Волынской Руси, составленная А. А. Ратичем.[27] Между тем без знания памятников военного зодчества, игравших в эпоху средневековья такую огромную роль в жизни страны, картина истории культуры всегда будет неполной.

Настоящая работа ставит своей задачей собрать возможно больше сведений о памятниках военного зодчества западнорусских земель, выявить специфические особенности этих памятников, отличающие их от оборонительных сооружений других районов древней Руси, и хотя бы в самой общей форме обрисовать картину развития военного зодчества в западнорусских княжествах в X—XIV вв.

Будучи посвящена изучению памятников западнорусских земель, данная книга вместе с тем является третьим, завершающим томом более общей работы, посвященной истории древнерусского военного зодчества в целом. В первом томе («Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.») рассматриваются в основном памятники Киевской земли и Поднепровья,[28] во втором («Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.») — памятники северных районов Руси.[29]

(М. Ю. Смишко. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ, 1960, стр. 5).

[26] Г. Б. Федоров. Славяне Поднестровья. В сб.: По следам древних культур. Древняя Русь, М., 1953.

[27] О. О. Ратич. До питання про розташування і оборонні споруди древньоруських городів південно-західної Русі. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 5, Київ, 1964.

[28] П. Раппопорт. Очерки I.

[29] П. Раппопорт. Очерки II.

ПЛАНИРОВКА ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Планировка — одна из важнейших черт каждого оборонительного сооружения. Именно план укрепления определяет основные тактические особенности организации его обороны. Поэтому при изучении оборонительных сооружений одной из первых задач, как правило, является выяснение основных принципов их планировки. Такая задача может быть решена в основном без существенных раскопочных работ одним лишь обследованием поверхности городища и тщательным его обмером.

Однако все это относится лишь к однослойным памятникам военного зодчества, т. е. к памятникам, где датировка оборонительных сооружений (хотя бы приблизительная) не вызывает никаких сомнений. Между тем очень часто встречаются городища, жизнь на которых протекала в течение нескольких исторических периодов и оборонительная система которых далеко не всегда целиком относится к какому-либо одному из этих периодов заселения. Такие памятники до их тщательного исследования должны быть исключены из рассмотрения, чтобы не исказить картины развития древнерусского военного зодчества. В особенности это относится к тем городищам, оборонительная система которых была создана в дославянский период, а использовалась и в эпоху древней Руси.

К сожалению, расчленение городищ и их оборонительных сооружений на исторические периоды далеко не всегда возможно без серьезных раскопок. До сих пор продолжает существовать множество малопроверенных памятников, использование которых в исследованиях может привести к грубым искажениям исторической картины. Хорошим примером этого служит история изучения небольшого древнерусского города Плеснеска, расположенного на территории огромного городища скифского времени и на этом основании ошибочно принятого исследователем за один из крупнейших городов древней Руси.[1]

В эпоху древней Руси наличие большой площади укреплений (более 2—3 га) и большой протяженности валов и рвов (более 200—300 м) обязательно было связано с существованием довольно значительного города. Если же большое городище не имеет на всей своей площади интенсивного древнерусского культурного слоя и не может быть связано с каким-нибудь известным по письменным источникам городом, то возникает предположение, что городище это относится к эпохе раннего железа, даже если на какой-то части его и имеется культурный слой древнерусского времени.

Сложность отделения остатков древнерусских укреплений от укреплений предшествующей поры усугубляется тем обстоятельством, что городища эпохи раннего железа на территории западных районов Украины часто совершенно лишены культурного слоя. Поэтому наличие на городище культурных остатков исключительно древнерусского периода еще не гарантирует, что городище это действительно относится к данному времени и не имеет валов и

[1] П. А. Раппопорт. К вопросу о Плеснеске. СА, 1965, № 4, стр. 92.

рвов, созданных за 1000 лет до того, как здесь возникло русское поселение.

Тщательное сравнение оборонительных сооружений эпохи древней Руси и эпохи раннего железа показывает, что между ними имеются существенные различия как в плановой структуре, так и в деталях устройства валов и рвов. В древнерусских укреплениях валы, как правило, расположены по краям защищаемой площадки, в более древних памятниках — часто на склонах, значительно ниже края площадки. Нехарактерно для древнерусских укреплений устройство валов и рвов, спускающихся вниз по склону от верхней площадки к основанию, а также слияние нескольких линий валов и рвов. Нехарактерно для древней Руси и сооружение многорядной системы валов и рвов, среди которых некоторые ряды имеют вид самостоятельных коротких отрезков, не доходящих концами до естественных оборонительных рубежей (склонов, оврагов) и не защищающих целиком всей напольной стороны укрепления. При наличии оборонительной линии, состоящей из нескольких параллельных валов, в древнерусских укреплениях внутренний вал обычно имеет наибольшую высоту, в то время как в валах предшествующей поры иногда превалирует передний вал или один из средних валов. Следует добавить, что в эпоху древней Руси многорядная система валов вообще применялась довольно редко, причем параллельных валов было не больше трех или очень редко четырех. Наличие же нескольких (более двух) самостоятельных укрепленных площадок почти безусловно свидетельствует о нерусском происхождении городища, поскольку древнерусские укрепления имели не больше двух площадок, в редчайших случаях — трех; при этом валы всех укрепленных площадок отличались совершенно самостоятельным характером и нигде не соединялись друг с другом.

Выше было указано на сложность расчленения городищ разных эпох. Еще труднее определить время различных участков валов и рвов на городищах, относящихся к нескольким историческим периодам. Поэтому для общих выводов о развитии плановой структуры оборонительных сооружений можно использовать только материал, не вызывающий никаких сомнений в отношении своей этнокультурной принадлежности и датировки.

II. ГАЛИЦКАЯ ЗЕМЛЯ

1

Среди городищ, расположенных на территории древней Галицкой земли, к сожалению, лишь очень небольшая часть подверглась предварительному обследованию, а детально исследованных пока еще совсем мало. К тому же именно на галицкой территории особенно велик процент городищ, которые, возможно, были сооружены еще в эпоху раннего железа, но позднее, в древнерусскую пору, были вновь заселены. Таковы, по-видимому, такие крупные городища, как Кульчицы близ Самбора,[2] Городница на Днестре,[3] Капустинцы над р. Серет,[4] Приворотье близ Каменца-Подольского.[5] К памятникам, вызывающим сильное сомнение в их древнерусской принадлежности, относятся городище Быч в районе Дрогобыча,[6] защищенное пятью валами городище Мушкатовка в Тернопольской области,[7] городища Бильче Золотое,[8] Рокитно,[9] Ми-

[2] Там же, стр. 102; см. также: В. Кобильник. Відкриття доісторичних землянок в Кульчицях. Літопис Бойківщини, ч. 3, Самбір, 1934, стр. 12.

[3] П. А. Раппопорт. К вопросу о Плеснеске, стр. 102.

[4] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.

[5] Там же; Е. Сецинский. Археологическая карта Подольской губернии. Тр. XI АС, т. I, М., 1901, рис. 10 на стр. 331 (план, опубликованный Е. Сецинским не соответствует действительности); Киевская старина. Киев, 1899, февраль, Археологич. летопись, стр. 99.

[6] Публикация этого городища: К. В. Берякович. Роботи прикарпатської археологічної експедиції в 1956—1957 рр. Львівський державний історичний музей. Археологічні роботи музею в 1952—1957 рр., Львів, 1959, стр. 33.

[7] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.; K. Majewski. Badania terenowe zakładu arch. klas. U. J. K. w powiecie Borszczowskim. Eos. Kwartalnik klasiczny. Lwów, 1938, стр. 7.

[8] W. Antoniewicz. Sprawozdanie z delegacyj na Podole i do Wilna. WA, t. VI, 1921, стр. 186.

[9] А. А. Ратич. Городища Росточья. КСИАУ, вып. 12, 1962, стр. 88.

хальче[10] и целый ряд других. К сомнительным следует, видимо, отнести и некоторые маленькие городища на горах, лишенные культурного слоя, — Лопушна, Спас, Фитьков и др.[11] Нельзя также быть вполне уверенным в том, что древнерусским является небольшое, но сильно укрепленное городище в с. Малые Грибовичи близ Львова.[12] Неясно, все ли четыре вала на городище Ветжно-Бубрка в районе Перемышля были сооружены в эпоху средневековья и не относится ли какая-то часть этих валов к лужицкой культуре.[13] Количество примеров таких сомнительных городищ можно легко увеличить.

К этому следует добавить, что некоторые городища, которые считались древнерусскими, оказались остатками замков XVI—XVII вв.[14]

Таким образом, значительная часть городищ на территории Галицкой земли не может быть использована при изучении памятников древнерусского зодчества. Однако даже сравнительно небольшое количество галицких городищ, безусловно относящихся к древнерусской эпохе, дает возможность сделать кое-какие выводы об их типологии и о развитии плановой структуры.

2

К наиболее примитивному типу оборонительных сооружений, со всех сторон защищенных естественными оборонительными рубежами, относится укрепление близ с. Урыч.[15] В 1 км к северо-востоку от села имеется несколько групп высоких скал. На одной из них и сохранились остатки древней крепости. Площадка, зажатая между четырьмя скалами, расположена на высоте около 55 м над уровнем прилегающей долины и имеет очень небольшой размер — приблизительно 18 × 22 м. Подъем на площадку со всех сторон очень крутой, и проходы идут между отвесными скалами. Культурный слой на площадке относится к X—XI вв. В середине XIV в. здесь были возведены каменные стены крепости Тустань. Каковы были искусственные оборонительные сооружения в X—XI вв., неизвестно. Однако само расположение раннего поселения на небольшой и очень хорошо естественно защищенной площадке несомненно свидетельствует, что такие сооружения должны были существовать.

На высокой горе с крутыми склонами был расположен и древний Львов. Следов укреплений здесь не сохранилось, но общая схема обороны достаточно ясна. О высоте и труднодоступности Замковой горы, на которой находился детинец Львова, можно судить, например, по изображению на рисунке 1617 г., в пояснении к которому указано, что замок «в хороший день видно за 10 миль от Львова».[16] Судя по археологическим раскопкам, проведенным на горе, поселение на этом месте существовало уже в X—XI вв.; в середине XIII в. Даниил Галицкий построил здесь новый город и дал ему название Львов в честь своего сына Льва.[17]

Двумя перечисленными памятниками по существу ограничивается число галицких городищ, занимающих естественно защищенные со всех сторон вершины. Близко к ним по плановой схеме также расположенное на вершине холма городище в с. Завадов, северо-западнее Львова.[18] С трех сторон оно защищено крутыми склонами и только с одной, восточной, стороны не имеет естественной защиты. Близкая по форме к эл-

[10] О. О. Ратич. Археологічна розвідка на верхньому Дністрі в 1949 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. V, Київ, 1955, стр. 163.

[11] П. Раппопорт. Отчет 1962 г.; П. А. Раппопорт и М. В. Малевская. Обследование городищ Прикарпатья и Закарпатья на территории Советского Союза (итоги работ 1962 года). Acta archaeologica Carpathica, t. V, f. 1—2, Kraków, 1963, стр. 67.

[12] М. Смишко. Сліди прадавнього поселения на Чорній Горі. Наша батьківщина, ч. 4—5, Львів, 1937, стр. 93; А. А. Ратич. Городища Росточья, стр. 89.

[13] A. Żaki. Wietrznów — wczesnośredniowieczny gród graniczny w świetle badań lat 1952—1953. WA, t. XXIV, z. 1—2, 1957, стр. 1; Z. Woźniaki A. Żaki. Dalsze elementy zabytkowe grodziska Wietrzno-Bóbrka. Acta archaeologica Carpathica, t. I, f. 1, Kraków, 1958, стр. 122; J. Piaskowski i A. Żaki. Żelazna siekierka «halsztacka» z grodziska Wietrzno-Bóbrka. Там же, t. III, f. 1—2, 1961, стр. 179.

[14] Это доказал И. К. Свешников (І. К. Свешніков. Археологічні роботи Львівського історичного музею в 1952—1957 рр. Львівський державний історичний музей. Археологічні роботи музею в 1952—1957 рр., стр. 13).

[15] П. Раппопорт. Отчет 1962 г.

[16] Z. Gloger. Geografia historyczna ziem dawney Polski. Kraków, 1900, стр. 216.

[17] О. О. Ратич. Древньоруські матеріали з розкопок 1955—1956 рр. на Замковій горі у Львові. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 3, Київ, 1961, стр. 126.

[18] А. А. Ратич. Городища Росточья, стр. 89.

липсу площадка этого городища (размером 65 × 45 м) окружена по периметру валом высотой около 3 м. Перед валом кое-где видны остатки рва. Очень возможно, что вого типа. Среди них одним из наиболее древних является городище в с. Нижний Струтин.[19] Оно расположено на суглинистом холме, на мысу при впадении ручья Дуб-

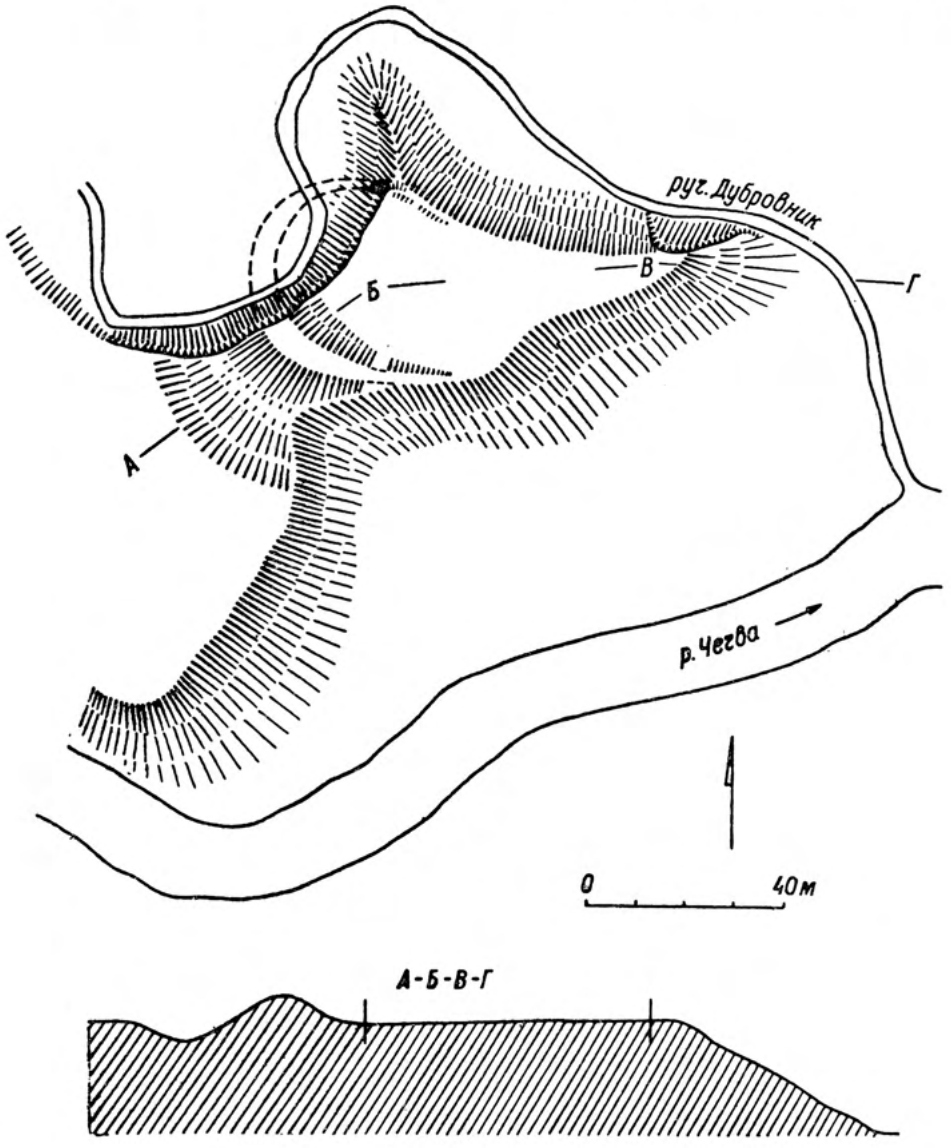

Рис. 1. Городище в с. Нижний Струтин.

округлая форма площадки в данном случае не целиком продиктована естественной формой всхолмления, а является сознательным замыслом строителей. Городище относится к X—XI вв.

Гораздо более широко были распространены в Галицкой земле укрепления мысо- ровник в р. Чечву (рис. 1). Площадка городища лежит на высоте 18 м над рекой и имеет неправильную форму, соответствую-

[19] Я. Пастернак. Струтинське городище. Літопис Бойківщини, ч. 10, Самбір, 1938. — В публикации Я. Пастернака имеются неточности. Так, изданный им план городища очень схематичен,

щую форме холма. Со стороны ручья значительная часть городища подмыта водой и разрушена. Вал сохранился только с напольной стороны, однако частично он при-

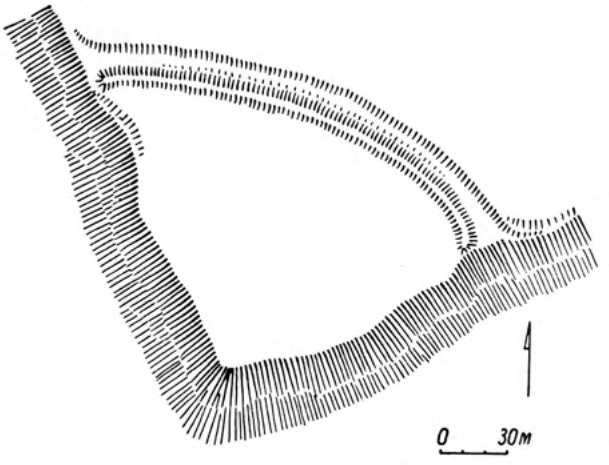

Рис. 2. Городище у с. Пилипы Хребтиевские.

крывает также южную сторону площадки; возможно, что первоначально он несколько заходил и на северную ее сторону. Высота вала около 5 м; перед ним прорыт ров шириной около 20 м при глубине 4 м. Площадка городища имеет в длину 75 м. Судя по археологическому материалу, это укрепленное поселение существовало уже в X в.

Не менее характерный пример — городище у с. Пилипы Хребтиевские в Галицком Понизье.[20] Городище это расположено на высоком скалистом мысу, ограниченном с боковых сторон огромными оврагами, имеющими крутые склоны (рис. 2). С напольной стороны площадка прикрыта дугообразными валом и рвом. Высота вала от дна рва около 2.5 м. Площадка ровная, заметно понижающаяся в сторону мыса; длина ее 110 м при наибольшей ширине 180 м. Археологический материал на городище относится к X в.

Быть может, к еще более раннему времени, к IX—X вв., относятся несколько простейших мысовых городищ на территории Северной Буковины. Городище близ с. Балаа вал, отмеченный вдоль боковых сторон городища, в действительности оказался выбросом земли из позднейшей траншеи (см.: П. Раппопорт. Отчет 1962 г.; П. А. Раппопорт и М. В. Малевская. Обследование городищ..., стр. 63).

[20] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.

мутовка расположено на высоком мысу и укреплено с наполья дугообразными валом и рвом.[21] Высота вала до 2.5 м, а глубина рва около 1 м. Городище имеет в длину всего около 40 м. Почти идентично по схеме организации обороны городище у с. Червона Диброва, где вал, однако, сильно распахан и имеет в настоящее время высоту всего около 0.5 м.[22] На обоих этих городищах культурный слой находится не на самих городищах, а на прилегающих к ним селищах.

К памятникам несколько более позднего времени, относящимся к такому же простейшему варианту мысового типа укреплений, принадлежит городище у с. Гологоры.[23] Оно расположено на высокой горе и занимает мыс неправильной треугольной формы (рис. 3). Площадка городища имеет размер 130 × 90 м, края ее неровные и не всюду достаточно точно определяются. Вся площадка заметно понижается в сторону конца мыса. С напольной стороны городище защищено дугообразным валом и рвом. Высота вала до 3 м, глубина рва около 2 м.

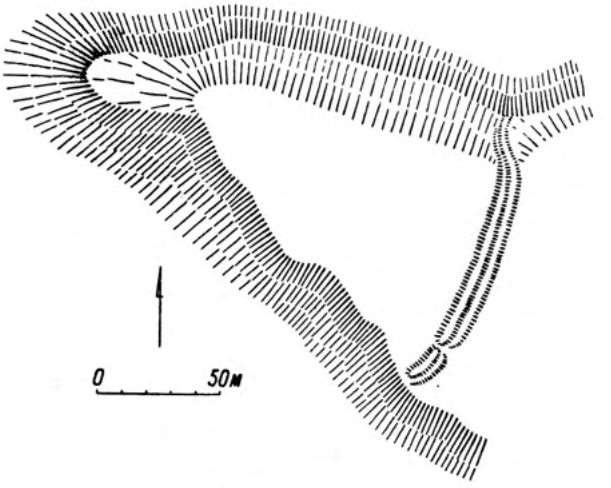

Рис. 3. Городище у с. Гологоры.

В южной части вала имеется проезд. По-видимому, данное городище является остат-

[21] Б. А. Тимощук. Славянские поселения IX—X вв. на территории Северной Буковины. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 86.

[22] Там же, стр. 87.

[23] П. Раппопорт. Отчет 1962 г.; П. А. Раппопорт и М. В. Малевская. Обследование городищ..., стр. 66.

ками замка Голые Горы, принадлежавшего боярину Климяте и упоминаемому в летописи под 1231 г.[24] На городище обнаружен археологический материал XII—XIII вв.

и оборонительные сооружения его не сохранились.[25]

К очень простому варианту мысового типа относится городище Замчище в с. Ва-

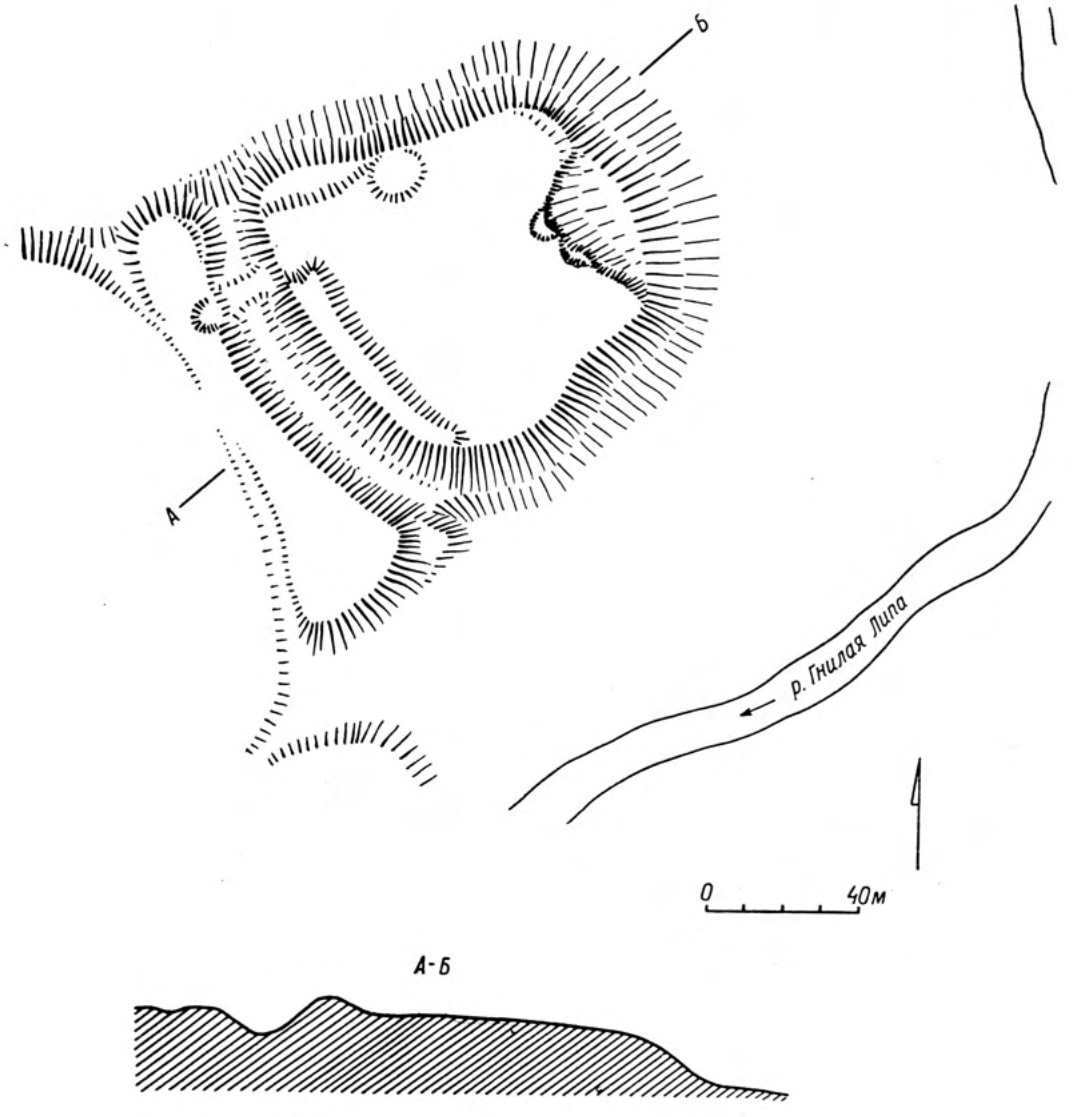

Рис. 4. Городище Замок в с. Подгородье.

Мысовую схему имеет также 2-е городище в г. Судовая Вишня, датируемое XII—XIII вв. и расположенное при слиянии ручья с р. Вишней. Городище распахано

силеве над Днестром, представляющее собой остатки известного по летописи города Ва-

[24] Ипатьевская лет., 6739 г.

[25] А. А. Ратич. Древнерусские городища в Судовой Вишне. Тез. докл. сов. делег. на Межд. конгр. слав. археол., М., 1965, стр. 51.

силёва.[26] Здесь площадка городища занимает мыс, ограниченный с трех сторон склонами, а с четвертой, напольной, стороны — валом и рвом, от которых в настоящее время сохранились лишь слабые следы. Такую же схему имеет и городище Щовб на Днестре.[27] Напольный вал его слегка дугообразной формы; культурный слой относится к XI—XIII вв.

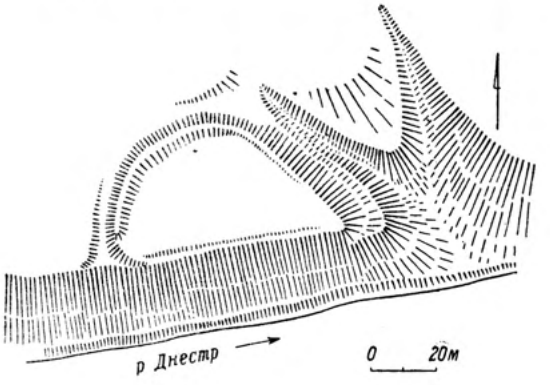

Рис. 5. Городище у с. Гринчук.

Городище Замок в с. Подгородье находится в 2 км от современного города Рогатина и, по-видимому, представляет собой остатки первоначального укрепления этого города. В письменных источниках город Рогатин начинает упоминаться лишь со второй половины XIV в., но на городище, кроме археологического материала XIV в., обнаружен культурный слой, относящийся к XII—XIII вв. и даже частично к XI в.[28] Городище расположено на мысу, поднимающемся на 15 м над долиной р. Гнилой Липы (рис. 4). Площадка, имеющая неправильную форму, ровная, слегка понижающаяся в сторону мыса. Размер площадки 70 × 80 м; с напольной стороны она защищена валом слегка дугообразного очертания и высотой около 4 м. Перед валом проходит ров. Въезд на площадку проходит у северного торца вала, однако возможно, что этот въезд, так же как и второй, наружный, ров городища, относится к более позднему времени.

Очень типичный пример мысового укрепления — городище у с. Гринчук в Галицком Понизье.[29] Оно занимает мыс на плато высокого левого берега Днестра, при выходе к берегу небольшого оврага (рис. 5). Площадка городища имеет приблизительно треугольную форму и защищена с напольной стороны дугообразным валом высотой до 1.7 м. Перед валом видны остатки заплывшего рва. Слабые следы валов сохранились также и вдоль боковых сторон городища; по-видимому, первоначально вал окружал площадку по всему периметру, хотя с напольной стороны он был значительно выше,

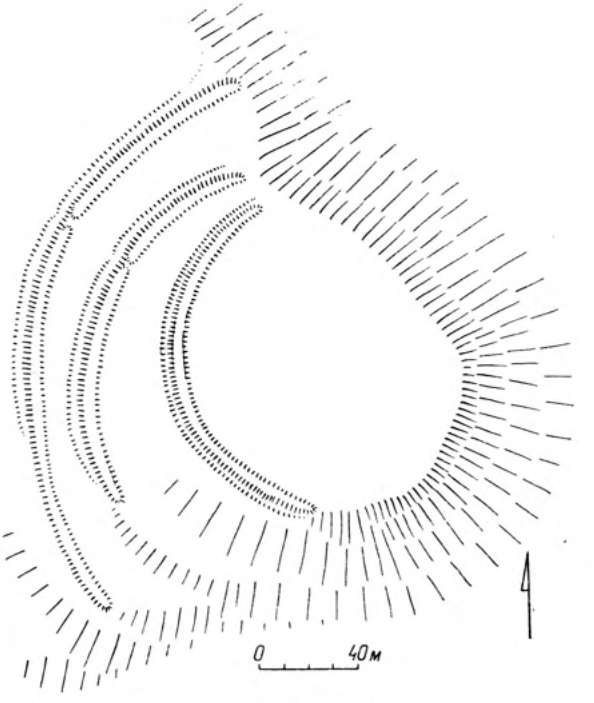

Рис. 6. Городище у с. Большой Карабчеев (по Д. Мачинскому).

чем с остальных сторон. Площадка слегка понижается к востоку. Размер ее: длина 60 м, наибольшая ширина 35 м. Археологический материал свидетельствует, что укрепленное поселение возникло еще в XI в., но основная масса находок принадлежит XII—XIII вв.

[26] Б. О. Тимощук. Археологічні пам'ятки с. Василева. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 397. — Расположенное поблизости городище Хом относится, как выяснилось, к эпохе раннего железного века и не имеет отношения к древнему городу Василёву (П. Раппопорт. Отчет 1965 г.).

[27] Б. А. Тимощук. Древнерусские поселения Северной Буковины. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 111.

[28] П. Раппопорт. Отчет 1962 г.; П. А. Раппопорт и М. В. Малевская. Обследование городищ. . ., стр. 66.

[29] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.

Среди мысовых городищ Галицкой земли встречаются примеры укреплений, защищенных с напольной стороны не одним, а несколькими валами. Таково, например, городище у с. Большой Карабчеев на р. Смотрич.[30] Здесь площадка расположена

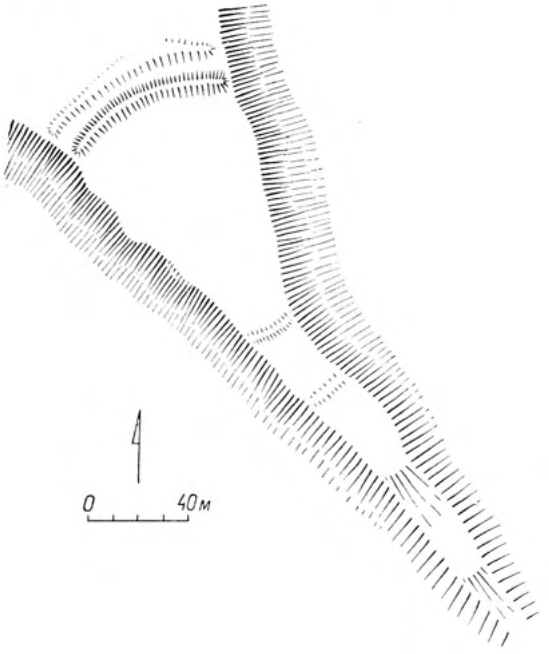

Рис. 7. Городище у с. Калюс.

на мысу горы, поднимающейся примерно на 50 м над долиной, и ограничена с наполья тремя линиями валов и рвов (рис. 6). Валы имеют в высоту до 3 м, глубина рвов до 1.4 м. Размер площадки городища 110 × × 90 м; археологический материал относится к XI—XIII вв.

Вариант мысовой схемы укрепления представляет собой городище у с. Калюс — остатки города Калиус.[31] Здесь площадка городища расположена на высоком скалистом отроге; с напольной стороны она защищена дугообразным валом и довольно глубоким рвом (рис. 7). Перед рвом, видимо, проходил второй, наружный, вал очень незначительной высоты. Конец гряды, на которой находится городище, имеет вид очень узкой, понижающейся полосы. Этот узкий конец не был включен в защищенную площадку; он был отрезан от нее двумя короткими отрезками валов, лежащими на расстоянии 30 м один от другого. Боковые стороны не имеют валов и ограничены крутыми и очень высокими склонами. Длина площадки 100 м, ширина ее от 22 до 70 м. На основании археологического материала и письменных источников существование города Калиус следует относить к XII—XIII вв.

Другим вариантом мысового типа можно считать укрепления, которые расположены в перешейке речной петли. Таково, например, городище у с. Карачковцы.[32] Оно занимает невысокую площадку в петле, образуемой р. Смотрич и впадающим в нее ручьем (рис. 8). С напольной стороны, т. е. с востока, городище отделено от соседней возвышенности оврагом, обработанным в виде рва, и высоким валом. С западной стороны, со стороны речной петли, площадка городища защищена рвом и валом, имеющим меньшую высоту, чем напольный вал. Сама площадка посередине перегорожена поперек еще одним невысоким валом, причем восточная ее часть несколько

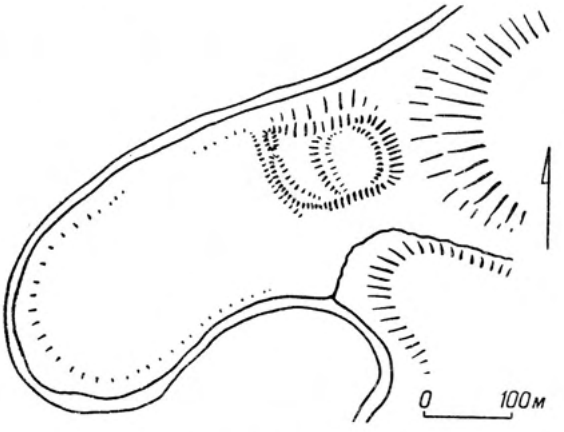

Рис. 8. Городище у с. Карачковцы (по Д. Мачинскому).

выше западной. Археологический материал на городище и на селище, расположенном в речной петле к западу от городища, относится к XI—XIII вв.

[30] М. А. Тиханова. Отчет 1961 г. Сведения руководителя разведочного отряда Д. А. Мачинского.

[31] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.

[32] М. А. Тиханова. Отчет 1961 г. Сведения руководителя разведочного отряда Д. А. Мачинского.

3

Наряду с мысовыми городищами в Галицкой земле встречаются и такие, форма плана которых не зависит от рельефа местности, а создана искусственно. Таковы округлые в плане городища. Примером может служить городище Камлай близ с. Остапковцы, расположенное на холме, возвышающемся приблизительно на 25 м над долиной р. Смотрич.[33] Площадка городища имеет круглую форму, диаметр около 80 м и окружена по периметру валом высотой до 4 м (рис. 9). Перед валом проходит ров, отсутствующий лишь с северо-восточной стороны, где к площадке вплотную подходит склон холма. С запада и юга склоны холма спускаются очень полого, там городище защищено второй линией вала и рва. Кроме того, с севера и востока имеются еще три небольших дополнительных отрезка вала. Керамика на городище относится к XI—XIII вв.

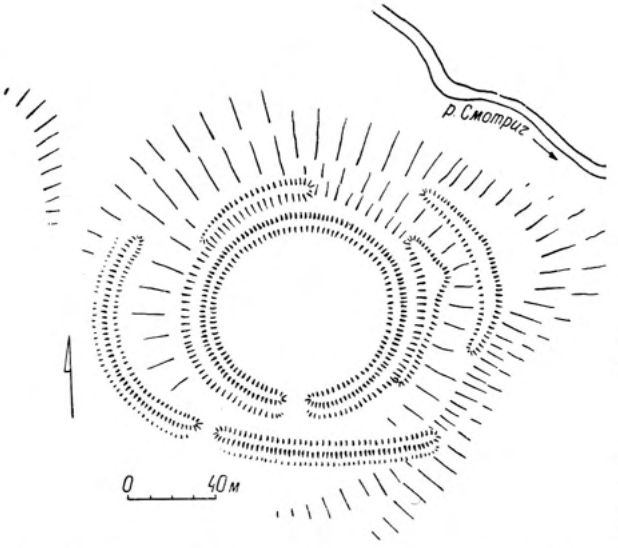

Рис. 9. Городище близ с. Остапковцы (по Д. Мачинскому).

Еще более ярким примером укрепления с искусственно приданной круглой формой является маленькое городище Замчиско у с. Городище близ г. Тернополя (рис. 10).[34] Оно занимает участок на краю высокого плато, на слегка понижающемся склоне, и имеет совершенно правильную круглую площадку диаметром около 55 м, окруженную по периметру валом. Датируется городище XII—XIII вв.

Городище Мукша расположено на мысу высокого берегового плато при впадении

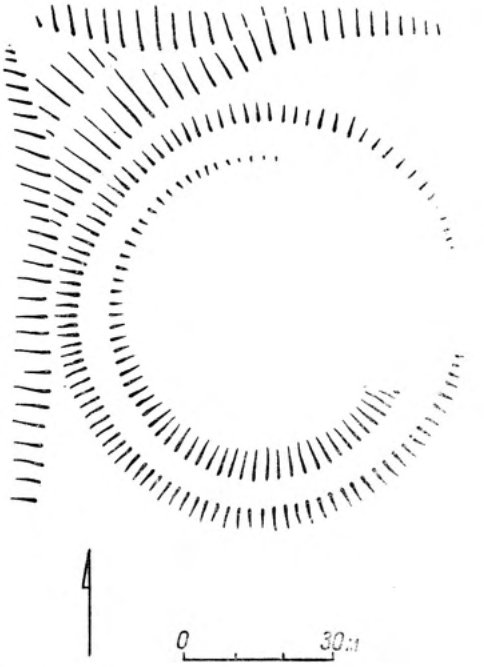

Рис. 10. Городище Замчиско у с. Городище близ г. Тернополя.

р. Мукши в Днестр (рис. 11).[35] В плане оно близко к кругу; размер площадки 45 × 55 м. Площадка ровная, слегка понижающаяся в сторону мыса. Вал имеется лишь с напольной стороны, но все края площадки очень четкие и слегка приподнятые. Высота вала до 1.6 м., глубина рва до 1 м. Со стороны мыса на склоне несколько ниже площадки проходит короткий отрезок неглубокого рва. Культурный слой на городище и на полях за рвом относится к XII—XIII вв.

Городище Ленковцы на окраине г. Черновцы имело почти правильную круглую форму, но в настоящее время от него сохранилось лишь немногим более половины; вся его южная часть срыта при прокладке дороги (рис. 12). Диаметр площадки 60 м; по периметру проходит вал высотой до 3.8 м, а перед ним сохранились остатки рва.

[33] Там же.
[34] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.
[35] П. Раппопорт. Отчет 1965 г.

Все проезды сквозь вал поздние, а древний въезд, очевидно, находился в южной части. Городище расположено на плоской

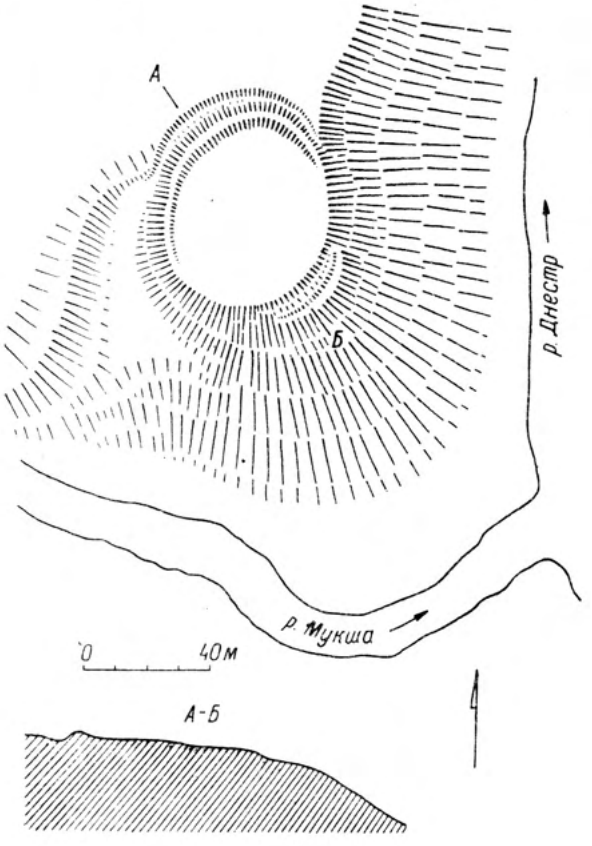

Рис. 11. Городище Мукша.

низменной местности. Укрепление было основано во второй половине XII в. и погибло во время пожара в XIII в.[36]

К городищам округлой формы относится также Замчище близ с. Олешков.[37] Оно расположено на ровной поверхности края береговой террасы старого русла Прута (рис. 13). Со всех сторон, кроме берегового склона, городище окружено хорошо сохранившимся рвом, имеющим ширину 8—10 м при глубине до 4 м. По краю площадки, за исключением стороны, обращенной к склону, проходил вал, в настоящее время сильно распаханный. С северной и северо-восточной сторон вал этот и сейчас достигает высоты 2 м. Въезд на городище расположен в его юго-восточной части; рядом с въездом имеется круглое возвышение, где, по-видимому, в древности стояла башня. Это возвышение поднимается над уровнем площадки городища на 3 м и имеет на вершине горизонтальную площадку диаметром около 3.5 м. Археологический материал на городище и прилегающем селище относится к XII—XIII вв. Форма площадки данного городища не совсем круглая: восточная сторона ее имеет явную тенденцию к прямолинейности.

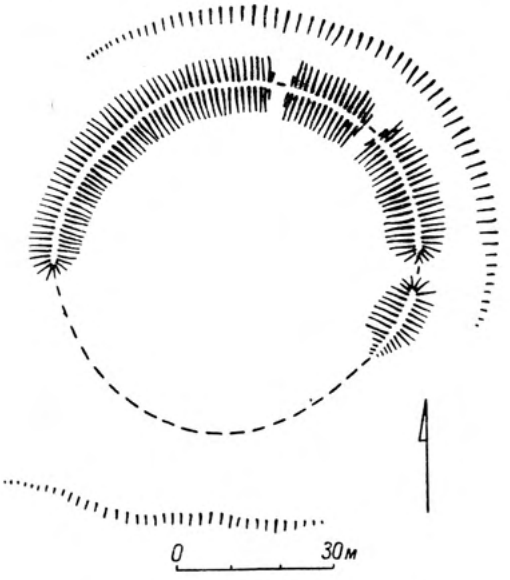

Рис. 12. Городище Ленковцы.

Еще ярче проявляется эта тенденция на 1-м городище в г. Судовая Вишня.[38] Оно распо-

[36] Б. А. Тимощук. 1) Ленковецкое древнерусское городище. СА, 1959, № 4, стр. 250; 2) Древнерусские поселения Северной Буковины, стр. 112. — Два дополнительных «уголка», примыкающих к основному валу, которые Б. А. Тимощук первоначально интерпретировал как основания башен, оказались при более детальном исследовании дополнениями, сделанными в XVII в. (Б. А. Тимощук. Оборонительный вал Ленковецкого городища. КСИА, вып. 110, 1967; см. также: П. Раппопорт. Отчет 1965 г.).

[37] П. Раппопорт. Отчет 1962 г.; П. А. Раппопорт и М. В. Малевская. Обследование городищ..., стр. 66.

[38] О. О. Ратич. Результаты досліджень древньоруського городища Замчиска в м. Судова Вишня Львівської області в 1957—1959 рр. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 4, Київ, 1962, стр. 106. — Более детальные сведения об оборонительных сооружениях этого городища см.: О. О. Ратич. До питання про розташування і оборонні споруди древньоруських городів південно-західної Русі. Там же, вип. 5, Київ, 1964, стр. 124.

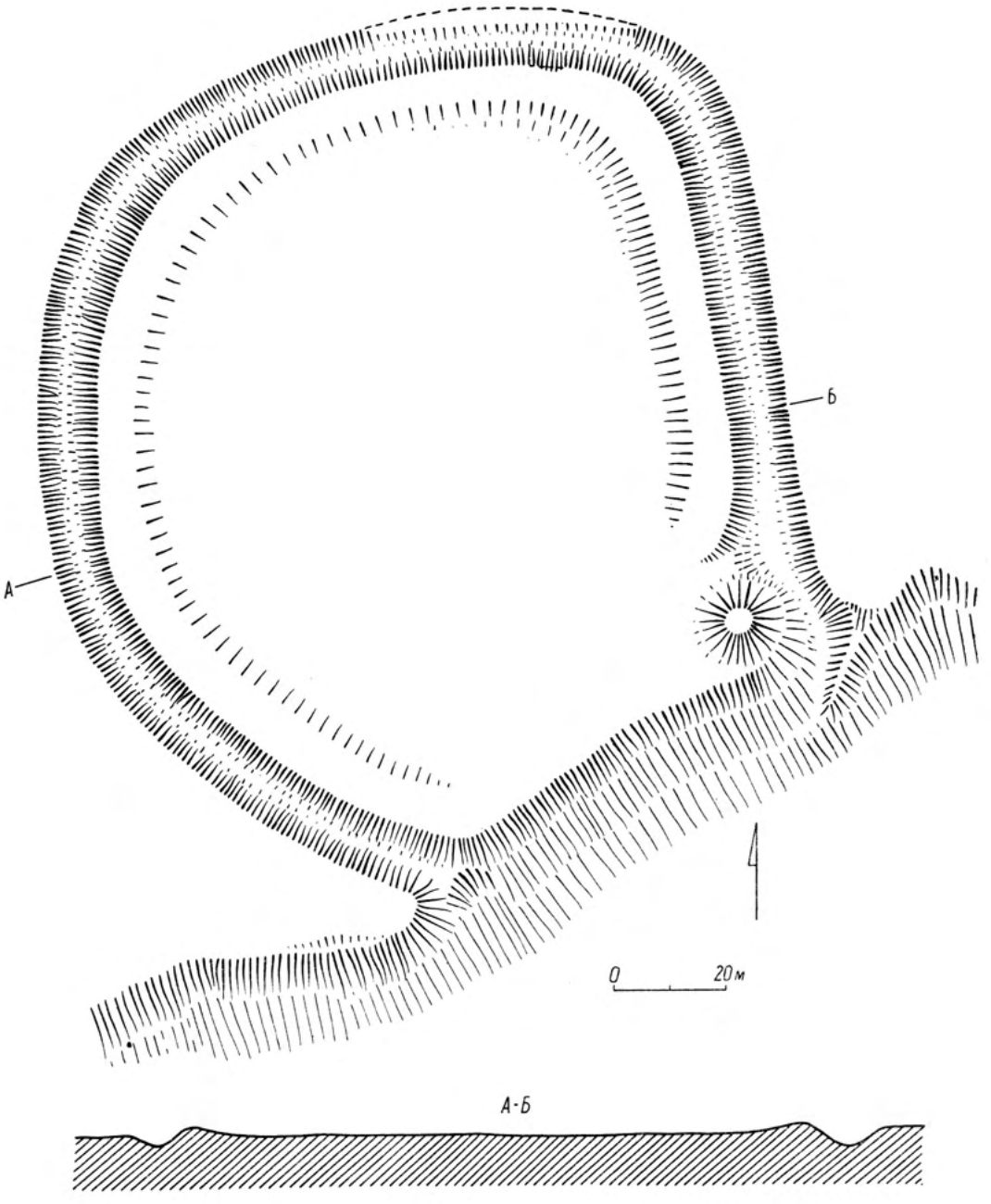

Рис. 13. Городище Замчище близ с. Олешков.

ложено на всхолмлении среди заболоченной низины, и его площадка близка по форме к квадрату со скругленными углами. По краю площадки сохранились остатки вала. Как показали раскопки, вал этот первоначально имел внутри деревянные клети, не засыпанные землей; после того как перекрытия клетей обрушились, вал, естественно, сильно оплыл. Перед валом, кроме стороны, обращенной к крутому склону всхолмления,

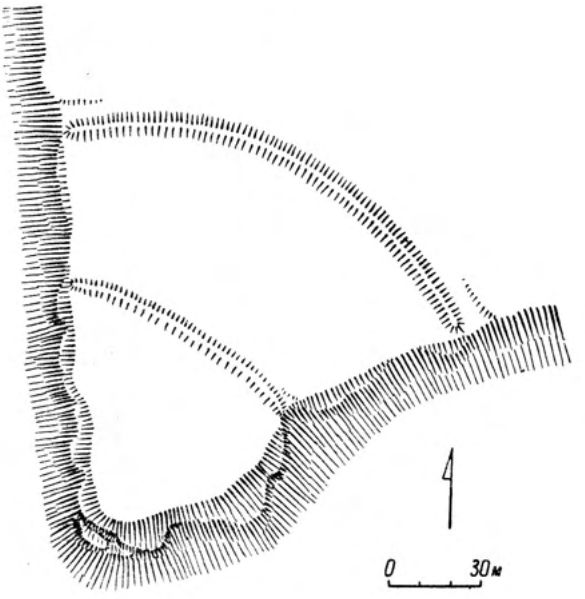

Рис. 14. Городище у с. Хребтиев.

видны следы рва. Размер площадки внутри валов около 56 м в поперечнике. На площадке имеется круглая яма, образовавшаяся, видимо, на месте древнего колодца. Время постройки укрепления — конец X—начало XI в.

4

Все перечисленные выше городища как островного и мысового типов, так и имеющие в плане искусственно приданную геометрическую форму обладают лишь одной укрепленной площадкой. Однако в Галицкой земле известны также городища, имеющие две укрепленные площадки. Они могут быть разделены на две группы: городища сложно-мысовые и сложные. К сложно-мысовым относится городище у с. Хребтиев.[39] Оно занимает треугольный мыс на высоком левом берегу Днестра (рис. 14). Южная сторона его ограничена спускающимся к Днестру склоном, а западная — таким же высоким и крутым склоном, направленным в долину небольшой речки, впадающей в Днестр. С напольной стороны городище защищено двумя дугообразными валами, расположенными на расстоянии около 50—60 м один от другого, высотой до 2 м; рвов перед ними нет. Первая (мысовая) площадка имеет в длину 60 м при наибольшей ширине 80 м, вторая — тоже 60 м в длину при наибольшей ширине 140 м. На краях городища выходящая на поверхность скала образует как бы террасу, лежащую несколько ниже края площадки. Подъемный археологический материал на городище относится к X в.

Очень похоже по плану на предыдущее городище Галица в с. Непоротово на правом берегу Днестра.[40] Оно расположено на высоком мысу и имеет две площадки, прикрытые с напольной стороны дугообразными валами, перед которыми проходят рвы. Вал внутренней площадки имеет около 1.5 м в высоту, а ров — глубину до 2.5 м при ширине 10 м. Наружный вал несколько ниже; он имеет в высоту около 1 м; в средней его части находится въезд. На самом конце мыса сохранились остатки пещерного монастыря. Судя по археологическому материалу, городище относится к XI—XIII вв.

* * *

Имеются в Галицкой земле и городища сложного типа, т. е. городища, состоящие из укрепленного центра — детинца — и прилегающей к нему второй, обычно значительно большей площадки окольного города.

По-видимому, к сложному типу следует относить Плеснеское городище. Это гигантское городище, имеющее площадь около 52 га, представляет собой памятник, относящийся к эпохе раннего железа.[41] Позднее, вероятно в IX—X вв., здесь был основан небольшой русский городок Плеснеск, который затем несколько разросся и просуществовал до XIII в. Во время его наивысшего расцвета, в XII—XIII вв., этот городок

[39] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.

[40] Б. А. Тимощук. Древнерусские поселения Северной Буковины, стр. 111.

[41] П. А. Раппопорт. К вопросу о Плеснеске, стр. 96.

имел, видимо, не одну, а две линии обороны, т. е. состоял из детинца и окольного города. Все остальные линии обороны относятся только к эпохе раннего железа и, очевидно, не были использованы в древнерусское время. Детинец Плеснеска (размером 40 × 90 м) расположен на мысу, на высокой горе с крутыми склонами. Вал и ров защищают детинец только с напольной стороны. Окольный город примыкает к детинцу с севера и также защищен с напольа валом и рвом. Валы довольно высокие — от 6 до 10 м. Площадка окольного города имеет размер приблизительно 150 × 220 м, а общая площадь той части городища, которая, по-видимому, была укрепленной в XII—XIII вв., около 4 га.

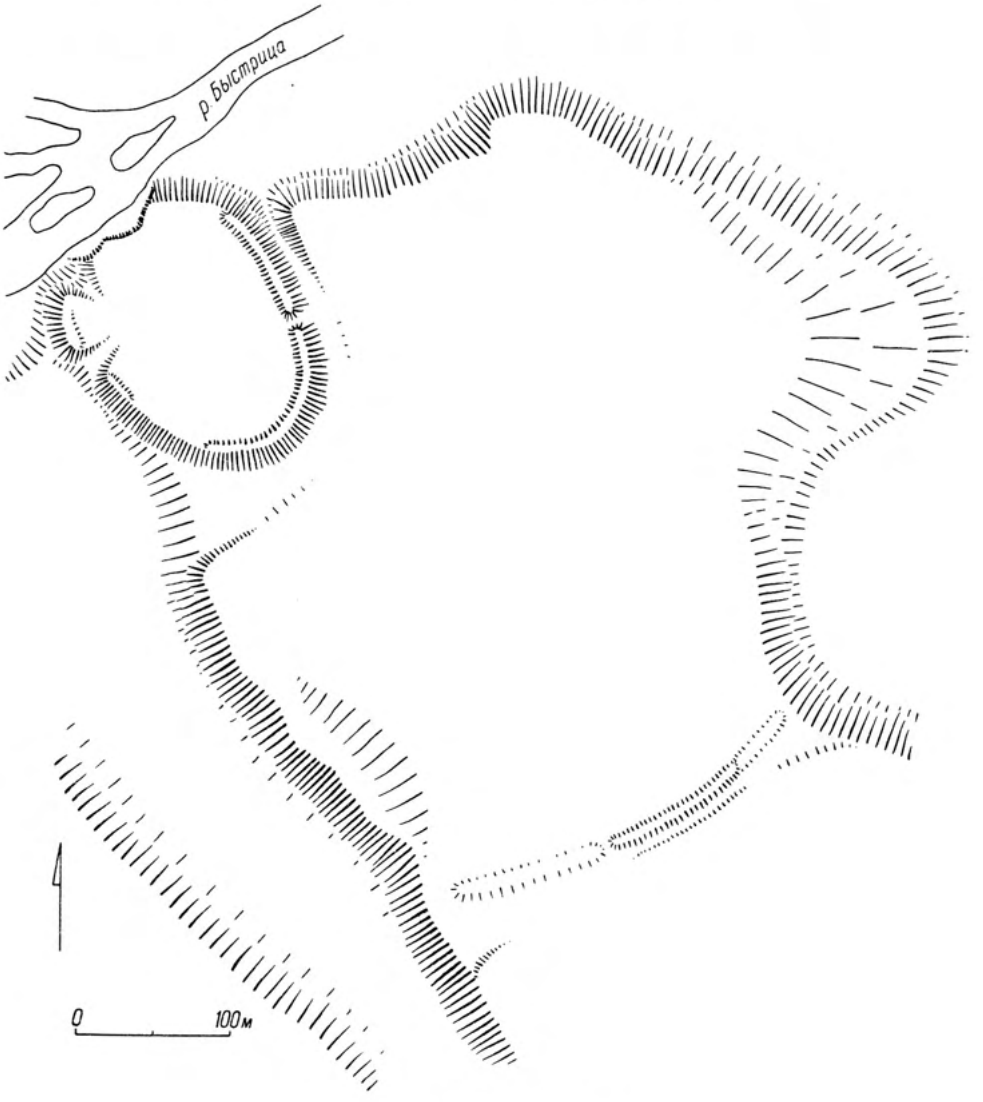

Рис. 15. Городище в с. Ступница.

К крупным городищам сложного типа в Галицкой земле относится городище в с. Ступница, состоящее из детинца и окольного города (рис. 15).[42] Детинец рас-

[42] В 30-х годах XX в. на городище проводил раскопки В. Кобыльник (В. Кобільник. З археологічних дослідів на Бойківщині. Літопис Бойківщині, ч. 2, Самбір, 1933, стр. 3), однако в его публикации имеется много неточностей (П. Ра-

положен на краю береговой террасы р. Быстрицы и поднимается над уровнем реки приблизительно на 20 м. Северный край детинца подмывается и рушится в реку. За исключением стороны, обращенной к реке, детинец был защищен по периметру валом; в юго-западной части отрезок этого вала срыт.

образные вал и ров. Площадка окольного города слегка повышается к середине. Размер площадки детинца 150 × 120 м, окольного города 350 × 400 м; общая площадь городища около 14 га. Археологический материал свидетельствует, что городище целиком относится к X—XI вв. Судя по очень боль-

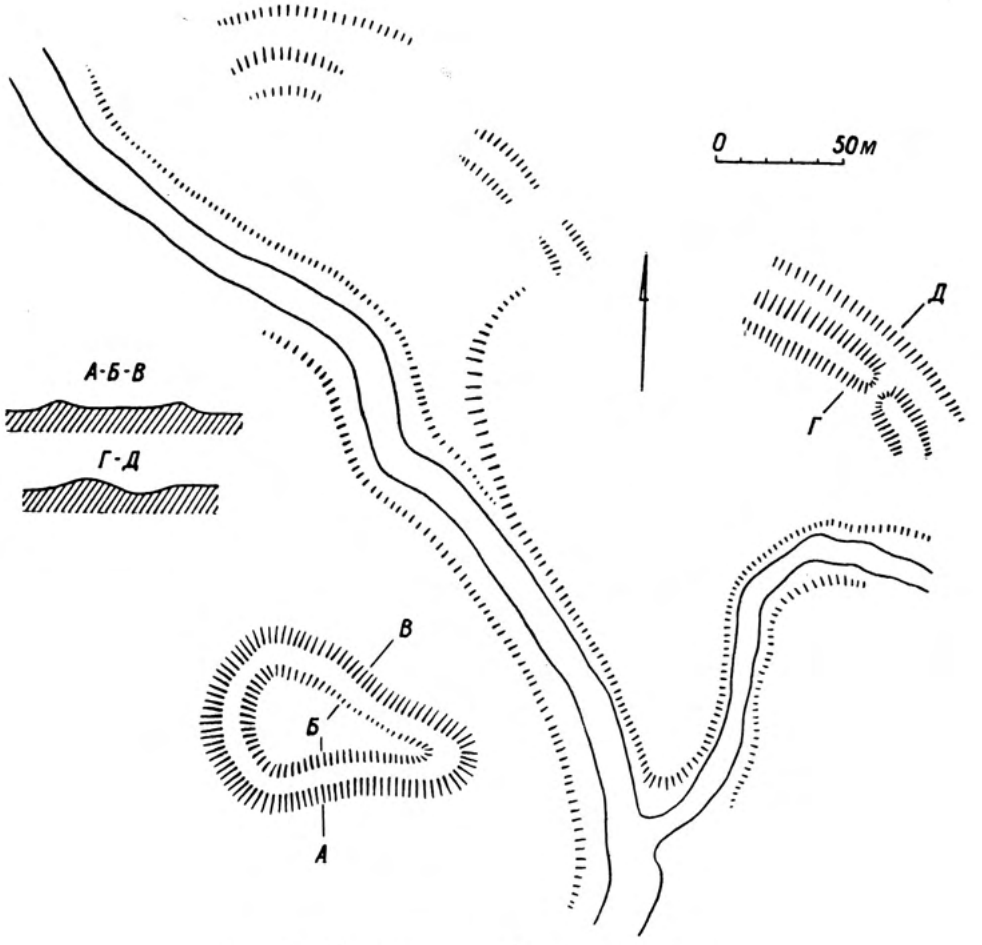

Рис. 16. Городище в с. Зеленче (Теребовль).

Перед валом с напольной стороны проходил ров, в настоящее время почти полностью запаханный. На детинец ведут два въезда — с востока и запада. С юго-востока к детинцу примыкает окольный город. Его площадка с боковых сторон прикрыта большими оврагами и имеет неправильные очертания, соответствующие естественной конфигурации склонов. Со стороны наполья проходят дуго-

шой величине городища и наличию на всей его площади интенсивного культурного слоя, Ступница была большим древнерусским городом. Город этот был заброшен в конце XI в. и поэтому не попал на страницы летописей или других письменных источников.

Значительно сложнее по организации обороны Большое городище в с. Зеленче — древний Теребовль.[43] Детинец городища зани-

попорт. Отчет 1962 г.; П. А. Раппопорт и М. В. Малевская. Обследование городищ..., стр. 64).

[43] І. К. Свешніков. Археологічні роботи Львівського історичного музею в 1952—1957 рр., стр. 12; Г. М. Власова. Бронзовые изделия

мает мыс при слиянии рр. Серета и Гнезны (рис. 16). С напольной стороны этот мыс был защищен дугообразным валом и рвом. В настоящее время вал и ров почти совершенно уничтожены; сохранился лишь участок в северо-восточной части, где вал до сих пор имеет в высоту около 3 м, а ров перед ним — глубину 2 м. С северо-запада к этой укрепленной площадке примыкает вторая площадка, тянущаяся вдоль реки и также прикрытая с напольной стороны валом и рвом. Вторая площадка более низкая; ее поверхность примерно на 1.5 м ниже первой. Общая площадь городища несколько более 2 га. Археологический материал на городище лишь в незначительной степени относится к XI в.; основная его масса принадлежит XII—XIII вв. Это хорошо согласуется с письменными источниками, в которых город Теребовль впервые упомянут в конце XI в.

Напротив основного городища, на правом берегу Серета, расположено Малое городище. Оно лежит на плоской местности и имеет форму, близкую к треугольнику. Площадка городища несколько выше окружающих лугов и по периметру окружена валом. Размер площадки 70 × 30 м. Малое городище относится к тому же времени, что и Большое. Несомненно, что оба эти городища существовали одновременно как единый военно-оборонительный комплекс.

К сложному типу относились укрепления древнего Звенигорода. Детинец этого города имел мысовую схему и довольно большие размеры — почти 3 га (рис. 17). Площадка детинца слегка возвышается над окружающей низиной; с востока она была отделена от продолжения возвышенности рвом. В начале XVIII в. на детинце была сооружена мощная земляная насыпь нового замка. При строительстве этого замка, а позднее при хозяйственных работах, проведенных в селе, были очень сильно разрушены древние оборонительные сооружения. Ни рвов, ни валов (за исключением небольшого участка в западной части детинца) не сохранилось. Совершенно не прослеживается в настоящее время и граница укреплений окольного города, примыкавшего к детинцу с востока и северо-востока. Если судить по очень приблизительному плану городища, составленному Л. Чачковским в 30-х годах XX в., когда оборонительные сооружения древнего Звенигорода, видимо, еще были заметны, общая площадь городища была равна примерно 16 га.[44]

Несомненно, что две защищенные площадки должен был иметь и другой крупнейший город Галицкой земли — Перемышль. К сожалению, оборонительные сооружения его еще не изучены и о наличии здесь окольного города можно судить пока не по реальным его остаткам, а лишь на основании косвенных данных.[45]

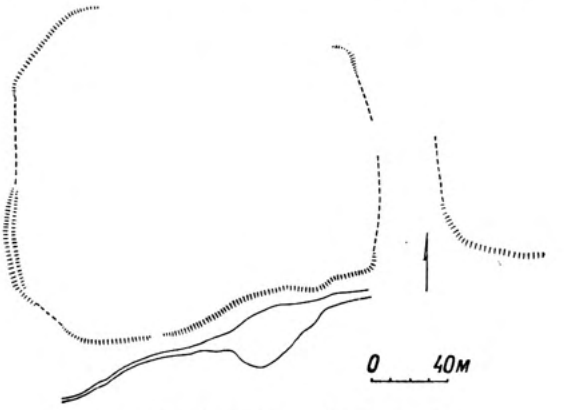

Рис. 17. Детинец в Звенигороде.

Очень своеобразную систему планировки наружной линии укреплений можно отме-

XI—XIII вв. из села Зеленче. Матер. по археол. Северного Причерноморья, вып. 4, Одесса, 1962, стр. 259; П. Раппопорт. Отчет 1963 г.

[44] План Л. Чачковского опубликован в кн.: О. О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957, стр. 22. Литература о Звенигороде: В. Ильницкий. Стародавный Звенигород. Львов, 1861; М. Грушевський. Звенигород Галицький. Записки наукового товариства ім. Шевченка, т. XXXI, Львів, 1899, стр. 3. Литература о раскопках в Звенигороде: Львівський державний історичний музей. Археологічні роботи музею в 1952—1957 рр., стр. 14; Г. М. Власова, Б. Г. Возницкий. К исследованию северо-западной части городища летописного Звенигорода. Кратк. сообщ. о полевых археол. исслед. Одесск. гос. унив. и Одесск. гос. археол. музея в 1960 г., Одесса, 1961, стр. 121. Наличие острога (т. е. окольного города) в Звенигороде известно по упоминаниям в летописи [Ипатьевская лет., 6654 (1146) г.].

[45] Польский хронист Длугош упоминает о наличии в Перемышле посада уже в XI в. [Я. Пастернак. Археологія України. Торонто, 1961, стр. 642; см. также: A. Zaki. Topografia wczesnośredniowiecznego Przemyśla. Acta archaeologica Carpathica, t. I, f. 1, Kraków, 1958, стр. 82; A. Kunysz. Przemyśl wczesnodziejowy. Rocznik województwa Rzeszowskiego, r. II (1959), z. 1 (3), Rzeszów, 1960, стр. 44].

тить на городище Ленковцы (рис. 18).[46] Здесь вокруг основного круглого городища сохранились остатки рвов, соединявшихся с соседними речками и образовывавших как бы дополнительную систему обороны поселения. В настоящее время от этой системы сохранились настолько слабые следы, что целиком восстановить ее план не

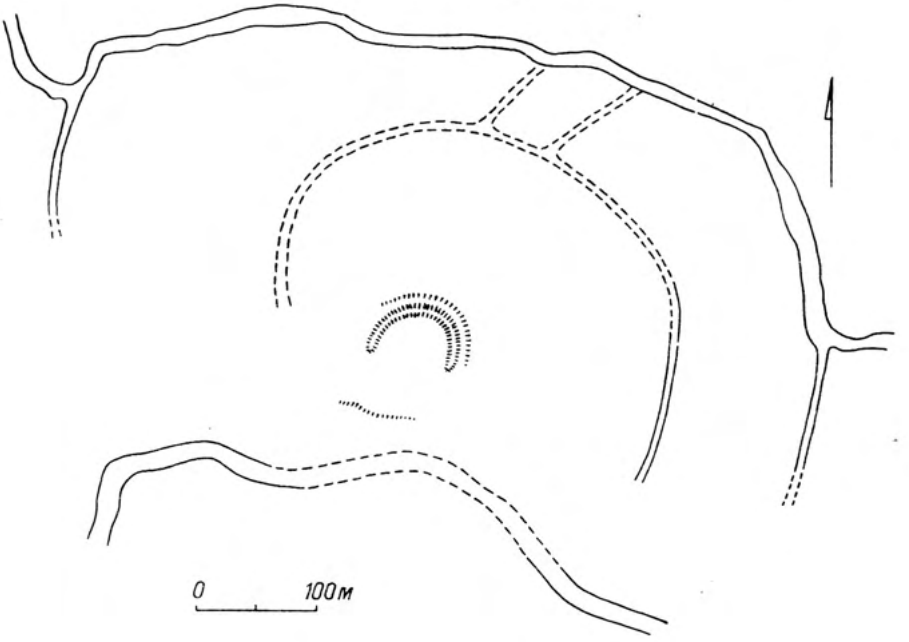

Рис. 18. Городище Ленковцы.

удается. Возможно, что, кроме рвов, здесь некогда существовали и валы, позднее полностью запаханные. Общая площадь территории, укрепленной рвами, около 20 га. На всей этой площади встречаются многочисленные древние находки (в основном керамика XII—XIII вв.). Необычность и плохая сохранность наружных укреплений Ленковецкого городища не дают возможности с достаточной определенностью утверждать, что здесь действительно существовал окольный город.

Очень вероятно, что наружная линия обороны в свое время существовала в Василёве.[47] Здесь с напольной стороны от городища Замчище, служившего древним детинцем, вдоль берега Днестра простирается обширная территория, насыщенная древними остатками (XII—XIII вв.). Территория эта занята современным селом, и никаких следов укреплений окольного города (если он действительно существовал) не сохранилось.

Крупнейшим памятником сложного типа является городище в с. Крылос — остатки стольного города Галича (рис. 19). Городище это занимает холмистый мысовидный отрог между рр. Луква и Мозолевый Поток, причем высота склонов достигает 15 м. Первоначальным укреплением здесь была небольшая площадка, так называемый Золотой Ток, имеющая приблизительно треугольную в плане форму и размер 150 × × 200 м. Раскопки показали, что эта площадка была окружена по периметру валом, имевшим в высоту от 1.5 до 2.3 м.[48] Время сооружения валов, — видимо, X в. Поселение уже в это время не ограничивалось укрепленной площадкой, а распространялось значительно шире; жилые постройки X в. были обнаружены при раскопках даже

[46] П. Раппопорт. Отчет 1965 г. — Приношу искреннюю признательность Б. А. Тимощуку за помощь и предоставление своих материалов по городищам Ленковцы и Василёв.

[47] П. Раппопорт. Отчет 1965 г.

[48] Я. Пастернак. Старий Галич. Краків—Львів, 1944, стр. 167.

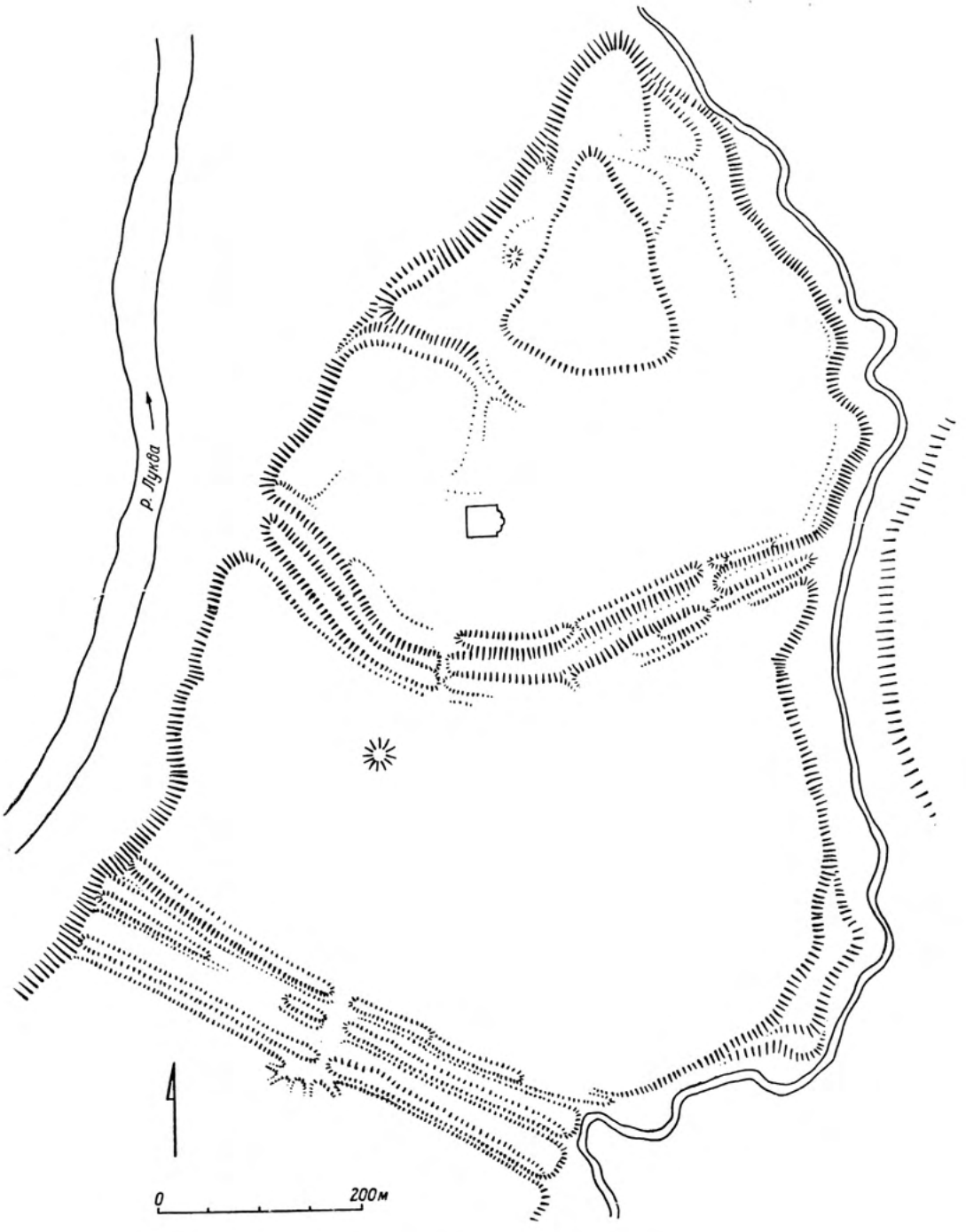

Рис. 19. Городище в с. Крылос (Галич).

в $^1/_2$ км к югу от Золотого Тока.[49] Позднее, в XII в., когда Галич стал крупным древнерусским городом, эти первоначальные укрепления были заброшены и создана новая линия обороны, отрезавшая на мысовой части горы большую площадку размером приблизительно 550 × 450 м.[50] Земляные укрепления защищали новую укрепленную площадку только с напольной стороны и состояли из двух параллельных валов со рвами между ними. Валы имели очень большую мощность — до 8—9 м в высоту.

По-видимому, еще в том же XII в. была построена и вторая оборонительная линия из трех параллельных валов и рвов, отстоящая от первой приблизительно на 300 м. Таким образом, укрепления Галича в XII—XIII вв. состояли из двух площадок — детинца и окольного города, причем общая площадь укрепленной территории была около 45 га.

5

К юго-востоку от Галицкой земли, в нижнем течении Днестра и среднем течении Южного Буга, на территории, непосредственно граничащей со степью, также известны древнерусские городища. Они находятся на землях, которые в XII—XIII вв. уже не входили в состав Галицкого княжества, ибо к концу XI в. под давлением кочевников эти районы были оставлены русским населением. Все городища здесь целиком относятся к X—XI вв.[51]

Среди городищ, расположенных в бассейне среднего течения Южного Буга, значительная часть относится к простейшему мысовому типу укреплений, защищенных валом и рвом с одной только напольной стороны.[52] Очень характерным примером может служить городище у с. Червоне.[53] Оно расположено на мысу, поднимающемся на 7.5 м над долиной небольшой речки (рис. 20, 21).

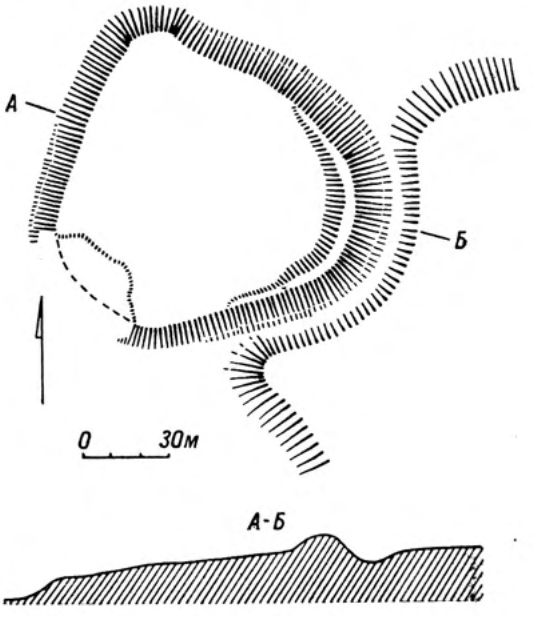

Рис. 20. Городище у с. Червоне.

С напольной стороны, где площадка городища соединялась с полями, лежащими на той же высоте, сооружены дугообразные в плане вал и ров. Вал имеет высоту до 6 м и резко снижается к краям. По боковым сторонам валов нет, но здесь защитой служат крутые склоны. Площадка заметно наклонена вниз в сторону мыса; длина ее 85 м при наибольшей ширине до 90 м.

Такую же схему обороны имеют городища в селах Ладыжин, Лоевцы, Войтовцы. Они отличаются размером и формой площадок, высотой площадок над уровнем реки, длиной вала и рва, но все эти отличия зависят в основном от местных условий рельефа и не касаются принципиальной схемы их плановой структуры.

[49] М. К. Каргер. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 году. КСИА, вып. 81, 1960, стр. 62.

[50] То, что укрепления Золотого Тока в XIII в. уже не функционировали, подтверждается свидетельством летописи. Так, в 1219 г., когда князь Мстислав штурмом взял Галич, венгры после падения городских укреплений в качестве последнего оплота использовали не Золотой Ток, а расположенную к югу от него каменную церковь Богородицы (Ипатьевская лет., 6727 г.). Об укреплениях Галича см., например: Л. Чачковський и Я. Хмілевський. Княжий Галич. Станислав, 1938, стр. 55; М. Зварич. Топографія княжого Галича. Наша Батьківщина, ч. 10, Львів, 1937, стр. 209. В. К. Гончаров. Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. V, Київ, 1955, стр. 22.

[51] По мнению Г. Б. Федорова, некоторые из этих городищ возникли даже несколько раньше — в конце IX в. (Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. М., 1960, стр. 181, 182).

[52] Данные о городищах бассейна среднего течения Южного Буга приведены по сведениям, любезно сообщенным П. И. Хавлюком (Винницкий пединститут).

[53] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.

В том же районе встречаются, однако, городища, которые отличаются от перечисленных выше тем, что площадка их окружена валом по всему периметру. Так как они относятся к мысовому типу, то естественно, что с напольной стороны вал этот выше, чем с боковых сторон. Таково, например, городище в с. Пархомовка. Почти такую же схему имеет городище близ с. Джуринцы, но здесь вал не замкнутый: его нет на небольшом участке в конце мыса.

Не менее часто в бассейне среднего течения Южного Буга встречаются городища, не имеется правильная круглая яма — след древнего колодца.

Очень похожий план у городища около с. Телегиевка, но площадка здесь несколько яйцевидной в плане формы; размер ее приблизительно 30×50 м. Такую же схему имеет и городище близ с. Жорнище, круглая площадка которого окружена валом высотой около 1 м; рва перед валом не видно.

Тот же тип плана, но в гораздо большем масштабе можно видеть на городище у с. Ястрембиха.[55] Городище расположено на краю балки на довольно крутом склоне.

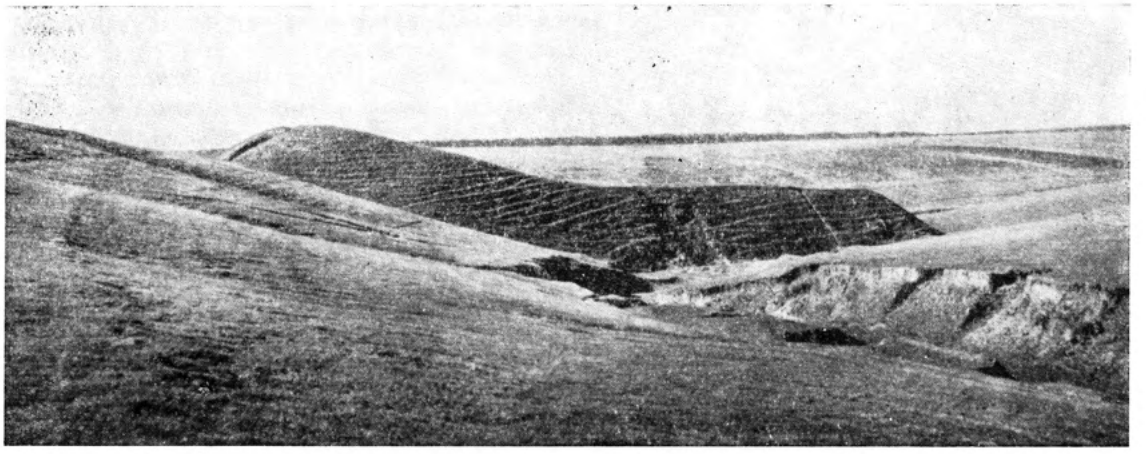

Рис. 21. Городище у с. Червоне. Вид с северо-востока.

подчиненные естественному рельефу местности, расположенные на плоской поверхности (чаще всего на пологом склоне) и имеющие в плане форму более или менее правильного круга. Среди них одним из наиболее типичных является городище в с. Гута Райгородская.[54] Оно расположено на пологом склоне оврага, по дну которого протекает небольшая речка. Площадка имеет правильную круглую форму и такой же уклон в сторону речки, как и весь склон, на котором расположено городище, т. е. около 5—7°; диаметр ее 40 м, а диаметр городища по гребню валов 55 м (рис. 22, 158). Площадка окружена по периметру валом, имеющим со стороны поля высоту до 3 м, а на участке, обращенном в сторону речки, — всего около 0.5 м. Перед валом, кроме его стороны, обращенной к речке, проходит ров глубиной до 3 м. На городище Площадка почти правильной круглой формы имеет размер 150×120 м и окружена по периметру невысоким валом и глубоким рвом.

В незначительном количестве известны на этой территории городища сложно-мысового типа с двумя защищенными площадками. Таково городище у с. Салинцы, где первая площадка, расположенная на конце высокого мыса, прикрыта с наполья дугообразными валом и рвом. За рвом лежит вторая площадка, несколько большая, чем первая, также ограниченная с напольной стороны валом и рвом. Общая длина городища — от конца мыса до наружного вала — около 90 м. Второе сложно-мысовое городище, находящееся у с. Коржовка, похоже на предыдущее, но несколько меньше его по величине.

Очень возможно, что в бассейне среднего течения Южного Буга имеются древнерус-

[54] Там же.

[55] Д. Т. Березовец. Розвідка у верхів'ях р. Південного Бугу. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 214.

ские городища, защищенные сдвоенной линией валов и рвов. Таково, например, городище в с. Юрковцы, имеющее типично мысовую структуру; площадка его окружена по периметру очень невысоким валом, заметно повышающимся на конце мыса и с напольной стороны. С наполья же на этом городище, кроме того, имеется вторая линия вала и рва, проходящая несколько непараллельно первой: по краям валы почти сходятся, а в средней части напольной стороны отдаляются один от другого. К сожалению, единичность данного примера не позволяет уверенно использовать его при изучении памятников военного зодчества X—XI вв., так как не исключает возможности существования здесь каких-то более древних, дославянских оборонительных сооружений.

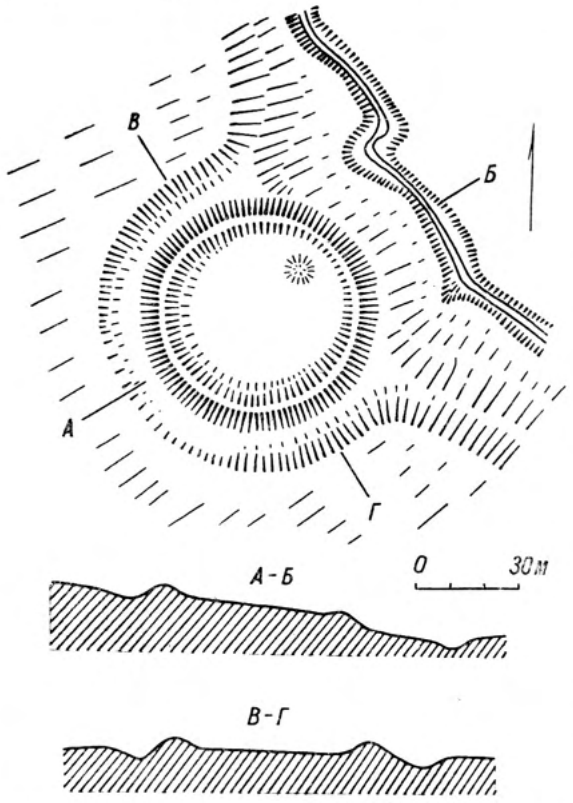

Рис. 22. Городище в с. Гута Райгородская.

* * *

В Поднестровьи, на территории северной части современной Молдавии, древнерусские городища мысового типа встречаются очень редко — по существу на мысу расположено лишь городище Машкауцы.[56] Все остальные древнерусские городища этого района имеют круглую форму и находятся на ровных пологих склонах. Очень типичным является городище у с. Алчедар, по-видимому представляющее собой остатки древнерусского города Черн.[57] Городище расположено на краю небольшой балки. Форма его площадки неправильно круглая. Диаметр площадки приблизительно 60—70 м, по периметру ее проходит вал высотой до 5 м. Перед валом — ров глубиной до 4 м и шириной около 20 м. Вокруг городища имеются следы большого неукрепленного поселения, занимавшего площадь около 10 га. Возможно, это был крупнейший древнерусский город данного района. Ту же плановую схему имеет городище Екимауцы.[58] Овальная площадка этого городища окружена валом высотой около 4 м; перед валом проходит ров. Размер площадки 70×80 м; рядом с городищем расположено селище. Остальные древнерусские городища этого района — Царевка, Лукашевка и Пояны — также расположены на пологих склонах и имеют округлую площадку, окруженную кольцевым валом.[59] На площадке городища обычно находится водоем, питаемый ключом.

III. ВОЛЫНЬ

1

На Волыни известно почти в три раза больше памятников древнерусского военного зодчества, чем на территории Галицкой земли. В этом сказывается и несколько лучшая археологическая изученность Волынской земли, и значительно большая ее площадь. Кроме того, на Волыни (во всяком случае в некоторых ее районах) древнерусские укрепленные поселения были расположены значительно гуще, чем в Галиции. Следует добавить также, что примеров строительства древнерусских укрепленных

---

[56] Г. Б. Федоров. Славяне Поднестровья. В сб.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, стр. 133.

[57] Г. Б. Федоров. Древнерусский город на Днестре. Вестн. АН СССР, 1960, № 10, стр. 41.

[58] Г. Б. Федоров. 1) Городище Екимауцы. КСИИМК, вып. 50, 1953, стр. 105; 2) Славяне Поднестровья. Вестн. АН СССР, 1952, № 2, стр. 94.

[59] Г. Б. Федоров. Итоги трехлетних работ

поселений на площадках более древних городищ на Волыни гораздо меньше, чем в Поднестровьи, но все же они имеются. Так, несмотря на наличие древнерусского культурного слоя на детинце большого городища у с. Михнов над Горынью, оно несомненно относится не к древнерусской поре, а к эпохе раннего железа.[60] Очень сомнительно, с точки зрения происхождения системы обороны, городище у с. Мирогощa, хотя существование здесь древнерусского поселения также не вызывает сомнений.[61] В большинстве же случаев крупные волынские городища эпохи раннего железа (такие, как Будераж, Глинск, Усичи) достаточно четко отделяются от памятников древнерусских.[62]

Все это позволяет изучать плановую структуру древнерусских городищ Волыни с значительно большей полнотой, чем это можно было сделать в отношении памятников Галицкой земли.

* * *

Среди оборонительных сооружений Волыни значительная часть относится к простейшему виду укреплений, конфигурация которых полностью подчинена естественным защитным условиям местности. Сюда входят в основном две группы памятников — городища островного и мысового типов.

Городища островного типа большей частью представляют собой небольшие площадки, расположенные среди труднопроходимого болота. Одним из наиболее типичных является городище Ратно. Оно представляет собой островок на болоте, имеющий диаметр несколько более 60 м (рис. 23). Проход на площадку ведет с запада по узкому перешейку. Сама площадка имеет неправильную в плане форму и возвышается над болотом всего на 2—3 м, края ее далеко не всюду четко определяются. В восточной части островка имеется небольшой округлый холм с плоской вершиной, возвышающийся над площадкой городища примерно на 2 м. Городок Ратно упоминается в письменных источниках лишь с XIV в., однако заложенный на городище шурф показал, что основание поселения должно быть отнесено к XII, а быть может, даже к XI в.[63]

К тому же типу относится городище в с. Городок, представляющее собой остатки

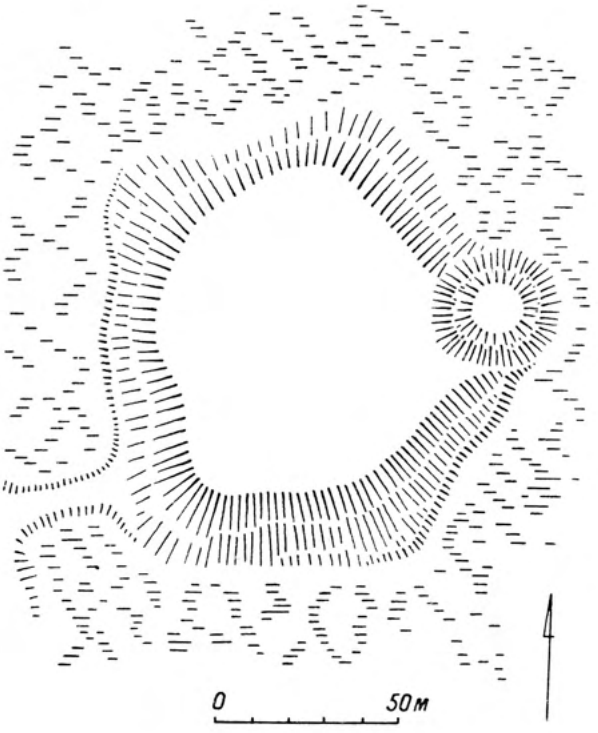

Рис. 23. Городище Ратно.

древнего Чернеч-городка.[64] Оно расположено на плоской, низменной, частично заболоченной местности (рис. 24). Площадка имеет неправильно овальную форму, связанную с естественной формой всхолмления. Высота этого всхолмления в северной части около 2 м, а с остальных сторон еще меньше. Размер площадки 60×90 м. Кое-где по краю заметны следы очень невысокого и сильно оплывшего вала. Городище распахивается и края его не всюду достаточно отчетливо прослеживаются. Подобно Ратно, Чернеч-городок также упоминается в письменных источниках лишь со второй половины XIV в.,

в Молдавии в области славяно-русской археологии. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 9.

[60] П. А. Раппопорт. К вопросу о Плеснеске, стр. 97.

[61] Там же, стр. 101.

[62] Там же, стр. 97.

[63] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.

[64] П. А. Раппопорт. Новые данные по исторической географии Волыни. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 55.

хотя культурный слой на городище явно свидетельствует о существовании здесь укрепленного поселения уже в XII—XIII вв.

Очень близко по типу и городище Вал в с. Сапожин.[65] Это городище расположено на плоской, слегка понижающейся к северо-

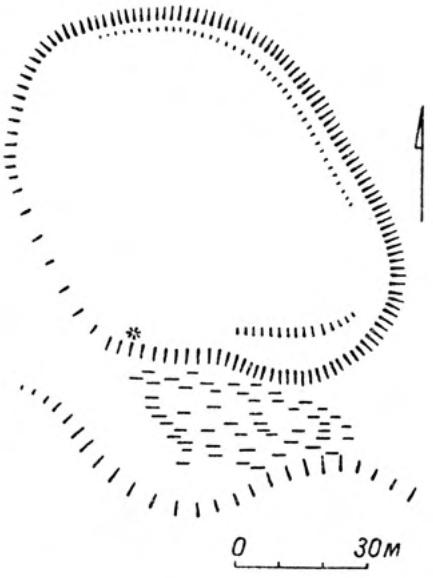

Рис. 24. Городище в с. Городок (Чернеч-городок).

западу местности (рис. 25). Площадка очень незначительно поднимается над окружающей низиной. В древности она была окружена валом, по-видимому проходившим по всему периметру. В настоящее время остатки вала сохранились лишь с южной и западной сторон. С юго-востока имеется едва заметный отрезок заплывшего рва. С севера и востока граница определяется очень приблизительно. Городище это представляет собой остатки городка Сапогынь, упоминаемого в летописи в середине XII в. Судя по археологическому материалу, укрепленное поселение было основано здесь несколько раньше, по-видимому уже в XI в.

К островному же типу (правда, связанному с защитными свойствами реки, а не болота) относится и городище у д. Покры, занимающее островок между руслом р. Лесной и ее старицей.[66] Никаких искусственных земляных укреплений здесь нет. Судя по находкам лепной керамики наряду с круговой, укрепленное поселение было здесь основано не позже X в.

По схеме организации обороны перечисленные выше городища очень близки друг к другу. Они расположены на болотистых, низменных участках или речных островках и имеют площадки, очень мало возвышающиеся над уровнем реки или болота. Искусственные земляные оборонительные сооружения на таких городищах либо вовсе отсутствуют, либо представляют собой невысокие валы, по периметру иногда усиленные небольшими отрезками рвов, отделяющих защищенную площадку от соседних незаболоченных участков.

Однако на Волыни встречается также другой вариант городищ островного типа, имеющих площадки, расположенные на отдельных холмах. Таково, например, городище у с. Гуща.[67] Оно занимает останец в пойменной долине Западного Буга и господствует над окружающей территорией, поскольку никаких других возвышенностей поблизости нет (рис. 26). Площадка на вер-

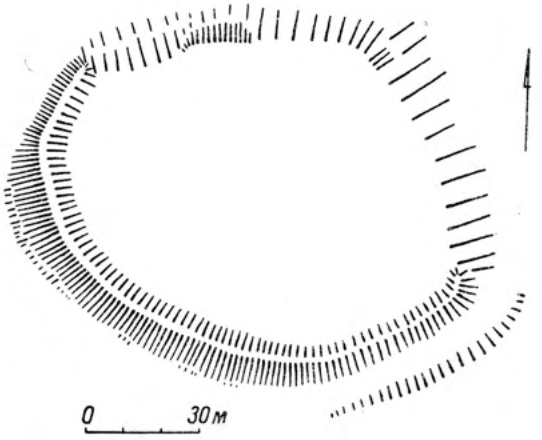

Рис. 25. Городище в с. Сапожин.

шине останца ровная, защищенная крутыми склонами со всех сторон, кроме восточного конца; высота ее над низиной 10 м, валов нет. Размер площадки 220 м в длину при ширине 60—70 м. Богато насыщенный находками культурный слой относится к X—XI вв.

[65] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.

[66] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, вып. Е1-57, М., 1961, стр. 18.

[67] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.

На отдельном холме расположено также городище в с. Иваничи.[68] Его округлая площадка (80×95 м) в отличие от предыдущего городища окружена по периметру валом (рис. 27). Вал невысокий, сильно расплывшийся; снаружи проходит ров, местами переходящий в горизонтальную террасу. Склоны холма ниже этой террасы имеют незначительную крутизну. С севера к площадке примыкает не спуск, а часть холма приблизительно такой же высоты, что и площадка; ров с этой стороны городища имеет наибольшую глубину. Эта особенность несколько сближает данное городище с памятниками мысового типа. Материал, обнаруженный на городище, относится к X—XI вв.

К варианту островного типа относится городище у с. Затурцы, расположенное на естественном всхолмлении высотой несколько более 10 м (рис. 28). Пологие северный и южный концы этого всхолмления не использованы под укрепление и отрезаны рвами от основной площадки. Само городище имеет в плане овальную форму, отвечающую форме бугра, и окружено по периметру валом высотой до 4 м. Горизонтальная площадка на вершине холма очень мала по размеру (всего 20×40 м), и поэтому вал был насыпан не по ее краю, а несколько ниже, уже

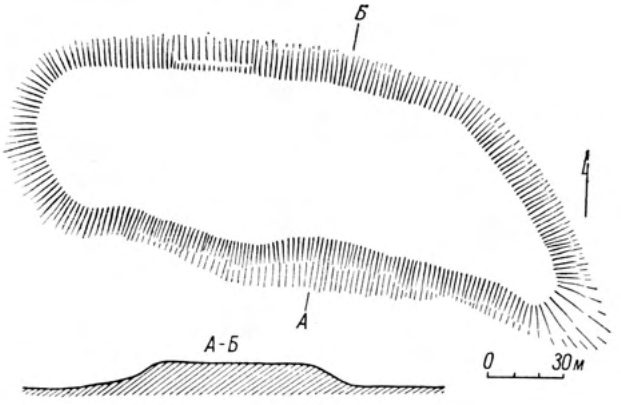

Рис. 26. Городище у с. Гуща.

на склонах. Благодаря этому защищенная валом площадка получила размер 35 × 50 м, но зато с внутренней стороны валов образовались впадины, напоминающие рвы. Культурный слой на этом городище отсутствует, но, судя по отдельным фрагментам керамики, обнаруженной на примыкающем к городищу селище, укрепленное поселение существовало здесь в XI в.[69]

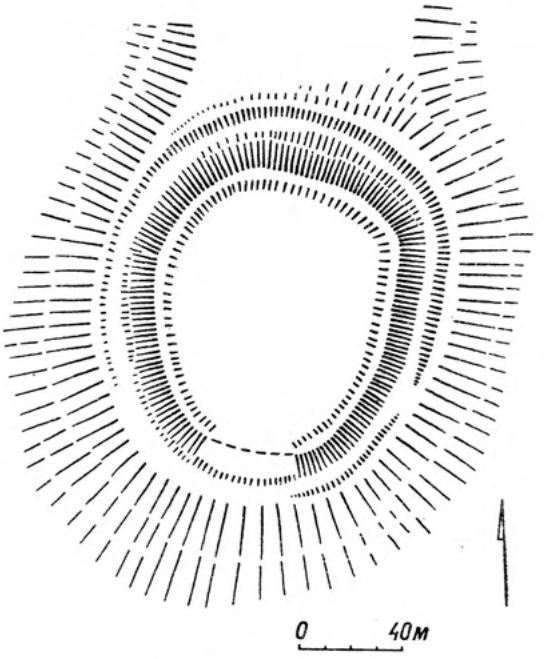

Рис. 27. Городище в с. Иваничи.

В южной части Волынской земли, где ландшафт более гористый, встречаются городища, расположенные на отдельных высоких горах. Так, например, городище Замок в с. Стожок занимает маленькую площадку на вершине конусовидной горы, имеющей высоту около 40 м (рис. 29). Склоны горы со всех сторон очень крутые. Площадка не имеет валов и по форме точно соответствует естественной конфигурации горы. Размер площадки всего 20×50 м; на ней видны ямы, из которых одна (в восточной части), правильной воронкообразной формы, возможно, является остатком колодца. Судя по археологическому материалу, городище относится к XII—XIII вв.[70] В письменных

[68] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

[69] П. Раппопорт. Отчет 1960 г. — Отсутствие на городище культурного слоя, необычность его плановой структуры, а также следы обжига валов (быть может, искусственного?) заставляют относить городище у с. Затурцы к числу неясных памятников, требующих дальнейшего изучения.

[70] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

источниках город Стожек (или Истожек) впервые упоминается во второй половине XIII в.

Значительно больше по величине городище на горе Троица, представляющее собой

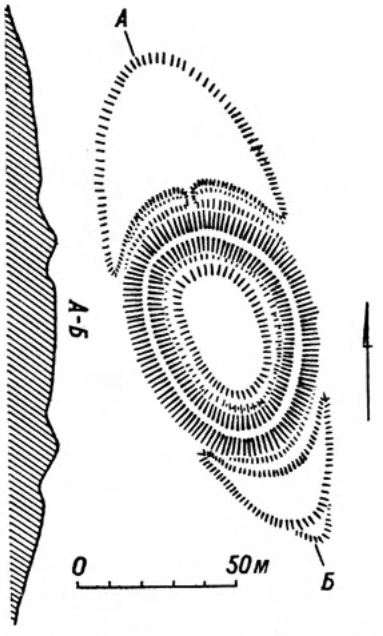

Рис. 28. Городище у с. Затурцы.

остатки древнего города Данилова (рис. 30, 31).[71] Известняковая гора имеет высоту около 50 м, склоны ее со всех сторон очень крутые, местами даже круче 45°. Площадка на вершине горы совершенно ровная, горизонтальная, длиной около 270 м при наибольшей ширине до 80 м. Восточная часть площадки несколько менее ровная, на ней видны несколько ям, из которых одна, имеющая правильную воронкообразную форму (диаметр около 10 м при глубине 3 м), возможно, образовалась на месте древнего колодца. Валов на городище нет. Культурный слой на горе Троица целиком относится к XIII в., что полностью совпадает с письменными источниками, в которых город Данилов упоминается лишь с 1240 г. В 1261 г. этот город был разрушен русскими князьями по требованию монгольского полководца Бурундая и больше уже, по-видимому, не восстанавливался.

Город Кременец расположен на такой же высокой горе, как и город Данилов. Площадка, имеющая форму, точно соответствующую естественным очертаниям горы, здесь также лишена валов; позднее, по-видимому уже в XIV в., по периметру укрепления была сооружена каменная стена. В отличие от Данилова и Стожка крепость в Кременце защищена крутыми склонами не со всех сторон, поскольку с одной, восточной, стороны к ней примыкает каменистая гряда, расположенная на той же высоте, что и сама укрепленная площадка.[72] С этой стороны в известняковой скале поперек всей возвышенной гряды вырублен широкий ров. Город Кременец был, по-видимому, основан, как и Данилов, в начале XIII в; в письменных источниках он упоминается начиная с 1226 г. Наличие искусственного рва вдоль одной из сторон сближает крепость в Кременце с городищами мысового типа, которые также достаточно широко распространены на волынской территории.

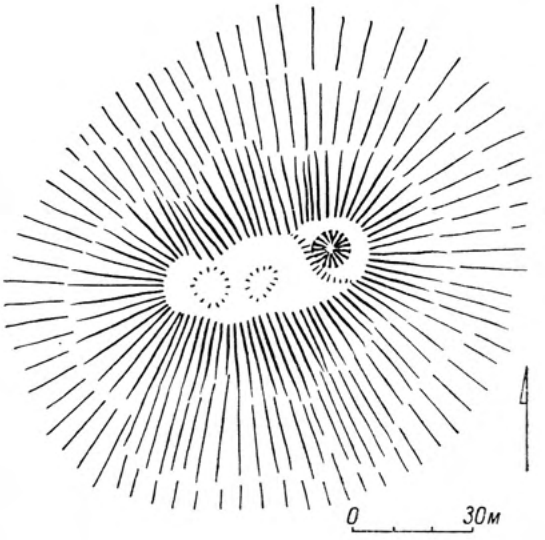

Рис. 29. Городище в с. Стожок.

[71] П. А. Раппопорт. Новые данные по исторической географии Волыни, стр. 54; М. И. Островский. Разведки в Тернопольской и Ровенской областях. СА, 1964, № 4, стр. 224.

[72] Расположение Кременца на горе, как и план самой крепости, хорошо видны на некоторых чертежах, выполненных в XVIII в., например, на плане 1798 г. (ЦГВИА, ВУА, № 21528, ч. 5, л. 70; ЦГИАЛ, ф. 1350, оп. 312, Атлас Волынской губ. 1798 г., л. 25).

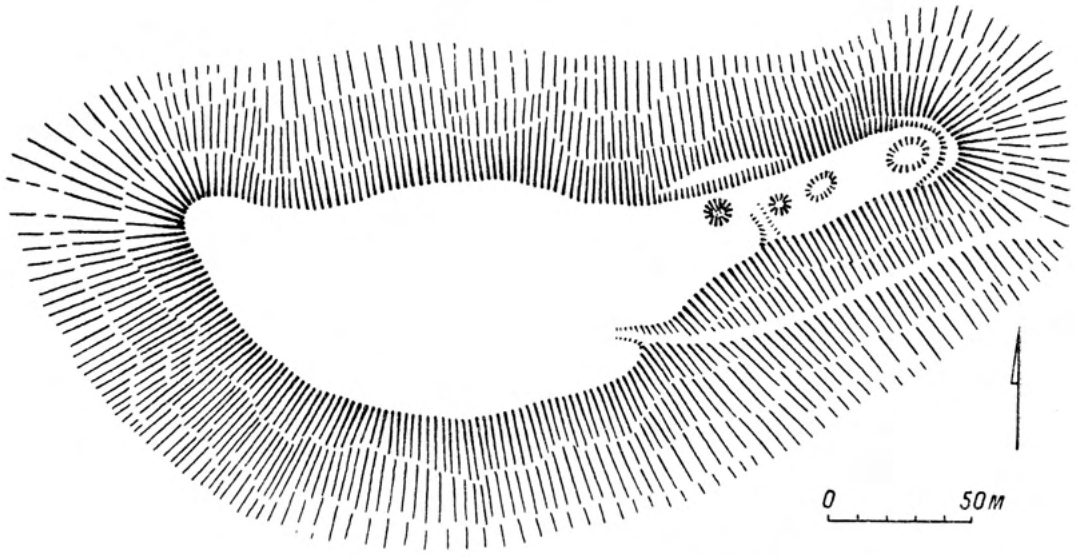

Рис. 30. Городище на горе Троица (Данилов).

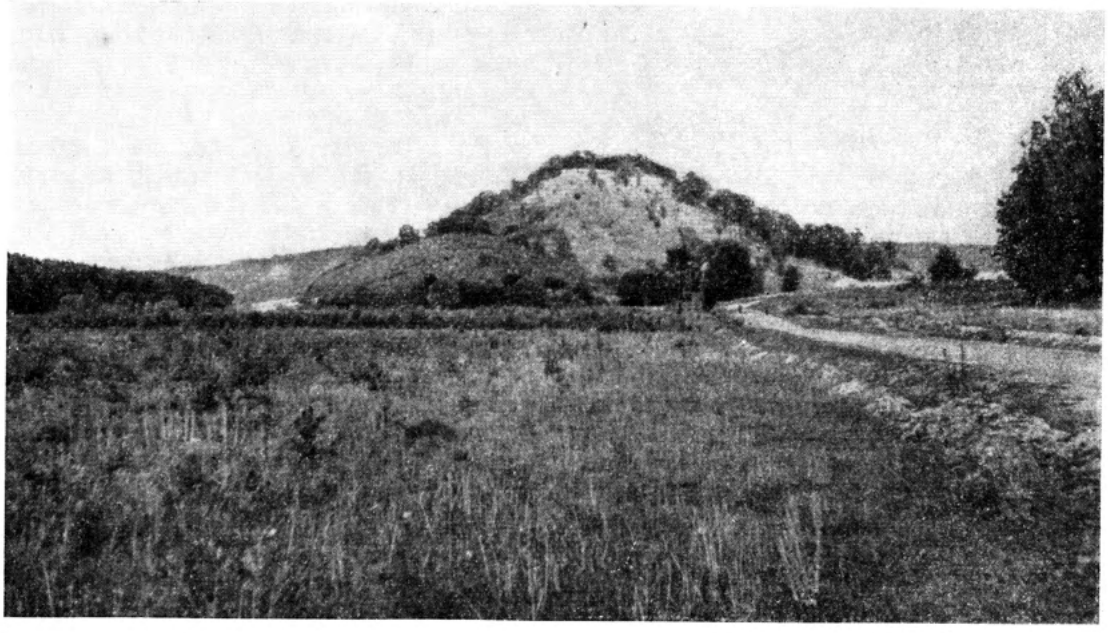

Рис. 31. Гора Троица (Данилов). Вид с юго-запада.

* * *

К простейшему мысовому типу волынских городищ относится городище у с. Столпин (рис. 32).[73] Оно занимает мыс, возвышающийся над низменной долиной примерно на 4 м, и отрезано дугообразным в плане рвом от продолжения холмистой гряды. Ров прокопан на всю высоту всхолмления, т. е. до уровня низины. Склоны городища крутые, площадка ровная, размер ее 35 × 65 м, вал отсутствует. Культурного

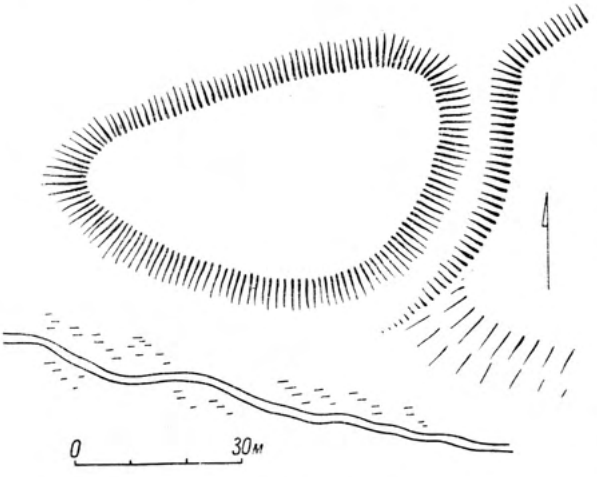

Рис. 32. Городище у с. Столпин.

слоя на площадке нет, но вокруг на полях встречаются фрагменты керамики XI—XIII вв.

Отсутствие валов на городищах мысового типа — явление довольно редкое. Большая часть мысовых городищ Волыни имеет вал либо по всему периметру укрепленной площадки, либо хотя бы с одной напольной стороны, вдоль рва. К городищам, имеющим вал только с напольной стороны, относится, например, 2-е Михновское городище.[74] Оно занимает мыс, возвышающийся приблизительно на 10 м над левым берегом р. Горыни. С трех сторон площадка ограничена крутыми склонами, а с четвертой, напольной, стороны сохранились слабые следы вала. Судя по археологическому материалу, городище относится к X—XI вв.

Значительно более крупное городище в с. Перемиль по схеме почти аналогично предыдущему. Оно имеет с напольной стороны остатки сильно оплывшего, но первоначально, по-видимому, довольно мощного вала (рис. 33).[75] Площадка размером 75 × 150 м полностью соответствует естественной форме мыса; высота ее над уровнем р. Стыри более 10 м. От продолжения высокого берегового плато городище отделено широким и глубоким рвом. Склоны мыса очень крутые — около 40—45°, а на участке, примыкающем к реке, почти отвесные. Культурный слой относится к X—XIII вв., а также к значительно более позднему времени (XVII—XVIII вв.). В письменных источниках город Перемиль упоминается с конца XI в.

Городище в с. Крупа близ Луцка расположено над речкой, на горе, имеющей высоту около 13 м.[76] От берегового плато оно отделено рвом и валом. Площадка имеет неправильную форму, точно отвечающую естественной конфигурации возвышенности, и изрезана оврагами. Размер площадки 35 × 14 м, но, по-видимому, значительная ее часть обрушилась в реку. Склоны со всех сторон (кроме рва) очень крутые. На городище и на селище (перед рвом) имеется подъемный материал, относящийся к XI—XIII вв.

На городище у с. Волица Стубельская вал проходит также только с напольной стороны (рис. 34).[77] Он возвышается над уровнем площадки примерно на 1.5 м и имеет со стороны рва значительную крутизну. Ров с напольной стороны огибает боковые стороны городища и, превратившись в горизонтальную террасу, обходит вокруг всего укрепления. Ширина террасы колеблется от 5 до 12 м; склоны ниже террасы пологие, а выше — крутые. Размер площадки городища 50 × 95 м; близ южного ее края сохранилась воронкообразная яма от заплывшего колодца. Археологический материал относится к XI—XII вв.

Типично мысовую организацию имеет также городище древнего Дрогичина, осно-

[73] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.
[74] М. А. Тиханова. Отчет 1961 г.
[75] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.; А. А. Ратич. Исследования городища в с. Перемиль на Волыни в 1963—1964 гг. Матер. сессии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1964 г. в СССР, Баку, 1965, стр. 140.
[76] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.
[77] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

ванного, по-видимому, в XII в.[78] Площадка расположена на горе, возвышающейся над

Городище в с. Старый Чарторыйск занимает мыс, возвышающийся примерно на

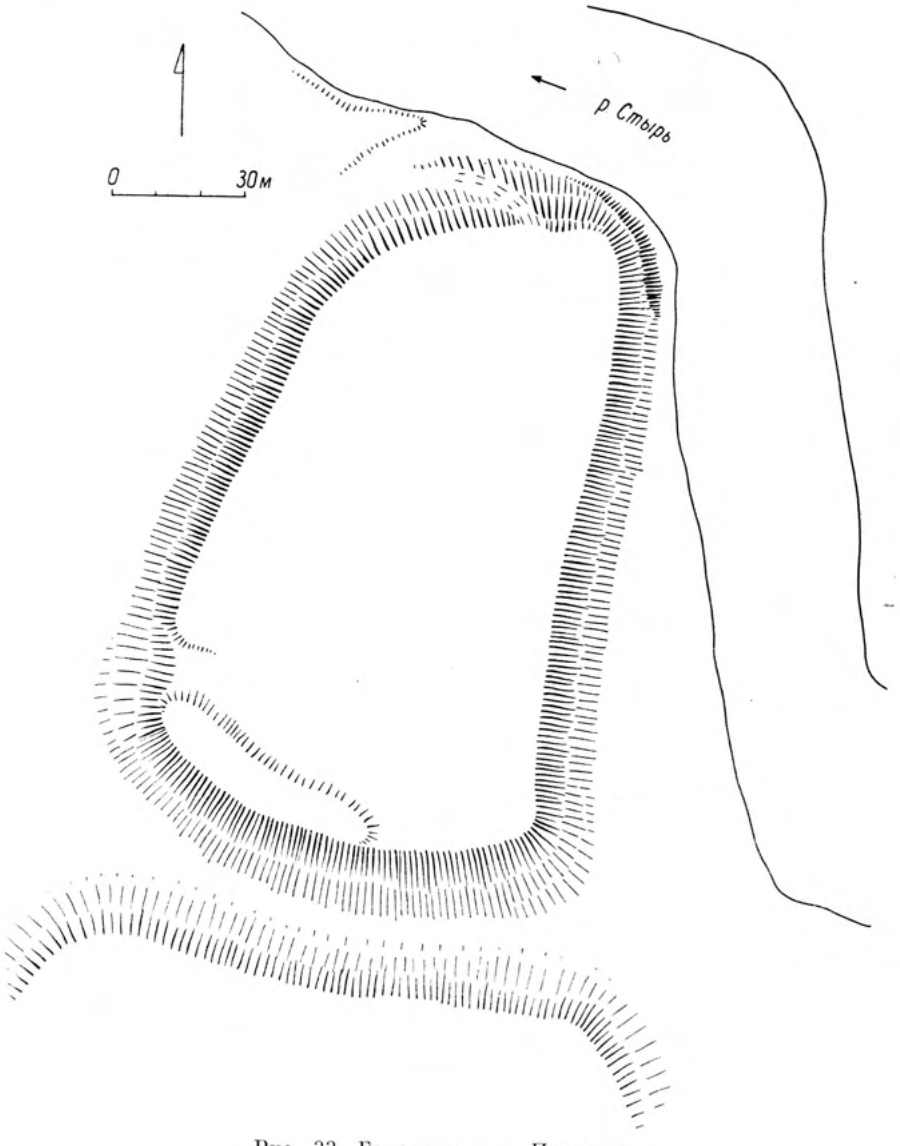

Рис. 33. Городище в с. Перемиль.

р. Бугом на 36 м, и отрезана от берегового плато глубоким рвом. Вал имеется только с напольной стороны.

8 м над поймой старого русла р. Стыри (рис. 35).[79] Площадка по форме близка к кругу и слегка понижается к юго-востоку;

[78] K. Musianowicz. 1) Badania wykopaliskowe w roku 1955 w Drohiczynie. WA, t. XXIII, z. II, 1956, стр. 176 и план после стр. 170; 2) Granica Mazowiecko-Drehowicka na Podlasiu we wczesnym średniowieczu. Materialy wczesnośredniowieczne, t. V, Warszawa, 1960, стр. 217; см. также план Дрогичина 1828 г. (ЦГВИА, ВУА, № 21908).

[79] П. Раппопорт. Отчеты 1960 и 1961 гг. — В с. Старый Чарторыйск, примерно в 3/4 км к западу от данного городища, имеется второе городище — Замок, представляющее собой площадку, где в XVI—XVIII вв. был расположен замок Радзивилов. До настоящего времени здесь сохранились остатки кирпичных построек.

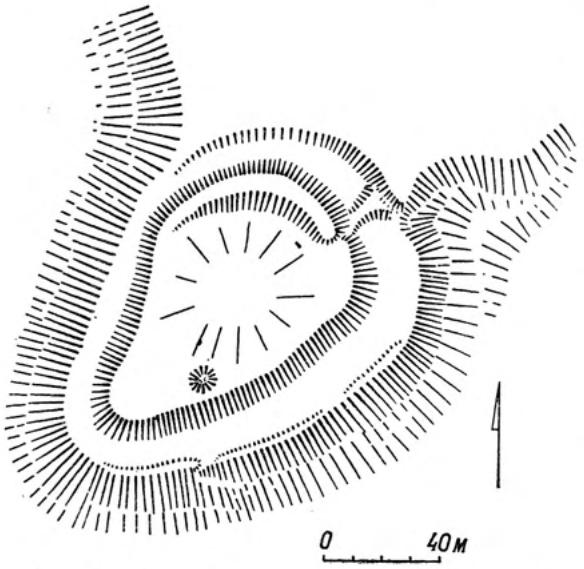

Рис. 34. Городище у с. Волица Стубельская.

диаметр ее около 90 м. С юго-восточной стороны (т. е. со стороны поймы реки) вала сильно распахан и поэтому в значительной степени потерял свою первоначальную форму. С севера проходит овраг, а с северо-запада и запада — ров, отделяющий площадку от берегового плато. На северо-западном участке уровень поверхности за внешней стороной рва расположен на той же высоте, что и площадка городища. Вал с этой стороны имеет наибольшую высоту. Здесь же в конце XIII в. была построена кирпичная башня. Город Черторыйск упоминается в русской летописи с 1100 г. до конца XIII в. Судя по археологическому материалу, основание укрепленного поселения следует относить ко второй половине или к концу XI в.

В некоторых случаях (когда это продиктовано естественной формой мыса) городища образуют площадку, имеющую большее протяжение не в длину, а в ширину, т. е. по направлению вдоль напольной стороны. Таково, например, маленькое городище в с. Жидичин близ г. Луцка, расположенное к северу от зданий бывшего монастыря и

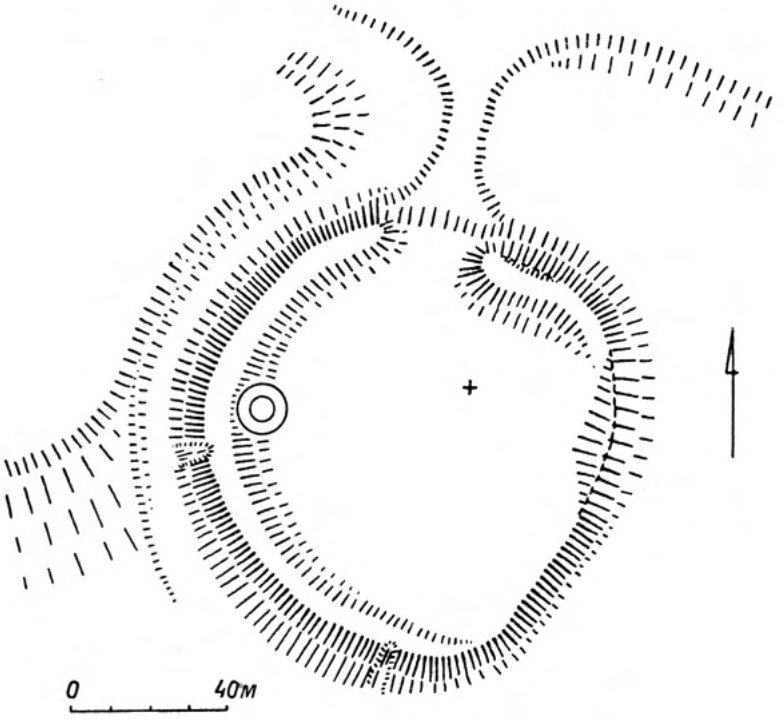

Рис. 35. Городище в с. Старый Чарторыйск.
Крест — место церкви.

на городище нет, с остальных сторон имеется вал, сохранившийся на высоту до 5 м. Вал занимающее мыс, поднимающийся примерно на 8 м над поймой старого русла р. Стыри

(рис. 36).[80] Площадка имеет в длину всего 20 м, а в ширину 60 м; с напольной стороны она защищена рвом и дугообразным валом высотой до 3 м. Культурный слой на городище относится к XI—XIII вв.

Очень близко по организации обороны большое городище в г. Буске, представляющее собой остатки древнего города Бужеска[81] (рис. 37). С севера оно ограничено долиной Западного Буга, причем один из рукавов Буга протекает под самым городищем, образуя как бы естественный ров, имеющий ширину более 35 м при глубине почти 10 м. К северо-востоку от городища противоположный берег реки понижается, поэтому укрепленная площадка возвышается над поймой Буга, так же как с запада она возвышается над пойменной долиной р. Полтвы. Напольной стороной является южная сторона городища. Здесь был отрыт ров, имеющий протяжение около 440 м. Ширина рва около 26 м, глубина до 7 м; первоначально ров был, по-видимому, глубже и наполнялся водой. По краю рва проходил вал, который в восточной части в настоящее время полностью уничтожен. Высота сохранившихся участков вала около 4 м. Площадка городища имеет значительный размер — 400 × 150 м. Культурный слой — от X—XI до XIII в. и частично более поздний.

Среди волынских мысовых городищ, имеющих вал по всему периметру защищенной площадки, одним из наиболее типичных является городище в с. Басов Кут (рис. 38).[82] Оно расположено на мысу, возвышающемся над низменной равниной примерно на 8 м. С востока лежит заболоченная пойма р. Устье, с запада — пологий склон, а с юга площадка отрезана от плато широким, слегка дугообразным в плане рвом. Края городища крутые, особенно с запада, где проходит узкая терраса. Площадка городища ровная, слегка понижающаяся к концу мыса; размер ее 80 × 40 м. По периметру проходит невысокий вал, поднимающийся лишь к напольной стороне (вдоль рва) до высоты около 3 м. В мысовой части имеется воронкообразная яма диаметром около 10 м и глубиной до 1 м, расположенная, по-видимому, на месте древнего колодца. Культурный слой относится к XI—XIII вв.

Городище у с. Белёв расположено на мысу, возвышающемся на 26 м над правым берегом р. Стублы. Форма площадки неправильная, отвечающая естественным очертаниям холма; ее размер 45 × 80 м (рис. 39, 40).[83] По всему периметру проходит вал, имеющий очень небольшую высоту со стороны мыса (около 1 км) и резко увеличивающийся (до 5 м) к напольной стороне. От высокого берегового плато городище отрезано рвом глубиной около 7 м при ширине 26 м. Ров имеет в плане неправильную форму, очевидно связанную с использованием естественных особенностей рельефа. С северной и северо-западной сторон, где гора в нижней части более пологая, чем

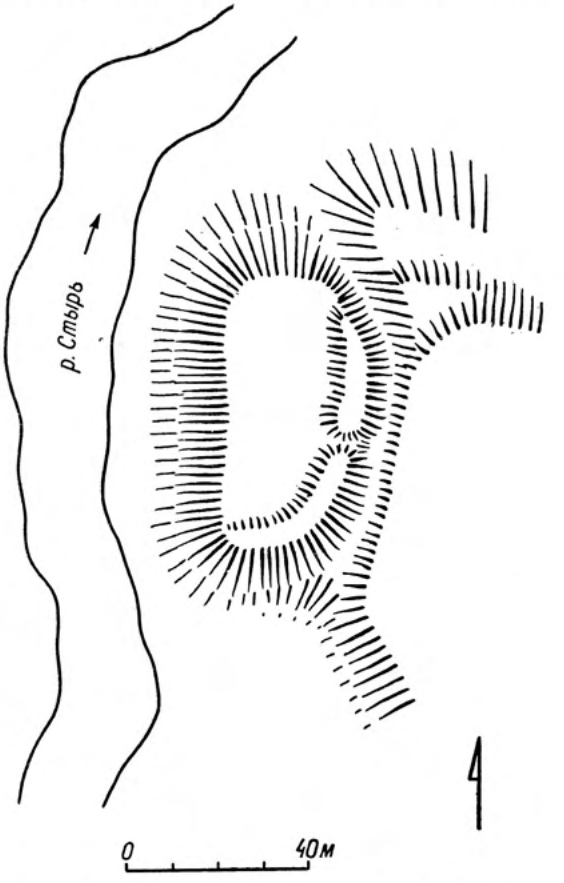

Рис. 36. Городище в с. Жидичин.

[80] П. Раппопорт. Отчет 1962 г. — Монастырь в Жидичине известен по упоминаниям в письменных источниках с XIII в.

[81] П. Раппопорт. Отчет 1962 г.

[82] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.

[83] Там же.

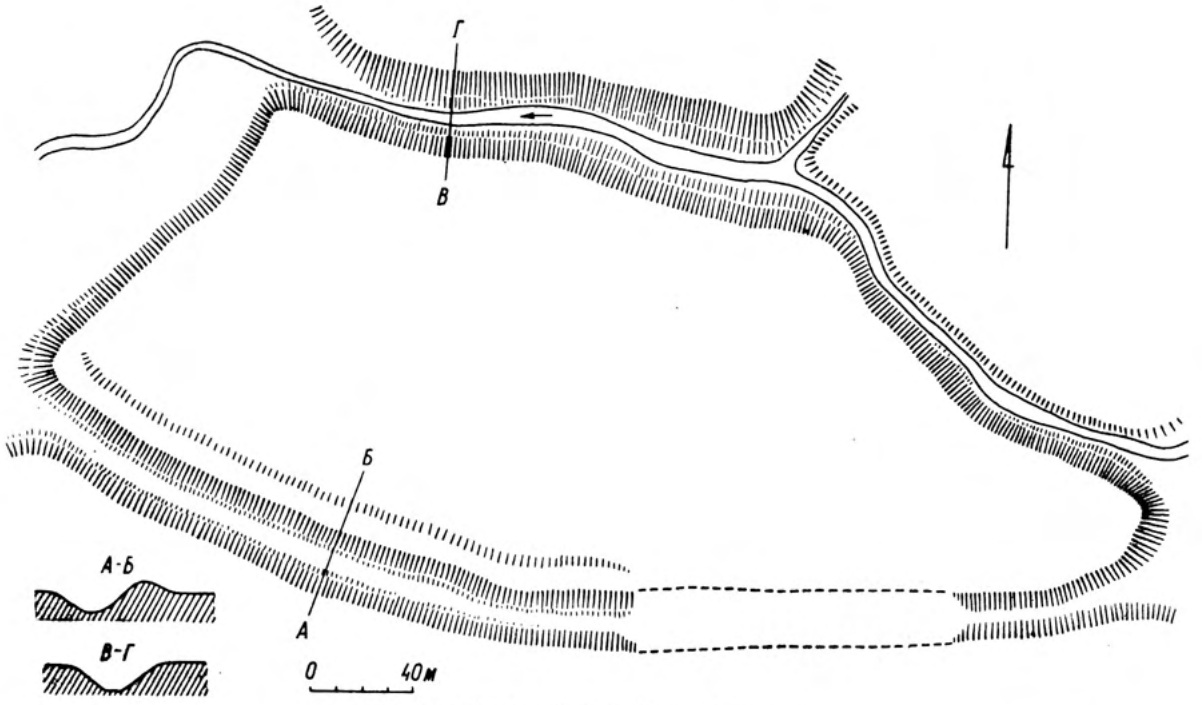

Рис 37. Городище в г. Буске (Бужеск).

в других местах, у подножия холма тоже проходит ров, правда, неглубокий. Местность, расположенная по наружную сторону этого рва, находится значительно ниже, чем площадка самого городища. Въезд расположен в северной части площадки и представляет собой проход сквозь вал, дорожка от которого спускается вниз в напольный ров. Перед въездом имеется небольшой отрезок дополнительного невысокого вала. В мысовой части площадки обнаружена воронкообразная яма (очевидно, заплывший колодец) диаметром около 11 м и глубиной несколько менее 3 м. Археологическое исследование Белёвского городища показало, что оборонительные сооружения были здесь построены во второй половине X—начале XI в. и использовались только в течение XI в. Материалов XII—XIII вв. в культурном слое не имеется.

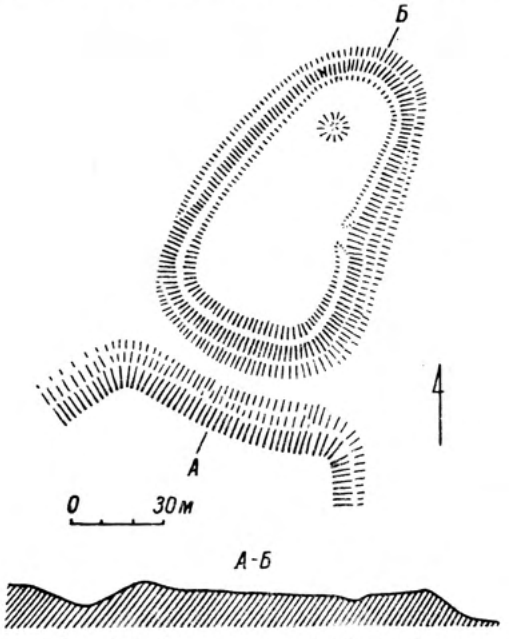

Рис. 38. Городище в с. Басов Кут.

Не менее характерно городище в с. Устилуг, расположенное на высоком холме на берегу Западного Буга (рис. 41).[84] Со стороны реки его защищает крутой склон, превышающий по высоте 10 м; с остальных сторон площадка отрезана от берегового плато глубоким рвом. Размер площадки 100 м в длину при наибольшей ширине

[84] П. Раппопорт. Отчет 1963 г. — В Военно-историческом архиве хранится очень хорошо исполненный план этого городища, снятый в 1826 г. (ЦГВИА, ф. 418, № 655).

до 70 м. Вал обходит площадку почти по всему ее периметру, кроме участка, обращенного к реке. Высота его на этом городище большая, но прорезка показала, что первоначально, в X—XI вв., он был гораздо ниже; подсыпка вала была произведена, видимо, в XV—XVI вв.

Городище близ с. Малая Мощаница занимает мыс на оконечности плато, поднимающегося над окружающей низинной при-

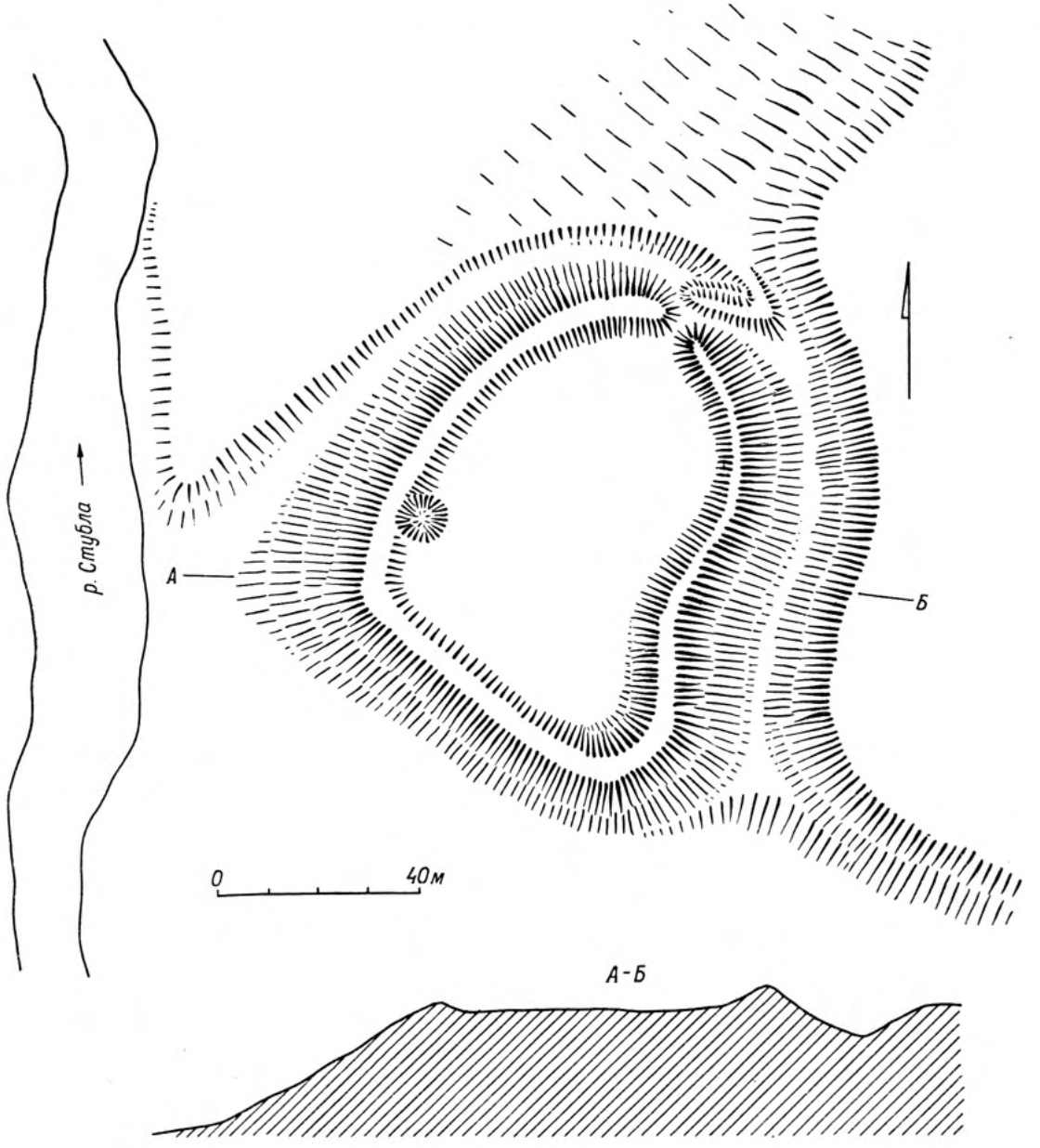

Рис. 39. Белёвское городище.

мерно на 30 м (рис. 42).[85] Площадка городища ровная, овальная, размером 60 × 45 м.

[85] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

По всему периметру она окружена валом; с напольной стороны этот вал имеет высоту около 3 м, с остальных сторон он значительно ниже, а на юго-восточной стороне вал вовсе не прослеживается. С наполья перед валом имеется ров, переходящий в горизонтальную террасу, обходящую вокруг

Рис. 40. Белёвское городище. Вид с севера.

всего укрепления. Вход на площадку расположен в западном конце напольной стороны. Культурного слоя на городище нет, но, судя по расположенному рядом селищу, оно относится к X—XI вв.

Несомненно к мысовому типу относились укрепления городов Острога и Дубно (древнерусский Дубен), упоминаемых в русской летописи с рубежа XI и XII вв.[86] Мысовой характер имела также центральная укрепленная часть древнего Берестья. После постройки в начале XIX в. Брестской крепости древний детинец, расположенный при слиянии рр. Мухавца и Буга, оказался на территории так называемого Волынского форштадта. На некоторых старинных планах Бреста изображена еще дугообразная в плане линия рва, защищавшего детинец с напольной стороны.[87]

Встречаются (правда, довольно редко) укрепления мысового типа, расположенные не на холмах, а на плоской низменной местности. Таково, например, городище близ с. Старгород, являющееся, по-видимому, остатками города Всеволожа (рис. 43, 44).[88] Это городище расположено среди заболоченной поймы на правом берегу Западного Буга.

[86] Укрепления этих городов позднее неоднократно перестраивались, однако их первоначальная мысовая схема все же достаточно ясно прослеживается. В особенности четко видна конфигурация древних укреплений на некоторых старинных планах. См., например, планы Острога (ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 166, Волынская губ., №№ 64, 73; ф. 1350, оп. 312, д. 9, л. 27, а также: А. Перлштейн. Описание города Острога. М., 1847); планы Дубно (ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 166, Волынская губ., №№ 21, 23; ф. 1350, оп. 312, № 9, Атлас Волынской губ. 1798 г., л. 33; ф. 1293, оп. 168, Волынская губ., № 2).

[87] См., например, план 1803 г. (ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 166, Гродненская губ., № 6).

[88] П. Раппопорт. Отчет 1963 г. — Сопоставление городища у с. Старгород с древним городом Всеволож было выдвинуто А. Цинкаловским в докладе на пленуме ИИМК в 1941 г. (ЛОА, ф. 35, № 586); см. также: A. Cynkałowski. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołynskiego. Warszawa, 1961, стр. 199; П. А. Раппопорт. Новые данные по исторической географии Волыни, стр. 57.

Оно имеет приблизительно треугольную форму и окружено по периметру валом, сильно расплывшимся и имеющим при значительной ширине высоту всего около 1.5 м. Площадка лежит на 2 м выше окружающей местности и имеет 150 м в длину и наибольшую ширину около 100 м. Восточный угол площадки несколько выше остальной его части. Восточная и западная стороны городища защищены заболоченными участками поймы, а с юга и юго-востока к городищу примыкает незаболоченная территория. С этой стороны перед валом отрыт ров, который и придает укреплению мысовой характер. Весь найденный здесь археологический материал относится к X—XI вв., но время существования города Всеволожа

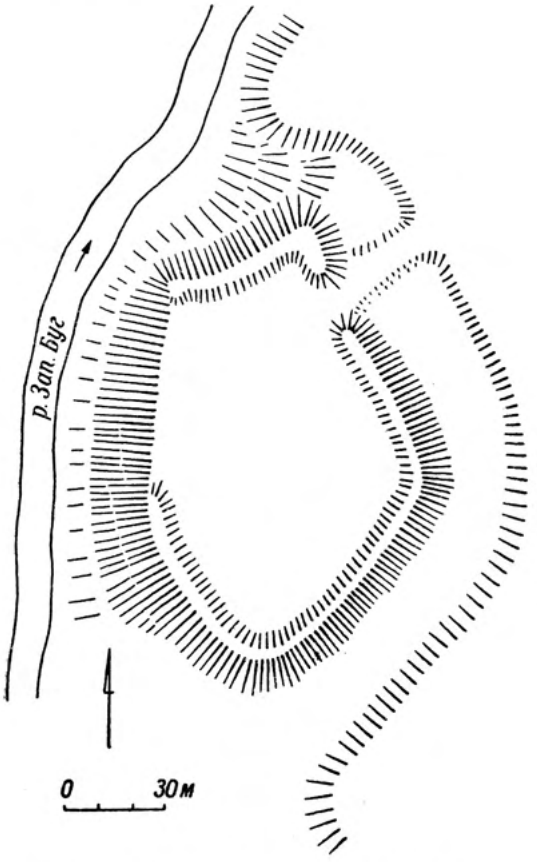

Рис. 41. Городище в с. Устилуг.

можно ограничить и более точными рамками: основание этого города, очевидно, связано с деятельностью Всеволода (сына князя Владимира Святославича), княжившего на Волыни в конце X в., а уничтожение Всеволожа относится к 1097 г., когда

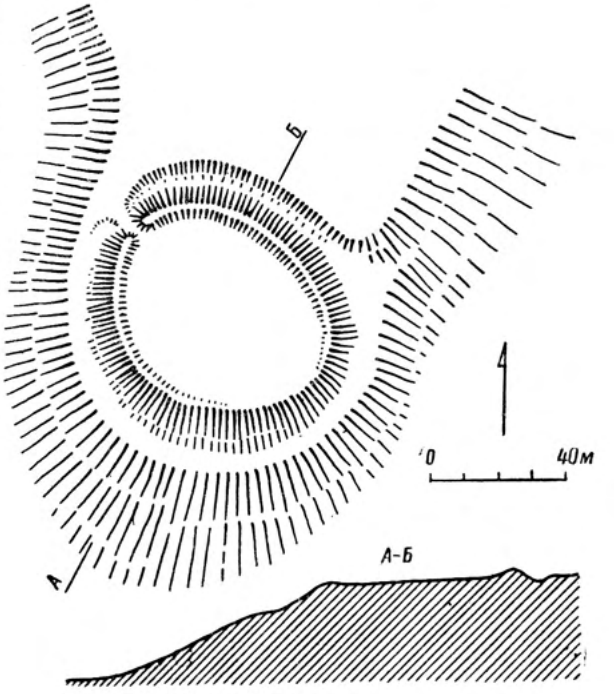

Рис. 42. Городище близ с. Малая Мощаница.

город был сожжен галицкой ратью. После пожара Всеволож был восстановлен, но уже на другом месте, очевидно в 2 км от данного городища, близ с. Литовеж, где на городище Замчище под культурным слоем XIV—XV вв. обнаружена керамика XII—XIII вв.[89]

К укреплениям, подчиненным естественным условиям местности, относится также городище Сураж в Подляшье.[90] Очень небольшая площадка (32 × 27 м) занимает здесь холм, возвышающийся над р. Нарев, и окружена по периметру валом. От продолжения холмистой гряды, тянущейся вдоль реки к северу и югу, городище отрезано рвами. Городок Сураж упоминается в пись-

[89] Сведения любезно сообщены А. Н. Цинкаловским (Краков).

[90] A. Kamiński. Z badań nad pograniczem polsko-rusko-jaćwieskim w rejonie rzeki Sliny. WA, t. XXIII, z. 2, 1956, стр. 135.

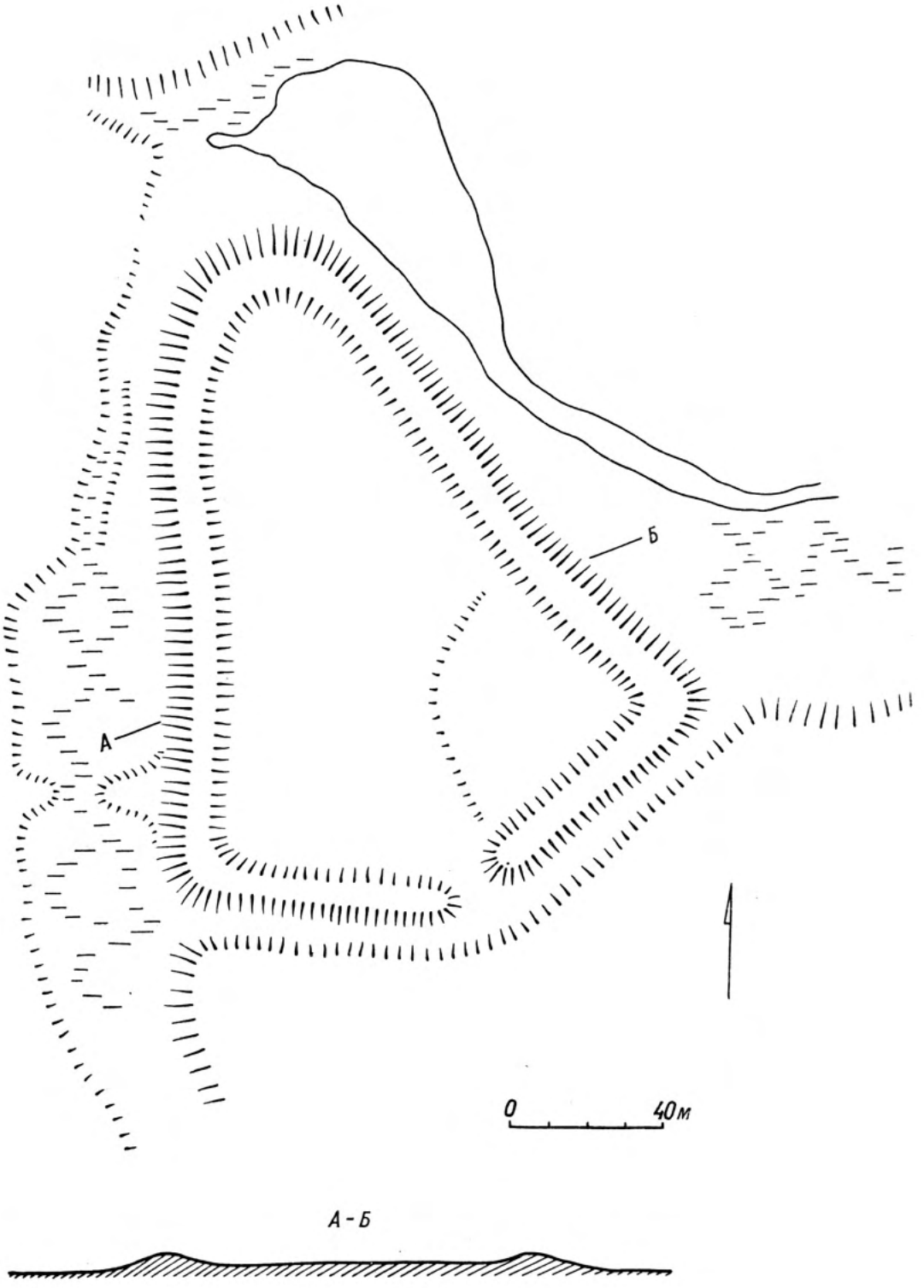

Рис. 43. Городище близ с. Старгород (Всеволож).

менных источниках лишь с XIV в., но, судя по археологическому материалу, основание этого города следует относить к концу XI в.

Еще проще по организации обороны маленькое городище, расположенное на болотистом правом берегу Припяти напротив с. Ветлы (рис. 46).[92] Площадка возвышается

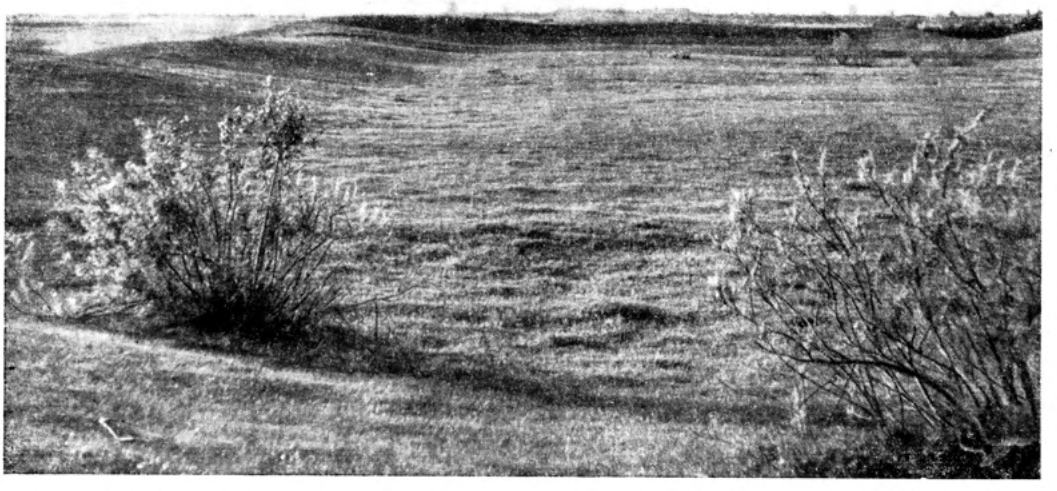

Рис. 44. Городище близ с. Старгород (Всеволож). Вид площадки городища с северо-запада.

2

Существует целая группа волынских городищ, имеющих искусственно приданную им округлую форму. Простейшие из них представляют собой небольшие круглые площадки без валов, защищенные со всех сторон болотом. Таково, например, городище в Турийске, расположенное на левом берегу р. Турии на плоской, сильно заболоченной равнине (рис. 45).[91] Площадка правильной круглой формы имеет диаметр несколько более 100 м и возвышается над низиной примерно на 2.5 м. Валов на городище нет, но ров некогда обходил вокруг всей площадки; в настоящее время от этого рва местами сохранились еще следы. Судя по археологическому материалу, город Турийск возник во второй половине X или в самом начале XI в. и существовал вплоть до XIV—XV вв.

над болотом примерно на 2 м и имеет совершенно правильную круглую форму; она горизонтальная, ровная, края ее слегка повышены, диаметр 40 м. На городище нет не только валов, но и рвов. Отдельные фрагменты керамики, обнаруженные на городище, позволяют относить его к XII—XIII вв. В письменных источниках городок Ветлы упоминается лишь с середины XIV в.

Совершенно идентично городище Городок, расположенное на правом берегу р. Припяти в с. Ярéвище и представляющее собой остатки городка Рай, известного по летописным упоминаниям под 1287 г.[93] Оно расположено на заболоченном лугу в восточной части села близ Вознесенской церкви (рис. 47). Площадка имела правильную круглую форму, но в настоящее время ее края сильно оплыли и разрыты. Диаметр

[91] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.

[92] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

[93] П. А. Раппопорт. Новые данные по исторической географии Волыни, стр. 55.

площадки около 40 м, ее высота над уровнем болота около 1.5 м. Культурный слой на городище и на селище, находящемся

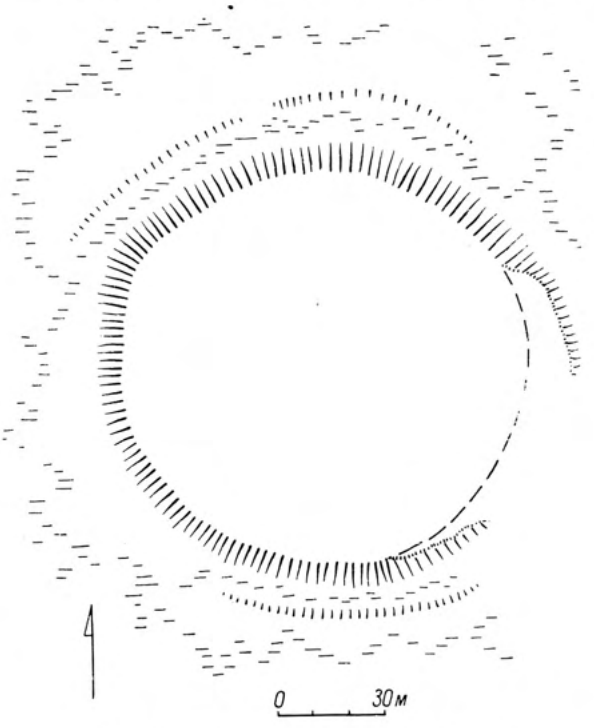

Рис. 45. Городище в г. Турийске.

между городищем и церковью, исключительно XII—XIII вв.

Почти совпадает с вышеописанными городище у д. Зайончки в Подляшье.[94] Его площадка, имеющая правильную круглую форму, поднимается над уровнем окружающих лугов примерно на 1 м. Диаметр площадки 35 м. Снаружи сохранились следы рва и, быть может, небольшого вала, расположенного перед рвом.

В перечисленных выше укреплениях оборонительным рубежом является сам край площадки, несколько приподнятый над уровнем болота и иногда усиленный рвом. В большинстве же случаев, однако, круглые болотные городища имеют вал, проходящий по всему их периметру. Таков вал (высота его около 1 м) городища близ с. Головно, расположенного на болотистом лугу и имеющего круглую площадку диаметром около 30 м. Время существования этого укрепленного поселения — X—XI вв.[95]

Городище Замковая Гора в Бельске занимает невысокое всхолмление с покатыми склонами, поднимающееся среди заболоченной низины, и имеет круглую площадку, также окруженную по периметру валом.[96] Город Бельск впервые упоминается в письменных источниках в середине XIII в., но, судя по археологическому материалу, укрепленное поселение было основано несколько раньше, по-видимому, на рубеже XII—XIII вв.

Круглые городища на территории Волыни известны в достаточно большом коли-

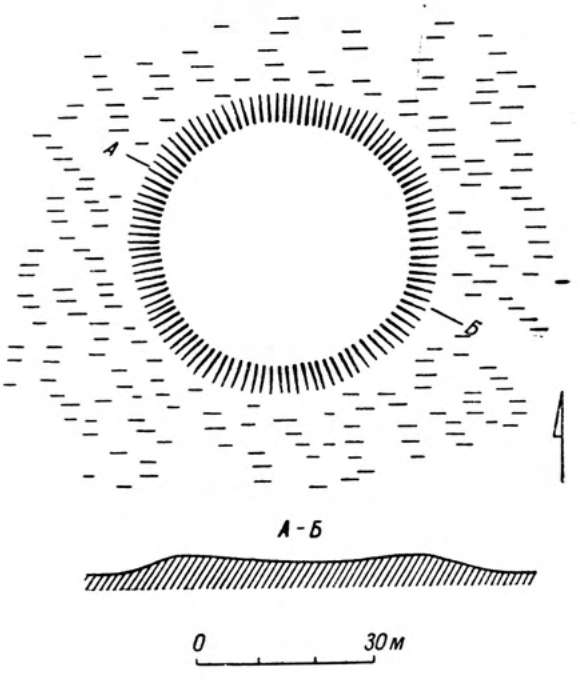

Рис. 46. Городище близ с. Ветлы.

[94] A. Kamiński. Pogranicze polsko-ruskojaćwieskie między Biebrzą i Narwią. Rocznik Białostocki, t. IV, 1963, стр. 20; J. i A. Kamińscy. Grodzisko we wsi Zajączki, pow. Białystok. WA, t. XXIII, z. 4, 1956, стр. 365.

[95] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 32.

[96] S. Herbst. Bielsk Podlacki. Studia z historii budowy miast polskich. Prace instytutu urbanistyki i architektury, r. VI, z. 2/17, Warszawa, 1957, стр. 39; K. Musianowicz. Granica Mazowiecko-Drehowiska na Podlasiu..., стр. 224; Замковая Гора в Бельске. Гродненские губ. ведомости, 1847, № 26. — План городища хорошо виден, например, на плане города Бельска 1830 г. (ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 166, Гродненская губ., № 10).

честве. Можно упомянуть, например, городище у д. Бужиски, находящееся на низком правом берегу Западного Буга

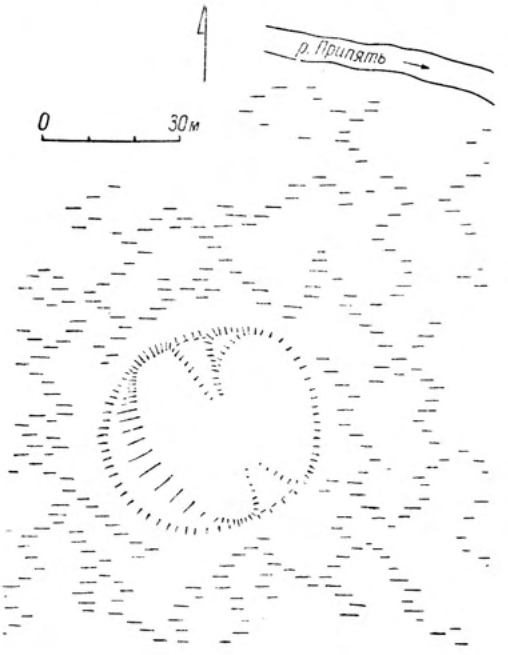

Рис. 47. Городище Городок в с. Ярéвище (Рай).

и имеющее правильную круглую площадку диаметром около 20 м.[97] По периметру оно окружено валом, перед которым сохранились следы рва. Найденная здесь керамика относится к XII—XIII вв. На возвышенности среди болота расположено круглое городище у д. Сайчице в районе Холма.[98] Площадка его имеет размер 45 × 55 м и окружена по периметру валом и рвом. На городище обнаружена керамика X—XI вв.

Примером маленького круглого укрепления может также служить центральная площадка 1-го Михновского городища.[99] Она занимает возвышенность, склоны которой к западу заметно крутые, а с остальных сторон очень пологие. Площадка имеет близкую к кругу форму; ее размер 27 × 35 м. По периметру площадка окружена валом, высота которого от 1.5 м в западной части до 3 м в восточной. Перед валом вокруг городища проходит кольцеобразный ров. Въезд расположен с юго-восточной стороны, а в северной части площадки имеется круглая яма диаметром около 7 м при глубине около 1 м, возможно образовавшаяся на месте древнего колодца. Культурный слой относится к XI—XIII вв. Это маленькое городище представляет собой лишь составную часть гораздо большего городища (общий размер его 150 × 300 м), относящегося, оче-

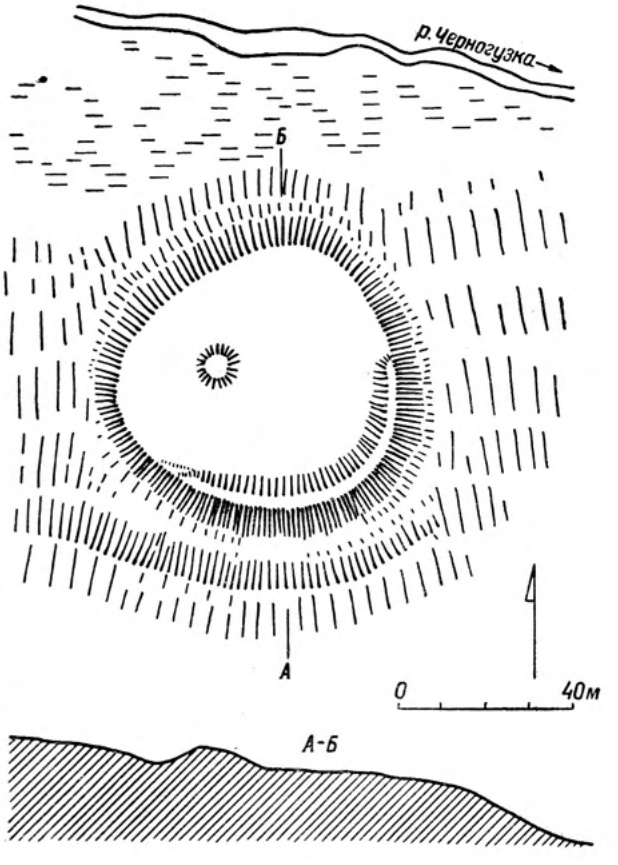

Рис. 48. Городище у с. Горзвин.

видно, к эпохе раннего железа. В какой степени русские поселенцы при строительстве маленького круглого укрепления использо-

---

[97] K. Dąbrowski. Grodzisko na łąkax wsi Buźyski. WA, t. XXII, z. 1, 1955, стр. 88; W. Bernat. Archeologiczne badania powierzchniowe w dolinie Bugu. Archeologické rozhledy, r. VI, Praha, 1954, стр. 806.

[98] S. Skibiński. 1) Zabytki archeologiczne powiatu Chełmskitgo. Ziemia Chełmska, Lublin, 1961, стр. 150; 2) Wczesnośredniowieczne grobzisko «Horodiszcze» w Sajczycach-Czulczycach Małych. WA, t. XXX, z. 3/4, 1964, стр. 499.

[99] П. А. Раппопорт. К вопросу о Плеснеске, стр. 97.

вали земляные сооружения более древней поры, пока неясно.

Городище у с. Горзвин имеет не совсем правильную круглую форму и расположено на пологом склоне, опускающемся к северу в заболоченную пойму р. Черногузки (рис. 48, 49).[100] Вал и ров имеются только с верхней (т. е. южной) стороны, там, где естественное всхолмление, на котором расположена площадка, непосредственно переходит в поле. Площадка городища ровная, слегка понижающаяся к северу, размером около 55 м в диаметре. Высота вала достигает 3 м. На площадке возвышается круглый бугор высотой 1.2 м. Наличие вала и рва, отделяющих площадку от соседней возвышенности, делают городище у с. Горзвин очень близким к мысовому типу, однако несомненно, что почти правильная круглая форма была придана этому укреплению искусственно. Культурного слоя на городище нет, но здесь встречаются отдельные фрагменты керамики XII—XIII вв. Керамика XI—XIII вв. найдена также на полях рядом с городищем.

Рис. 49. Городище у с. Горзвин. Вид с северо-запада.

Очень своеобразный вариант представляют собой круглые укрепления, окруженные несколькими концентрическими линиями валов и рвов. Примером может служить городище у д. Канье близ Холма.[101] Оно расположено среди болота и имеет центральную площадку почти совершенно правильной круглой формы диаметром около 50 м. Площадка эта окружена по периметру валом и рвом. На расстоянии от 20 до 30 м от внутреннего вала проходит вторая линия вала и рва, окружающая площадку, приближающуюся по форме к овалу (рис. 155, *1*). Городище у д. Тарнув в районе Холма тоже имеет круглую площадку диаметром около 70 м.[102] Площадку окружает кольцевой вал; перед ним видны следы рва. На расстоянии от 19 до 20 м от первого вала проходит второй кольцевой вал. И, наконец, на расстоянии от 35 до 50 м имеются остатки третьего, наружного, вала. К сожалению, от этого третьего вала сохранился лишь небольшой участок, и его первоначальная конфигурация не ясна.

[100] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.

[101] S. Skibiński. 1) Grodzisko średniowieczne «Horodysko» w Kaniach-Lipówkach pow. Chełm. WA, t. XXVII, z. 3, 1962, стр. 316; 2) Wczesnośredniowieczne grodzisko «Szwedzkie Okopy» w Kaniach-Krowicy. WA, t. XXX, z. 3/4, 1964, стр. 493.

[102] S. Skibiński. Grodzisko wczesnośredniowieczne «Wały» w Tarnowie-Karczunku. WA, t. XXX, z. 3/4, 1964, стр. 500.

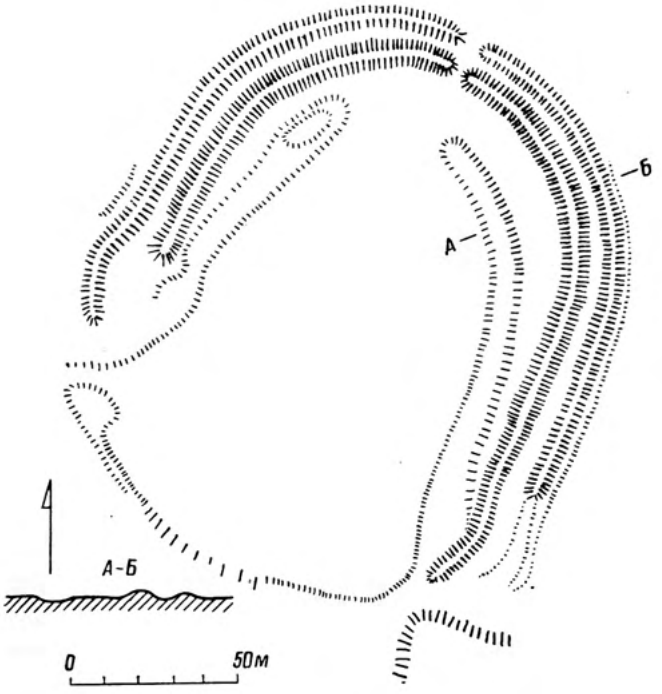

Рис. 50. Городище у д. Любче.

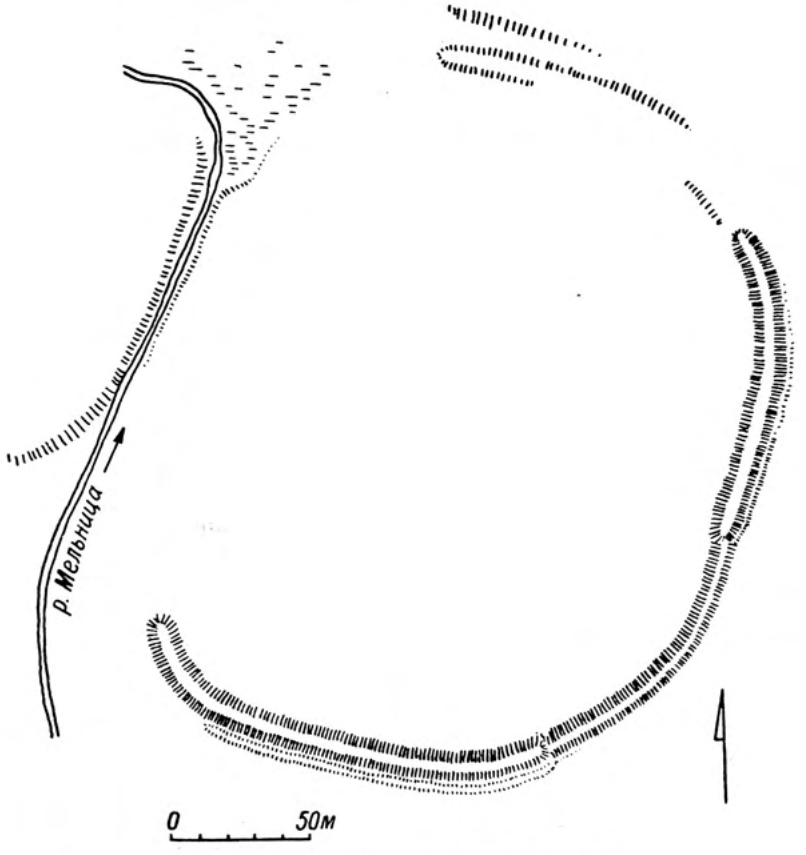

Рис. 51. Городище в с. Мельница.

По-видимому, к круглому типу относилось также городище у с. Смидин.[103] В настоящее время оно полностью распахано, но, судя по слабым следам, которые от него остались, можно полагать, что городище имело круглую площадку диаметром примерно 30—40 м, окруженную тремя концентрическими валами и рвами. Общая ширина полосы валов и рвов была невелика — не более 20 м. Археологический материал на месте этого уничтоженного городища целиком относится к X в.

Некоторую аналогию городищу у с. Смидин можно видеть в городище у д. Любче (рис. 50).[104] В своей северной части оно приближается к укреплениям правильной круглой формы, однако в южной части имеет очень неопределенные очертания. Основная площадка в настоящее время защищена только рвом, но, по словам местных жителей, еще сравнительно недавно здесь имелся также и вал. Кроме того, северная половина городища защищена еще двумя параллельными линиями валов и рвов, имеющих очень незначительную мощность. Не исключена возможность, что не совсем понятная плановая схема этого городища связана с его очень плохой сохранностью, искажением плана оборонительных сооружений. Культурный слой на городище относится к XI—XIII вв.

Довольно значительное количество городищ, имеющих круглую форму, имеется на территории Подляшья, на границе Мазовии.[105] На некоторых из них была обнаружена керамика XII—XIII вв.

Как бы промежуточное положение между городищами, имеющими круглую форму и относящимися к мысовому типу, занимает городище Фосия в г. Любомле, хорошо известном по упоминаниям в русских летописях XIII в. Здесь круглая площадка диаметром около 60 м возвышается над заболоченной низиной и отделена глубоким рвом от территории, находящейся на том же уровне, что и площадка городища. К сожалению, укрепления древнего Любомля были настолько искажены при постройке позднего замка, что судить об их первоначальной форме очень трудно.[106]

К несколько иному варианту округлых укреплений относятся большие городища с мощным валом, окружающим более или менее плоскую и приблизительно круглую в плане площадку. На Волыни к такому

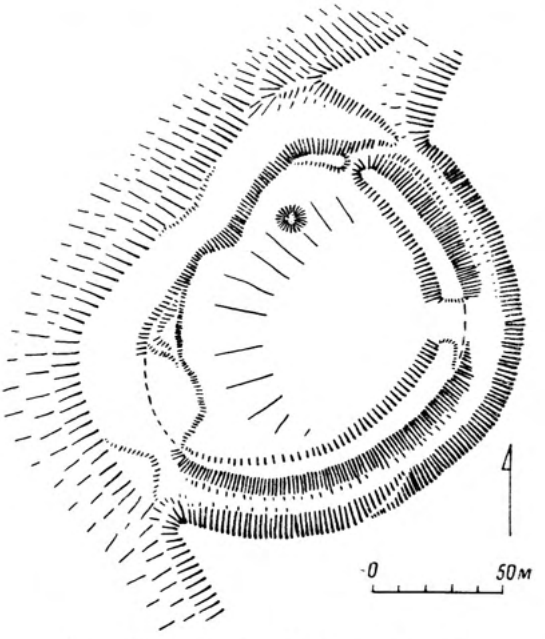

Рис. 52. Городище близ с. Дермань.

варианту относится городище в с. Мельница (рис. 51).[107] Площадка, имеющая размер 240 × 210 м, была здесь окружена по периметру валом. Сохранность вала различная: в южной части отрезок мощного вала высотой более 4 м, в восточной части вал несколько ниже, а в северной — видны лишь следы вала. С запада городище ограничено р. Мельницей; неизвестно, существовал ли первоначально вал с этой стороны. В северной части перед валом заметны слабые следы заплывшего рва. Перед лицевым склоном южного вала проходит второй, очень маленький по высоте вал. Культурный слой на городище относится к XI—XIII вв. В письменных источниках город Мельница упоминается с середины XIII в.

---

[103] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.
[104] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.
[105] K. Musianowicz. Granica Mazowiecko-Drehowicka na Podlasiu..., стр. 204—226; R. Jakimiwicz. Sprawozdanie z działności państ. konserwatora zabytków przedhistorycznych. WA, t. VIII, 1923, стр. 201—224.
[106] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.
[107] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.

Вариантом типа круглых городищ являются городища полукруглые, т. е. такие, в которых одна из сторон имеет не правильно округлую, а более или менее прямолинейную форму, связанную с тем, что с этой стороны площадка городища примыкает к естественному оборонительному рубежу — реке или обрыву. На Волыни представителем этой группы является городище близ бывшего монастыря в с. Дермань (теперь Устенское 2-е).[108] Оно расположено на краю плато, поднимающемся над долиной примерно на 20 м (рис. 52). От плато площадка отрезана широким и глубоким рвом правильной полукруглой формы. Вдоль рва проходит вал, достигающий в средней части довольно значительной мощности. Со стороны склона в долину ров переходит в горизонтальную террасу. Площадка городища имеет размер 90 × 125 м; она слегка понижается к краю плато. Въезд проходил через проезд в северной части вала; проезд в восточной части вала недавнего происхождения. В северной части на месте древнего колодца сохранилась воронкообразная яма глубиной около 2 м. Культурный слой относится к XI—XIII вв.

3

Особую группу составляют волынские городища, имеющие искусственную форму, но не округлую, а как бы промежуточную между кругом и квадратом. В отдельных случаях такая форма плана, вероятно, в некоторой степени связана с естественными защитными свойствами местности. Однако наличие на Волыни целого ряда подобных памятников свидетельствует о том, что данная форма является не случайным приспособлением круглых городищ к условиям рельефа, а специальным, специфически волынским типом укреплений.

К данному типу относится довольно большое количество волынских городищ, и поэтому с некоторой долей условности его можно назвать «волынским типом».

В наиболее чистом и ярком виде указанный тип представлен городищем у с. Острожец (рис. 53, 159).[109] Здесь форма плана совершенно явно не зависит от характера рельефа, поскольку укрепление расположено на ровном поле, лишь слегка повышающемся к востоку. Площадка имеет форму, приближающуюся в южной и восточной частях к квадрату, а в северной и западной — к кругу. Диаметр ее около 80 м. По периметру площадка окружена мощным валом и глубоким рвом (высота вала 4—6 м, глубина рва 3—4.5 м). Валы городища крутые и находятся в прекрасной сохранности, хотя гребень вала северной и восточной сторон частично разрыт. Въезд расположен в юго-западной части и представляет собой прорыв в валу и земляную перемычку, проходящую через ров с заметным подъемом в сторону площадки. В северо-западной части площадки сохранилась воронкообразная яма от колодца диаметром 10 м и глубиной 1.8 м. Рядом с городищем расположено большое селище. Археологический материал на всем поселении целиком относится к X—XI вв. Очень вероятно, что современное название села сохранило нам наименование заброшенного города, хотя в древних письменных источниках город Острожец не известен.

Городище у с. Посников расположено на пологом склоне, слегка понижающемся к востоку (рис. 54).[110] С юга к нему вплотную примыкает болотистая низина. Площадка имеет размер 80 × 60 м; она ровная, окружена по периметру валом. Перед валом всюду проходит ров. Высота вала наибольшая в северной части (3 м), глубина рва приблизительно одинакова (около 4 м). С восточной и южной сторон площадка по форме близка к прямоугольнику, а с запада и севера имеет округлые очертания. В валу сохранились три проезда, перед которыми поперек рва проходят земляные перемычки. В северо-восточном въезде перемычка широкая и высокая, в западном — узкая и низкая, а в южном — тоже широкая, но низкая, так как расположена на таком участке, где ров имеет очень малую глубину. У северо-восточного проезда на торце вала заметно округлое расширение диаметром около 5 м, несколько пониженное по отношению к гребню вала. По-видимому, здесь стояла башня. С юга перед рвом проходит второй вал. В средней части этого вала, напротив южного въезда, также имеется округлое расширение диаметром около 4—5 м. Западнее этого расши-

[108] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

[109] П. А. Раппопорт. 1) Археологические и архитектурные заметки. КСИА, вып. 96, 1963, стр. 32; 2) Отчет 1960 г.

[110] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.

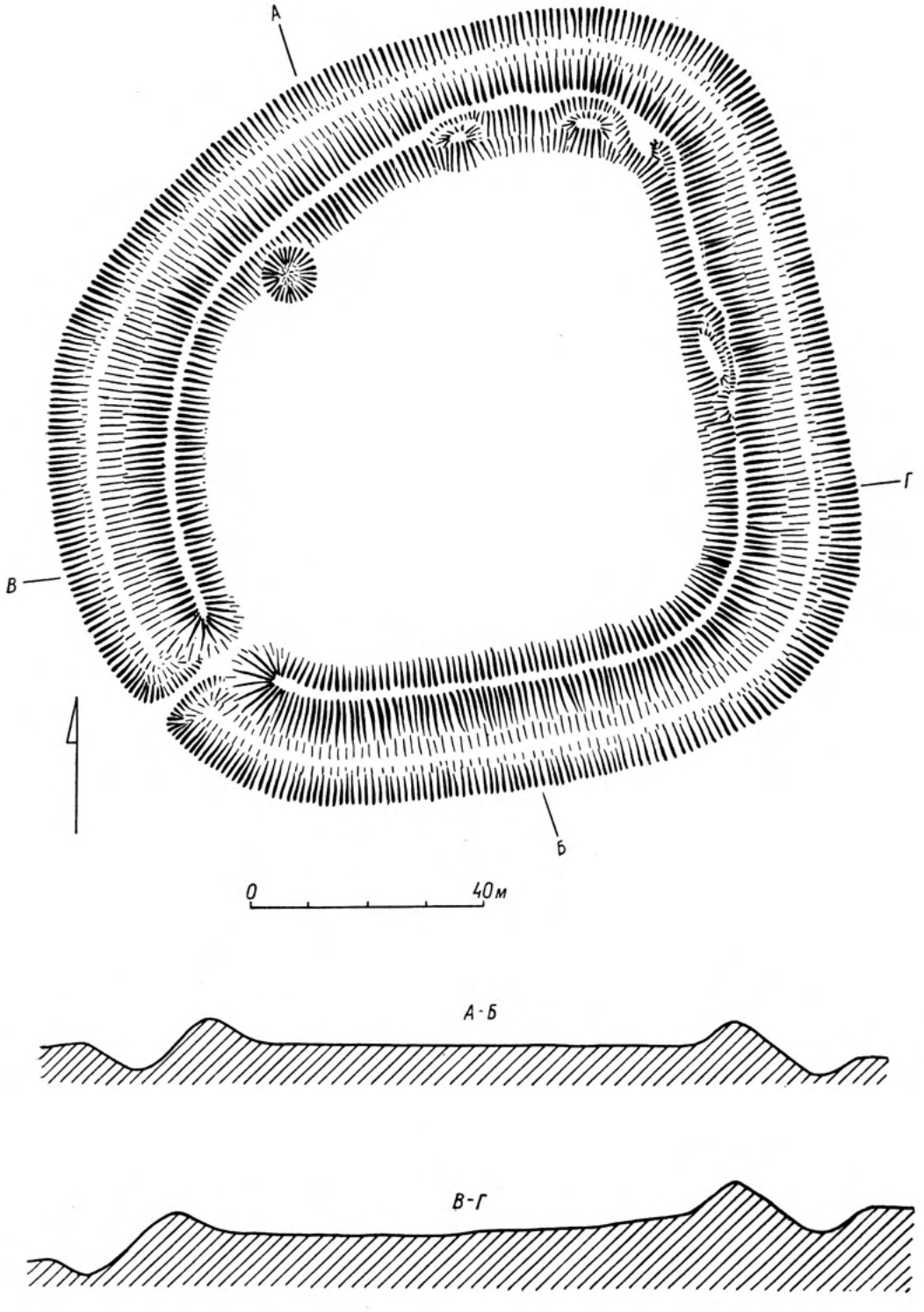

Рис. 53. Городище у с. Острожец.

рения наружный вал, очевидно, является уже не насыпным, а частью береговой террасы, проходящей по краю болотистой низины; вместо гребня вал имеет в этой части

Городище близ д. Одерады расположено на невысокой террасе над заболоченной низиной (рис. 55).[111] Площадка его в северной половине по форме приближается к квад-

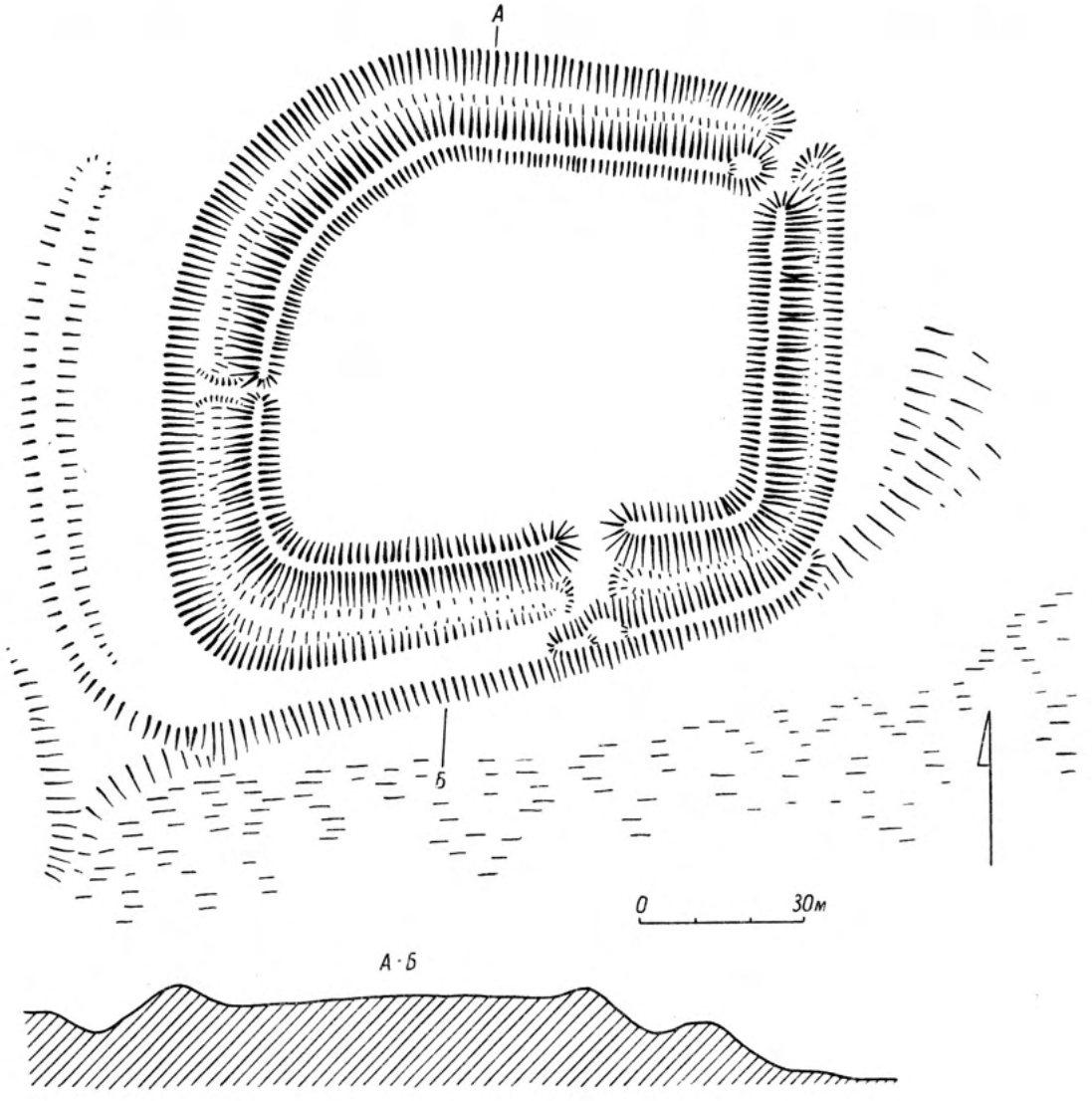

Рис. 54. Городище у с. Посников.

плоскую полосу шириной около 5 м. Вторая, наружная, линия вала и рва проходила и вдоль западного края городища, однако ров здесь уже полностью запахан, а от вала сохранились лишь слабые следы. Культурный слой на городище и примыкающем к нему селище относится к XI—XIII вв.

рату, с южной же и особенно с юго-западной стороны имеет округлые очертания; диаметр ее около 42 м. По периметру площадка окружена валом и рвом; наибольшая высота вала 2.5 м, глубина рва до 2 м. В северо-западном

[111] Там же.

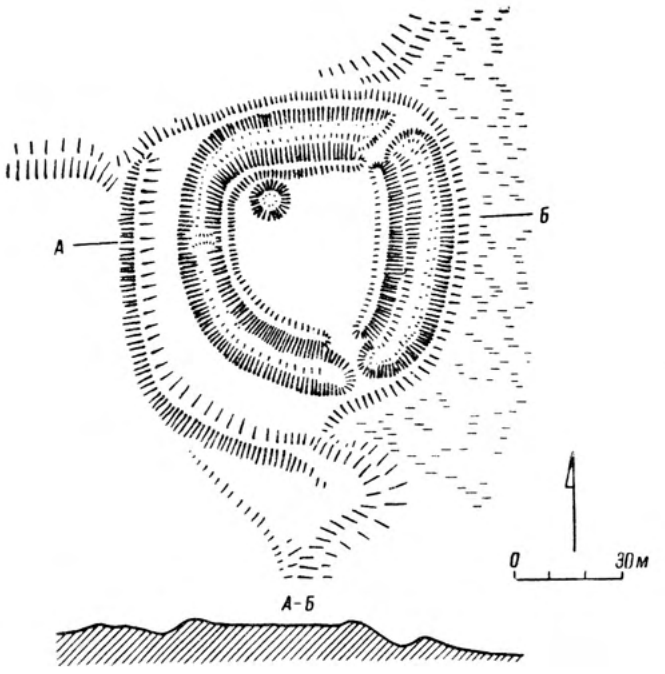

Рис. 55. Городище близ д. Одерады.

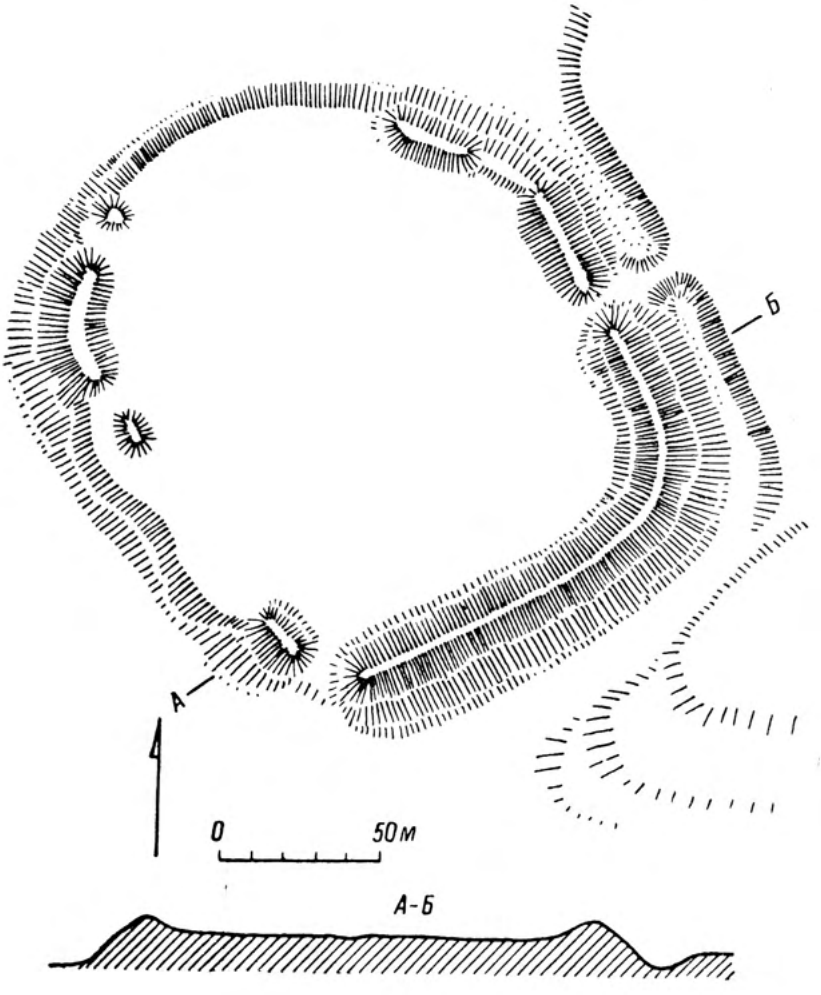

Рис. 56. Городище Вал в с. Шепель.

углу сохранилась воронкообразная яма от колодца диаметром около 10 м и глубиной 2 м. Через ров по земляным перемычкам ведут три въезда. С северо-востока и юго-востока эти перемычки широкие и подходят к проездам через вал; с запада через ров ведет узкая перемычка, которая подходит к валу на участке, где сквозь этот вал нет никакого прохода. Перед рвом тянется второй, очень невысокий вал. Со стороны повышенной террасы, т. е. с запада и юго-запада, этот наружный вал проходит не непосредственно перед рвом, а отстоит от него на 8—15 м; по-видимому, с этих сторон он является не насыпным валом, а лишь подрезанным естественным всхолмлением. Культурный слой на городище почти совершенно отсутствует. Здесь найдено лишь незначительное количество керамики XI в. Селище того же времени расположено к северу от городища.

Городище Вал в с. Шепель расположено на мысу, возвышающемся на 8—9 м над заболоченной долиной (рис. 56).[112] От берегового плато оно отделено рвом, имеющим ширину 22 м и глубину около 6 м. Несмотря на мысовую схему организации обороны, городище это по плану идентично таким памятникам, как Острожец, Посников, Одерады. Очевидно, что такая форма плана была придана данному укреплению сознательно. Именно этим объясняется то, что вал, проходивший по всему периметру площадки, имел повсюду более или менее одинаковую высоту (около 5—6 м), а не поднимался резко к напольной стороне, как это обычно бывает в мысовых городищах. В настоящее время часть валов западной половины срыта. Площадка имеет с двух сторон прямолинейные очертания (с северо-востока и юго-востока), а с остальных — округлый контур. Размер площадки 140 × 160 м. Въезд расположен с северо-востока и представляет собой прорыв в валу и перед ним земляную перемычку поперек рва. Культурный слой на городище относится к XI—XIII вв. Контрольные шурфы и зачистка торцов вала показали, что вал был насыпан на чистом материковом грунте и относится, таким образом, ко времени основания поселения, т. е. к XI в. (или, быть может, даже к концу X в.). В летописи город Шеполь упоминается с конца XI в.

[112] Там же.

Схему плана такого же типа имеет городище у с. Розваж, занимающее мыс над левым берегом р. Горыни и отрезанное от продолжения берегового плато прямолинейным отрезком рва.[113] Форма площадки почти квадратная, размер ее 120 × 130 м. Три стороны городища прямолинейны и лишь одна из боковых сторон, обращенная к реке, дугообразна. По всему периметру проходил вал, в настоящее время кое-где уже частично срытый. С напольной стороны вал имеет значительно бóльшую высоту, чем с остальных сторон, и, кроме того, здесь же, перед рвом, проходит еще один вал, дополнительный, значительно уступающий, однако, по высоте основному. Судя по археологическому материалу, жизнь на этом укрепленном поселении протекала в XI в.

Небольшое городище у с. Борочицы на р. Липе имеет такую же форму, как у вышеназванных городищ, правда, несколько менее правильную.[114] Городище расположено на плоской, сильно заболоченной местности и окружено по периметру мощным валом. Там, где к городищу вплотную подходит незаболоченный участок, перед валом проходит ров. Городище относится к XI и частично к XII в.

Самым крупным из городищ «волынского типа» является большое городище в с. Пересопница, расположенное на плоском участке местности и возвышающееся на 2—3 м над болотистой долиной р. Стублы (рис. 57).[115] По всему периметру площадка была окружена валом, имевшим в древности большую мощность; в настоящее время вал сильно распахан, а местами даже полностью срыт, но направление его почти всюду прослеживается достаточно ясно. В северо-восточной части вал даже сейчас возвышается более чем на 3 м. Площадка имеет приблизительно трапециевидную форму, размер ее 130—220 × 220 м (не учитывая краев, где некогда проходил вал). Площадь городища равна приблизительно 4 га. С юго-запада городище почти вплотную подходит к реке, с северо-запада и юго-востока примыкает к болоту. Удобный подход возможен только с северо-

[113] М. А. Тиханова. Отчет 1961 г. Сведения руководителя разведочного отряда Д. А. Мачинского.

[114] Сведения любезно сообщены М. А. Тихановой (Материалы Днестровско-Волынской экспедиции 1958 г.).

[115] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

востока. Здесь (с напольной стороны) перед валом видны следы широкого, сильно распаханного рва. Въезд расположен в средней части напольной стороны. Город Пересопница упоминается в русских летописях с середины XII в. как один из важнейших городов Восточной Волыни. Действительно, к городищу примыкает очень большое селище. Судя по археологическому материалу, поселение здесь было основано во второй половине XI в.

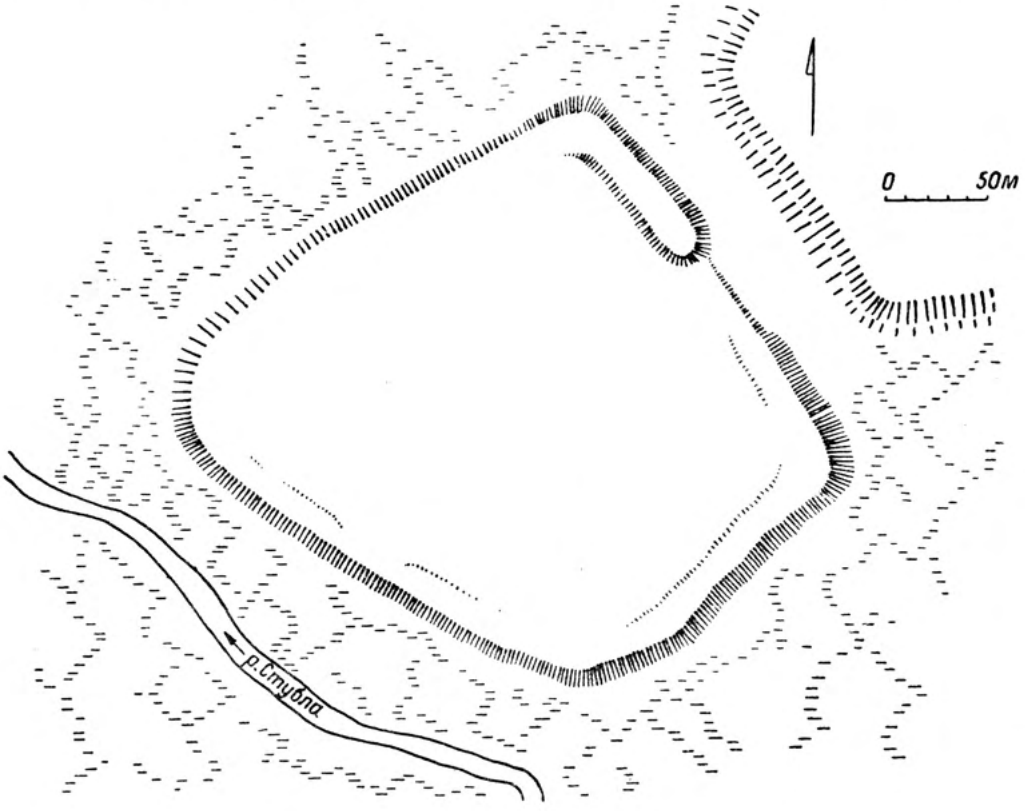

Рис. 57. Городище в с. Пересопница.

Наконец, к тому же своеобразному «волынскому типу» относятся детинцы города Сутейска и стольного города Волыни — Владимира-Волынского.

* * *

На Волыни встречаются иногда обычные мысовые городища, которые имеют, однако, много черт, сближающих их с вышеописанными памятниками «волынского типа». Таково, например, Тихомльское городище, которое расположено на мысу и отрезано с восточной стороны рвом от плато, лежащего на той же высоте, что и площадка городища (рис. 58).[116] С остальных сторон края площадки ограничены склонами. С запада и юга эти склоны имеют высоту около 25 м, а с севера площадка возвышается над соседней более низкой территорией всего на 7—8 м. Вал проходит как по восточному краю (вдоль рва), так и по северному, но высота его разная: на восточном крае около 4 м, а на северном всего около 1.5 м. В южной части напольного (восточного) вала имеется проезд. В русских летописях город Тихомль упоминается в XII—XIII вв., но, судя по археологическому материалу, он существовал уже и в XI в. Отличительной особенностью Тихомльского городища является прямолинейность двух его сторон — северной и восточной (напольной). Эта особенность свидетельствует о наличии опре-

[116] Там же.

деленной тенденции, проявляющейся в данном городище так же, как и в городищах «волынского типа», правда, менее ярко.

Еще в меньшей степени проявляется та же тенденция в городище у с. Васьковцы (рис. 59).[117] По существу это обычное мысовое городище, и лишь прямолинейность его напольной стороны свидетельствует о некоторой связи с памятниками «волынского типа». Площадка здесь занимает мысовидную оконечность высокого плато и имеет неправильно овальную форму, соответствующую естественным очертаниям мыса. Размер площадки 95 × 50 м. С напольной стороны она отрезана от плато двумя прямолинейными в плане валами и рвами. Оба вала и наружный ров (шириной 8 м при глубине 1.5 м) проходят только с напольной стороны, а внутренний ров (более мелкий, чем наружный) обходит вокруг всей площадки, но имеет с остальных сторон характер не рва, а горизонтальной террасы шириной около 4—6 м. Археологический материал на городище целиком относится к X—XI вв.

4

На волынской территории известно несколько городищ сложно-мысового типа и довольно много больших сложных городищ.

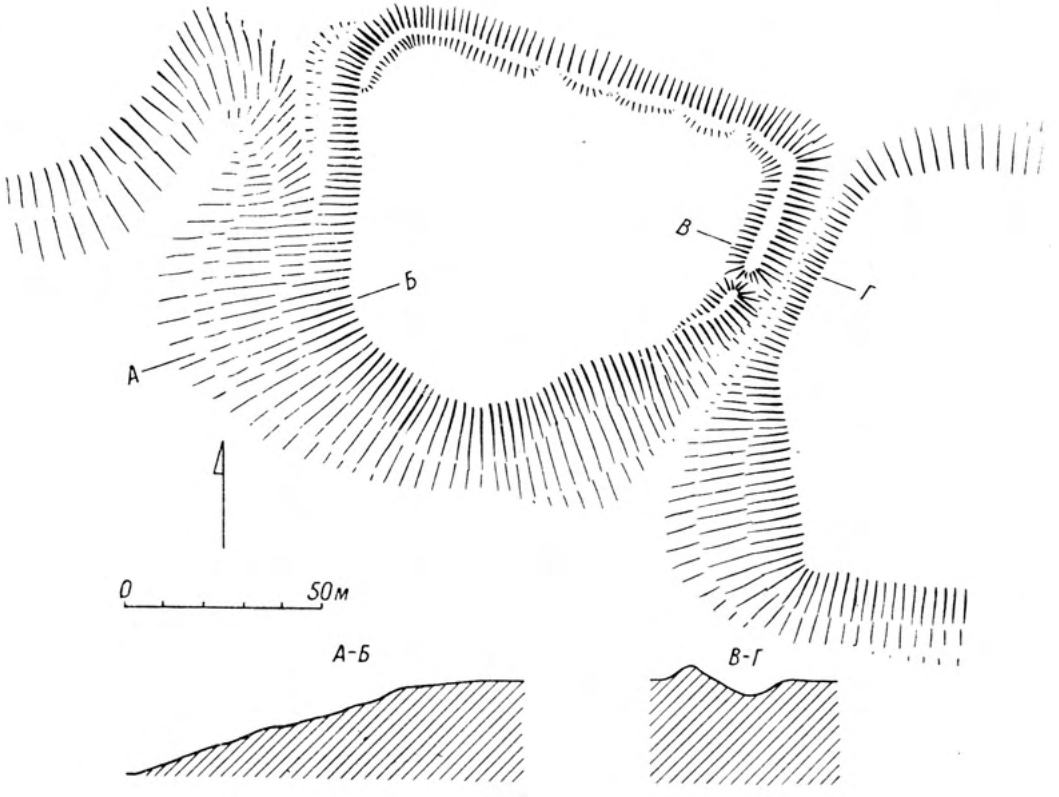

Рис. 58. Городище у с. Тихомль.

К сложно-мысовым относится, например, городище в с. Городище (близ с. Чарукова), расположенное на заболоченной низине (рис. 60).[118] Оно занимает невысокое всхолмление (до 3 м над уровнем болота) и отделено рвом от лежащей к востоку более высокой равнины. Промежуточный ров делит городище на две отдельные площадки: западная, т. е. мысовая, имеет размер 65 × 55 м и лишена валов; восточная (примерно 60 × 75 м) с напольной и частично с боковых сторон защищена валом. Вал этот

[117] Там же.

[118] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.

сильно оплыл и в настоящее время очень неопределенно очерчен. Въезд имеет характер широкого прорыва в валу. Археологический материал на городище относится к XI—XIII вв. Городище близ Чарукова является характерным памятником сложно-мысового типа укреплений.

Значительно более условно к этому же типу может быть отнесено городище близ д. Муравица (рис. 61).[119] Оно расположено у слияния двух рукавов р. Иквы на холмистом острове, высота которого около 7 м над заболоченным лугом. Весь островок имеет в длину около 150 м, в его юго-западной части выделена небольшая мысовидная площадка (25 × 35 м), окруженная по периметру мощным, хотя и сильно оплывшим валом и отрезанная от остальной территории островка глубоким рвом. Въезд на укрепленную площадку проходит через узкий прорыв вала и по перемычке через ров шириной около 7 м. Культурный слой на городище относится к XI—XIII вв. Городок Муравица упоминается в русских летописях в середине XII в.

На городище Муравица мысовую форму имеет лишь одна площадка, в то время как все оно в целом носит явно выраженный островной характер. Это делает данный памятник как бы промежуточным между сложно-мысовым и островным типами укреплений.

К сожалению, далеко не всегда еще удается достаточно определенно отличить древнерусское городище от памятников других эпох. Поэтому среди сложно-мысовых городищ Волыни могут оказаться такие, в которых часть укреплений относится к древнерусскому времени, а часть — к гораздо более ранней поре. Таково, например, городище на Медуновой горе близ с. Мирогоща.[120] Оно занимает конец мыса, высоко поднимающегося над окружающими полями. С напольной стороны площадка защищена дугообразным рвом. Вал проходит по всему периметру площадки, но с напольной стороны он имеет высоту 1.5 м, а с остальных сторон — всего около 0.5 м. Археологический материал относится к X—XI вв. и к более древним периодам (трипольская культура, эпоха раннего железа и культура пшеворского типа). К первой площадке этого городища с напольной стороны примыкают одна за другой еще две укрепленные площадки, превращающие его в памятник сложно-мысового типа. Однако обе наружные площадки, не имеющие культурного слоя, возможно, относятся к эпохе раннего железа и вряд ли использовались как оборонительные объекты в древнерусский период. Поэтому, рассматривая данное городище как памятник древнерусского военного зодчества, следует, по-видимому, учитывать лишь одну его основную укрепленную площадку, т. е. рассматривать его как памятник, относящийся не к сложно-мысовому, а к простому мысовому типу.

* * *

Ряд волынских городищ относится к сложному типу укреплений, состоящих из центральной площадки-детинца и значительно большего по площади окольного города. В тех случаях, когда обе эти площадки расположены на мысовидном всхолмлении, городища довольно близки памятникам сложно-мысового типа, отличаясь, однако, от последних наличием большой по площади территории наружной площадки — окольного города. Таковы, например, городища у сел Тарговица и Гоща.

Городище Замок в с. Тарговица находится на правом берегу р. Иквы, в ее петле, вблизи впадения в Стырь.[121] Городище состоит из двух частей. Детинец занимает естественный мыс, поднимающийся над рекой на 9 м. Размер площадки детинца примерно 100 м в длину и 40—45 м в ширину. От продолжения всхолмления детинец отрезан рвом и валом; по-видимому, первоначально невысокий вал проходил также по остальным краям детинца. В настоящее время значительный кусок мысовой части городища уничтожен карьером для добычи глины. С юга к детинцу примыкает вторая площадка, также имеющая неправильную форму, соответствующую конфигурации всхолмления, зажатого в петле реки. С напольной стороны эта площадка защищена дугообразным в плане рвом и валом. Длина наружной площадки около 200 м.

Городище у с. Гоща расположено на мысу, возвышающемся на 8—9 м над уровнем Горыни (рис. 62).[122] Детинец в настоя-

[119] Там же.

[120] П. Раппопорт. Отчет 1961 г. План см.: П. А. Раппопорт. К вопросу о Плеснеске, стр. 101.

[121] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.

[122] Там же.

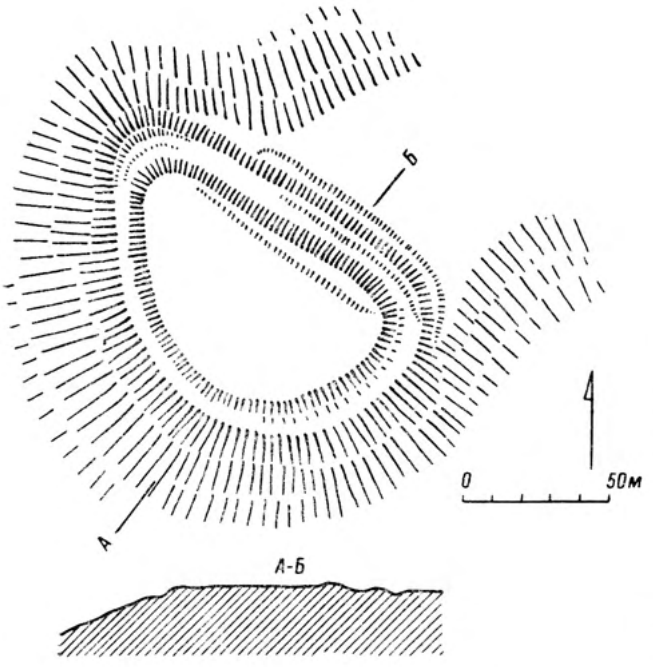

Рис 59. Городище у с. Васьковцы.

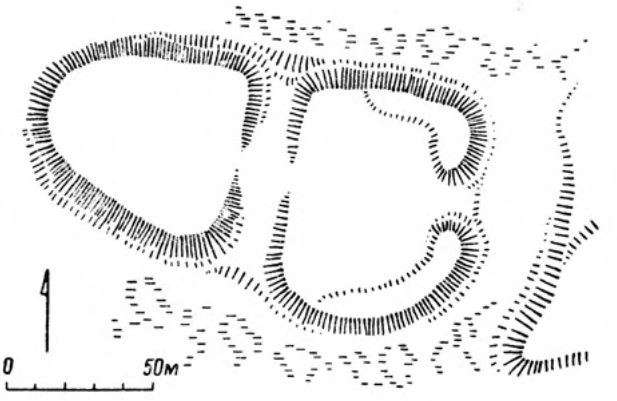

Рис. 60. Городище в с. Городище близ Чарукова.

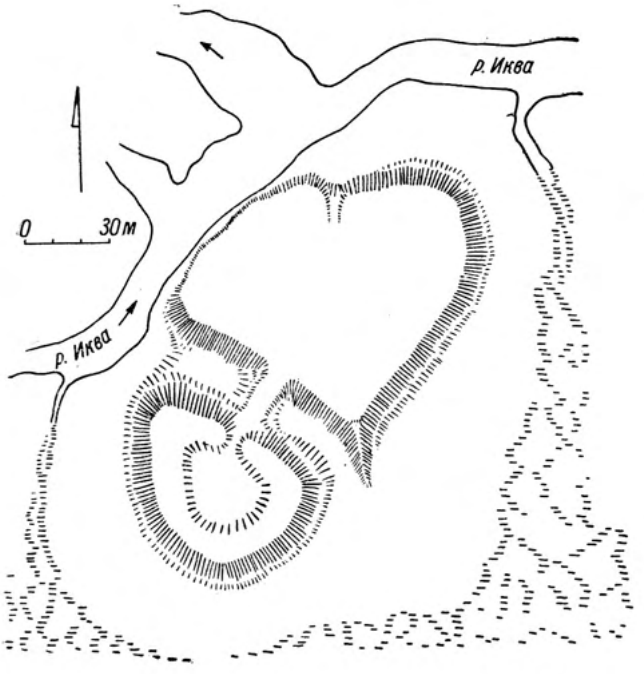

Рис. 61. Городище близ д. Муравица.

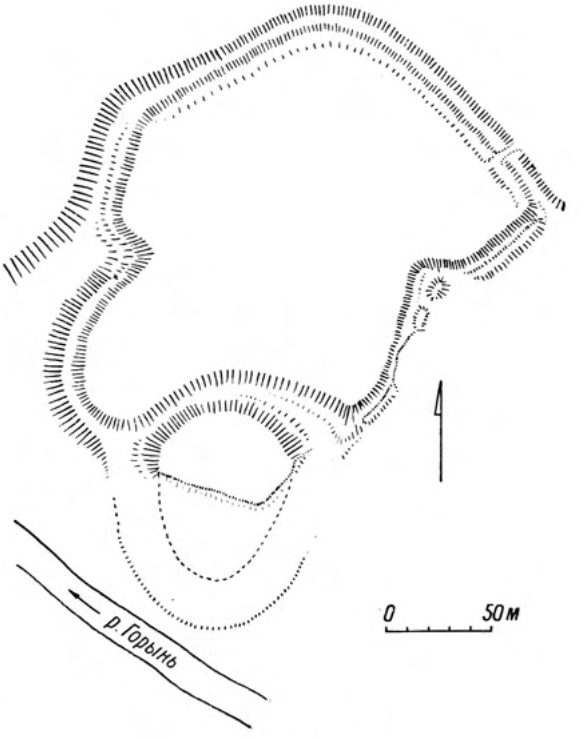

Рис. 62. Городище у с. Гоща.

щее время более чем наполовину срыт, но его первоначальная величина и форма легко определяются по сохранившейся ли-

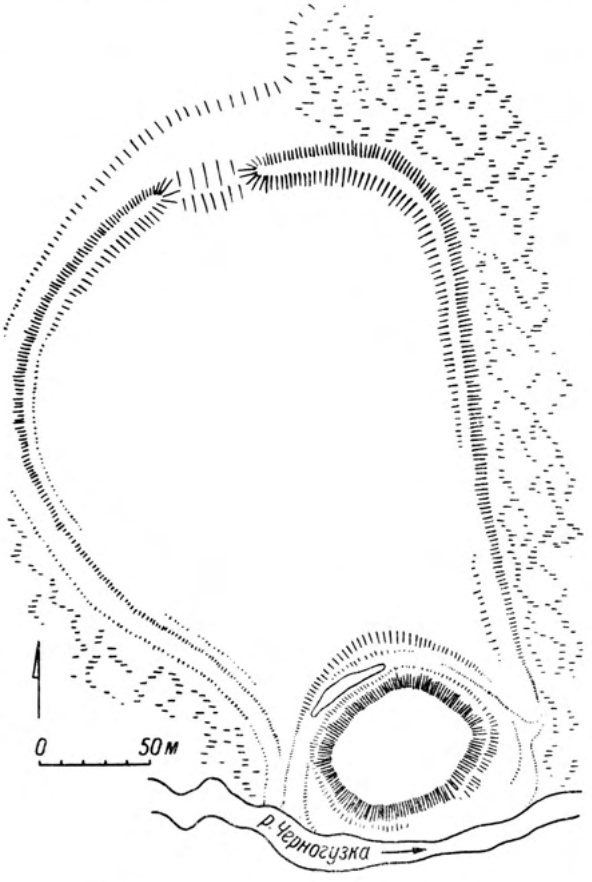

Рис. 63. Городище Коршовское.

нии основания склонов. Размер детинца 80 × 60 м; с напольной стороны он был защищен дугообразным в плане рвом. Наружная площадка (окольный город) имеет неправильную форму, соответствующую условиям естественного рельефа, и прикрыта с напольной стороны неглубоким рвом и сильно распаханным валом. С боковых сторон окольный город защищен естественными оврагами, причем по западному склону проходит узкая горизонтальная терраса, а по восточному — небольшой вал, расположенный примерно на середине высоты склона.[123]

Судя по археологическому материалу, городища у сел Тарговица и Гоща относятся к XI—XIII вв.

В более яркой форме сложный тип укреплений виден на Коршовском городище (рис. 63).[124] Это городище расположено на берегу р. Черногузки напротив с. Коршов, на землях с. Городище. Детинец занимает холм, возвышающийся на 3 м над уровнем реки; со стороны берега он защищен дугообразным рвом, частично заполненным водой. Вала на детинце нет, площадка его ровная, размером 65 × 50 м. Окольный город, имеющий в длину более 200 м, занимает площадку, также несколько повышенную по отношению к заболоченной пойме реки. По периметру (кроме стороны, обращенной к детинцу) проходит вал, сильно распаханный, но все же местами сохранивший высоту до 2 м. С северной, напольной, стороны заметны следы заплывшего рва. Этот ров проходит на участке, где окольный город примыкает к такой же несколько повышенной площадке. Со всех остальных сторон болотистая низина подходит вплотную к линии вала. С севера расположен въезд, представляющий собой прорыв в валу шириной около 20 м.[125] Судя по археологическому материалу, Коршовское городище целиком относится к XI в; материалов XII—XIII вв. здесь нет. Вряд ли могут быть сомнения в том, что название села Коршов (или Коршев) отражает древнее наименование города. Однако ни с одним из упоминаемых в летописях городов, носивших наименование Коршев или Корчев, данное городище не связывается.

Большое городище в с. Листвин расположено на мысу на горе, возвышающейся на 35 м над прилегающей низиной. По бокам городища находятся два глубоких и очень широких оврага (рис. 64, 65).[126] Централь-

[123] Расположение вала не по краю защищенной площадки, а ниже, на склоне, нехарактерно для древнерусских укреплений. Поэтому не исключена возможность, что на городище у с. Гоща сохранились остатки каких-то дославянских оборонительных сооружений. По сведениям Ю. В. Кухаренко, на этом городище была обнаружена керамика скифского времени.

[124] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.; см. также: Z. Leski. Wczesnohistoryczne grodzisko w Korszowie. Przegląd archeologiczny, t. VI, z. 1, Posnań, 1937, стр. 107. На основании данной публикации Коршовское городище упомянуто в кн.: П. Раппопорт. Очерки I, стр. 54.

[125] В сравнительно недавнее время вал окольного города был менее распахан и местами имел в высоту до 4 м. Ширина въезда была всего около 5 м (Z. Leski. Wczesnohistoryczne...).

[126] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

ная площадка (детинец) имеет неправильно яйцевидную форму, соответствующую естественным очертаниям мыса; размер площадки 180 × 140 м. По периметру она окружена валом, имеющим высоту около 2 м, а с напольной стороны поднимающимся до 7 м. Проезд в валу находится только на самом конце мыса. Близ этого въезда на площадке, на месте древнего колодца, видна яма правильной воронкообразной формы диаметром около 20 м и глубиной 6 м. Перед валом проходит ров; с напольной стороны он имеет глубину до 8 м и ширину около 24 м, с южной стороны его размеры гораздо

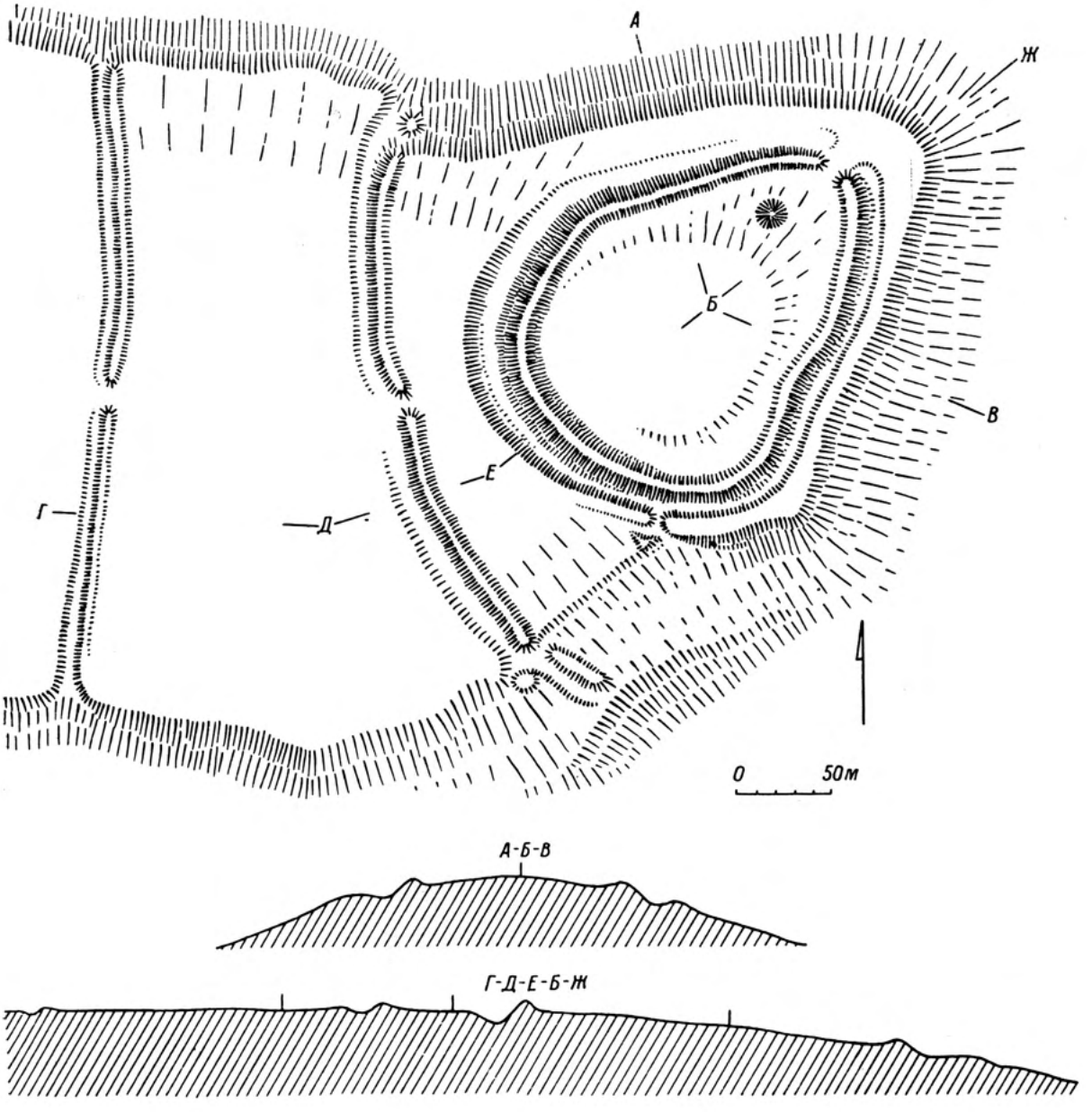

Рис. 64. Городище в с. Листвин.

меньше (глубина 2 м при ширине до 10 м), а с севера он превращается в горизонтальную террасу. В южной части имеется выезд из рва в напольную сторону. В 30 м от рва детинца расположена вторая оборонительная линия, представляющая собой длинный вал со рвом перед ним. Форма вала в плане слегка дугообразна, высота до 4 м; глубина рва 3 м. В валу имеются два проезда — в средней части и недалеко от его южного конца. За вторым рвом лежит площадка окольного города размером приблизительно 150 × 350 м. С напольной стороны площадка эта ограничена валом почти прямолинейных очертаний. Высота вала 2 м, ров перед ним имеет глубину до 2.5 м. Проезд расположен в средней части вала. По боковым сторонам площадки окольного города валов нет. Весь археологический материал на Лиственском городище относится исключительно к X—XI вв.

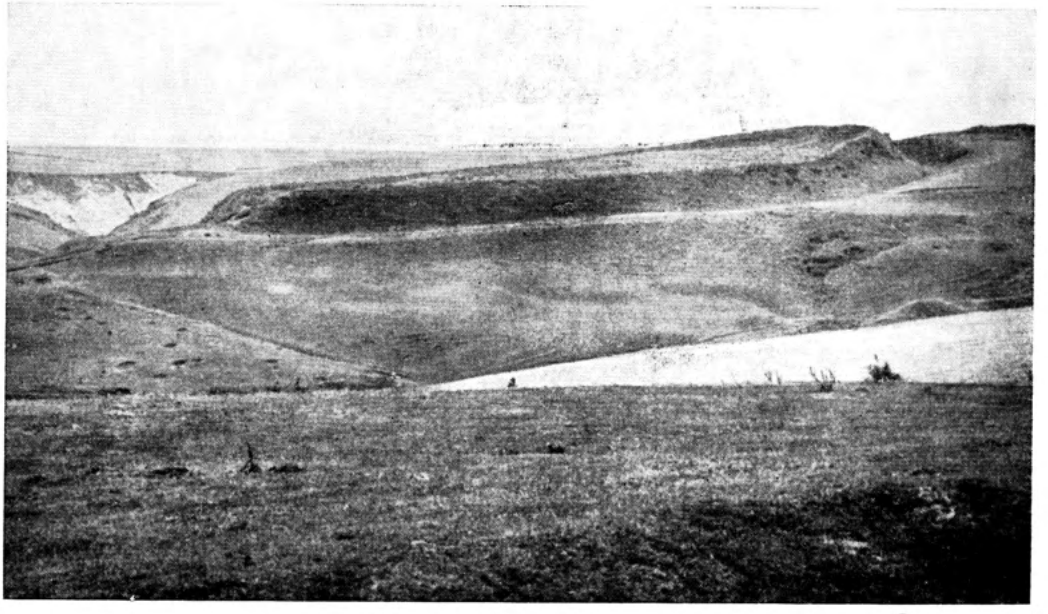

Рис. 65. Детинец городища Листвин. Вид с северо-запада.

К сложному типу относится городище в д. Сонсиядка, представляющее собой остатки пограничного древнерусского городка Сутейска (рис. 66).[127] Детинец этого города имеет форму, близкую к прямоугольнику со скругленными углами, и окружен по периметру мощным валом высотой до 6 м. Ров проходит только с одной, юго-восточной стороны. Площадка детинца имеет в длину всего около 37 м; на нее ведут два въезда: главный с востока и дополнительный с запада. На площадке находится воронкообразная яма от заплывшего колодца. К северу от детинца лежит окольный город, ограниченный с востока валом и рвом, с запада — крутым склоном, опускающимся в долину, а с севера — заболоченной поймой р. Пор. Въезд в окольный город проходит через проезд в валу в юго-восточной части городища, близ въезда в детинец. С юга и востока, кроме основной линии вала и рва, городище защищено еще второй, наружной, линией вала. Между этими валами образуется площадка, являющаяся как бы дополнительной площадкой окольного города. Общая площадь укрепленной территории городища около 2 га. Как показали археологические раскопки, детинец и окольный город в Сутейске были построены одновременно, в первой половине XI в. Наружная линия обороны сооружена, по-видимому, во второй половине XI или первой половине XII в.

[127] Z. Wartolowska. Gród czerwieński Sutiejsk na pograniczu Polsko-Ruskim. Warszawa, 1958.

В городе Холме детинец (Высокая Горка) расположен на возвышенности, господствующей над окружающей местностью. Археологические раскопки выявили на этом детинце каменную стену, имевшую в плане прямоугольные очертания. Однако весь детинец в целом имел неправильную форму плана, отвечавшую XIII в., хотя возможно, что укрепленное поселение существовало здесь и до этого. По-видимому, к XIII в. относится и наружная линия укреплений.

Двучленные укрепления имел и город Червень (современное городище Большое Замчиско у д. Чермно).[129] Детинец занимает всхолмление среди болотистой низины при

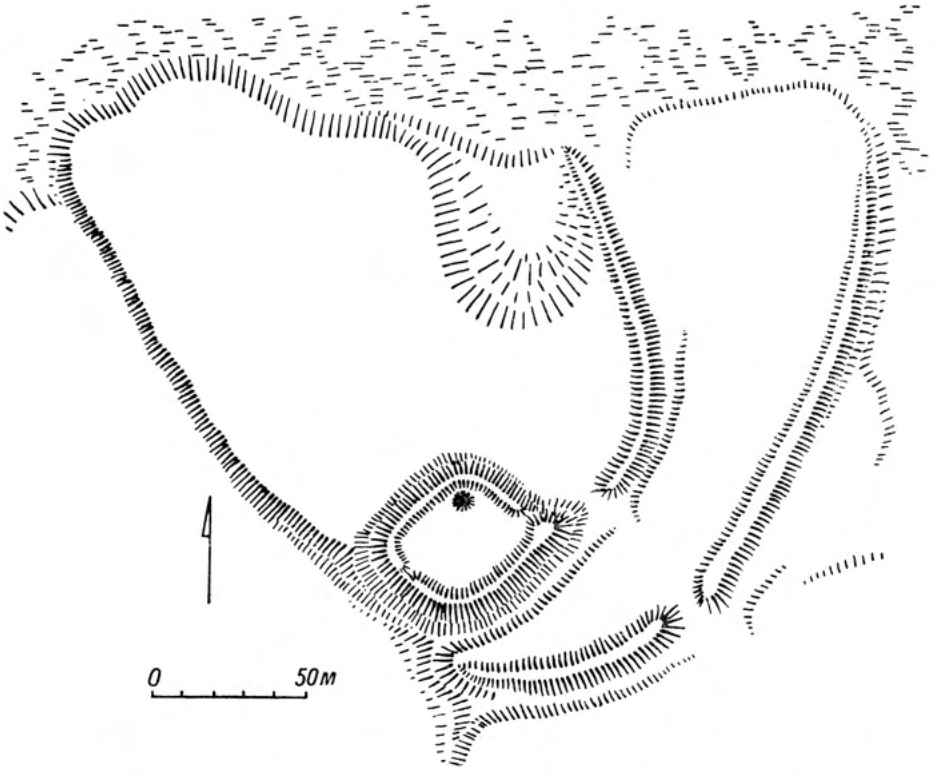

Рис. 66. Городище в д. Сонсиядка — древний Сутейск (по З. Вартоловской).

конфигурации естественного всхолмления, на котором он находился. С северо-запада детинец был дополнительно укреплен снаружи рвом и здесь же к нему примыкал окольный город. Слабые следы укреплений, которые видны на старинных планах Холма, в сочетании с направлением улиц дают возможность определить очертания древнего окольного города.[128] Укрепления Холмского детинца были сооружены в 30—40-х годах

слиянии рр. Синюхи и Гучвы. Овальная площадка детинца окружена по периметру высоким валом, но лишена рвов. Размер площадки 125 × 79 м. Рядом расположена вторая площадка, также несколько приподнятая над болотом и имеющая площадь примерно в три раза больше площади детинца. Здесь сохранились следы вала, — очевидно, это древний окольный город. Площадь детинца и окольного города около 4 га, но неукрепленное поселение вокруг было гораздо об-

[128] J. Kłoczowski. Zarys historii rozwoju przestrzennego miasta Chełma. Roczniki humanistyczne. Towarzystwo naukowe katolickiego uniwersytetu Lubelskiego, t. VI, z. 5, Lublin, 1958, план после стр. 218. О раскопках в Холме см.: П. А. Раппопорт. Холм. СА, вып. XX, 1954, стр. 313.

[129] K. Jaźdźewski. Ogólne wiadomości o Czermnie—Czerwienu. Archeologia Polski, t. IV, z. 1, Warszawa, 1959, стр. 68—86; А. Поппе. Деякі питання заселення польсько-руського рубежа в ранньому середньовіччі. Український історичний журнал, 1960, № 6, стр. 62.

шире, его площадь доходила до 20 га. Основание города Червеня, судя по археологическому материалу, относится к середине X в.

Укрепления древнего Белза также состояли из двух частей, причем своеобразие плановой структуры этого города заключается в том, что детинец здесь имел довольно значительную площадь (около 4 га), а окольный город, наоборот, был сравнительно невелик. Городище Замочек, представляющее собой остатки укрепленной части древнего Белза, расположено среди низменной, видимо, ранее заболоченной местности. Валы и рвы очень сильно разрушены, однако контур городища все же можно проследить (рис. 67).[130] Детинец занимает площадку, поднимающуюся на 4—5 м над уровнем окружающей низины. С юга он примыкает к р. Солокии, а с севера — к старому руслу этой реки. Судя по небольшим остаткам вала в северной части, детинец был первоначально окружен валом по всему периметру. Длина площадки детинца

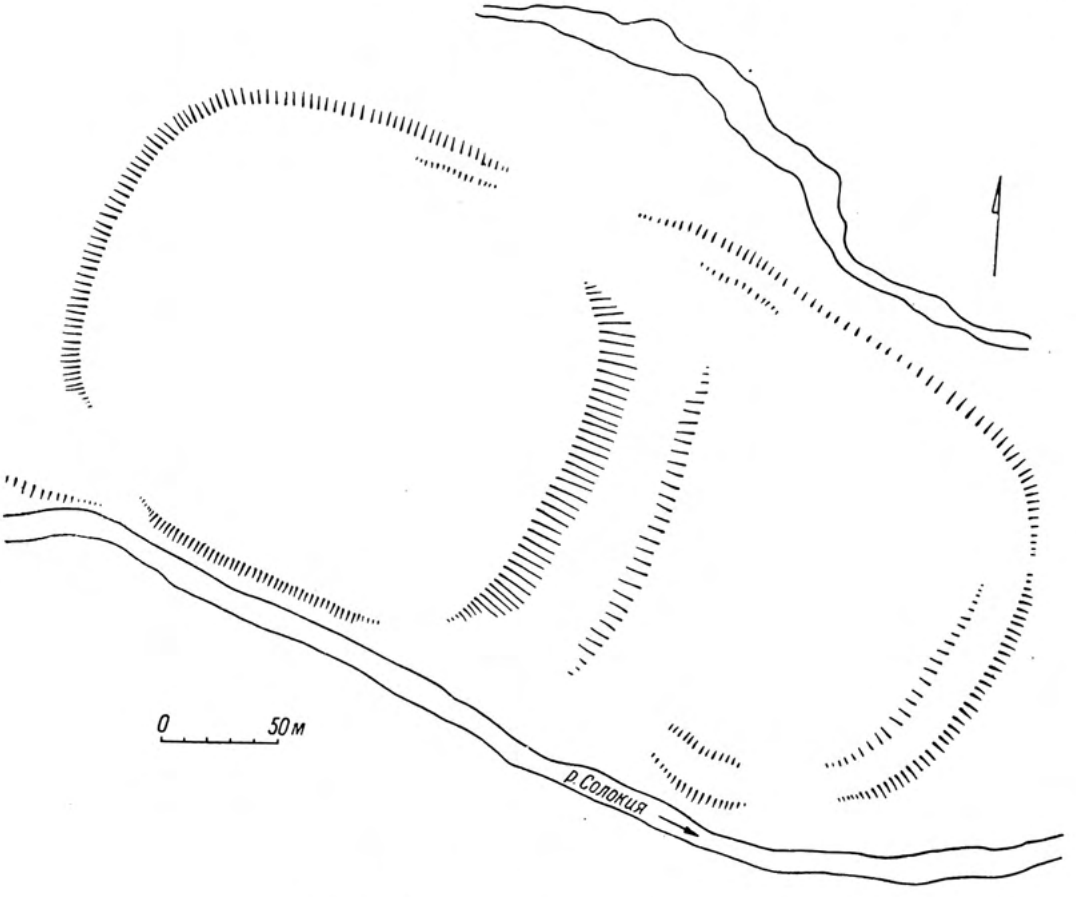

Рис. 67. Городище Замочек в г. Белзе.

220 м, ширина 190 м. С востока к детинцу примыкает окольный город, отделенный от него широким, сильно заплывшим рвом. Вдоль всех сторон окольного города, кроме стороны, обращенной ко рву детинца, проходили валы, остатки которых сохранились. Город Белз упоминается в русских летопи-

[130] П. Раппопорт. Отчет 1963 г. — Сохранился схематический план городища, сделанный в 30-х годах XX в., когда древние укрепления были еще в несколько лучшей сохранности (Л. Чачковський. Княжий Белз. Записки наукового товариства ім. Шевченка, т. CLIV, Львів, 1937, стр. 31).

сях с 1030 г., однако археологический материал на городище показывает, что к XI в. относится лишь незначительная часть культурного слоя, в значительно большей степени насыщенного материалами XII—XIII вв.

По-видимому, двучленную систему укреплений имел и древний город Волынь

других оборонительных сооружений, кроме детинца, в настоящее время не сохранилось, но еще в 1921 г. были видны остатки распаханных валов окольного города.

Городище в с. Дорогобуж, к сожалению, еще недостаточно детально исследовано, чтобы можно было с уверенностью судить о том, какие его части относятся к древне-

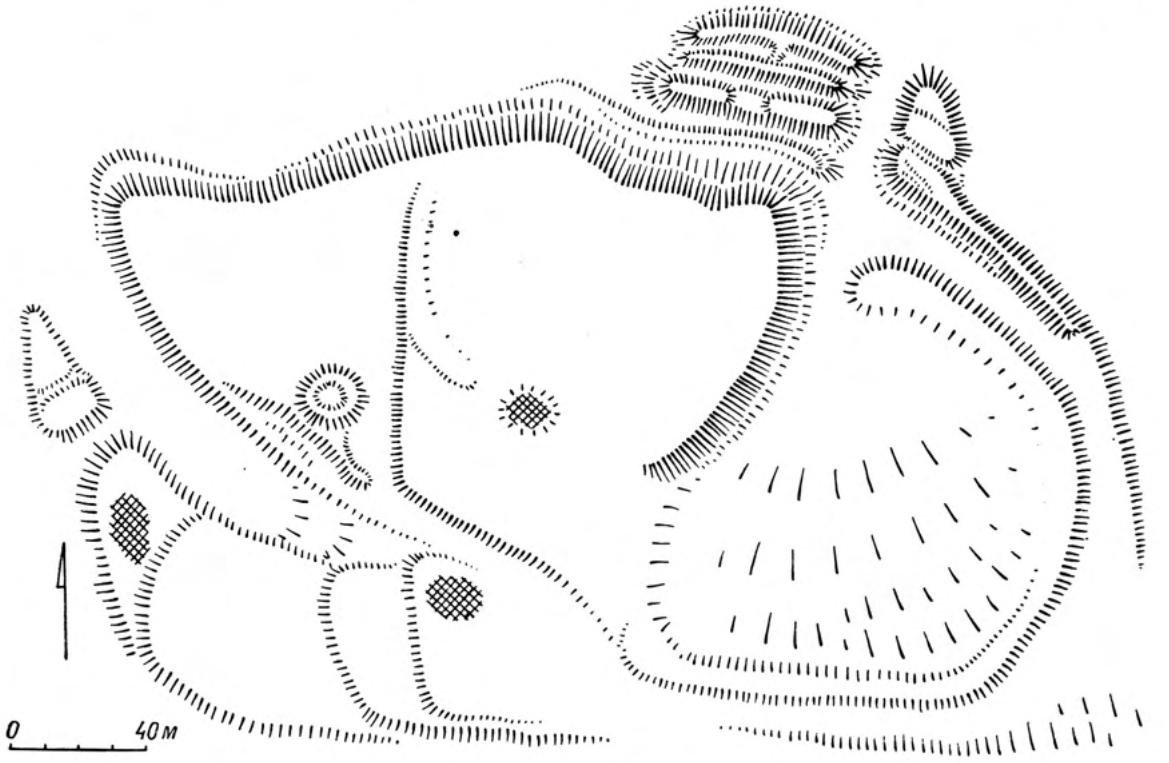

Рис. 68. Городище в с. Дорогобуж.

(современное городище Замчиско в Грудке Надбужном).[131] Небольшой детинец овальной формы расположен на мысу над речной поймой при слиянии Западного Буга и Гучвы; размер его площадки 80 × 70 м. Культурный слой свидетельствует о возникновении поселения еще до IX в., но существующие на городище валы относятся к XI в. Были ли здесь какие-либо укрепления до этого времени, неизвестно. Следов

русскому времени, а какие к более позднему. Центральная площадка здесь занимает естественно отделенный от всей остальной территории участок на краю береговой террасы и лежит примерно на 20 м выше пойменной долины Горыни (рис. 68).[132] Эта центральная площадка разделена уступом на две части, причем восточная находится несколько выше западной. Восточная часть — основное ядро городища, по-видимому его древний детинец — имеет размер 70 × 100 м. С запада и частично с юго-запада детинец защищен сильно оплывшим валом. С севера центральная площадка вплотную примыкает к крутому склону бе-

[131] Z. Rajewski. Sprawozdanie z badań na grodach czerwieńskich w 1954 r. Sprawozdania archeologiczne, t. II, Wrocław, 1956, стр. 49—51; A. Poppe. Gród Wołyń. Studia wczesnośredniowieczne, t. IV, Wrocław—Warszawa, 1958, стр. 235—269; А. Поппе. Деякі питання заселення польсько-руського рубежа в ранньому середньовіччі, стр. 57.

[132] П. Раппопорт. Отчет 1960.

реговой террасы. На западной площадке сохранились следы какого-то сооружения: бугор, в середине которого имеется большая яма. С востока к центральной площадке примыкает вторая площадка (очевидно, окольный город), лежащая несколько ниже центральной и, кроме того, сильно понижающаяся к северу, в сторону речной поймы. С остальных сторон (т. е. там, где она не примыкает к центральной) эта площадка защищена округлым в плане валом. Размер площадки 100 × 110 м. С севера к городищу примыкает естественный бугор, превращенный с помощью прорытия рвов в систему, состоящую из нескольких параллельных валов. Сквозь эти валы проходит дорога, ведущая снизу из речной поймы на восточную площадку городища. Наконец, с юго-запада в состав городища входит еще один отрог, обработанный понижающимися террасами.

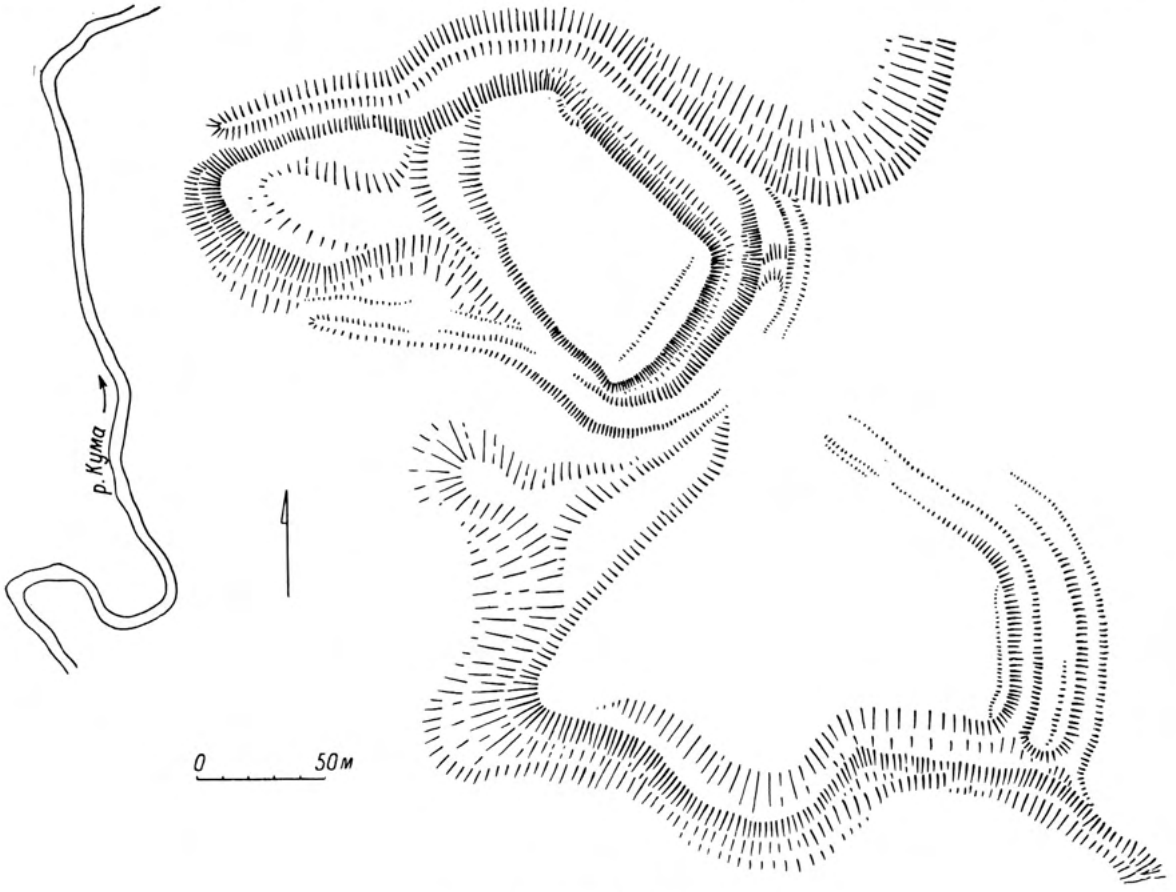

Рис. 69. Городище у с. Шумск.

Несмотря на то что городище в Дорогобуже использовалось как в XVI в. (когда здесь существовал замок), так и в XVIII—XIX вв. (помещичья усадьба), можно полагать, что основная часть земляных укреплений относится все же к домонгольскому периоду. На городище имеется культурный слой XI—XIII вв. В летописи город Дорогобуж упоминается со второй половины XI в.

Чрезвычайно своеобразный характер имеет Шумское городище, расположенное на высокой береговой террасе правого берега р. Кумы (рис. 69).[133] Детинец занимает здесь мыс (длиной более 180 м), заметно опускающийся в сторону реки. Площадка детинца понижается постепенно и, кроме того, имеет два уступа. С напольной стороны

[133] П. Раппопорт. 1) Отчет 1961 г.; 2) Археологические и архитектурные заметки, стр. 33.

детинец защищен двумя параллельными валами и рвами. Ров, связанный с внутренним валом, проходит не только с напольной стороны, но опускается вдоль боковых склонов детинца почти до его мысового окончания. Перед этим рвом по боковым сторонам детинца идут небольшие валообразные всхолмления, соединяющиеся на напольной стороне с наружным валом. Вторая площадка Шумского городища — окольный город — в отличие от всех других сложных городищ Волыни не примыкает к детинцу с напольной стороны, а занимает другой, менее узкий мыс, лежащий к югу от детинца на краю берегового плато. С запада окольный город граничит с береговым склоном, с юга — с большим оврагом, а от восточной до северной его стороны проходила дугообразная линия, состоящая из двух параллельных валов и рвов. Размер площадки окольного города с запада на восток 180 м, а с юга на север 130 м. К детинцу окольный город примыкает лишь на очень ограниченном участке, в южной части его напольной стороны. Плохая сохранность городища не позволяет определить более детально, как сочетались валы и рвы окольного города с укреплениями детинца. Археологический материал на городище относится к XI—XIII вв. В письменных источниках город Шумск упоминается лишь с середины XII в.

Наиболее значительными образцами сложной системы организации обороны, состоящей из детинца и окольного города, могут служить укрепления Луцка и Владимира.

В Луцке детинец (иначе называемый Верхним замком) расположен на мысу, возвышающемся над заболоченной поймой Стыри (рис. 70).[134] Детинец имеет форму, соответствующую естественным очертаниям холма, и отрезан рвом от остальной территории города. Площадка детинца окружена по периметру валом; размер ее приблизительно 110 × 100 м. С юго-запада примыкает вторая укрепленная площадка — окольный город (иначе, Нижний или Окольный замок). Боковые стороны окольного города прикрыты р. Стырью и заболоченной низиной, а с напольной стороны его площадка защищена дугообразным в плане рвом. В настоящее время ров Нижнего замка сохранился лишь в южной его половине; однако вся первоначальная трасса этого рва хорошо прослеживается на планах XVIII в. по направлению улиц. От древних валов окольного города сохранился лишь небольшой участок в юго-восточной части Нижнего замка. Размер площадки окольного города 360 × 170 м. К площадке Нижнего замка с запада примыкает третья укрепленная площадка, занимающая всю речную петлю, образуемую при слиянии Стыри и Глушца. К сожалению, время сооружения луцких укреплений остается невыясненным. Город Луцк (древнерусский Луческ) упоминается в письменных источниках с конца XI в. Отсюда следует, что территория луцкого детинца должна была быть укреплена во всяком случае с XI в. Судя по очень большой политической и военной роли, которую отводят Луцку русские летописи, очевидно, что линия обороны окольного города здесь тоже должна была возникнуть еще до монгольского нашествия, т. е. не позже XIII в. Самым сложным остается вопрос, какую территорию занимала укрепленная часть Луцка в XIII в. Наиболее вероятно, что окольный город в это время занимал площадку Нижнего замка, а укрепления третьей площадки («великий земский мост») были сооружены не раньше XIV в. В начале или середине XIV в. укрепления Луцка были существенно реконструированы, началось строительство кирпичной крепости. В конце XIV—начале XV в. стены всего Верхнего замка и значительной части Нижнего замка были уже кирпичными.

Стольный город Волыни Владимир имел в древности чрезвычайно мощную систему укреплений. Недаром же, когда в 1261 г. по приказанию монгольского полководца Бурундая русским князьям самим пришлось уничтожать крепости, укрепления Владимира оказалось невозможно быстро «розметати» из-за их «величества», т. е. очень большой величины.[135] К сожалению, до наших дней во Владимире сохранились лишь

[134] Нариси історії архітектури Української РСР. Київ, 1957, стр. 68, 69 (текст написан Г. Н. Логвиным); О. И. Левицкий. Луцкая старина. Киев, 1891. Планы Луцка, на которых наиболее отчетливо видны линии древних укреплений: планы конца XVIII в. (ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 166, Волынская губ., №№ 43, 44); план 1807 г. (там же, № 45); план 1862 г. (там же, № 46); план из Атласа 1798 г. (ЦГИАЛ, ф. 1350, оп. 312, № 9, л. 34); план 1795 г. (ЦГВИА, ВУА, № 2213).

[135] Ипатьевская лет., 6769 г.

укрепления детинца и жалкие остатки валов и рвов окольного города.[136] Все же сопоставление этих сохранившихся следов древ-

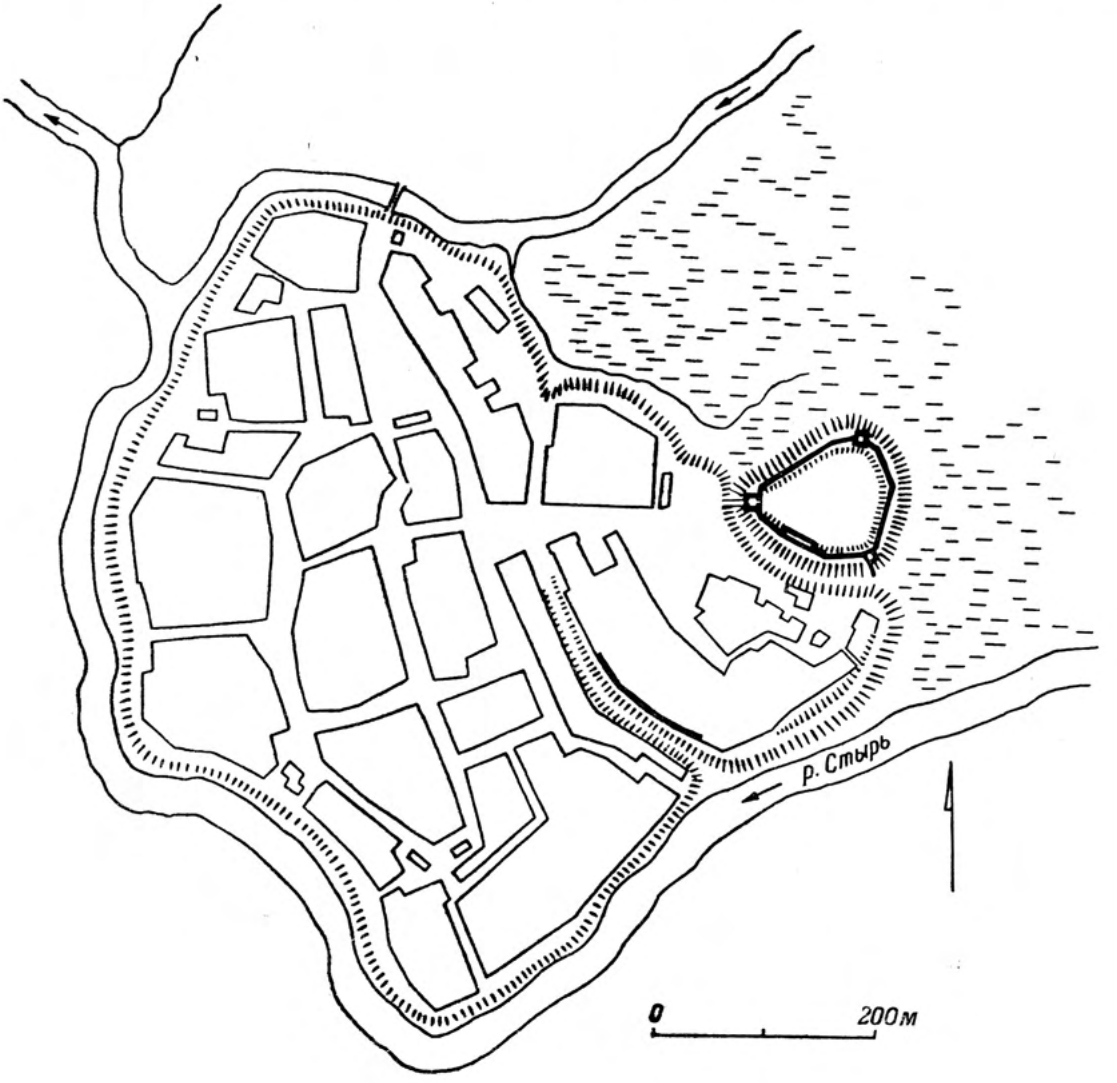

Рис. 70. Луцк.

них оборонительных сооружений с планами города, изготовленными в XVIII и первой половине XIX в., позволяет восстановить в общих чертах схему укреплений древнего Владимира.[137]

Центральная часть укреплений Владимира — детинец (называемый теперь Зам-

[136] Попытку восстановления плана древних укреплений Владимира в 30-х годах XX в. сделал А. Цинкаловский (О. Цинкаловський. Матеріяли до археології Володимирського повіту. Записки наукового товариства ім. Шевченка, т. CLIV, Львів, 1937, стр. 197). К сожалению, эта уже давно устаревшая реконструкция, на которой в центре древнего города изображены рядом два детинца, до сих пор имеет распространение в научной литературе. Изображенная на чертеже А. Цинкаловского линия валов за р. Лугом никакого отношения к древним оборонительным сооружениям не имеет.

[137] П. Раппопорт. Отчет 1963 г. Ниже приведены планы Владимира-Волынского, на которых наиболее отчетливо видны следы древних укреплений: план из Атласа 1798 г. (ЦГИАЛ, ф. 1350,

ком) — представляет собой хорошо сохранившееся городище «волынского типа» (рис. 71). Оно расположено на плоской местности, причем площадка лежит на 7 м выше заболоченной равнины, примыкающей к детинцу с юга, и на 4 м выше площадки, лежащей севернее. Западная и восточная стороны детинца прямолинейны, южная сторона состоит из двух прямых отрезков и сочетается с западной и восточной под прямым углом. Округлое очертание имеет лишь северная сторона. Мощные валы поднимаются над площадкой в северной части детинца на 6 м, а в южной — на 8 м. Размер площадки несколько более 150 м в длину при ширине 80—100 м, т. е. около 1.5 га. Въезд находится в северной стороне, но, судя по понижению вала, существовал еще дополнительный небольшой проход в южной стороне. Низина, которая отрезает детинец с севера и запада от основной территории города, представляет собой, по-видимому, оплывший искусственный ров, по которому был пропущен один из рукавов речки Смочи.

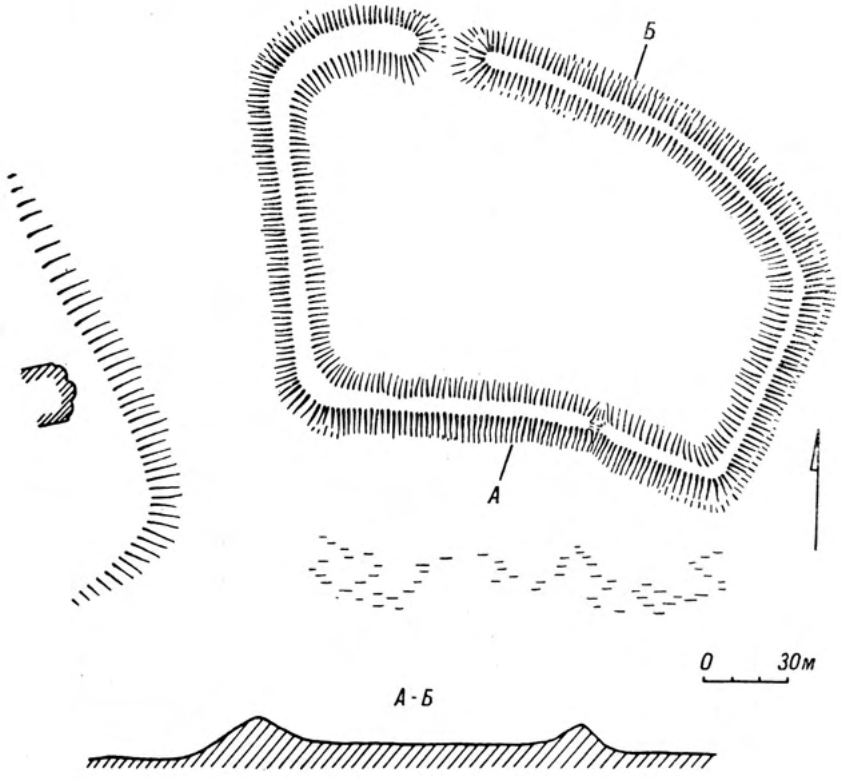

Рис. 71. Владимир-Волынский. Детинец.

Вторая линия обороны Владимира — окольный город — представляет собой линию валов и рвов, имеющую в плане почти правильную полукруглую форму (рис. 72). Окольный город очень велик, его длина вдоль р. Луга несколько более 1 км при наибольшей ширине около 800 м. Линия земляных укреплений, видимо, охватывала город сплошным полукольцом и не имела разрывов; лишь на одном участке в северо-восточной части города эта линия пересекала «болото Смочь», и здесь, возможно, валов и рвов не было. Судя по старинным планам, валы окольного города имели большую мощность, а с северной, наиболее заболоченной сто-

оп. 312, № 9, л. 40); такой же план в меньшем масштабе (ЦГВИА, ВУА, № 21528, т. 5, л. 77); планы первой половины XIX в. (там же, № 21551, л. 56; ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 166, №№ 15, 16, 18, 19). — Приношу искреннюю признательность В. Л. Ковальскому (г. Владимир-Волынский), предоставившему в мое распоряжение составленный им план остатков древних укреплений г. Владимира.

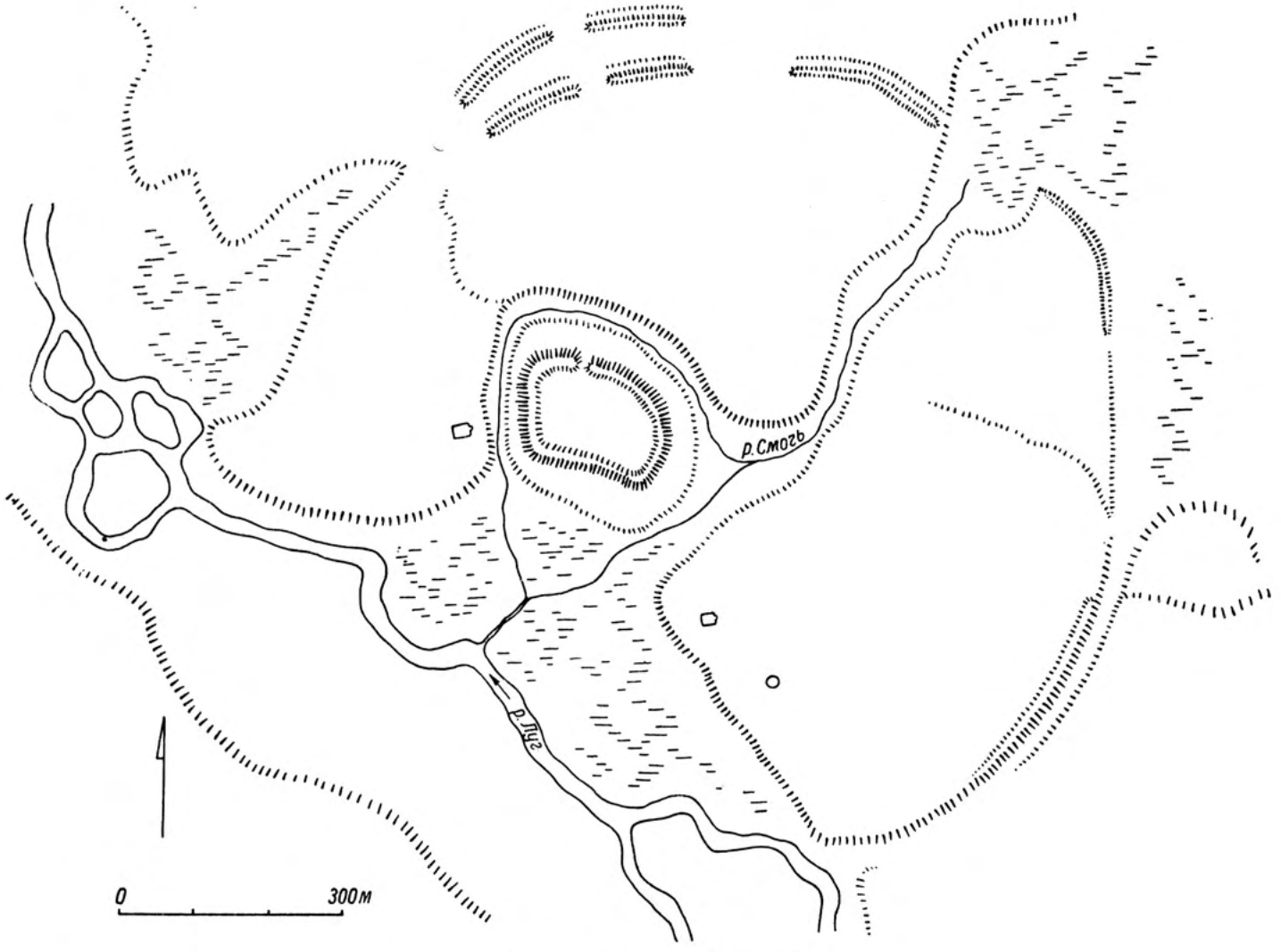

Рис. 72. Владимир-Волынский.

роны проходили даже две линии параллельных валов и рвов.[138] В настоящее время остатки укреплений окольного города сохранились лишь в виде небольших, сильно разрушенных участков.

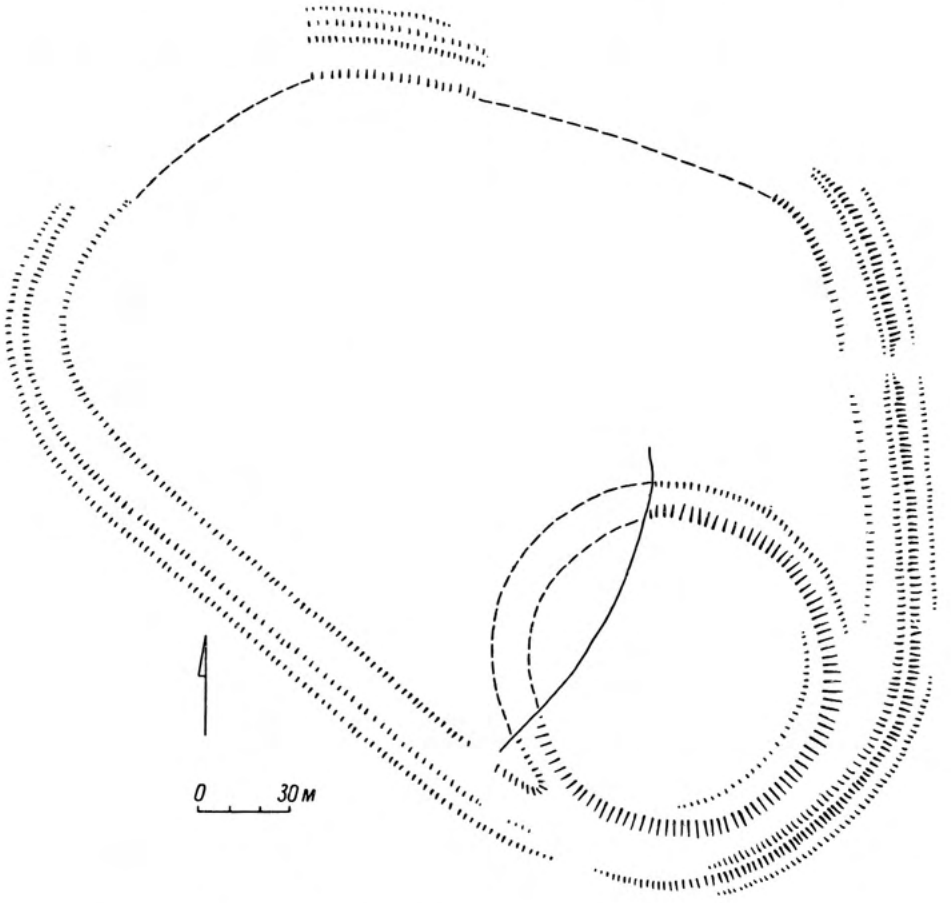

Рис. 73. Городище близ г. Любомля (2-е Любомльское городище).

Город Владимир — один из древнейших русских городов; он был основан в конце X или самом начале XI в.[139] Несомненно, что первоначальное строительство укреплений владимирского детинца восходит именно к этому времени. Время сооружения укреплений окольного города пока не выяснено, но очевидно, что они были сооружены не позже середины XII в.[140]

* * *

Особое место среди сложных городищ Волыни занимают несколько памятников,

[138] На чертежах XVIII в. отмечены только обрывки двух линий валов и рвов, но в середине XVI в. они были еще совершенно целыми. В «ревизии» 1545 г. отмечено: «И видели есмо два валы высоких и два ровы глубоких, которыи суть с стародавних часов копаны и справованы, великим коштом и накладом, почен од речки на имя Смочи аж до ставку и до реки великое, которую называют Лугом» (A. Jablonowski. Rewisya zamków ziemi Wołyńskiej. Warszawa, 1877, стр. 16).

[139] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 315.

[140] В середине XII в. в летописи отмечено наличие в городе Владимире нескольких ворот, в том числе Киевских, которые находились «подле Луг» [Ипатьевская лет., 6665 (1157) г.]. В детинце Владимира имеются всего одни ворота, ведущие в сторону, противоположную р. Лугу. Отсюда следует, что это известие относится к воротам окольного города, а не детинца. О местоположении древних ворот Владимира см.: A. Cynkałowski. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego, стр. 167, 168.

имеющих круглые детинцы и защищенных снаружи замкнутой линией вала и рва, окружающей все укрепление в целом, включая детинец и окольный город. Таково 2-е Любомльское городище, находящееся в $^1/_2$ км к востоку от современного г. Любомля (рис. 73).[141] Оно расположено на ровной низменной местности и состоит из двух площадок — детинца и окольного города. Детинец имеет правильную круглую форму; диаметр его около 80 м. С юго-восточной стороны сохранились слабые следы распаханного вала. Вокруг детинца по всему его периметру проходит ров. Окольный город имеет значительные размеры — длина его около 250 м при наибольшей ширине 200 м. Вся площадь городища равна приблизительно 4 га. Несмотря на сильную распаханность городища, контуры его валов и рвов удается проследить почти полностью. Неизвестно, существовал ли вал по краю площадки окольного города в древности; в настоящее время его здесь не заметно, и край площадки окольного города ограничен лишь рвом. Снаружи вокруг всего городища (включая детинец) проходит вторая линия вала, а перед ним находится наружный ров. Археологический материал на городище относится исключительно к X в.

Нечто подобное 2-му Любомльскому городищу можно видеть в городище у д. Дзиенциолы в Подляшье (рис. 155, *5*).[142] Здесь к очень маленькому детинцу, имеющему в диаметре около 20 м, примыкает площадка окольного города, приблизительно в четыре раза превосходящая детинец по площади. Окольный город слегка поднимается над заболоченной низиной и не имеет валов. Вокруг детинца и окольного города проходит общая линия кольцевого вала. Эта схема, несмотря на гораздо меньшие размеры и иные пропорции частей, полностью повторяет схему обороны 2-го Любомльского городища. Однако в городище у д. Дзиенциолы снаружи имеется еще одна линия кольцевого вала, не концентричная предыдущему и отстоящая от него на 30—60 м. Наружный вал окружает почти правильную круглую площадку диаметром около 250 м. Время основания укрепления пока не уточнено; одни исследователи относят его к X в., другие — к XII в.

5

Самостоятельная группа оборонительных сооружений сложилась на территории Болоховской земли. Эта территория в XII в. тяготела не к Волынскому, а к Киевскому княжеству, однако в XIII в. она оказалась тесно связанной с Волынью.[143] Здесь во второй половине XII—первой половине XIII в. существовали крепостные сооружения, имеющие более сложную систему земляных укреплений, чем было принято во всех других районах Русской земли. Тройная, а иногда местами даже четверная линия валов и рвов, усложненная своеобразными расширениями этих валов, защищает с напольной стороны болоховские укрепления. Иногда крепости строятся при этом по обычной мысовой схеме (Деревич), иногда их площадка носит характер полукруглого городища (Кудин); при более сложном варианте крепости имеют две защищенные площадки (Губин).[144] Наряду с сравнительно небольшими по площади укреплениями подобную усложненную систему валов можно отметить и в более крупном городе этой же территории — Изяславле.[145]

Но, пожалуй, в наиболее ярком виде своеобразная «болоховская» система валов и рвов представлена на небольшом городище Замки близ железнодорожной станции Разино в районе г. Любара (рис. 74).[146] Городище занимает мыс, поднимающийся над сильно заболоченной низиной, причем наибольшая высота площадки над уровнем болота достигает 9 м. Центральная площадка округлая, слегка понижающаяся к краям, диаметр ее 50 м. По периметру она окружена валом, который со стороны мыса имеет очень малую высоту, а с остальных сторон

---

[141] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.; см. также: Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 32.

[142] P. Komorowski. Grodzisko w miejscowości Dzięcioły. WA, t. XXII, z. 1, 1955, стр. 91; W. Bernat. Archeologiczne badania powierzchniowe w doline Bugu, стр. 807.

[143] П. А. Раппопорт. Города Болоховской земли. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 52.

[144] П. Раппопорт. Очерки I, стр. 30, 45, 49, рис. 6, 19, 21, 32.

[145] М. К. Каргер. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1961 гг. Тез. докл. на заседаниях, посвящ. итогам полевых исследований 1961 г. (Отделение исторических наук АН СССР), М., 1962, стр. 59.

[146] П. Раппопорт. Отчет 1963 г. — На это городище мне было любезно указано И. П. Русановой.

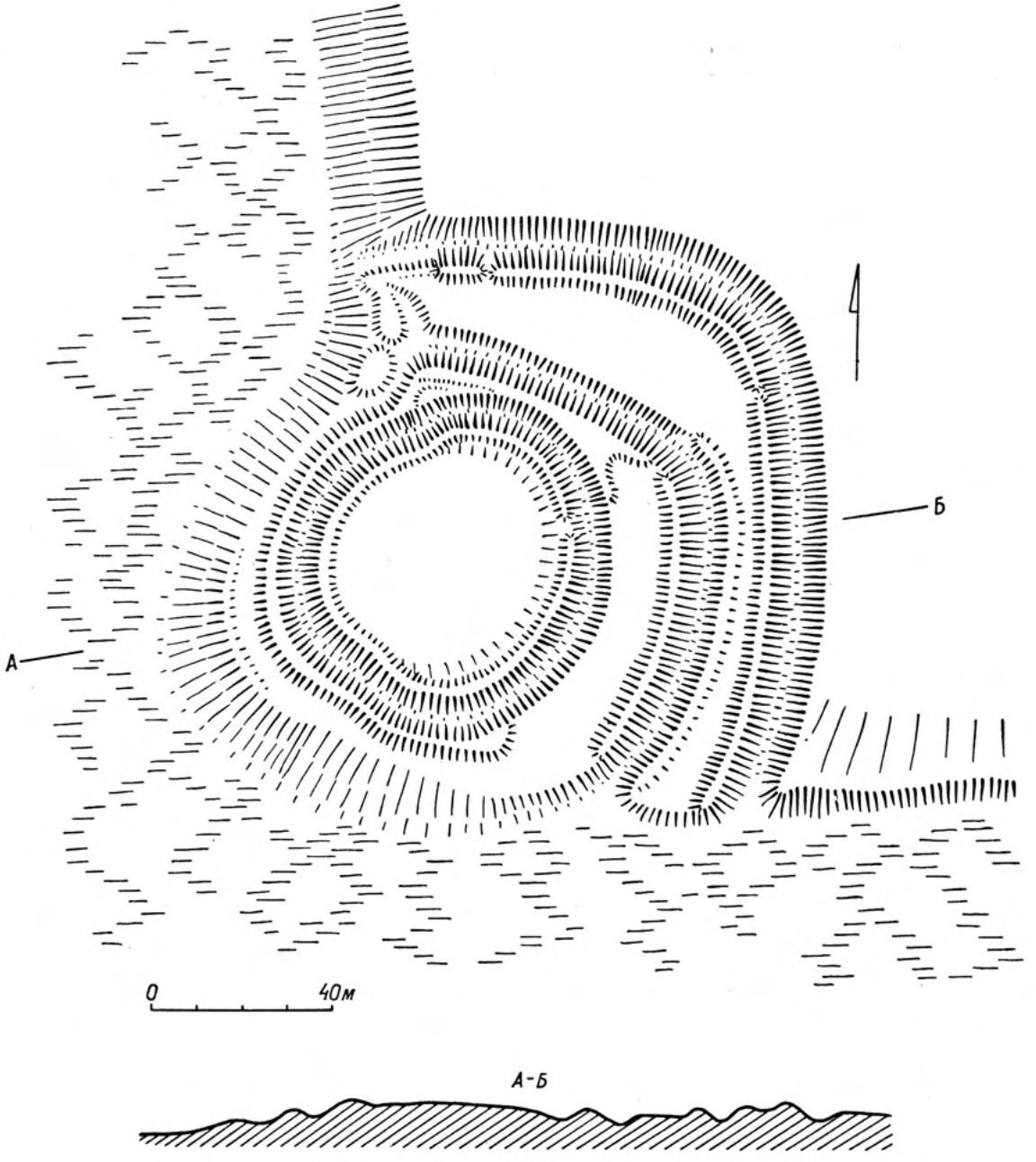

Рис. 74. Городище близ станции Разино.

повышается и проходит не по краю всхолмления, а чуть ниже края, так что за валом образуется впадина, напоминающая ров. Кроме этого основного вала, на городище имеются еще две линии валов. Со стороны мыса валы очень невысокие, а с наполья достигают высоты 2 м и здесь перед ними проходят рвы, имеющие 2 м глубины. Валы с напольной стороны несколько раздвинуты, благодаря чему между ними образуются горизонтальные площадки. Местами задний край таких площадок несколько приподнят, создавая нечто вроде невысокого вала перед следующим рвом. Главный въезд через наружный вал ведет с севера, а второй, меньший, — с северо-востока. Судя по археологическому материалу, городище целиком относится к XII—XIII вв.

IV. ТУРОВО-ПИНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Заболоченные, заросшие лесами пространства Турово-Пинской земли были менее густо заселены, чем плодородная и почти целиком относящаяся к зоне лесостепи Волынь. Укрепленных поселений здесь тоже было значительно меньше. Естественно, что и выводы о развитии плановой структуры укреплений Турово-Пинской земли приходится делать на значительно меньшем количестве памятников, чем это можно было сделать по отношению к территории Волыни.

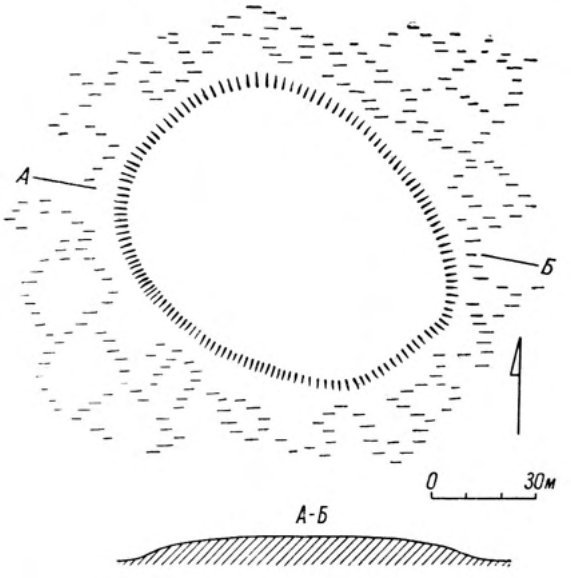

Рис. 75. Городище у с. Залужье.

Наиболее распространенным типом среди памятников военного зодчества Турово-Пинской земли являются островные городища, расположенные среди заболоченной низины. Очень хорошим примером может служить городище у с. Залужье (рис. 75).[147] Оно представляет собой естественный песчаный бугор среди труднопроходимого болота. Площадка имеет неправильно овальную форму, соответствующую очертаниям всхолмления; размер ее 95 × 70 м. К середине площадка слегка повышается и достигает высоты 8 м над уровнем болота. Края сильно оплыли, но в древности они были, видимо, искусственно подрезаны; следы этой подрезки сохранились кое-где до сих пор. Валов и рвов городище не имеет. Судя по археологическому материалу, поселение существовало с X до XIII в.[148]

Аналогично по схеме организации обороны городище Бесова Гора близ с. Городец.[149] Оно занимает отдельный холм, возвышающийся на 4 м среди окружающего болота. В плане холм имеет неправильно треугольную форму; размер площадки 25 × 50 м. Края городища, видимо, были искусственно подрезаны, так как они довольно крутые, хотя и невысокие. На городище обнаружена круговая древнерусская керамика, а также фрагменты более древней, лепной, по-видимому неславянской, керамики.

Островной характер могли иметь не только небольшие примитивные укрепления без валов и рвов, но и большие, хорошо укрепленные. Таково, например, городище Замковая Гора в г. Давид-городке, занимающее отдельный холм на правом берегу р. Горыни (рис. 76). Площадка возвышается

[147] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

[148] На этом городище, кроме того, была обнаружена более ранняя, лепная керамика, очень близкая керамике нижнего слоя городища Хотомель и датируемая VII—VIII вв. (ср.: Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, стр. 94). Существовала ли на городище у с. Залужье непрерывная жизнь с VII по XIII в. или между VIII и X вв. здесь был перерыв, пока неясно.

[149] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

над рекой приблизительно на 6 м; она округлая, размер ее приблизительно 110 м в диаметре. По всему периметру площадка окружена валом, кое-где уже полностью срытым. Наибольшая сохранившаяся высота вала 2 м. Местность вокруг городища низкая, частично заболоченная; она повышается лишь к северу, и с этой стороны прослеживаются слабые следы заплывшего рва. Древний въезд, очевидно, проходил с северо-востока. В западной части городища, над рекой, имеется округлое расширение вала, — по-видимому, место башни. В 1937—1938 гг. на городище производились систематические археологические раскопки.[150] На основании материала этих раскопок время основания Давид-городка может быть отнесено к рубежу XI и XII вв.

На овальном островке среди болота расположено городище близ д. Переров.[151] По периметру площадка окружена невысоким валом. Город Переров упоминается в письменных источниках лишь в XIV в., однако очень возможно, что укрепленное поселение здесь было основано значительно раньше.

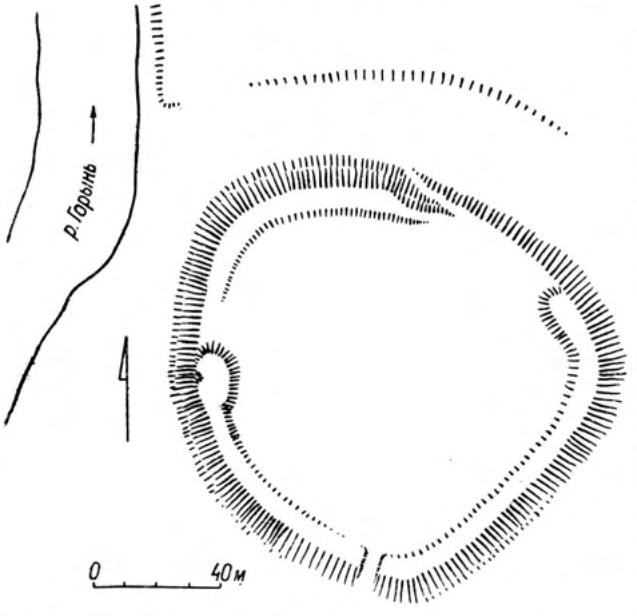

Рис. 76. Городище Замковая Гора в г. Давид-городке.

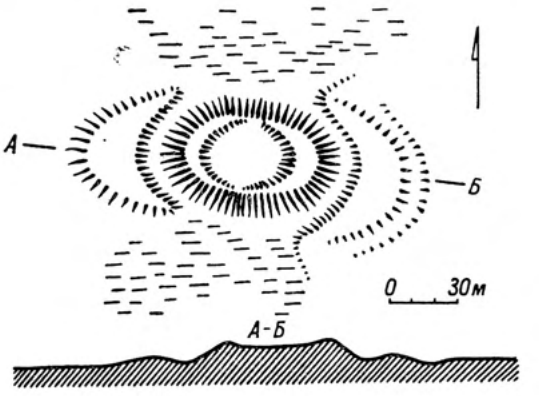

Рис. 77. Городище Хотомель.

Городище у с. Хотомель расположено на длинной песчаной гряде, поднимающейся на 7 м над уровнем окружающего болота (рис. 77).[152] Площадка занимает самую высокую часть этой гряды и с двух сторон (с севера и юга) ограничена довольно крутыми склонами, а с востока и запада отрезана от продолжения холмистой гряды дугообразными отрезками валов, перед которыми отрыты рвы. Площадка городища невелика (приблизительно 30 × 40 м) и концы валов очень близко подходят друг к другу, однако все же несомненно, что это именно два отдельных вала по торцам площадки, а не общий кольцевой вал по ее периметру. С восточной стороны видны следы второго рва, наружного. Укрепленное поселение на месте городища у с. Хотомель возникло в VII—VIII в., но существовало и позже, в IX—X вв;[153] время насыпки валов остается невыясненным.

К мысовому типу относится древняя укрепленная часть г. Дубровицы.[154] Городище в настоящее время уже почти полностью разрушено, но общая схема организации обороны все же читается еще достаточно ясно. Городище занимало ровную площадку неправильной формы на высокой террасе левого берега р. Горыни. По боковым сторонам площадки находятся овраги; напольная сто-

[150] R. Jakimowicz. 1) Dawidgródek. Pińsk, 1939; 2) Tymczasowe sprawozdanie z wykopalisk w Dawidgródku. Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności, t. XLII, № 9, 1937, стр. 272. План городища, снятый в 1798 г., см.: ЦГВИА, ВУА, №№ 21881 и 21529, ч. 3, л. 20.

[151] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 30.

[152] Там же, стр. 22, табл. 5, *1*.

[153] Там же, стр. 9.

[154] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

рона должна была быть укреплена валом и рвом, однако в настоящее время этот участок полностью искажен. Город Дубровица начинает упоминаться в письменных источниках с конца XII в., но, судя по археологическому материалу, основание его должно быть отнесено к XI в.

На мысу расположено полуразрушенное городище XI—XIII вв. в д. Городище близ Пинска.[155] К мысовому же типу относится городище Кимборовка в г. Мозыре.[156] Оно имеет площадку длиной около 110 м, расположенную на высоком мысу между двумя оврагами. С наполья площадка защищена дугообразным валом и рвом. Керамика на городище исключительно круговая.

* * *

Городище Замок близ с. Городец, расположенное на левом берегу р. Горыни, занимает как бы промежуточное положение между укреплениями островного типа и имеющими правильную круглую форму (рис. 78).[157] Оно расположено на холме, возвышающемся над пойменной долиной на 3—4 м. Площадка имеет размер 47 × 55 м и окружена по периметру валом высотой до 3 м. С севера подход к городищу защищен рекой, с юга — заболоченной низиной. С запада, со стороны незаболоченного поля, у основания холма проходит ров. С этой же стороны расположен въезд. Слабые следы рва заметны также с восточной стороны городища. Общая схема плановой структуры этого памятника несомненно подчинена очертаниям того холма, на котором укрепление было построено. Однако почти правильная круглая форма площадки свидетельствует о желании строителей придать этому укреплению искусственную геометрическую форму. Археологический материал на городище относится к X—XI вв.

Среди круглых городищ Турово-Пинской земли некоторые целиком относятся ко времени до X в. Таково, например, городище у д. Нечатово, на котором была найдена исключительно лепная керамика.[158] Это городище расположено на заболоченном лугу и окружено кольцевым валом и рвом.

Городище у д. Бабка расположено на песчаной возвышенности, поднимающейся над заболоченным лугом.[159] Оно круглое в плане и имеет диаметр площадки около 30 м. Площадка городища к середине несколько повышается; по периметру она окружена валом и рвом. При прорезке вала в его насыпи обнаружена лепная славянская керамика и один фрагмент круговой керамики, что датирует основание укрепления приблизительно X в.

Не менее определенно видна правильная геометрическая форма в городище Окоп близ д. Белоуша (рис. 79).[160] Оно расположено на плоской низменной местности и имеет

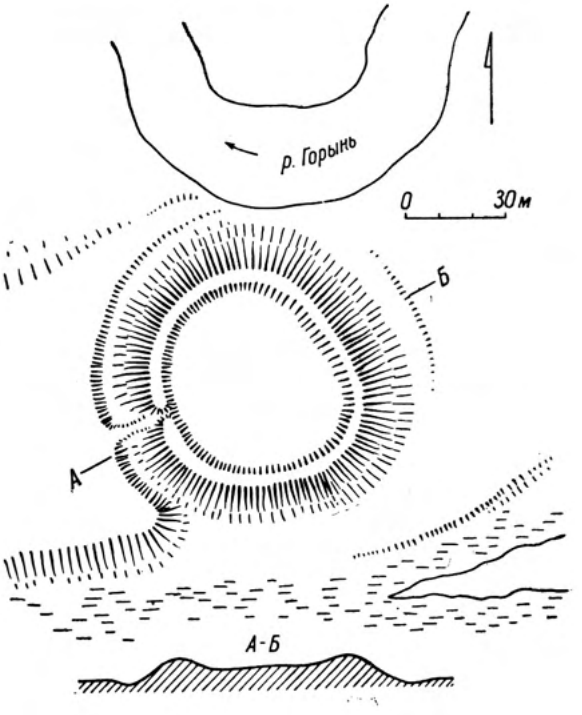

Рис. 78. Городище Замок близ с. Городец.

почти круглую форму; размер площадки 35 × 45 м. Вокруг площадки проходит вал высотой до 2 м, а перед валом — ров глу-

[155] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 20.
[156] Там же, стр. 31.
[157] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.
[158] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 20.
[159] Там же, стр. 34.
[160] П. Раппопорт. Отчет 1961 г. — Это городище (под названием городища у хут. Либлино) упомянуто в работе Ю. В. Кухаренко (Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 21).

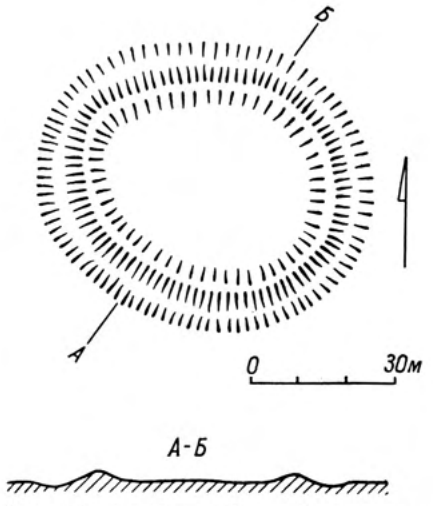

Рис. 79. Городище Окоп близ д. Белоуша.

биной около 1 м. Следов въезда не заметно. Культурный слой на городище отсутствует, но рядом была обнаружена керамика X—XI вв.

Аналогично по схеме планировки городище на правом берегу Стыри напротив с. Заречное.[161] Площадка здесь имеет размер 50 × 60 м и слегка повышается к середине. По периметру проходит вал высотой до 2 м. Археологических находок на городище не было сделано, но на прилегающем селище обнаружена как круговая, так в небольшом количестве и лепная керамика, что датирует городище X в.

* * *

Памятником сложного типа в Туровской земле является прежде всего сам стольный город Туров. Городище Замковая Гора в г. Турове состоит из двух площадок, занимающих мыс, поднимающийся приблизительно на 6 м над заболоченной поймой Припяти (рис. 80).[162] С востока протекает р. Струмень, с севера некогда протекала речка Езда, теперь превратившаяся в заболоченное озерко, а еще севернее, вплоть до Припяти, простирается болото. Как первая, так и вторая площадки отделены с наполь-

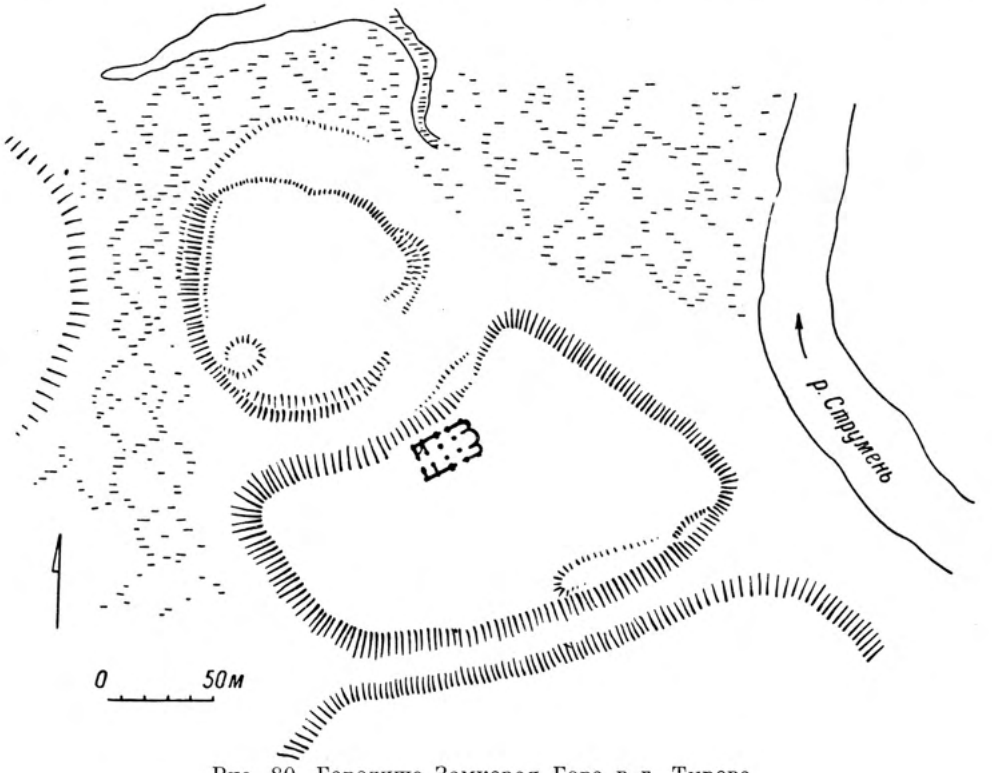

Рис. 80. Городище Замковая Гора в г. Турове.

[161] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 34.

[162] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.; см. также: Исторический очерк местечка Турова, прежней

ной стороны рвами. Кроме того, кое-где сохранились следы срытых валов. На первой площадке вал, по-видимому, проходил по всему периметру, но теперь слабые его следы сохранились только вдоль западного края. На второй площадке остатки вала видны лишь на одном из участков напольной стороны. Мысовая часть первой площадки с севера заметно срезана при прокладке дороги. Размер первой площадки 100 × 90 м, второй — 90 × 150 м. Судя по материалам раскопок, проведенных в 1961 г., основание Турова относится к концу X в.[163]

К сложному типу относились также укрепления Пинска. В настоящее время почти никаких следов валов и рвов здесь уже не сохранилось, однако археологические работы, проводимые на площадке древнего детинца, а также старинные планы этого города дают возможность получить некоторое представление о его системе обороны.[164] Детинец древнего Пинска был расположен на левом берегу р. Пины; одной стороной он примыкал к краю береговой террасы, а с остальных сторон был защищен приблизительно полукруглым в плане рвом. По периметру площадки детинца проходил вал. Время основания Пинска — вторая половина XI в. Видимо, в конце того же века была сооружена и линия обороны окольного города, имевшая примерно полукруглое очертание.[165]

V. ЧЕРНАЯ РУСЬ

Исторические судьбы территории, известной в более позднее время под названием Черной Руси, до настоящего времени во многом еще не ясны. Безусловно, однако, что уже в IX—X вв. эта территория была заселена славянами, в XI в. входила в состав Древнерусского государства, а в XII—XIII вв. оказалась тесно связанной с Волынским княжеством. С усилением Литвы, в XIII в., русские земли, лежащие в бассейне Немана, первыми были захвачены литовскими князьями и явились одним из важнейших элементов, на базе которых формировалось в дальнейшем мощное Литовское государство.

Таким образом, несмотря на тесную политическую связь территории Понеманья с Волынью, исторические судьбы данного района были все же очень своеобразны, что заставляет рассматривать памятники военного зодчества Черной Руси самостоятельно, отдельно от памятников Волыни.

Наиболее характерным типом оборонительных сооружений на данной территории являются укрепления, тесно связанные с оборонительными свойствами рельефа местности. Остатками таких укреплений являются городища островного и мысового типов. Однако в отличие от Волыни и Турово-Пинской земли островные укрепления Черной Руси расположены большей частью не на площадках среди труднопроходимых болот, а на отдельных холмах, защищенных со всех сторон более или менее крутыми склонами.

Примером простейшего варианта такого укрепления может служить городище Турецкая Гора близ г. Слонима (городище Слоним-Жировицы), занимающее изолированный холм высотой около 12 м (рис. 81, 82).[166] С юга к холму подходит заболоченная пойма р. Щары, с севера ближайшая холмистая гряда находится примерно в 200 м. Небольшая площадка городища имеет неправильную, близкую к овалу форму, полностью соответствующую естественным очертаниям холма. Площадка неровная, заметно понижающаяся к краям;

столицы удельного Туровского княжества. Минск, 1877, стр. 42; А. Каваленя и С. Шутов. Матар'ялы з догісторыі Тураўшчаны. Працы II, стр. 373. О раскопках церкви на Туровском городище см.: М. К. Каргер. Новый памятник древнерусской архитектуры. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 130.

[163] М. Д. Полубояринова. Раскопки древнего Турова. КСИА, вып. 96, 1963, стр. 44.

[164] См., например, план Пинска 1798 г.(ЦГВИА, ВУА, № 21528, т. 5, л. 46). Укрепления окольного города на плане 1798 г. уже не показаны, но линия, где они проходили, хорошо прорисовывается по направлению улиц. Сведения об археологических исследованиях любезно сообщены Б. В. Миролюбовым.

[165] Доклад П. Ф. Лысенко на славяно-русской секции XII конференции Института археологии АН УССР 25 III 64 (Киев).

[166] Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962, стр. 44; П. Раппопорт. Отчет 1959 г.

размер ее 25 × 45 м; края очень нечетко ограничены и местами сливаются со склонами. Никаких следов искусственных земляных оборонительных сооружений не заметно. Культурный слой очень беден, здесь найдено лишь немного фрагментов древнерусской круговой керамики.

Такую же схему имеет городище у д. Ольжево, занимающее отдельный холм среди заболоченной низины.[167] Площадка, имеющая размер 40 × 20 м, возвышается на 8—10 м над окружающей местностью. Ни валов, ни рвов на городище нет. Судя по лепной керамике, городище, по-видимому, относится к IX в.

Почти аналогично городище у д. Деревна, занимающее изолированную возвышенность высотой около 10 м.[168] Размер неправильно овальной в плане площадки городища 20 × 35 м. Искусственных земляных укреплений нет, хотя склоны холма на некоторых участках носят следы подрезки. Культурный слой на городище отсутствует, но рядом, на селище, обнаружена раннекруговая славянская керамика (видимо, X в.).

Городище у д. Селище несколько больше по величине; его неправильно овальная площадка имеет размер приблизительно 25 × 53 м.[169] Городище также расположено на изолированной возвышенности, однако на торцовых сторонах площадки, там, где склоны холма имеют несколько меньшую крутизну, видны остатки расплывшихся валов. Культурного слоя на городище нет, но на селище, расположеном рядом, найдена лепная и круговая славянская керамика.

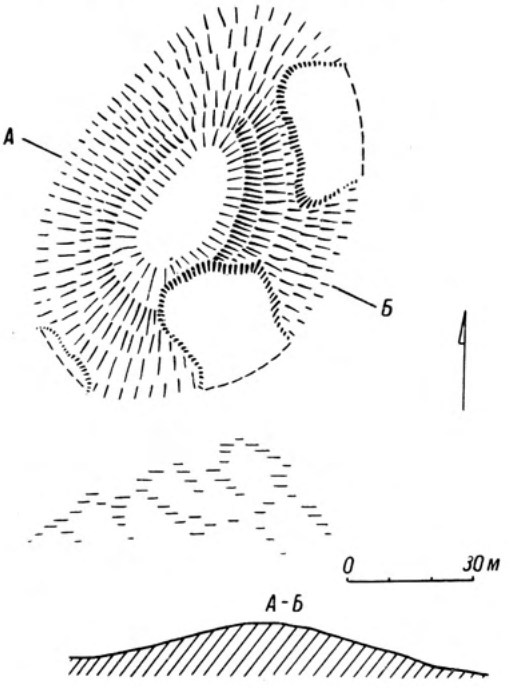

Рис. 81. Городище Турецкая Гора близ г. Слонима.

Еще несколько сложнее по организации обороны городище Шведская Гора, или Замок, у д. Пурневичи, где площадка окружена по всему периметру валом (рис. 83).[170] Городище расположено на изо-

Рис. 82. Городище Турецкая Гора близ г. Слонима. Вид с юга.

[167] Ф. Д. Гуревич. Древности..., стр. 170.
[168] Там же, стр. 45, 161.
[169] Там же, стр. 44, 175.
[170] П. Раппопорт. Отчет 1959 г.; Ф. Д. Гуревич. Древности..., стр. 44, 172.

лированной возвышенности, господствующей над окружающей низиной. Площадка имеет в плане приблизительно овальную форму, соответствующую очертаниям холма. Вал в юго-восточной части достигает высоты 2 м, в остальных местах он ниже. В валу имеется один широкий проезд с юго-восточной стороны и два меньших — с юго-западной и северо-восточной сторон. Размер площадки приблизительно 25 × 40 м; она неровная, слегка понижающаяся к краям. Культурного слоя на городище нет; на площадке и на склонах холма встречаются лишь единичные фрагменты керамики X—XI вв.

Значительно крупнее по величине городище Муравельник в Волковыске (рис. 84).[171] Оно расположено на изолированном, довольно высоком холме примерно в 400 м к востоку от детинца города Волковыска. Вокруг расстилается низменная, частично заболоченная местность. Склоны холма со

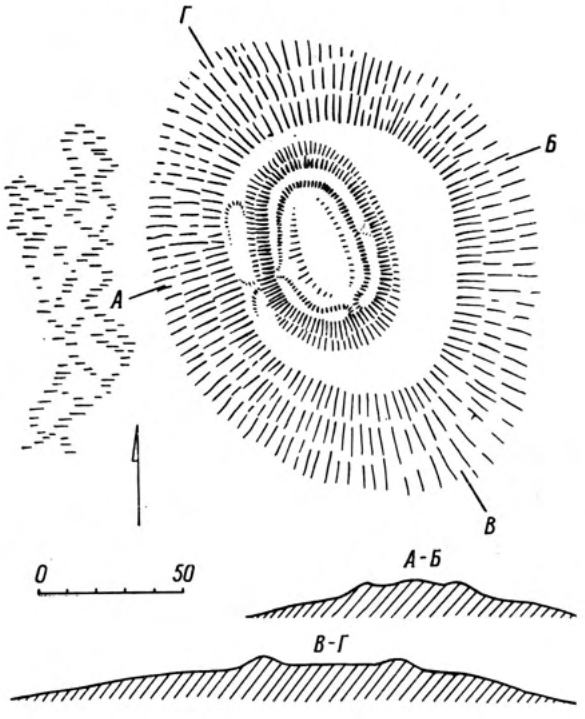

Рис. 83. Городище у д. Пурневичи.

всех сторон крутые. Площадка размером приблизительно 50 × 100 м окружена валом почти по всему периметру, кроме северной стороны. Сама площадка очень неровная; с северо-запада она имеет пониженный участок, с юга — большую яму.

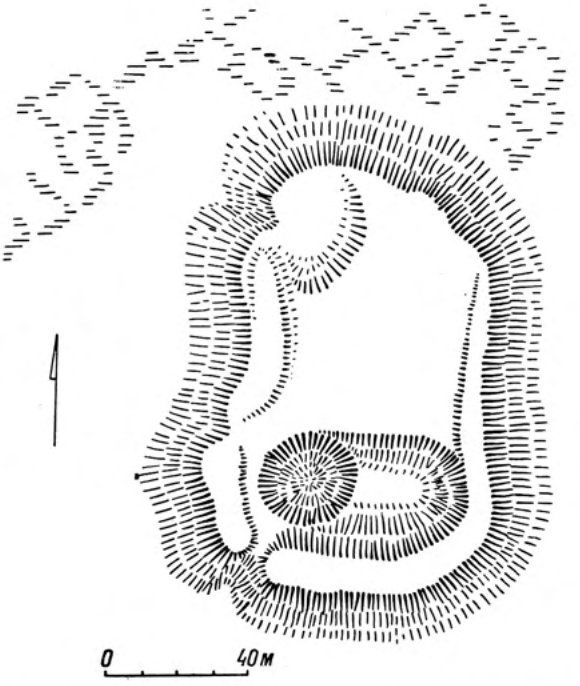

Рис. 84. Городище Муравельник в г. Волковыске.

Западная часть этой ямы представляет собой воронкообразное углубление диаметром около 25 м, — быть может, место древнего колодца. В этой же юго-западной стороне площадки расположен въезд. Культурный слой встречается лишь в отдельных местах и относится в основном к X в.

* * *

Городища мысового типа встречаются на территории Черной Руси не менее часто, чем островные.

К простейшим мысовым относится, например, городище у с. Высоцк (рис. 85).[172] Оно занимает небольшую площадку на конце холмистой гряды. От этой гряды площадка отделена с северо-восточной стороны слегка дугообразным в плане валом и проходящим перед ним рвом. Вал имеет высоту почти 3 м, глубина рва несколько менее 1 м. С северо-западной стороны к городищу примыкает вторая, несколько понижающаяся

[171] П. А. Раппопорт. Раскопки в Волковыске в 1959 г. СА, 1963, № 1, стр. 237.

[172] П. Раппопорт. Отчет 1959 г.

мысовидная площадка, не включенная в защищенную территорию. С этой стороны площадка городища также ограничена валом, имеющим, однако, значительно меньшую высоту, чем основной, северо-восточный, вал. Оба вала смыкаются, защищая всю северную половину укрепления. С южной стороны склоны холма довольно крутые и имеют высоту около 13 м. Длина площадки городища около 35 м. Культурного слоя здесь нет. На площадке и на поле перед рвом встречаются лишь редкие фрагменты керамики XI в.

Еще проще по плановой схеме городище у д. Яново.[173] Здесь небольшая площадка (25 × 48 м), расположенная на мысу над р. Щарой, отрезана от берегового плато коротким отрезком вала и рвом. Судя по наличию лепной славянской керамики, городище это относится, по-видимому, ко времени до X в.

Кое-где на мысовых городищах с напольной стороны имеется не один, а два вала. Зачатки такой конструкции можно видеть, например, на городище у д. Огородники, где маленькая треугольная в плане площадка (размером 22 × 30 м), расположенная на мысу, защищена с напольной стороны небольшим отрезком вала, а перед ним вторым, дугообразным в плане валом.[174] Культурного слоя на городище нет; рядом расположено селище с лепной славянской керамикой.

К тому же типу, но в несколько усложненном варианте, относится городище у д. Радогощa (рис. 86).[175] Оно расположено на мысу, имеющем высоту около 18 м над долиной речки Невды. Площадка довольно ровная, слегка понижающаяся к краям. Со стороны мыса валов нет, с напольной же стороны площадка защищена двумя параллельными валами, перед которыми имеются незначительные понижения, — быть может, следы заплывших рвов. Валы в плане имеют почти полукруглую форму. Проезд расположен в середине напольной стороны и проходит насквозь через оба вала. С западной стороны между валами имеется отрезок еще одного, третьего, вала. Высота всех валов не более 1 м. Культурный слой прослеживается не на всей площадке городища, а лишь в отдельных местах; в нем встречается лепная славянская керамика IX—X вв. и круговая древнерусская керамика.

Очень похоже на предыдущее по плановой схеме городище, расположенное в усадьбе Меречевщина близ г. Косова, однако здесь площадка находится не на мысу, а на небольшой изолированной возвышенности.[176] Площадка имеет в плане неправильно овальную форму, соответствующую очертаниям самой возвышенности (рис. 87). С восточной стороны склоны очень невысокие и пологие, поэтому с этой стороны площадка защищена двумя параллельными валами. Между валами проходит неглубокий ров. Внутренний вал имеет высоту около 0.8 м, наружный — 0.6 м. С северо-западной стороны от городища начинается длинный пологий спуск в долину речки Гривды, с запада примерно в 25 м начинается подъем на соседний холм, а с юго-запада к городищу примыкает ровное поле. С этих сторон нет ни валов, ни рвов. Площадка городища, размер которой примерно 40 × × 60 м, неровная, бугристая. Культурного слоя на ней нет, хотя встречаются редкие фрагменты керамики X—XI вв. Наличие валов лишь с одной стороны, наименее защищенной естественными условиями рельефа, сближает данное городище с памятниками обычного мысового типа. Однако само расположение на изолированном холме является характерной чертой островного решения схемы обороны. Таким образом, городище в усадьбе Меречевщина является как бы переходным между двумя типами укреплений — мысовым и островным.

Нечто подобное можно видеть и на городище у д. Мыто.[177] Овальная площадка этого городища расположена на мысу, однако она занимает здесь небольшое отдельное всхолмление. Несколько повышенные края городища, по-видимому, свидетельствуют о существовании в древности вала. На городище и на расположенном рядом селище была обнаружена лепная и круговая славянская керамика.

Встречаются на территории Черной Руси городища, занимающие не конец мыса, а се-

---

[173] Ф. Д. Гуревич. Древности..., стр. 45, 178.
[174] Там же, стр. 45 и 170.
[175] П. Раппопорт. Отчет 1959 г.; Ф. Д. Гуревич. Древности..., стр. 45, 173.
[176] П. Раппопорт. Отчет 1959 г.; см. также: J. Zawiszę. Mereczowskie okopisko. Biblioteka Warszawska, t. 3, 1872, стр. 446.
[177] Ф. Д. Гуревич. Древности..., стр. 44, 170.

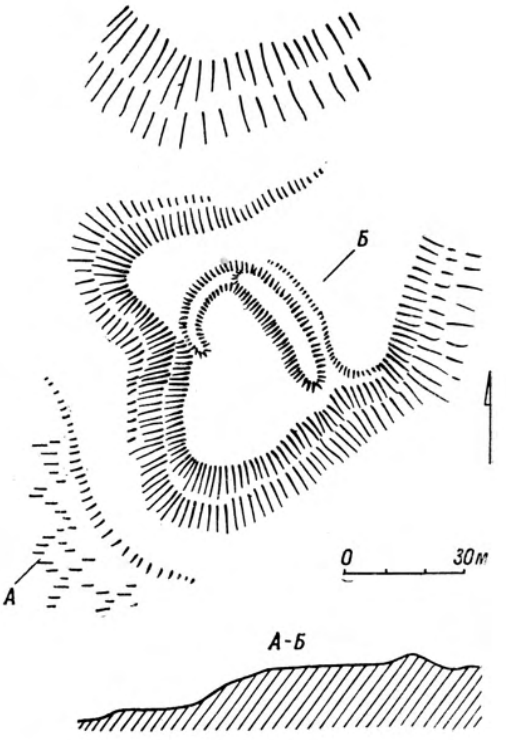

Рис. 85. Городище у с. Высоцк.

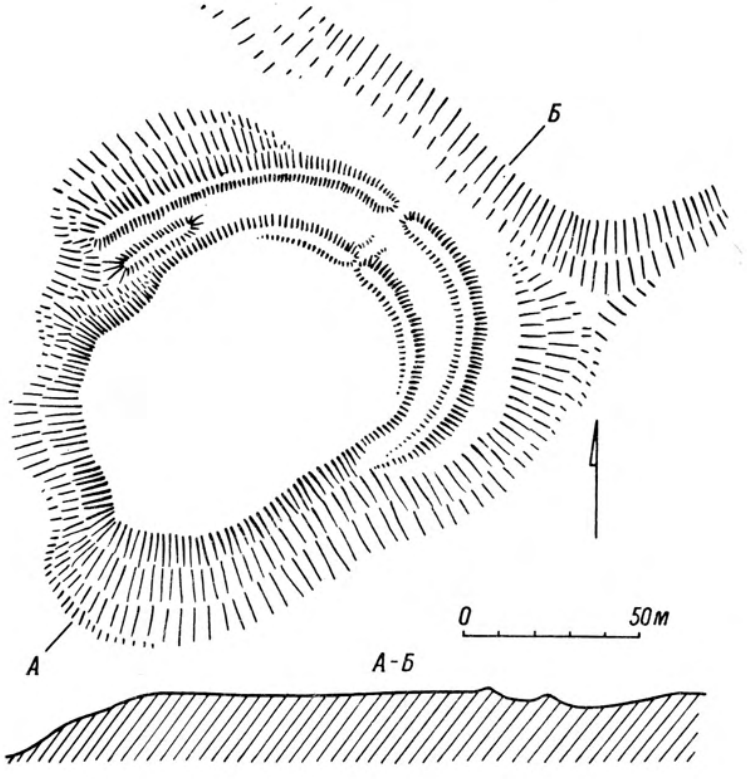

Рис. 86. Городище у д. Радогоща.

редину возвышенной гряды, и защищенные поэтому валами и рвами не с одной, а с двух противоположных сторон. Так, например, го-

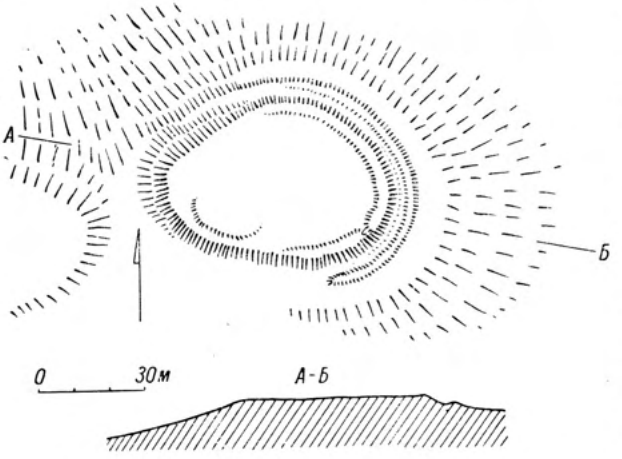

Рис. 87. Городище в усадьбе Меречевщина.

родище в с. Турейск (остатки древнего города Турийска) расположено на невысокой гряде над пойменной долиной р. Немана.[178] С двух сторон площадка городища ограничена склонами, спускающимися в заболоченную долину, а с двух сторон отрезана от продолжения гряды дугообразными рвами. Валов на городище не сохранилось. Время существования города Турийска — XII—XIII вв.

* * *

На территории Черной Руси существуют также укрепления, имеющие геометрически правильную округлую форму, не зависящую от конфигурации рельефа. К таким относится городище Тарелка у д. Санюки (рис. 88, 89).[179] Оно расположено на изолированном холме высотой около 12 м. Холм имеет в плане неправильную форму, а площадка городища, находящаяся на его вершине, наоборот, форму совершенно правильного круга. Площадка ровная, по краям ее заметно небольшое повышение, — по-видимому, следы оплывшего вала. Диаметр площадки (вместе с повышающимися краями) 34 м. Склоны холма довольно пологие, но у основания городища видны следы подрезки, благодаря чему вершина холма (на высоту 3—4 м) имеет более крутые склоны. Подрезка эта менее заметна с юга и востока, где площадка городища подходит вплотную к склонам холма, и более явно выражена с севера и запада, где естественные склоны очень пологие. Культурного слоя на городище нет, но с западной стороны на поле у подножия холма имеется селище с керамикой X—XI вв.

К тому же типу, но значительно усложненному, относится городище в д. Индура (рис. 90).[180] Оно расположено на невысоком естественном мысовидном всхолмлении. Центральная площадка городища, занимающая наиболее высокую точку этого холма, имеет в плане форму почти правильного круга и защищена по периметру валом высотой около 2 м. Площадка очень маленькая, ее диаметр всего 16—18 м. Средняя

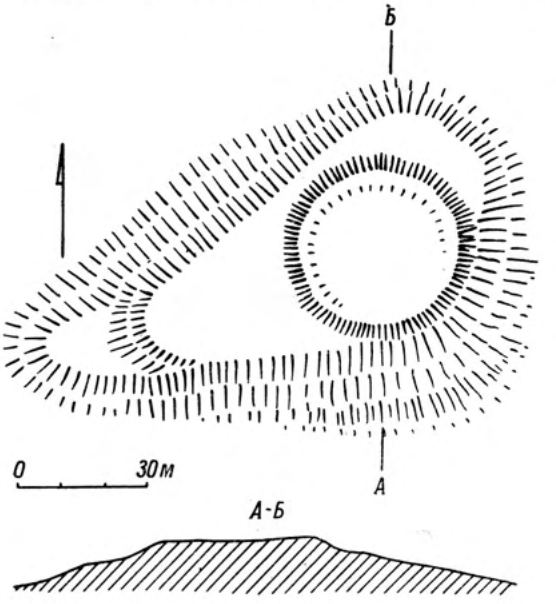

Рис. 88. Городище у д. Санюки.

часть площадки несколько повышена. Перед валом почти всюду сохранились следы заплывшего рва. Вокруг центральной расположена вторая площадка (наружная),

[178] Сведения любезно сообщены К. Т. Ковальской и Г. И. Пехом. См. также: Г. Пех. Тайны Турейского городища. Газета «Советская Белоруссия», 23 сентября 1962 г.

[179] П. Раппопорт. Отчет 1959 г.; Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губернии. Вильна, 1895, стр. 14 (здесь этот памятник отмечен как городище у с. Роготно).

[180] П. Раппопорт. Отчет 1959 г.; Ф. Д. Гуревич. Древности..., стр. 193. — В 1955 г. на городище под руководством К. Т. Ковальской были проведены раскопки.

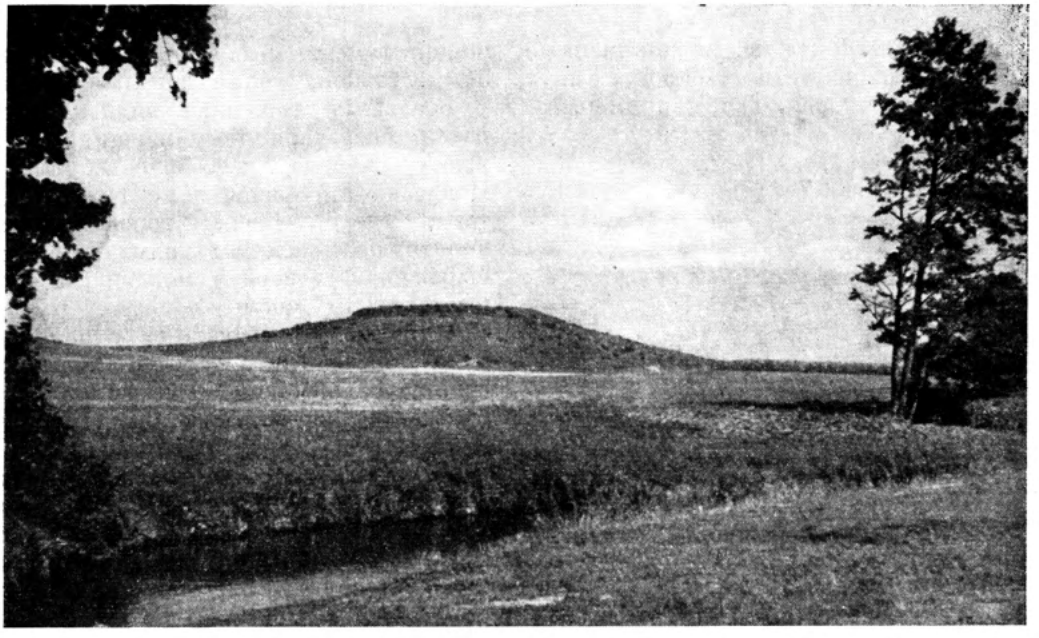

Рис. 89. Городище у д. Санюки. Вид с юго-запада.

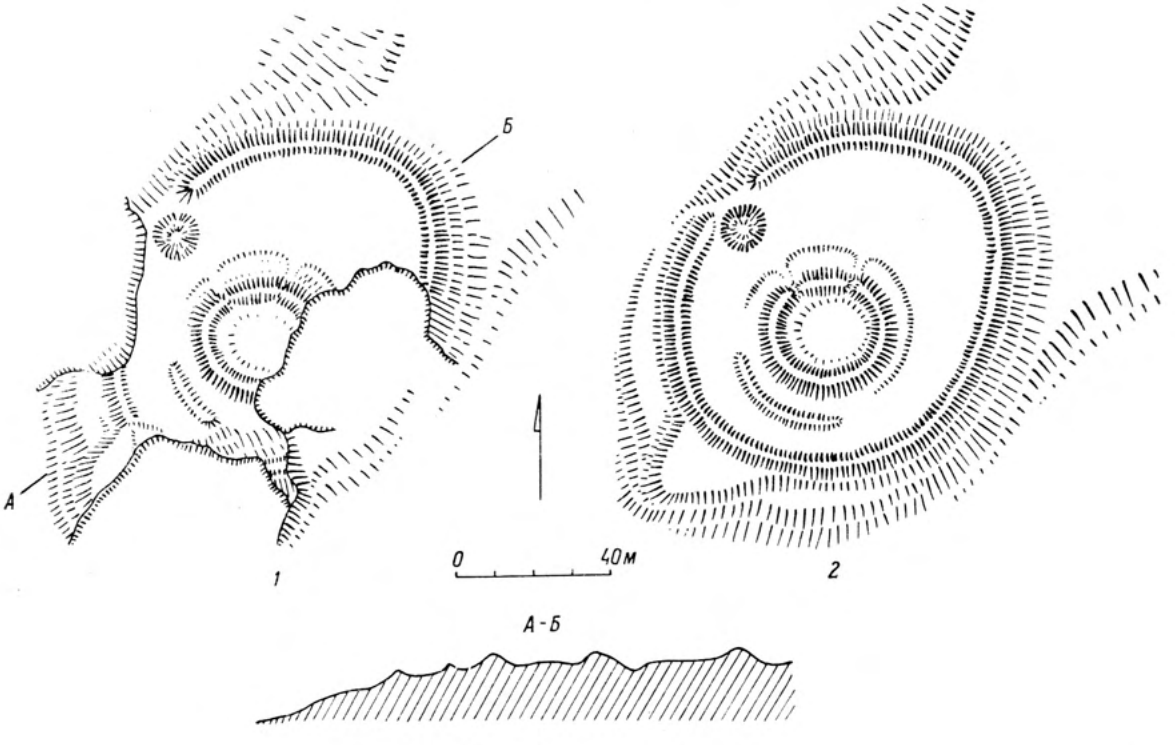

Рис. 90. Городище у д. Индура.
1 — современное состояние; *2* — реконструкция.

также окруженная снаружи валом. Этот вал имеет в плане скорее овальную, чем круглую форму. На одном из участков городища — в его юго-западной части — между внутренним и наружным валами находится небольшой отрезок очень невысокого промежуточного вала. В валу центральной площадки имеются два въезда — оба в северной части городища. Эти въезды прорезают вал не до основания, а проходят лишь через его верхнюю часть. Сквозь наружный вал ведет один проезд с северо-западной стороны; около этого проезда расположена круглая воронкообразная яма диаметром 12—13 м, — по-видимому, остатки древнего колодца. Городище сильно повреждено карьерами для выемки песка. Культурный слой на нем обнаружен как на центральной, так и на наружной площадке и относится к X—XI вв.

Круглая форма обоих вышеописанных городищ (Санюки и Индура) несомненно не связана с конфигурацией рельефа, а является результатом сознательного замысла их строителей. В еще более явной форме это проявляется в тех городищах, которые расположены не на холмах, а на плоской местности. Наиболее ярким среди них является городище в местечке Мстибово. Оно расположено на сильно заболоченной низине, причем площадка лишь на 1 м поднимается над уровнем болота (рис. 91, 92).[181] Городище в плане имеет форму пра-

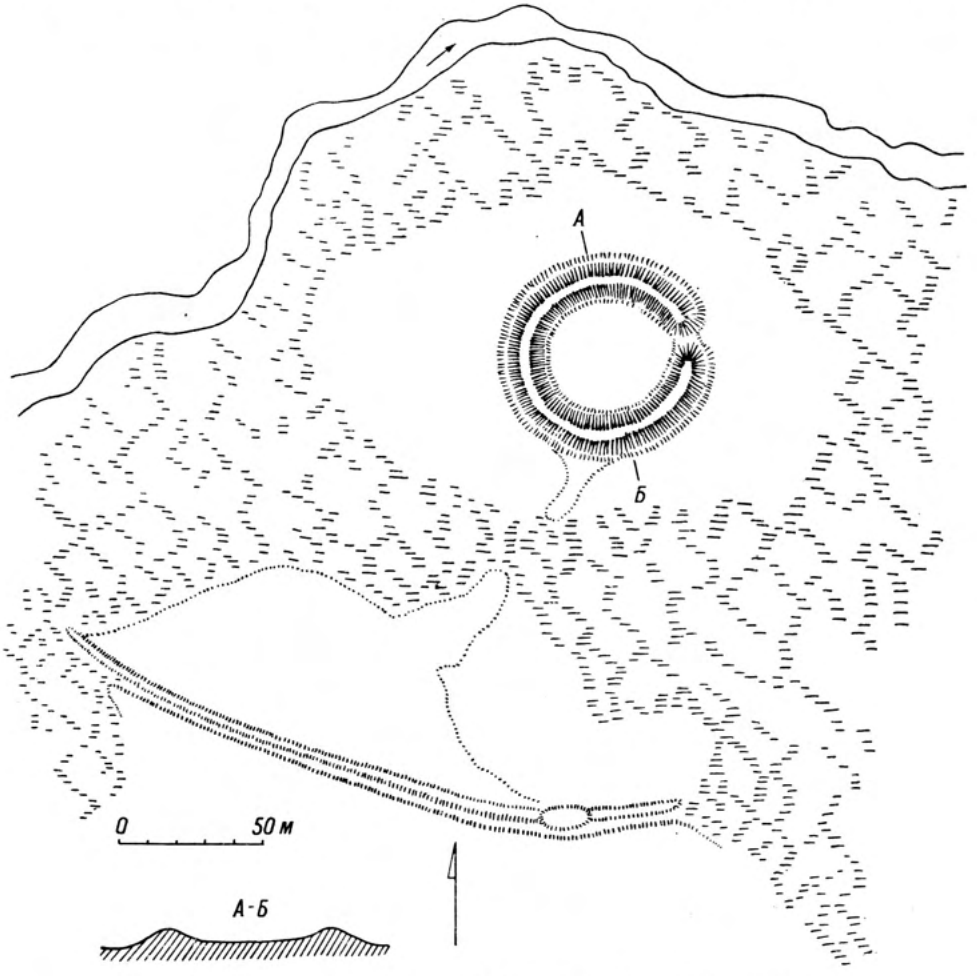

Рис. 91. Городище в местечке Мстибово (Мстибогов городок).

[181] П. А. Раппопорт. Мстибогов городок. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 105.

Рис. 92. Мстибогов городок. Вид изнутри городища.

вильного круга и по всему периметру окружено мощным валом высотой около 5 м. Вал исключительно хорошо сохранился. Въезд проходит насквозь через вал с востока. Диаметр площадки 30 м, а диаметр городища по гребню валов 56 м. Примерно в 120—150 м от круглого городища, с южной и юго-западной сторон, где местность несколько повышается и поэтому менее заболочена, расположен длинный невысокий вал, упирающийся обоими концами в болото. Ближе к восточному концу этого вала в него включен небольшой естественный холм. Перед валом всюду сохранились следы рва. На городище встречаются редкие фрагменты керамики XII—XIII вв. и XVII—XVIII вв.; по-видимому, будучи создано в XII или XIII в., данное укрепление как-то использовалось и в гораздо более позднее время. Местечко Мстибово вплоть до конца XVI в. сохраняло древнее наименование городка Мстибогова. Очень вероятно, что это городище представляет собой остатки замка волынского боярина Мстибога, упоминаемого в летописи под 1202 г.

Городище у д. Збочно имеет несколько менее правильную форму, однако его расположение на плоской заболоченной местности и наличие двух концентрических кольцевых валов не оставляют сомнений в том, что его следует относить к типу круглых в плане укреплений (рис. 93).[182] Высота внутреннего вала, окружающего среднюю площадку, до 2 м, а наружного — несколько меньше. Внутренний вал наиболее высок с восточной и особенно с северо-восточной стороны. Пространство между валами равно приблизительно 15 м; в восточной части городища это расстояние несколько меньше, и здесь оно представляет собой ров, отделяющий среднюю площадку городища от расположенного к востоку от нее несколько возвышающегося участка местности. С северной стороны наружный вал отсутствует; по-видимому, он срезан при прокладке современной дороги. Въезд на городище ведет с юго-западной стороны. Во внутреннем валу есть еще один проход (прорезающий не весь вал насквозь, а только его верхнюю часть), с юго-востока. Центральная площадка городища, имеющая размер 45 × × 60 м, несколько повышена над уровнем

[182] П. Раппопорт. Отчет 1959 г.; Ф. Д. Гуревич. Древности..., стр. 84, 192.

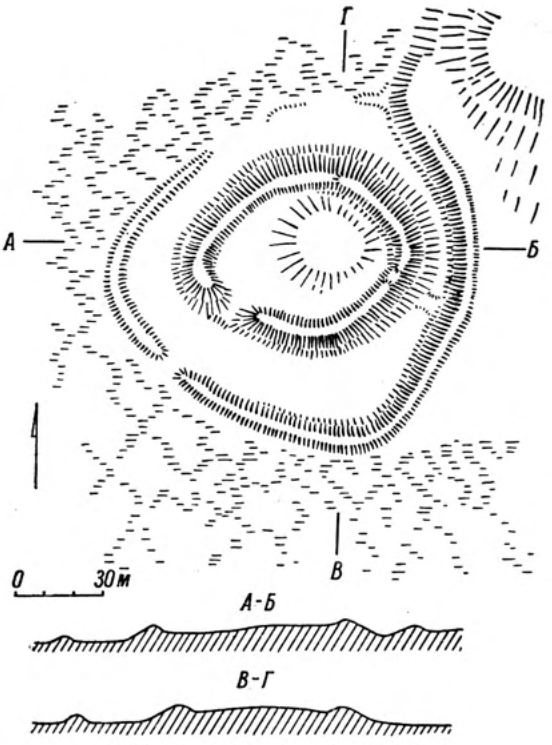

Рис. 93. Городище у д. Збочно.

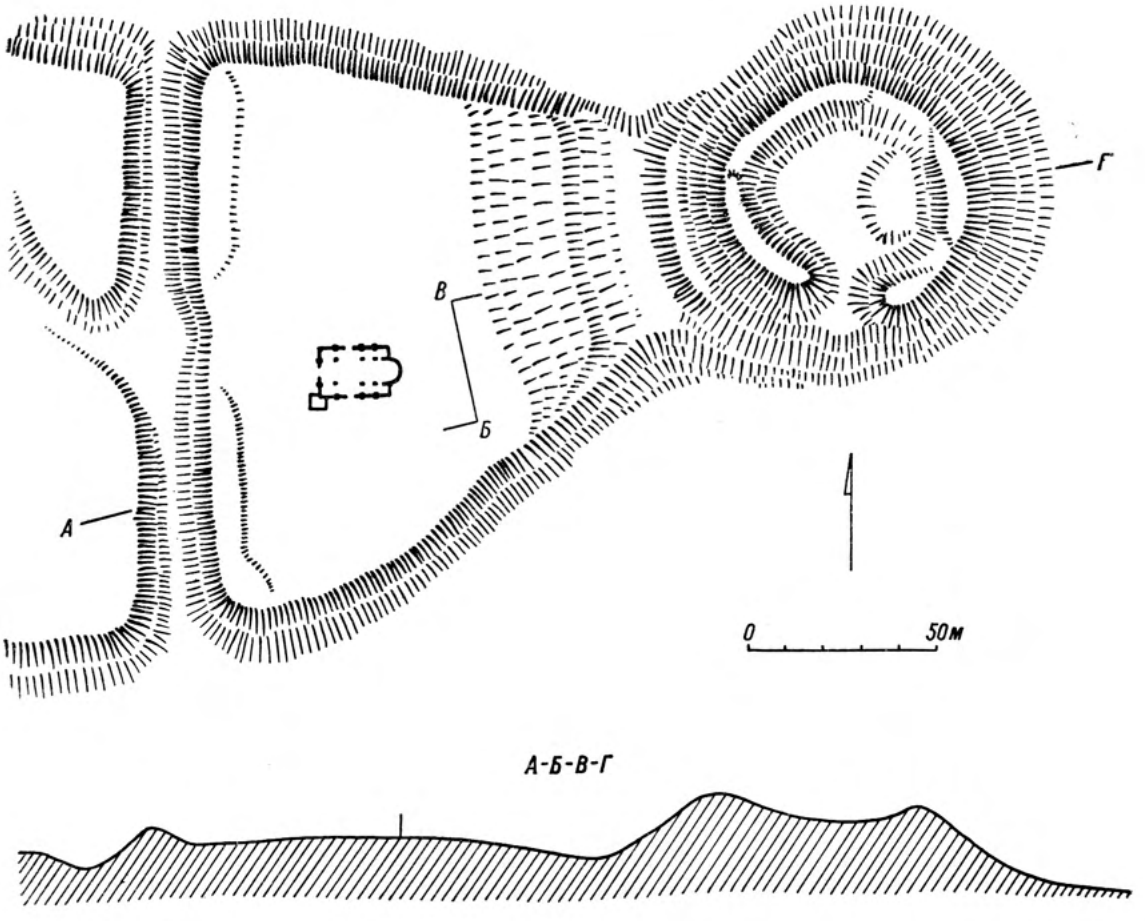

Рис. 94. Городище в Волковыске.

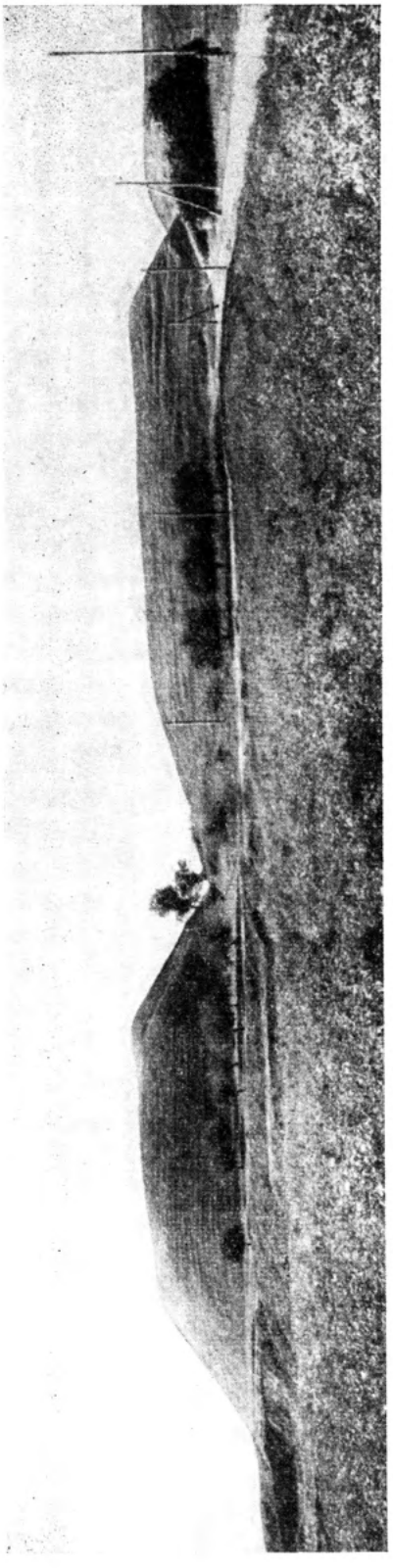

Рис. 95. Городище в Волковыске. Вид с севера.

болота и, кроме того, повышается к середине. Поэтому средняя часть площадки находится на высоте почти 6 м над уровнем окружающей низины. Культурный слой на городище относится к XII—XIII вв.

* * *

К городищам сложного типа на территории Черной Руси относятся два памятника — Волковыск и Новогрудок.

Городище в Волковыске расположено на холмистой гряде и состоит из двух площадок (рис. 94, 95).[183] Первая площадка — детинец (Шведская Гора) — занимает восточную, наиболее возвышенную часть гряды и поднимается над равниной примерно на 18 м. Детинец имеет неправильно округлую форму, соответствующую очертаниям возвышенности, на которой он расположен, хотя возможно, что контуры возвышенности были несколько упорядочены при постройке укрепления. По периметру площадка окружена валом, который наиболее высок (до 7 м) с западной (напольной) стороны. Въезд, расположенный с южной стороны, был значительно разрыт и расширен в более позднее время. Диаметр площадки несколько менее 50 м. От продолжения холмистой гряды детинец отрезан рвом, в настоящее время сильно заплывшим. За рвом лежит вторая площадка городища — окольный город (Замчище), — имеющая значительно большие размеры: приблизительно 90 м в длину при наибольшей ширине до 130 м. План окольного города по форме приближается к трапеции; он защищен валом и рвом только с напольной стороны. В средней части вала имеется разрыв — место древнего въезда. Напольный вал окольного города достигает высоты более 4 м, глубина рва около 3 м.

Раскопки, проведенные в Волковыске, показали, что культурный слой на обеих площадках городища относится ко времени от XI по XIII—XIV вв. Судя по тому, что прорезка вала детинца, исполненная в 1925 г., показала наличие под основанием вала черного гумусного слоя без культур-

[183] В. Р. Тарасенко. Раскопки городища «Шведская Гора» в Волковыске в 1954 году. Матер. по археол. БССР, т. I, Минск, 1957, стр. 258; Г. И. Пех. Раскопки в Волковыске в 1958 г. СА, 1963, № 1, стр. 231; П. А. Раппопорт. Раскопки в Волковыске в 1959 г. Там же, стр. 237.

ных остатков, можно думать, что детинец был укреплен с самого начала жизни на данном поселении, т. е. с XI в.[184] По-видимому, укрепленное поселение на Волковыском городище непосредственно сменило собой укрепление на городище Муравельник, расположенном от Волковыска всего в 400 м. Окольный город в Волковыске был укреплен несколько позже. Прорезка вала показала, что здесь культурный слой XI в. заходит под вал, а постройка вала относится, видимо, к началу XII в. Позднее вал окольного города подвергся ремонту и реконструкции в XIII или, вероятнее, в XIV в.

Городище в Новогрудке (древний Новогородок) также состоит из двух площадок — детинца и окольного города (рис. 96). Детинец занимает мыс, поднимающийся над окружающей местностью примерно на 25 м. Площадка, имеющая в плане неправильно треугольную форму, окружена по периметру валом; размер ее 110 × 80 м. С напольной стороны вал выше, чем с остальных сторон, и здесь перед валом проходит глубокий дугообразный в плане ров. С напольной же стороны расположен и въезд в детинец.[185]

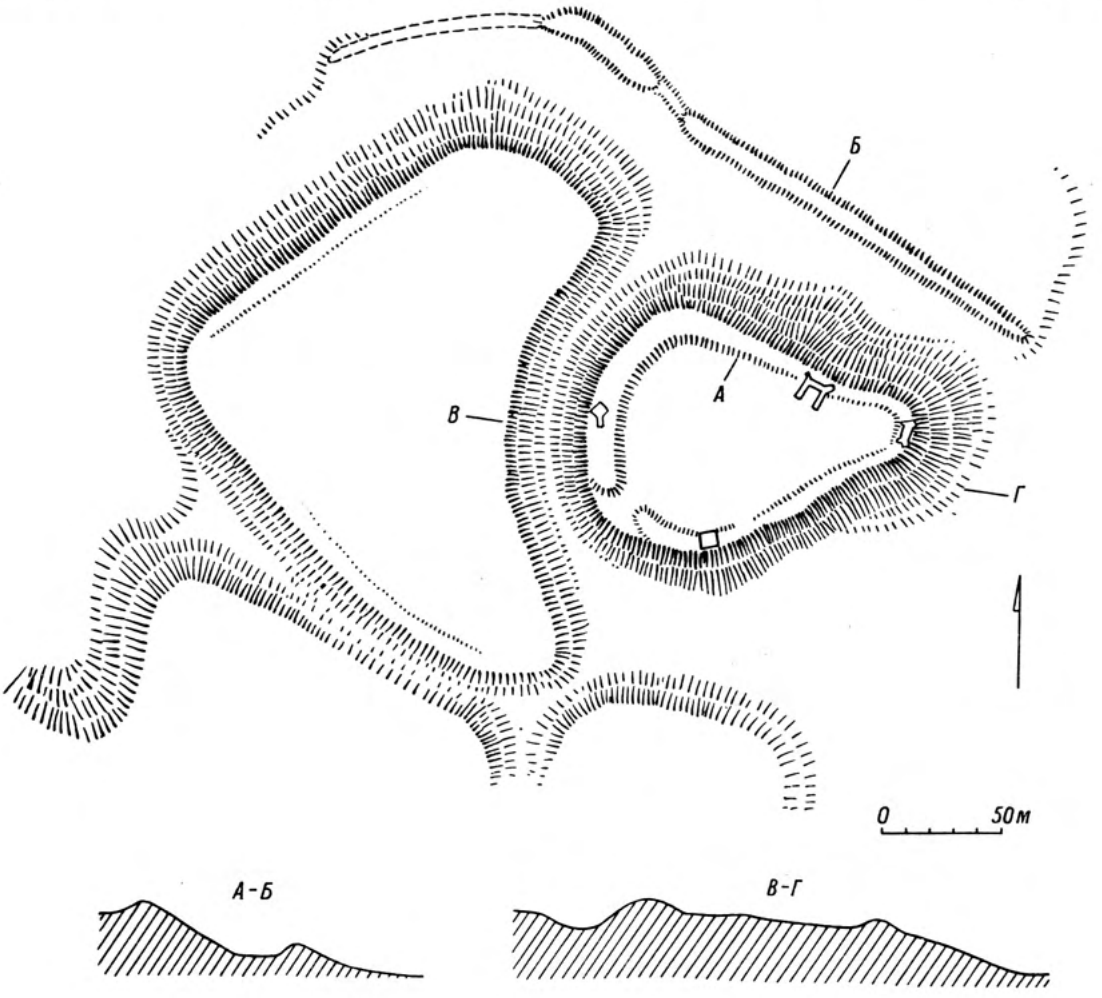

Рис. 96. Городище в г. Новогрудке.

[184] J. Jodkowski. Grodzisko Wolkowyskie. Grodno, 1925, стр. 30.

[185] Земляная перемычка, ведущая через ров, не древняя. На планах Новогрудка, исполненных в 1872 г., этой перемычки еще нет (ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 167, Гродненская губ., №№ 17, 18).

Окольный город имеет неправильную форму, соответствующую конфигурации той возвышенности, которую он занимает. С юго-западной стороны, там, где площадка окольного города примыкает к продолжению повышенного плато, проходят ров и вал. Вал явно заметен также и вдоль северо-западного края площадки. Таким образом, все края площадки окольного города, кроме обращенной в сторону детинца, были, очевидно, защищены валами. Размер площадки окольного города в Новогрудке с севера на юг около 225 м, а с запада на восток 130 м.

Своеобразной деталью оборонительной системы Новогрудка является длинный отрезок вала, расположенный внизу, у основания северо-восточной стороны укрепления.[186]

Поселение в Новогрудке, судя по дачным археологических раскопок, было основано в конце X в.[187] Однако в это время был укреплен только детинец, а валы окольного города были сооружены в XII в.[188] В XIV—XV вв. детинец Новогрудка был реконструирован в связи с постройкой здесь каменного замка.

Не совсем ясно, к какому типу планировки оборонительной системы следует относить укрепления Гродно (древний город Городно). Детинец этого города расположен на высоком мысу при впадении в Неман р. Городничанки; по плановой схеме и размерам он очень близок детинцу Новогрудка. Основание укреплений в Гродно относится ко второй половине или концу XI в.[189] К сожалению, многочисленные перестройки более позднего времени не позволяют более детально судить о том, как была организована оборона детинца в этот ранний период. В XII в. часть гродненских укреплений была построена из кирпича.

Мало вероятно, чтобы такой крупный древнерусский город, как Гродно, имел только одну линию обороны — детинец. Поэтому, хотя никаких реальных следов укреплений окольного города в Гродно пока не обнаружено, очень правдоподобно предположение, что здесь некогда существовала и внешняя линия обороны — окольный город. Наиболее вероятно, что этот окольный город был расположен там, где теперь находится территория так называемого Нового Замка. Такое предположение подтверждается старинными планами Гродно, на которых видно, что Новый Замок был некогда отделен от остальной территории поселения рвом.[190] Укрепленная площадь древнего Городно была в целом, по-видимому, равна приблизительно 3—4 га.

VI. ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Полоцкая земля сохранила много памятников военного зодчества. Подавляющее большинство их относится к укреплениям, полностью подчиненным защитным свойствам естественного рельефа местности, т. е. к укреплениям островного и мысового типов.

К островным укреплениям относится несколько ранних памятников, которые датируются VIII—IX вв. Таково, например, городище Толкач у д. Гаравыя (или Городище) (рис. 3, 1).[191] Оно расположено на островке среди болота, причем холм, использованный для постройки укрепления, имеет в высоту около 6 м. Склон холма с одной, более пологой, стороны несет явные следы искусствен-

[186] На старых планах города видно, что этот вал был несколько длиннее, чем теперь, и прикрывал не только северо-восточную, но и северную сторону городища.

[187] Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новогрудка X—XIII вв. СА, 1962, № 1, стр. 25; М. В. Малевская. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 92.

[188] В письменных источниках наличие окольного города в Новогрудке отмечено только под 1274 г. (Ипатьевская лет., 6782 г.).

[189] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. М., 1954. стр. 45. — Все предположения, что в письменных источниках упоминаются два города под одинаковым названием Городно, лишены оснований. Городище Городно близ г. Пинска не может быть древнерусским городом, так как на этом городище нет даже культурного слоя (см.: Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 20).

[190] Е. Д. Квитницкая. Планировка Гродно в XVI—XVIII вв. Архитектурное наследство, № 17, М., 1964, стр. 12.

[191] А. Н. Лявданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе. Працы II, стр. 176; Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. В сб.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики, М., 1959, стр. 286; см. также: П. Раппопорт. Очерки I, стр. 26, 27, рис. 3.

ной подрезки. Размер площадки городища 21 × 28 м.

Среди более поздних памятников к островному типу относится городище в г. Борисове.[192] Городище это занимает остров на р. Березине. Остров низкий, размер его приблизительно 200 × 300 м. Все следы древ-

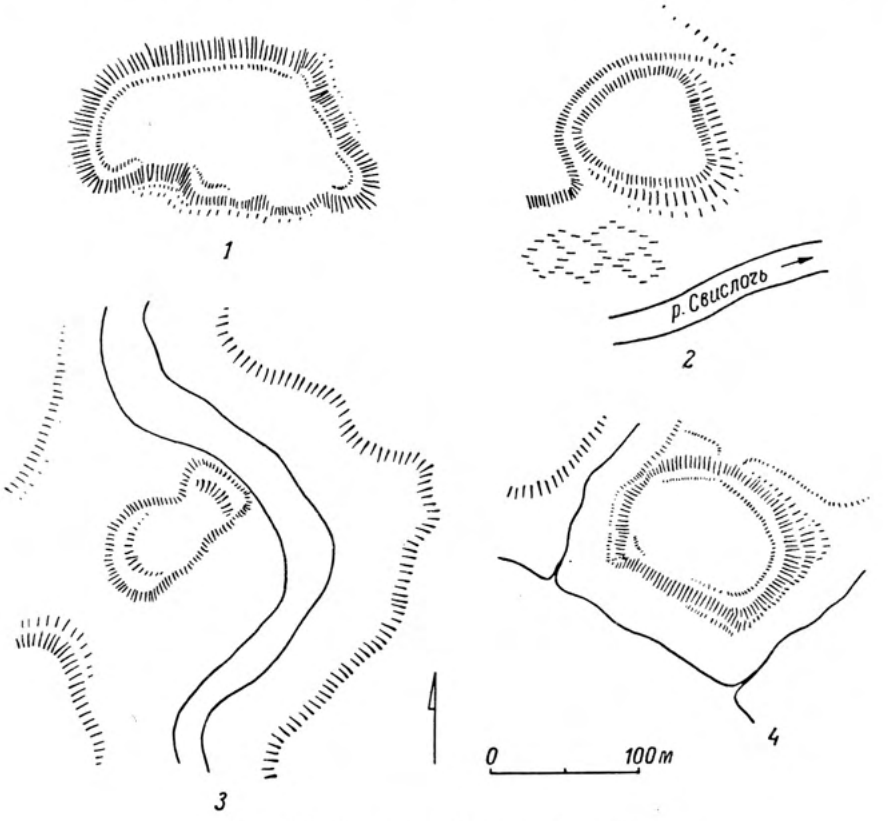

Рис. 97. Городища Полоцкой земли.

1 — Браслав (по Л. Алексееву); *2* — Свислочь (по С. Шутову); *3* — Лукомль (по А. Кавалене); *4* — Ерсика (по Ф. Балодису).

них укреплений здесь уже полностью уничтожены. Судя по археологическому материалу, городище не древнее XI в.; наиболее вероятно, что город Борисов был основан полоцким князем Борисом в первой четверти XII в.

К несколько иному варианту островного типа относятся укрепления г. Браслава.[193] Здесь городище расположено на холме, имеющем высоту около 14 м; площадь городища равна приблизительно 100 × 200 м (рис. 97, *1*). По всему периметру площадки проходит вал, местами достигающий высоты 9 м. Город Браслав (в древности, очевидно, Брячиславль) был, вероятно, основан полоцким князем Брячиславом в первой половине XI в. Однако, судя по археологическому материалу, поселение здесь существовало и раньше, уже с конца I тысячелетия.

На отдельном холме расположено городище Замок в г. Лукомле — остатки древнего Лукомля, упоминаемого в летописи в XI в. (рис. 97, *3*).[194] Площадка городища имеет неправильную форму, соответствующую естественной форме холма; с двух сторон площадки видны следы валов.

[192] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Барысаве. Працы II, стр. 253; З. Даўгяла. Барысаўскі замак. Там же, стр. 263.

[193] Л. В. Алексеев. Раскопки древнего Браслава. КСИА, вып. 81, 1960, стр. 95.

[194] А. З. Каваленя. Археолёгічныя росшукі ў вярхоўях рэк Друці, Усяж-Бук і Лукомкі. Працы III, стр. 187.

Точно так же, на отдельном холме, расположено городище Шлосберг, представляющее собой остатки городка Герсики (или Ерсики), — одного из северо-западных форпостов Полоцкого княжества.[195] Холм находится на правом берегу р. Даугавы и является самой высокой точкой данного района; он возвышается над рекой на 13—14 м. Площадка имеет неправильно овальную форму (рис. 97, *4*). Размер ее 70 × 100 м. По периметру площадки проходил вал, в настоящее время очень плохо сохранившийся. По-видимому, данное городище является памятником не чисто островного типа, так как с северной и северо-восточной сторон оно защищено дополнительно также и рвом, что сближает его с мысовыми городищами. Время основания Герсики неизвестно; наиболее вероятно, что город был построен в XI—XII вв. и существовал до начала XIII в., когда был захвачен немецкими рыцарями.

Особый вариант островного типа представляет собой городище XII—XIII вв. у местечка Семков Городок, где укрепленная площадка занимает не весь болотный островок, а лишь его часть, отделяясь от остальной части острова валом и рвом.[196] Эта особенность сближает данное городище с укреплениями мысового типа.

* * *

Некоторые городища Полоцкой земли относятся к простейшему варианту мысового типа. Таково, например, городище в г. Свислочь.[197] Оно занимает холм при слиянии рр. Березины и Свислочи (рис. 97, *2*). Высота холма достигает 12 м, размер площадки 67 × 77 м. С напольной стороны городище отделено широким дугообразным рвом. Следы валов на городище в настоящее время не сохранились. Судя по наличию не только круговой, но и лепной керамики, можно думать, что городище относится не позже чем к X в.

К простому мысовому типу, но с валом по всему периметру площадки, относится городище у д. Тетерин (или Цяцерын) — остатки известного по летописи древнерусского города Тетерина.[198]

Городище у д. Городище на р. Птичь имеет очень своеобразный контур, связанный с желанием его строителей включить в защищенную валом площадку несколько участков, различных по высоте и характеру рельефа.[199] Однако, несмотря на сложность конфигурации, городище несомненно относится к простому мысовому типу, так как от соседней повышенной площадки оно отрезано дугообразным искусственным рвом, а со всех остальных сторон защищено болотистой низиной. Судя по археологическому материалу, городище, по-видимому, не древнее XII в.

Большое городище у д. Понизовье на р. Гайне также имеет типично мысовую структуру.[200] Оно занимает площадку, имеющую в длину около 180 м и возвышающуюся над рекой почти на 20 м. От берегового плато площадка отделена дугообразным валом и рвом; у одного из торцов вала расположен въезд на городище. С остальных сторон площадки вала не имеется. Поселение было основано, по-видимому, в XII в.

К различным вариантам мысового типа относятся городище Замок в Логойске — остатки древнего города Логожска[201] — и укрепления города Кокнезе (иначе Куконос или Кукейнос) — крайнего северо-западного форпоста Полоцкого княжества. Крепость Кокнезе, построенная, по-видимому, в XI в., не сохранилась, так как уже в самом начале XIII в. она была захвачена рижским епископом, построившим здесь каменный замок Кокенхузен (Кокенгаузен). Однако мысовая организация системы обороны этого замка настолько очевидно связана с естественным рельефом использованного участка мест-

---

[195] А. П. Тыртов. Городище Царьград (Герцике) в Динабургском уезде. Тр. Виленск. отд. Московск. предварит. комитета IX археол. съезда, отд. II, Вильна, 1893, стр. 227; F. Balodis. Jersika. Rigā, 1940, стр. 26.

[196] А. Н. Лявданскі. Археолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі. Працы I, стр. 85.

[197] С. С. Шутаў і М. М. Улашчык. Археолёгічныя разьведкі на ніжняй Сьвіслачы ўлетку 1926 г. Працы II, стр. 112.

[198] А. З. Каваленя. Археолёгічныя росшукі..., стр. 192; см. также: П. Раппопорт. Очерки I, рис. 2, *н*.

[199] А. Рынейскі. Археолёгічныя разьведкі на р. Пцич. Працы III, стр. 205—206.

[200] А. Н. Лявданскі. Раскопкі і археолёгічныя разьведкі ў Барысаўскім павеце. Навукові зборнік Інституту беларускае культуры, Менск, 1925, стр. 94, табл. II.

[201] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. 3, ч. 3, 1926, стр. 193; см. также: П. Раппопорт. Очерки I, стр. 34, рис. 8.

ности, что исследователи, изучавшие немецкий замок, не сомневались в унаследовании его общей схемы от ранее находившейся здесь русской крепости.[202]

* * *

В очень небольшом количестве встречаются на Полоцкой территории городища, имеющие правильную геометрическую форму, не зависящую от естественного рельефа. Таково, например, городище Замочек в г. Заславле, имеющее в плане форму правильного круга диаметром около 70 м.[203] Форма, близкая к прямоугольнику со скругленными углами, характерна для городища у д. Углаты.[204] Одной стороной площадка этого городища примыкает к реке, а с остальных — защищена двойной линией валов и рвов. Таким образом, в принципе это городище приближается к городищам с полукруглой формой плана. Замочек в Заславле и городище у д. Углаты относятся к XI—XII вв.

К укреплениям, имеющим округлую форму, должен быть причислен детинец Минска (рис. 98).[205] Как показали археологические раскопки, древняя крепость была основана во второй половине XI в. и имела довольно большие размеры — около 3 га. Крепость расположена на плоской местности на берегу Свислочи и имеет неправильно овальную форму. Очень возможно, что эта форма плана в какой-то степени связана с желанием использовать естественный рельеф и занять всю незаболоченную площадку. Однако решающим здесь было не приспособление к условиям местности, а замысел строителей придать укреплению округлую форму. Мощный вал обходил по периметру вокруг всего укрепления; въезд был расположен в юго-восточной части.

К сложно-мысовому типу на Полоцкой территории относится городище у д. Ново-

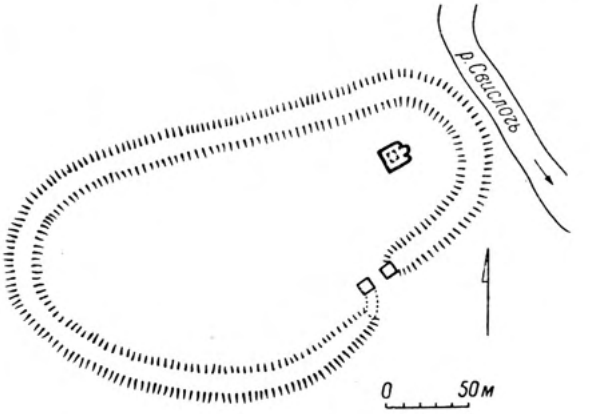

Рис. 98. Минск (по Э. Загорульскому).

селки.[206] Оно расположено на узком, длинном мысу, окруженном болотистой долиной р. Березины. Рвы разделяют этот мыс на три части, средняя из которых, видимо, была первоначально окружена по периметру валом. Городище относится к XI—XIII вв.

К памятникам, имеющим сложную систему обороны, состоящую из детинца и окольного города, относятся укрепления Друцка.[207] Детинец этого города находится на правом берегу Друти и имеет в плане неправильно четырехугольную форму, соответствующую естественной конфигурации всхолмления, на котором он расположен. С северо-запада к детинцу примыкает окольный город, отрезанный с напольной стороны от остальной части повышенного берегового плато дугообразными валом и рвом. В письменных источниках город Друцк упоминается со второй половины XI в.

---

[202] A. Tuulse. Die Burgen in Estland und Lettland. Dorpat, 1942, стр. 35—37. По истории княжества Кокнезе см.: П. А. Стародубец. Княжество Кокнезе в борьбе с немецкими захватчиками в Восточной Прибалтике в начале XIII в. В сб.: Средние века, вып. VII, М., 1955, стр. 201; см. также: А. Стубавс. Археологические раскопки в Кокнесе в 1962 г. Тез. докл. на научн. отчетн. сессии, посвящ. итогам археол. и этногр. экспедиции 1962 г. (Институт истории АН Латв.ССР), Рига, 1963, стр. 36.

[203] А. Н. Лявданскі. Археолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі, стр. 5; см. также: П. Раппопорт. Очерки I, стр. 43, рис. 14, *е*.

[204] С. С. Шутаў і М. М. Улашчык. Археолёгічныя разьведкі..., стр. 114; см. также: П. Раппопорт. Очерки I, стр. 46, рис. 17, *г*.

[205] Э. М. Загарульскі. Археалагічнае вывучэнне дзяцінца старажытнага Мінска. Весці Акад. навук БССР, серыя грамадскіх навук, № 4, Менск, 1960, стр. 52; Э. М. Загорульский. Древний Минск. Минск, 1963, стр. 23.

[206] С. С. Шутаў і М. М. Улашчык. Археолёгічныя разьведкі..., стр. 115; см. также: П. Раппопорт. Очерки I, стр. 49, рис. 20, *г*.

[207] А. З. Каваленя. Археолёгічныя росшукі..., стр. 190.

Значительно более крупным городом был Витебск. Несмотря на то что его древние оборонительные сооружения полностью уничтожены, общая схема обороны восстанавливается достаточно убедительно с помощью старинных планов и архивных материалов.[208] Детинец Витебска (позднее называвшийся Верхним Замком) был расположен на высоком мысу при слиянии рр. Витьбы и Западной Двины. С напольной стороны он был защищен мощным валом и рвом. Площадь детинца около 3 га. За рвом лежал окольный город, позднее называвшийся Нижним Замком. Эта территория была защищена с запада р. Витьбой, с юга — Западной Двиной, а с севера и востока — оборонительной линией, состоявшей, видимо, из вала и рва. В северной части этот ров бы отрыт искусственно, а в восточной в качестве рва была использована долина ручья. Время основания Витебска — конец X—начало XI в.

Несомненно, что мощную оборонительную систему должен был иметь сам стольный город Полоцк. К сожалению, его древние оборонительные сооружения настолько плохо сохранились, что даже место первоначального детинца и время его заложения долгое время оставались спорными.[209] В результате археологических исследований последних лет удалось установить, что первоначальное укрепленное поселение было расположено на месте городища на правом берегу р. Полоты и существовало здесь в VIII—X вв. В конце X или начале XI в. укрепленный центр был перенесен на левый берег р. Полоты при впадении ее в Западную Двину.[210] Если первоначальное укрепление имело островной тип оборонительной системы и площадь менее 1 га, то новый детинец Полоцка (Верхний Замок) был построен по мысовой схеме и имел значительно большую площадь — около 7 га. С трех сторон детинец был защищен реками, а с четвертой, напольной — рвом.[211] Линия обороны древнего окольного города пока не установлена, но наиболее вероятно, что она проходила по речке, впадающей в Западную Двину примерно в 1200 м восточнее устья р. Полоты. На старинных чертежах видно, что эта речка представляет собой остатки рва, соединяющего Полоту с Западной Двиной. Если такое предположение правильно, то общая площадь укрепленной территории Полоцка была приблизительно 58 га.

VII. СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ

В Смоленской земле, как и в Полоцкой, подавляющее большинство городищ представляет собой остатки укреплений, полностью подчиненных защитным свойствам рельефа местности, т. е. относится к островному и мысовому типам.

Городище у д. Волоковая (одно из древнейших на Смоленщине славянских городищ) представляет собой очень типичный образец укрепления островного типа.[212] Оно занимает невысокое всхолмление (высота его всего около 2 м) и не имеет никаких искусственных земляных оборонительных сооружений. Такой простейший вариант островного решения схемы обороны, когда площадка городища защищена исключительно естественными рубежами — склонами

---

[208] Л. В. Алексеев. К истории и топографии древнейшего Витебска. СА, 1964, № 1, стр. 99; Г. В. Штыхов. Археологические раскопки в Витебске. Матер. IX конференции молодых ученых (Общественные науки, АН БССР), Минск, 1965, стр. 61.

[209] А. Н. Лаўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе, стр. 161—172.

[210] Г. В. Штыхаў. Пытання гістарычнай тапаграфіі Полацка. Весці Акад. навук БССР, серыя грамадскіх навук, № 2, Менск, 1963, стр. 171.

[211] Мысовое расположение Верхнего Замка хорошо видно на старых планах Полоцка (см., например: В. П. Викентьев. Полоцкий кадетский корпус. Полоцк, 1910, план после стр. 40; Ю. Егоров. Градостроительство Белоруссии. М., 1954, планы на стр. 90, 125, 126).

[212] А. Н. Лаўданскі. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губерніі. Працы II, стр. 322. — Городище относится, по-видимому, к VIII—IX вв. Эта датировка основана на сходстве форм лепной керамики городища с формами керамики близлежащей курганной группы (там же, стр. 324; см. также: П. Раппопорт. Очерки I, стр. 27). Впрочем, необходимо отметить, что лепную славянскую керамику смоленских городищ еще сравнительно недавно путали с более ранней керамикой местного балтийского населения. Поэтому вопросы датировки и этнической принадлежности ранних городищ Смоленщины, даваемые в работах советских исследователей 30-х годов, сейчас уже вызывают сомнение (см.: П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 35).

холма или болотом — и совершенно не имеет искусственных земляных укреплений, встречается в Смоленской земле и среди памятников более позднего времени. Таково, например, городище у д. Деребуж, занимающее невысокий луговой островок среди болота.[213] Относится это укрепление, по-видимому, к XI в. Такую же схему имеет городище у д. Жичицы — остатки древнего города Жидчичи; оно также занимает островок среди болота.[214] На небольшой возвышенности расположено городище у д. Ершилодыжицы, по-видимому являющееся остатками города Лодейницы.[215] Овальная площадка этого городища имеет размер 29 × 40 м; культурный слой относится к XI—XIII вв. На более высоком останце (высота его более 15 м) расположено городище у озера Ржавец — остатки древнего города Вержавска.[216] Площадка его овальная, размером 110 × 70 м; склоны со всех сторон очень крутые. Дополнительной защитой служит озеро, омывающее городищенский холм с трех сторон. Укрепленное поселение на этом месте возникло в IX—X вв.

Далеко не всегда, даже при чисто островном решении схемы обороны, городища лишены искусственных земляных оборонительных сооружений. Некоторые из них имеют валы. Например, городище Церковище, расположенное на отдельном холме среди труднопроходимого болота.[217] Холм поднимается над болотом на высоту до 14.5 м; размер площадки городища 45 × 30 м. С одной стороны холм несколько ниже (всего 5—6 м) и склоны его менее крутые. С этой стороны по краю площадки проходит земляной вал. Городище Церковище представляет собой остатки древнего городка Воищина, основанного в XII в. и погибшего в середине XIII в.

Городище в имении Вонлярово также относится к числу чисто островных укреплений.[218] Оно расположено на холме, поднимающемся среди луговой низины на высоту до 12 м. По краю площадки по всему периметру проходит земляной вал.

Городище близ д. Ганино находится на плоском холме, окруженном со всех сторон глубокими оврагами и долиной р. Мошны.[219] Площадка имеет довольно значительные размеры — 160 × 75 м. С трех сторон площадки видны остатки сильно оплывшего вала. Судя по археологическому материалу, поселение здесь существовало с XI по XIV в. Отличительной особенностью городища у д. Ганино является перемычка, соединяющая площадку с остальной частью повышенного берегового плато, что несколько сближает его с памятниками мысового типа.

* * *

Большое количество городищ Смоленщины относится не к островному, а к мысовому типу. Среди ранних памятников, на которых была обнаружена лепная керамика, следует отметить, например, городища у деревень Азарычи, Чаранки, Вязовеньки и др.[220] Это небольшие площадки на мысах, защищенные с напольной стороны валом и рвом или одним только валом.

К такому же простейшему варианту мысового типа относятся некоторые городища, на которых наряду с лепной была обнаружена также и круговая керамика. Таково городище у д. Высокое, которое расположено на мысу, поднимающемся над болотистым берегом р. Прони более чем на 7 м.[221] Площадка, имеющая размер 42 × 26 м, от-

---

[213] А. Н. Лявданский. Городище, курганы и стоянка близ д. Деребуж. Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV, М., 1929, стр. 300.

[214] В. В. Седов. К исторической географии Смоленской земли. Матер. по изучению Смоленской области, вып. IV, Смоленск, 1961, стр. 332.

[215] Там же, стр. 333.

[216] Там же, стр. 318.

[217] В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960, стр. 51.

[218] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах..., стр. 255.

[219] В. В. Седов. 1) Археологические работы по изучению древнерусской деревни Смоленской земли в 1957 году. Матер. по изучению Смоленской области, вып. III, Смоленск, 1959, стр. 167; 2) Древнерусские сельские поселения Смоленской земли. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 49.

[220] В. Р. Тарасенка. 1) Археолёгічная праца на Магілеўшчыне ў 1930 г. Працы III, стр. 239; 2) Археолёгічныя досьледы гарадзішч на Смаленшчыне ў 1926—1928 гг. Працы II, стр. 127; А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губерніі, стр. 298. — Датировка и этнокультурная характеристика этих городищ еще не совсем ясны.

[221] В. Р. Тарасенка. Археолёгічная праца на Магілеўшчыне ў 1930 г., стр. 238.

резана с напольной стороны дугообразным валом (высотой около 4 м) и рвом. Городище у д. Ободрово занимает высокий треугольный мыс при соединении оврага со старым руслом р. Сожа.[222] Длина площадки 50 м при наибольшей ширине 48 м. С напольной стороны площадка защищена дугообразным валом. На мысу высокой гряды у истока р. Каспли расположено Касплянское городище.[223] Оно имеет яйцевидную в плане площадку длиной 64 м при наибольшей ширине до 27 м. С наполья площадка ограничена валом, поднимающимся над площадкой на 1.5 м, перед ним проходит ров глубиной до 10 м. Укрепленное поселение здесь основано в IX—X вв.

К простейшему варианту мысового типа относятся на Смоленщине также и некоторые городища-убежища, не имеющие культурного слоя и относящиеся, по-видимому, ко времени от IX—X до XII в. Таково Кучинское городище, расположенное на высоком мысу, ограниченном с двух сторон оврагами, а с наполья — дугообразным валом и глубоким рвом.[224] Площадка этого городища имеет размер 58 × 37 м. У Матвеевского городища площадка более длинная и узкая (80 × 20 м); с напольной стороны оно защищено одним только дугообразным валом.[225]

Городища не древнее XI в., представляющие собой места постоянных поселений, а не временных убежищ, также очень часто относятся к простейшему варианту мысового типа. Таково, например, Бородинское городище, занимающее мыс между долиной р. Волость и оврагом, по которому протекает ручей.[226] Площадка расположена на высоте около 13 м над рекой и отрезана с напольной стороны дугообразными валом и рвом. Укрепленное поселение было основано в конце XI—начале XII в. Аналогично по схеме организации городище в д. Городна, представляющее собой остатки древнего административного центра волости Воторовичи, возможно называвшегося городом Вотрин.[227] Здесь городище занимает мыс при впадении р. Марушки в р. Городнянку. Площадка защищена с трех сторон крутыми склонами, а с наполья — валом и рвом. Поселение датируется XI—XIII вв.

На некоторых городищах вал проходит не только с напольной стороны, но и с одной из боковых сторон, как это, например, имеет место на городище у с. Красная Горка, относящемся, по-видимому, к XII в.[228]

На значительном числе мысовых городищ Смоленщины вал окружает кольцом всю площадку. Все известные городища такого типа не древнее X—XI вв. Правда, на Ковшаровском городище обнаружен культурный слой с лепной керамикой; однако проведенные здесь раскопки показали, что вал, проходящий по периметру площадки, относится к XII—XIII вв.[229]

Колычевское городище занимает конец отрога, поднимающийся на 10 м над рекой.[230] Площадка имеет размер 35 × 30 м и форму, близкую к треугольнику; от плато она отделена дугообразным валом, невысокие концы которого охватывают площадку кругом. Перед валом с напольной стороны проходит ров. Склоны холма крутые, а со стороны мыса, где они были несколько положе, на половине высоты этих склонов видна горизонтальная терраса — следы искусственной подрезки. Поселение на Колычевском городище существовало в VI—VII вв., затем оно было заброшено и сохранившиеся земляные оборонительные сооружения были построены только в XI или XII в.

Очень типичным мысовым городищем с замкнутым валом по периметру является Черкасовское городище в районе г. Орши.[231] Почти аналогичное по форме городище у д. Германов отличается лишь тем, что

---

[222] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах..., стр. 201; см. также: П. Раппопорт. Очерки I, стр. 28, рис. 4.

[223] В. В. Седов. К исторической географии Смоленской земли, стр. 331; см. также: Працы II, стр. 330.

[224] В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.), стр. 32.

[225] Там же, стр. 39.

[226] Там же, стр. 92.

[227] В. В. Седов. К исторической географии Смоленской земли, стр. 327.

[228] В. Р. Тарасенка. Археолёгічныя досьледы гарадзішч на Смаленшчыне ў 1926—1928 гг., стр. 130.

[229] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах..., стр. 234.

[230] П. Н. Третьяков. Средневековые замчища Смоленщины. Историко-археологический сборник к шестидесятилетию А. В. Арциховского, М., 1962, стр. 241.

[231] С. А. Дубінскі. Черкасоўскае гарадзішча пад Воршай. Працы II, стр. 71; см. также: П. Раппопорт. Очерки I, стр. 34, рис. 7, *а*.

площадка расположена здесь не на самом конце мыса, а несколько отступя от него.[232]

К мысовому типу относятся также городища, являющиеся остатками известных по летописи городов Орши и Пацина. Городище в Орше расположено на мысу при впадении речки Оршицы в Днепр. По краям площадки сохранились следы вала; с наполья, кроме того, проходил ров, в настоящее время уже почти полностью заплывший, но еще хорошо видимый на старинных планах города.[233] Городище в Пацине также занимает мыс при слиянии двух речек; с напольной стороны расположен вал.[234] Судя по археологическому материалу, оба городища восходят к XI в.

* * *

Помимо островных и мысовых городищ, т. е. укреплений, полностью подчиненных в организации обороны защитным свойствам рельефа местности, на Смоленщине известны также и городища, имеющие правильную геометрическую форму, не зависящую от рельефа. Таковы круглые городища в Кричеве, Копысе, Рославле и некоторые другие.

Городище в Кричеве расположено на высоком берегу р. Сожа.[235] От коренного берега оно отделено глубоким рвом. Площадка круглая, диаметр ее около 80 м. По периметру вокруг площадки проходит вал. С напольной стороны высота его около 2.5 м, а со стороны реки — несколько меньше. Копысское городище имеет такой же диаметр круглой площадки, как и Кричевское, и тоже окружено по периметру кольцевым валом высотой до 3 м.[236] Городище это, расположенное на холме с крутыми склонами, находится на левом берегу Днепра при впадении речки Смерковки. Городище в г. Рославле, остатки древнего города Ростиславля, также расположено на высоком холме.[237] Его круглая площадка имеет диаметр около 70 м и окружена валом высотой до 3 м. С одной стороны перед валом проходит ров.

К этому же типу относится городище в г. Ельне, расположенное при впадении ручья Мойки в р. Десну.[238] Оно несколько больше по размерам и имеет не круглую, а скорее овальную площадку размером 150 × 110 м. Вокруг площадки тоже проходит кольцевой вал.

Вопрос датировки круглых городищ Смоленской земли еще не совсем ясен. Город Кричев как по письменным источникам, так и по археологическим данным следует отнести ко второй половине XII или даже к первой половине XIII в. Город Ростиславль упоминается в письменных источниках с середины XII в. По-видимому, он и возник также в XII в. Город Копысь упоминается раньше, уже с середины XI в., однако обследовавший Копысское городище В. В. Седов считает, что укрепление здесь было построено лишь на рубеже XI и XII вв. Городище в Ельне Е. А. Шмидт и Ф. М. Заверняев относят к концу X—началу XI в., а В. В. Седов — ко времени не ранее XII в. Но даже если согласиться с наиболее ранними из отмеченных датировок, то и в этом случае остается несомненным, что круглые укрепления, не зависящие от рельефа местности, появляются на Смоленщине значительно позже, чем островные и мысовые, а получают распространение в основном в XII в.

На Смоленщине существует еще значительное количество маленьких круглых городищ, расположенных в труднопроходимых болотистых местах и лишенных культурного слоя. По целому ряду признаков эти памятники вообще нельзя признать за остатки оборонительных сооружений.[239] Окончательное решение вопроса о первоначальном назначении этих таинственных круглых площадок еще не найдено, однако большинство исследователей склоняется

---

[232] С. А. Дубінскі. Гарадзішча каля в. Германоў Аршанскай акругі. Працы II, стр. 81; см. также: Раппопорт. Очерки I, стр. 34, рис. 7, *б*.

[233] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Аршанскай акрузе. Працы II, стр. 36; З. І. Даўгяла. Аршанскі замак. Там же, стр. 48.

[234] В. В. Седов. К исторической географии Смоленской земли, стр. 342; А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. Працы III, стр. 29.

[235] В. В. Седов. К исторической географии Смоленской земли, стр. 339.

[236] Там же, стр. 338.

[237] Там же, стр. 340.

[238] Там же, стр. 341; Е. А. Шмидт и Ф. М. Заверняев. Археологические памятники верхней Десны. Матер. по изучению Смоленской области, вып. III, Смоленск, 1959, стр. 194.

[239] П. Раппопорт. Очерки I, стр. 40.

к признанию их остатками святилищ — мест языческого культа.[240] Во всяком случае при рассмотрении памятников древнерусского военного зодчества смоленские маленькие круглые болотные городища не следует учитывать.

* * *

К сложно-мысовому типу на Смоленщине относится Воротнинское городище.[241] Оно расположено на мысу, вдающемся в заболоченную низину и имеющем около 80 м длины при 20 м ширины. Мыс разделен на две самостоятельные площадки, каждая из которых с наполья защищена валом. Перед наружным валом имеется ров. Археологический материал относится к X—XIII вв. Городище у д. Караковичи имеет даже не две, а три площадки.[242] Общая длина городища здесь около 160 м, а ширина всего 18 м.

Несколько ближе к сложному типу городище у с. Осовик.[243] Первая его площадка, приблизительно треугольная в плане, имеющая длину 73 м при наибольшей ширине 25 м, занимает самый конец мыса при впадении ручья в р. Десну. С наполья эта площадка защищена валом и рвом. Вторая площадка значительно крупнее: ее длина более 80 м при наибольшей ширине до 150 м. С напольной стороны здесь также проходят дугообразные вал и ров. По мнению А. Н. Лявданского, первая площадка этого городища была укреплена в X в., а вторая в XI—XII вв.

Городище у с. Зверовичи, несмотря на мысовую схему расположения укреплений, уже почти полностью может быть причислено к городищам сложного типа.[244] Небольшой детинец имеет здесь в длину всего около 40 м и защищен с напольной стороны двумя мощными валами и рвами. К нему примыкает вторая площадка — окольный город — длиной более 200 м при средней ширине около 80 м. С наполья окольный город также защищен валом высотой около 2 м. Археологический материал на городище XI—XIII вв. По предположению В. В. Седова, это городище является остатками города Красного (или Красна), упоминаемого в письменных источниках во второй половине XII в.[245]

К сложному типу относились укрепления стольного города Смоленской земли — Смоленска. К сожалению, выяснение плановой структуры оборонительной системы древнего Смоленска сопряжено с очень большими трудностями. Неоднократные перестройки смоленских укреплений в течение многих веков, постройка в конце XVI в. мощного пояса каменных стен, а также перепланировка и реконструкция города, проведенные в XVIII—XIX и особенно в XX в., почти полностью уничтожили все следы древнейших оборонительных сооружений Смоленска. Тем не менее обследование современного рельефа города и сопоставление основных особенностей этого рельефа с сохранившимися старинными планами позволяют все же сделать некоторые выводы о плановой структуре древней оборонительной системы (рис. 99).[246]

Прежде всего совершенно уверенно можно определить место древнего детинца. Он находился на Соборной горе. Здесь же, в детинце, в начале XII в. был построен кирпичный собор, а в середине XII в. — небольшой, по-видимому, княжеский храм и дворец.[247] Смоленский детинец имеет характерную мысовую структуру. С южной

---

[240] По мнению В. В. Седова, это славянские святилища, а по мнению П. Н. Третьякова, — святилища местного балтийского населения (ср.: В. В. Седов. Языческие святилища смоленских кривичей. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 57; П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 39).

[241] В. В. Седов. 1) Археологические работы по изучению древнерусской деревни Смоленской земли в 1957 году, стр. 167; 2) Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.), стр. 43.

[242] Е. А. Шмидт и Ф. М. Заверняев. Археологические памятники бассейна верхней Десны, стр. 206.

[243] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне, стр. 7; см. также: П. Раппопорт. Очерки I, стр. 49, рис. 20, *а*.

[244] В. Р. Тарасенка. Археолёгічныя досьледы гарадзішч на Смаленшчыне ў 1926—1928 гг., стр. 137; см. также: П. Раппопорт. Очерки I, стр. 51, рис. 20, *а*.

[245] В. В. Седов. К исторической географии Смоленской земли, стр. 334.

[246] Планы Смоленска, на которых хорошо передан рельеф, см., например: ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 756 (план 1765 г.); д. 758 (план 1779 г.); ф. 1350, оп. 312, д. 38, л. 2 (план 1781 г.).

[247] Остатки церкви XII в. и кирпичного здания дворца были раскопаны в 1964—1965 гг. экспедицией под руководством Н. Н. Воронина. Тогда же на детинце был обнаружен культурный слой XII—XIII вв., а быть может, частично и XI в. Культур-

стороны к нему примыкало высокое плато, и здесь был отрыт искусственный ров. Ров

шими оврагами. Оплывшие остатки рва сохранились до сих пор в виде оврага по ли-

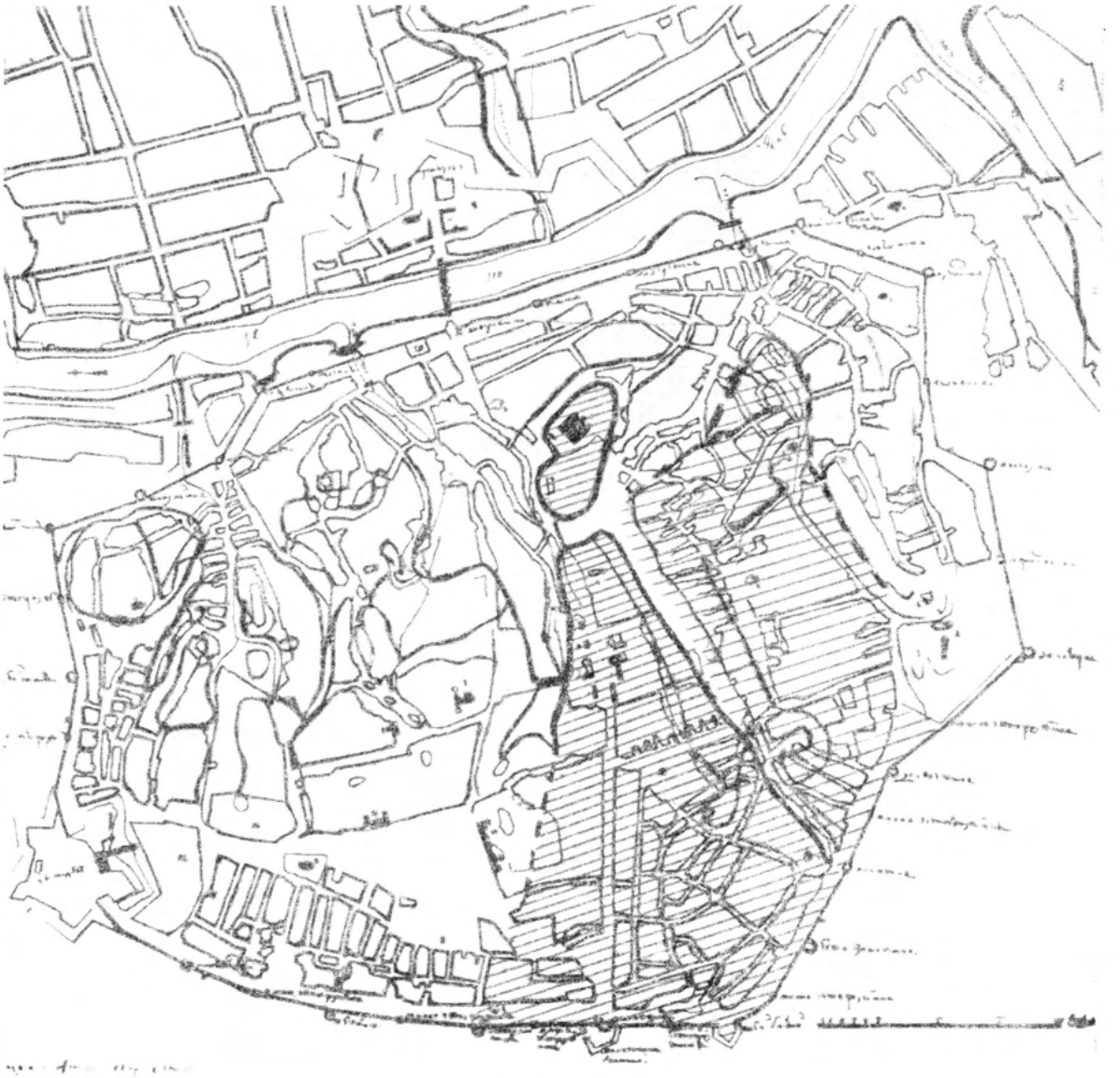

Рис. 99. Смоленск. План 1765 г.

Заштрихована предполагаемая укрепленная территория древнего города.

этот имел небольшую длину (менее 100 м) и концами своими соединялся с двумя боль-

нии современного переулка.[248] Вероятно, кроме рва, детинец был укреплен с наполь-

ный слой IX—X вв. на горе не найден, и в связи с этим вопрос о местоположении древнейшего смоленского поселения пока остается открытым (Д. А. Авдусин. Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957, стр. 37).

[248] В настоящее время часть рва засыпана и здесь проходит Большая Советская улица. Однако на старинных планах Смоленска видно, что улица эта раньше проходила через ров по длинному мосту.

ной стороны также и валом, от которого сохранилось лишь небольшое повышение южного края площадки.

Таким образом, общая схема обороны Смоленского детинца выясняется достаточно определенно. Значительно труднее определить контур древнего окольного города. Плато, примыкающее с юга к рву детинца, ограничено с запада и востока большими оврагами. Мало вероятно, чтобы древние укрепления переходили на другую сторону этих очень широких и глубоких оврагов. Гораздо правдоподобнее, что стены окольного города проходили именно по краю оврагов и весь окольный город лежал к югу от детинца, т. е. занимал примерно среднюю треть крепости XVI в. Неясно, где проходила южная граница смоленского окольного города. Здесь нет никаких естественных защитных рубежей, и оборонительные сооружения, очевидно, состояли из искусственно отрытого рва и вала, по которому шла деревянная стена. Очень возможно, что граница эта проходила примерно там, где позднее Федор Конь построил каменные стены Смоленской крепости. На старинных планах видно, что восточный овраг доходил в южном направлении как раз до линии каменных стен. Западный овраг был несколько короче, но к югу от его вершины находится парк, до сих пор носящий наименование Блонье и этим свидетельствующий, что данная территория не входила в состав города.[249] Если условно принять для окольного города вышеуказанные границы, то общая площадь укрепленной части древнего Смоленска будет несколько более 40 га. Если же предположить, что окольный город в Смоленске охватывал обе стороны восточного оврага, т. е. простирался на восток до следующего большого оврага — Зеленого Ручья, то с запада он несомненно (как свидетельствует огромная ширина оврага и расположение парка Блонье) был ограничен оврагом, проходящим с западной стороны детинца.[250] В таком случае укрепленная площадь Смоленска будет равна примерно 70 га.

VIII. ПАМЯТНИКИ XIV в.

Вторая половина XIII и первая половина XIV в. — наиболее «темный» период в истории древнерусского военного зодчества. Жестоко пострадавшая от монгольского нашествия Русская земля с трудом залечивала кровавые раны. В Киевской земле, особенно сильно пострадавшей от ударов татаро-монгольских орд, оборонительное строительство вообще прервалось на довольно длительный срок. Неизвестно, проводились ли здесь в этот период даже более или менее серьезные ремонты уцелевших крепостей. Несколько благоприятнее была обстановка в Северо-Восточной Руси. Правда, и здесь во время монгольского вторжения большая часть городов была сожжена, а городские укрепления уничтожены, но все же как в Рязанской, так и во Владимирской землях очень скоро началось восстановление разрушенных укреплений. На первых порах это были небольшие ремонтные работы, но постепенно круг работ расширился. Началось восстановление обороноспособности старых городов; о строительстве новых крепостей вначале даже не помышляли. Новые памятники военного зодчества на терррритории Северо-Восточной Руси появляются лишь с середины XIV в. Невелик масштаб оборонительного строительства в этот период и в Северо-Западной Руси.

Совершенно иначе обстояло дело на юго-западе, в Галицко-Волынской земле.[251] Здесь далеко не все важнейшие крепости были взяты и уничтожены монголами.

---

[249] На планах XVIII в. на месте парка показана площадь, также называвшаяся Блонье. Термин *болонье* обозначал ровную, большей частью низменную местность, находившуюся вне городских стен (П. Раппопорт. Очерки I, стр. 60).

[250] Предположение И. Д. Белогорцева, что укрепления Смоленска в XII в. «занимали, видимо, территорию, немногим меньшую городской стены, возведенной в 1596—1600 гг.», не может быть принято (ср.: И. Д. Белогорцев. Кирпичные постройки XII в. в Смоленске. Матер. по изучению Смоленской области, вып. V, Смоленск, 1963, стр. 145).

[251] Галицкая и Волынская земли рассматривались в этот период, как правило, в качестве единой территории, получившей в XIV в. наименование Малой России. Этот термин известен с 1335 г., когда князь Юрий в документе впервые называет себя «Dux totius Russiae Minoris» (И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия, ч. 1. Киев, 1884, прил., стр. 16).

Кроме того, почти сразу же после ухода армии Батыя Даниил Галицкий начал восстанавливать разрушенные укрепления. Правда, в 1261 г. по требованию монгольского военачальника Бурундая русским князьям самим пришлось снести оборонительные стены в нескольких наиболее важных укрепленных пунктах, в том числе даже в таких, которые монголам не удалось взять штурмом (Кременец, Данилов). Тем не менее военное строительство в Галицко-Волынской земле в том или ином объеме не прерывалось ни во второй половине XIII, ни в первой половине XIV в. В это время здесь строили и монументальные храмы, и военно-оборонительные сооружения. К сожалению, летописные известия о событиях в Галицко-Волынской земле почти целиком обрываются в конце XIII в., археологические же памятники этого периода далеко не всегда удается отделить от более ранних сооружений. Поэтому первая половина XIV в. и на юго-западе Руси также оказывается наиболее трудным для изучения периодом в развитии военного зодчества.

Для выяснения перечня укреплений, игравших более или менее существенную роль в XIV в., большое значение имеет договор, составленный в 1366 г., о разделе Волынской земли между польским королем и литовскими князьями.[252] В эпоху средневековья все административные центры в то же время были, как правило, и военными крепостями, а в договоре 1366 г. как раз перечислены все волостные центры Волыни. Крепости Галицкой земли, захваченной Польшей несколько раньше, в этом документе не отмечены. Однако и здесь свидетельства польских хроник и княжеских договоров дают возможность выяснить, какие города играли наиболее серьезную военно-административную и оборонительную роль в первой половине XIV в.

Археологическое обследование галицко-волынских городов, упомянутых в документах XIV в., в ряде случаев, к сожалению, не дало никаких материалов для суждения об оборонительных сооружениях этого времени. Так, на городищах, являющихся остатками городов Ветлы и Чернеч-городка, не обнаружено никаких культурных отложений моложе XIII в.; по-видимому, замки XIV в. были расположены не на площади старых укреплений, а где-то в стороне, вероятно там же, где позднее находились одноименные им села. Такая же картина имеет место и на большом городище в Мельнице. В других случаях культурные остатки XIV в. найдены на старых городищах (Турийск, Белз, Перемиль), однако никаких следов перестройки или изменения оборонительной системы при этом не отмечено. Кое-какие следы укреплений XIV в., видимо, имеются на городище Ратно; очень возможно, что земляной холм, возвышающийся на площадке этого городища, представляет собой основание деревянной башни и был насыпан именно в XIV в.[253]

Есть основания полагать, что к XIV в. относятся укрепления г. Камень-Каширский (древний город Камень). На правом берегу р. Цирь здесь сохранилось городище Замок, занимающее холм высотой около 6 м (рис. 100).[254] Склоны холма со всех сторон крутые (кроме восточного склона, искаженного позднее), площадка на вершине холма ровная, размер ее 75 × 100 м.

Судя по материалам археологического обследования, к XIV в. относится городище Замчиско близ г. Лопатина.[255] Оно расположено на естественной возвышенности, поднимающейся приблизительно на 3 м над уровнем окружающего болота. С запада площадка городища отрезана от продолжения возвышенности дугообразным рвом (рис. 101). Форма площадки неправильная, размер ее 40 × 65 м, валов нет. Приблизительно в 30 м к востоку и юго-востоку от площадки расположен невысокий вал с проездом в его средней части. Культурный слой на городище относится к XIV—XVI вв.

Гораздо выразительнее городище Замчиско, находящееся между селами Старые

---

[252] A. Czuczyński. Traktat książąt litewskich z Kazimierzem Wielkim z roku 1366. Kwartalnik Historyczny, r. IV, 1890, z. 1, Lwow, стр. 513; М. В. Довнар-Запольский. Из истории литовско-польской борьбы за Волынь. Изв. Киевск. унив., 1896, № 8, стр. 1.

[253] Город Ратно отмечен, кроме договора 1366 г., в нескольких документах XIV в. В 1375 г. упоминается даже князь Федор Ратненский (Fedario de Rathin) (А. Андрияшев. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887, стр. 59).

[254] П. Раппопорт. Отчет 1960 г. — Наименование Каширский этот город получил оттого, что в XV—XVI вв. относился к Кошерскому двору (М. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1893, стр. 226).

[255] П. Раппопорт. Отчет 1962 г.

и Новые Кошары, — остатки городка Кошер.[256] Как и все вышеперечисленные города, Кошер упомянут в договоре 1366 г. среди волостных центров Волыни. Городище расположено на плоской заболоченной местности и имеет форму, близкую к квадрату (рис. 102). Валы его достигают высоты 4 м,

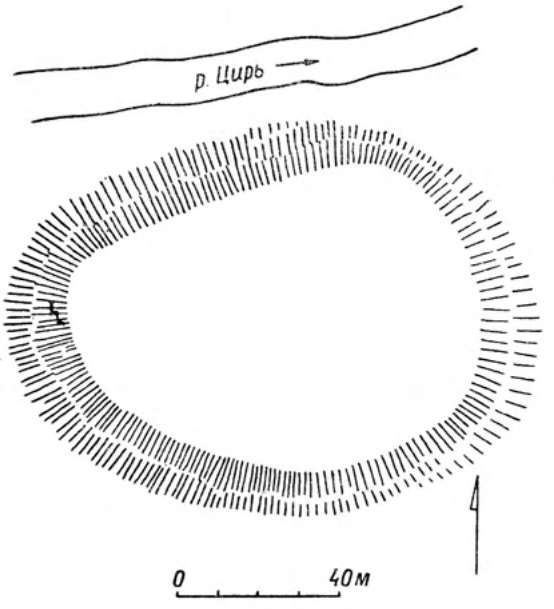

Рис. 100. Городище Замок в г. Камень-Каширский.

а внутренняя площадка примерно на 1 м выше окружающей местности. Размер площадки 55 × 45—50 м. С юга и юго-востока, где к городищу подходит более высокая и незаболоченная равнина, имеются еще два очень невысоких вала. На юго-западном углу городища вал расширяется, образуя округлую площадку диаметром около 15 м, на остальных углах вал прерывается; видимо, здесь стояли башни. Культурный слой относится к XV—XVI вв., хотя, по-видимому, встречается и материал XIV в.

В документах XIV в. упоминается город Рогатин.[257] Действительно, на городище у с. Подгородье близ современного г. Рогатина обнаружен культурный слой этого времени, хотя оборонительные сооружения относятся, видимо, в основном к предшествующей поре.

Укрепление близ с. Сокольцы в Подолии расположено на скалистом острове Соколец и, очевидно, является остатками одноименной крепости, неоднократно упоминаемой в источниках XIV в.[258] Городище имеет культурный слой XIV—XV вв.[259] Контур площадки соответствует естественной форме скалы, никаких валов не имеется.

Несколько сложнее укрепления города Брацлава, построенного, очевидно, как и

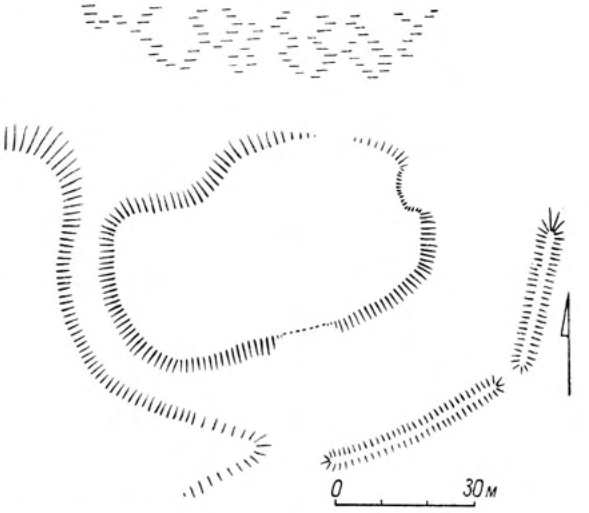

Рис. 101. Городище Замчиско близ г. Лопатина.

большинство городов Подолии, в 60-х годах XIV в.[260] Сохранившиеся старинные чер-

[256] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.

[257] Город Рогатин отмечен, например, в папской булле 1389 г. (А. Петрушевич. Каменные развалины близ села Уречья Стрыйского округа суть остатки древнего русскаго города Тустань. Зоря Галицкая, год VII, число 10, Львов, 1854, стр. 110). В договоре 1387 г. упомянут рогатинский князь (И. Ржежабек. Юрий II — последний князь всея Малыя Руси. В сб.: Болеслав—Юрий II, СПб., 1907, стр. 44).

[258] Упоминание Сокольца есть, например, в Списке русских городов (М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. ИЗ, № 40, М., 1952, стр. 229). В начале XV в. упомянут владелец Сокольца Гринко Соколецкий, он же, видимо, подольский староста (Н. Молчановский. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев, стр. 314, прим.).

[259] Сведения любезно сообщены П. И. Хавлюком. См. также: Е. Сецинский. Археологическая карта Подольской губернии, стр. 247.

[260] М. Владимирский-Буданов. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XIV века. Архив Юго-Западной России, ч. VII, т. 1, Киев, 1886, стр. 79. — В XV в. Брацлав был уже одним из главных пунктов Литовского Подолья (М. Любавский. Областное деление и

тежи этого города хорошо фиксируют остатки его оборонительной системы (рис. 103).[261] Расположенный на мысу при слиянии небольшой речки с Южным Бугом детинец Брацлава был отрезан с напольной стороны рвом. За рвом лежала вторая площадка, имевшая в длину около 300 м и также защищенная рвом с наполья.

Напоминает Брацлав система обороны Теребовльского замка — важного административного центра Галицкой земли, который, по-видимому, в середине XIV в. был перенесен на новое место от с. Зеленче (где находился древний Теребовль) на гору,

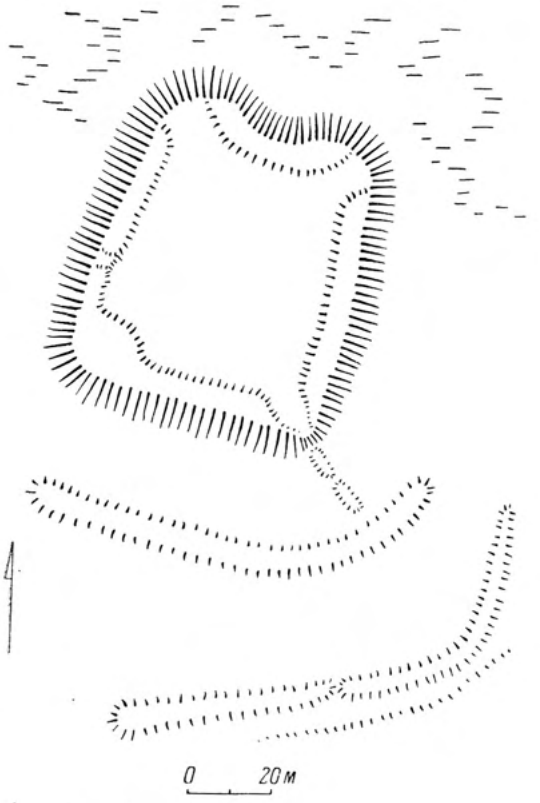

Рис. 102. Городище Замчиско между селами Старые и Новые Кошары.

близ которой находится современный город. Длинный мыс, защищенный с боковых сторон очень высокими и крутыми склонами, перерезан здесь 4 линиями валов и рвов. На мысовой площадке была расположена основная часть крепости — замок. Видимо, первоначально замок был деревянным, но в XVII в. его перестроили в камне.[262]

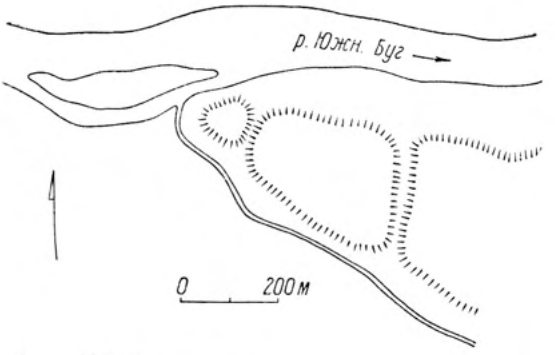

Рис. 103. Брацлав (по старинным чертежам).

* * *

Во второй половине XIII—первой половине XIV в. на территории Волыни широко ведется строительство мощных каменных и кирпичных башен.[263] Часто башни эти строятся на месте уже существовавшей до этого крепости, как это было, например, в Черторыйске и Берестье. В Черторыйске удалось совершенно точно выяснить расположение башни в комплексе деревянно-земляных оборонительных сооружений: она стояла с тыльной стороны вала на наиболее угрожаемом участке напольной стороны крепости. Согласно свидетельству летописи, башня была построена в 1291 г.

По-видимому, несколько раньше была построена башня в Гродно.[264] В летописи об этой башне сказано, что она стояла «перед вороты города». Однако вряд ли башня

местное управление Литовско-Русского государства, стр. 262). Брацлав (Браславль) упомянут также в Списке русских городов (М. Н. Тихомиров. Список русских городов..., стр. 229).

[261] Например, план 1798 г. (ЦГВИА, ВУА, № 21528, т. 5, л. 86).

[262] A. Czołowski. Dawne zamki i twierdze na Rusi Halickiej. Lwow, 1892, стр. 55. — Археологическая разведка показала, что древнерусского материала на территории Теребовльского замка нет (Львівський державний історичний музей. Археологічні роботи музею в 1952—1957 рр., стр. 22).

[263] П. А. Раппопорт. Волынские башни. МИА, № 31, 1952, стр. 202. — В этой работе помещены чертежи и подробные описания всех сохранившихся башен.

[264] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. М., 1954, стр. 190; П. А. Раппопорт. 1) Волынские башни, стр. 211; 2) Оборонительные сооружения Западной Волыни XIII—XIV вв. Światowit. t. XXIV, Warszawa, 1962, стр. 622.

была расположена буквально перед воротами: вероятно, она лишь защищала подход к ним. Наиболее правдоподобно, что она стояла несколько севернее ворот, там, где изображена башня на гравюре XVI в. Во всяком случае несомненно, что башня находилась с напольной стороны крепости близ ворот.

В Холме башня стояла внутри крепости; более точно ее соотношение с оборонительными стенами холмского детинца пока не установлено.[265] Неизвестно, на каком участке крепости стояла башня в Берестье. В Каменце-Литовском башня, построенная в 70—80-х годах XIII в., расположена на высоком берегу р. Лесны. Первоначально башня была связана с укреплениями города Каменца, однако в настоящее время никаких следов этих укреплений не сохранилось.[266] К башне в Столпье вплотную примыкает холм окружностью около 50 м; в нем сохранились следы каких-то древних сооружений.[267] Вход в башню находится не на уровне земли, а с верхней площадки этого холма, т. е. на высоте около 4 м от обреза фундамента. Несомненно, что вокруг столпьенской башни можно было бы вскрыть остатки целого замкового комплекса; к сожалению, раскопки здесь пока не были проведены. Наконец, башня в Белавине, очевидно, стояла изолированно, поскольку она расположена на очень небольшой по размерам насыпи среди болота.

Возможно, что в это время были возведены и другие каменные башни, но сведений о них пока не имеется.[268]

* * *

Характерной чертой военно-оборонительного строительства на территории Галицко-Волынской земли в XIV в. является значительное увеличение количества каменных и кирпичных крепостей. Крепости эти имеют различную плановую структуру: одни относятся к островному типу организации обороны, другие — к мысовому.

Среди каменных укреплений островного типа, т. е. укреплений, со всех сторон прикрытых естественными оборонительными рубежами, наиболее своеобразно устройство замка Тустань.[269] У подножия северных склонов Карпат в 1 км к северо-востоку от с. Урыч расположено несколько групп высоких скал. На одной такой группе скал сохранились остатки древней крепости

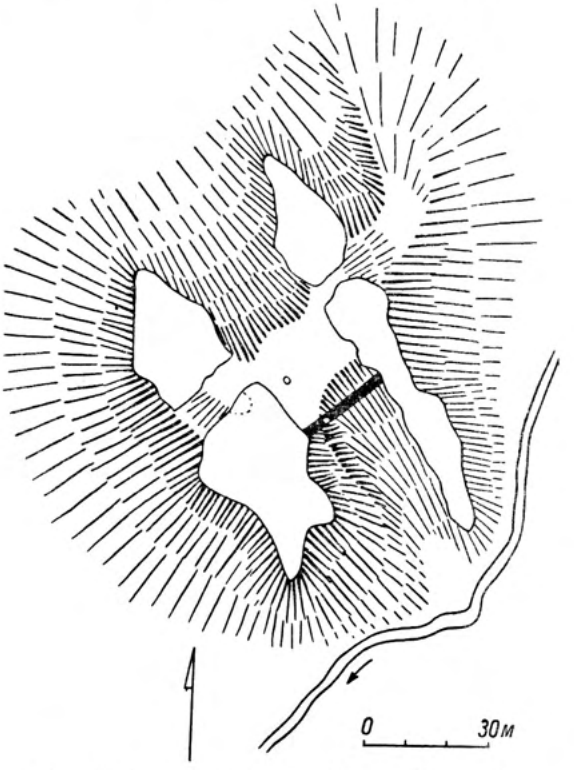

Рис. 104. Городище у с. Урыч (Тустань).

(рис. 104, 105). Площадка крепости, зажатая между четырьмя скалами, расположена на высоте 55 м над уровнем прилегающей

[265] П. А. Раппопорт. Холм. СА, вып. XX, 1954, стр. 313.

[266] Было высказано утверждение, что близ башни сохранился древний вал, на котором стояло кольцо крепостных стен (В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество. М., 1962, стр. 100). В действительности валы вокруг башни — не более как следы реставрации 1903 г. (П. Раппопорт. 1) Отчет 1960 г.; 2) Волынские башни, стр. 221).

[267] П. А. Раппопорт. Волынские башни, стр. 221.

[268] Предполагали, что колокольня в Дрогобыче представляет собой остатки подобной боевой башни (В. Січинський. Архітектура старокнязівської доби. Прага, 1926, стр. 30). Эта версия не подтвердилась. Обследование показало, что колокольня явно построена одновременно с собором.

[269] D. I. Wagilewicz. Berda w Uryczu. Biblioteka naukowego zakladu imienia Ossolińskich, t. VI. Lwow, 1843, стр. 156; А. Петрушевич. Каменные развалины близ села Уречья..., стр. 109; S. Smolka. Urycz. Pamiętnik towarzystwa tatrzańskiego, t. III. Kraków, 1878, c. 2, стр. 58.

долины и имеет очень небольшой размер — 18 × 22 м. Подъем на площадку со всех сторон очень крутой; проходы идут между отвесными скалами. Кое-где в скалах видны вертикальные борозды, быть может искусственного происхождения, для закрытия проходов бревнами. Наименее крутой подъем на площадку ведет с юго-востока, и здесь пространство между скалами перегорожено каменной стеной. Стена эта сохранилась только кусками (рис. 131); толщина ее 2 м; в ней видны следы большого арочного проема. Судя по письменным источникам, город Тустань был построен королем Казимиром в середине XIV в. Археологическая разведка показала, что поселение здесь существовало уже в X—XI вв., однако очень вероятно, что в XII—XIII вв. эта территория была заброшена и замок XIV в. был построен вне связи с более древним поселением.[270] На площадке крепости имеется круглое отверстие диаметром 1.7 м, — вероятно, древний колодец или цистерна. В южной скале со стороны площадки вырублена небольшая пещера.

К середине или даже первой половине XIV в. относится постройка замка Олеско.[271] Позднее этот замок был капитально перестроен, однако его расположение на отдельной горе, имеющей со всех сторон крутые склоны, не вызывает сомнений в чисто

Рис. 105. Тустань. Общий вид с юго-востока.

[270] П. Раппопорт. Отчет 1962 г.

[271] Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana przez M. Balińskiego i T. Lipińskiego, t. II. Warszawa, 1845, стр. 592. — Польский хронист Длугош называет Олеско среди сильнейших русских крепостей уже в 1365 г. (К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868, стр. 348).

островном решении схемы обороны первоначального укрепления.

Видимо, к XIV в. следует относить и строительство каменной крепости в Кременце. Во всяком случае в 1261 г., когда князь Василько по распоряжению Бурундая уничтожил стены Кременца, каменных укреплений здесь еще не было. Не существовало, по-видимому, этих укреплений и в 40-х годах XIV в., поскольку в договоре, составленном в это время, о Кременце сказано: «А города не рубити».[272] В то же время в описании Кременца, сделанном в 1545 г., говорится, что каменная крепость построена так давно, «иж нихто не может памятати».[273]

Одним из важнейших укрепленных пунктов, заложенных в середине XIV в., был старостинский замок в Галиче. Он был построен на высокой горе, в 7 км от древнего стольного города; у подножия этой горы вырос современный город Галич. Плановая структура замка имеет типично мысовой характер (рис. 106, 163). Площадка замка с трех сторон защищена крутыми склонами, а с четвертой (южной) стороны отделена от продолжения нагорного плато широким рвом. На валообразном всхолмлении, проходящем вдоль рва, расположены каменные сооружения замка, состоящие из двух башен, находящихся на краях площадки, и стены, соединявшей эти башни. В среднюю часть стены встроена небольшая церковь. Замок в Галиче явно относится к двум строительным периодам. Он был построен польским королем Казимиром в середине XIV в., после захвата Галицкой земли Польшей.[274] Затем достраивался уже в гораздо более позднее время — в XVII в. Особенности строительной техники позволяют достаточно четко разделить этапы строительства замка и сделать вывод, что основа его плановой схемы восходит к первому строительному периоду, т. е. к XIV в.

Другим важнейшим городом, игравшим одно время даже роль столицы Волыни, был Луцк. В начале или середине XIV в. укрепления Луцка начали перестраивать, заменяя деревянную крепость кирпичной. В описании Луцка, выполненном в 1545 г., честь основания кирпичного замка приписана Любарту, княжившему здесь в середине и второй половине XIV в.[275] Однако запись эта, сделанная на основании устных сообщений через 200 лет после постройки, вряд ли может претендовать на точность. В здании замка видны явные следы нескольких строительных этапов. Сходство кладки и архитектурных деталей первоначального сооружения с башней в Каменце-Литовском позволяет предположить, что Луцкий замок начали строить из кирпича еще до Любарта. В Ипатьевской летописи, очень подробно освещающей волынские события до самого конца XIII в., строительство Луцкого замка не отмечено. Поэтому наиболее вероятно, что кирпичная крепость была построена в начале XIV в. Очень возможно, что именно в это время, время расцвета Луцка, он расширился настолько, что занял всю речную петлю, после чего была построена третья линия его укреплений — «большой мост земский».

Кирпичный Верхний замок в Луцке (рис. 107, 165) имеет в плане форму, соответствующую естественной конфигурации мыса, на котором он расположен, и, очевидно, совпадающую в общих чертах с плановой схемой более древней, деревянной крепости. На обоих концах напольной стены были поставлены башни — Надвратная и Стыровая, на конце мыса еще одна башня — Владычная.[276]

К наиболее сильным крепостям XIV в. следует отнести Каменец-Подольский. Кре-

[272] Акты, относящиеся к истории западной России, т. I. СПб., 1846, № 1.

[273] Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, т. 4. Киев, 1859, отд. 2, стр. 204; см. также: Н. И. Теодорович. История города Кременца. Седлец, 1904, стр. 12.

[274] A. Czołowski. Dawne zamki i twierdze na Rusi Halickiej, стр. 18; Е. Левицкий. Крепость Галицка и ей окрестность. Зоря Галицкая. Львов, 1852, ч. 77, стр. 764 и ч. 79, стр. 779; П. Раппопорт. Отчет 1962 г. — После постройки Галичского замка в 60—70-х годах XIV в. центр Галицкой земли был вновь перенесен из Львова в Галич (А. В. Лонгинов. Червенские города. Варшава, 1885, стр. 113). Село Крылос уже в самом начале XV в. было лишь резиденцией митрополичьего наместника и не имело значения города (Я. Пастернак. Старий Галич, стр. 16; J. Pelеński. Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej. Kraków, 1914, стр. 70).

[275] «Напервеи велики князь Люборт почал был тыи обадва замки (Верхний и Нижний — детинец и окольный город, — *П. Р.*) муровати, а на ним князь Свитригайло доконивал» (Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, стр. 66).

[276] А. И. Мёрдер. Древности Луцка и его прошлое. Киев, 1910.

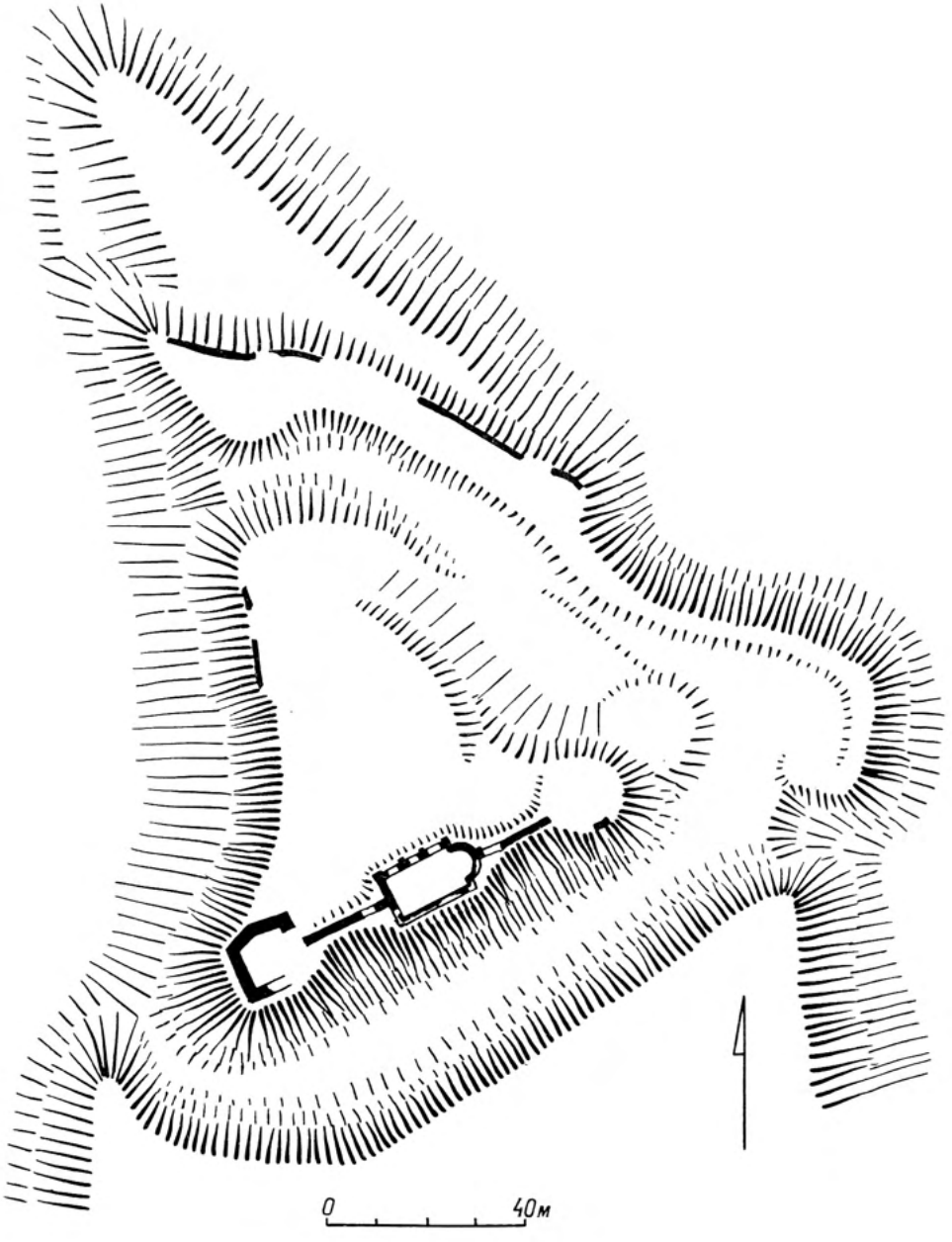

Рис. 106. Галичский замок.

ность здесь расположена на участке, хорошо защищенном естественными условиями. Река Смотричь в этом месте делает крутую петлю, так что в основании петли образуется

валась, но само расположение на местности безусловно свидетельствует, что общая схема обороны восходит ко времени основания первоначального укрепления, т. е.

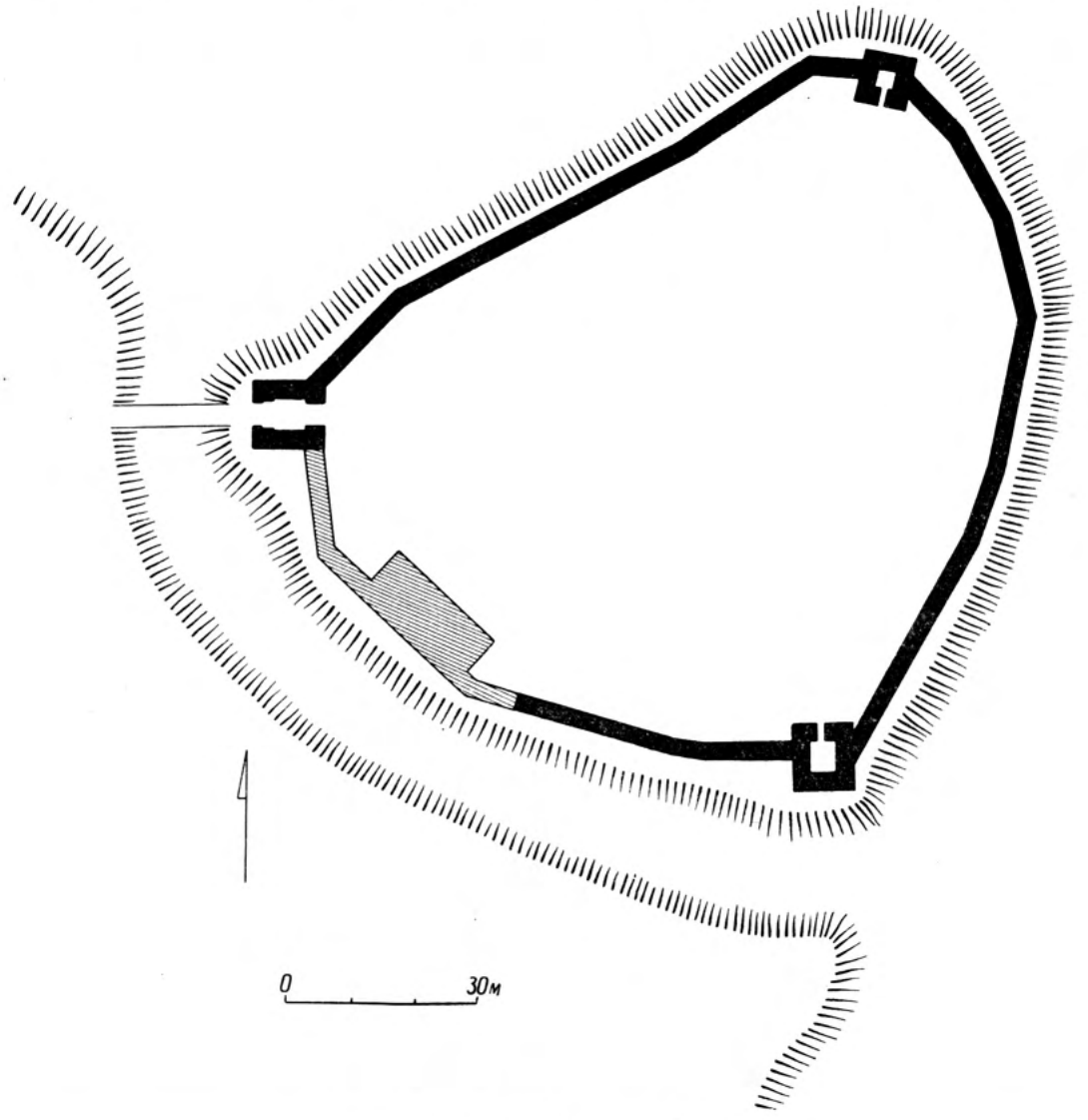

Рис. 107. Верхний замок в Луцке.

очень узкий перешеек. Именно на этом перешейке и стоит каменная крепость (рис. 108).[277] Она многократно перестраи-

к XIV в.[278] Под прикрытием крепости в речной петле возник и развивался город, кото-

[277] Е. Сіцінський. Оборонні замкі західнього Поділля XIV—XVII ст. Записки Історично-філологічнього відділу ВУАН, кн. XVII, Київ, 1928, стр. 69; П. Г. Юрченко. Кам'янець-Подільський замок. Архітектурні пам'ятники, Київ, 1950, стр. 105.

[278] Были высказаны предположения, что Каменец-Подольский возник в XII или даже XI в. (Про початок Кам'янця-Подільського. Газета «Прапор Жовтня», Каменец-Подольский, № 127, 25 октября 1962 г.). Эти предположения неубедительны и основаны на позднем армянском источнике, а также на смешении Каменца-Подольского с городом Ка-

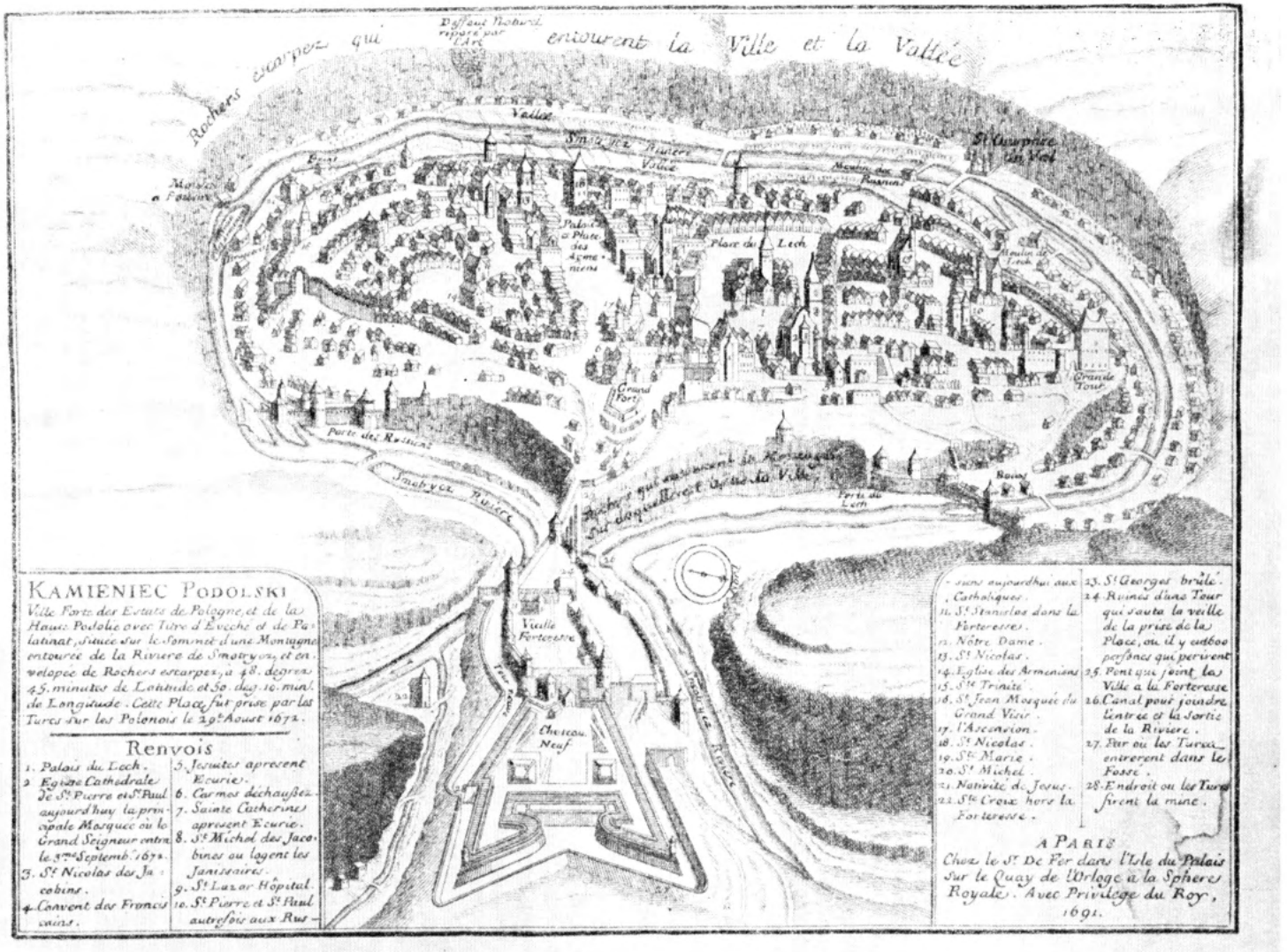

Рис. 108. Каменец-Подольский. Гравюра 1691 г.

рый первоначально, вероятно, не имел самостоятельной оборонительной линии.

Трудно судить о том, насколько серьезной реконструкции подверглась крепость в столице Волыни Владимире. Известно, что владимирский детинец (в XIV в. его называли уже замком) в 1340 г. был еще деревянным.[279] По сведениям польских хронистов, в 60—70-х годах XIV в. замок этот начали перестраивать в кирпиче, однако в документах XVI в. он вновь описывается как деревянный.[280] Никаких изменений плановой структуры владимирского детинца, по-видимому, не было сделано.

IX. ВЫВОДЫ

Изучение плановой структуры оборонительных сооружений западнорусских земель позволяет выяснить общие закономерности развития и особенности планировки укреплений разных периодов. При этом наряду с общими чертами, свойственными оборонительным сооружениям всех русских земель, удается выяснить и местные варианты, характерные только для одной, определенной территории.

Наибольшую сложность вызывает изучение планировки укреплений древнейшего периода. Дело в том, что славянские городища, относящиеся ко времени до X в., на территории западнорусских земель встречаются в очень незначительном количестве и к тому же они еще очень слабо изучены. Поэтому в настоящее время можно делать выводы об эволюции плановой структуры лишь для периода с X в. (вернее со второй половины этого века); таких памятников известно уже достаточно много.

Сравнение плановых типов городищ этой поры показывает, что подавляющее их большинство относится к укреплениям, полностью подчиненным защитным свойствам рельефа местности. Правда, к островному типу, в котором все стороны защищены естественными оборонительными рубежами, относится лишь небольшая часть городищ, при этом локализованных в определенных районах. Так, островные городища довольно часто встречаются в Полоцкой и Смоленской землях, в незначительном количестве — в северной части Волыни и в Припятьском Полесье. Укрепления на отдельных холмах встречаются также в Черной Руси. В Галицкой земле и на основной территории Волыни укрепления такого типа насчитываются лишь единицами.

Нетрудно заметить, что территории, на которых имеются островные городища, — это либо сильно заболоченные земли, либо земли с характерным холмисто-моренным ландшафтом.

В отличие от островных мысовые городища встречаются в большом количестве повсюду. В Галицкой земле их можно найти от предгорий Карпат до Днестровского Понизья, на Волыни — как в южных холмистых районах, так и в северных заболоченных. Много таких городищ и в Черной Руси, и в Полоцкой, и в Смоленской землях. В зависимости от характера ландшафта мысовые городища бывают то низкие, почти не возвышающиеся над болотом, то, наоборот, очень высокие, расположенные на труднодоступных горах; общая принципиальная схема их от этого не меняется.

Мысовые городища бывают защищены валом с одной только напольной стороны или же имеют вал по всему периметру. По аналогии с памятниками Киевской земли и особенно Днепровского Левобережья можно было бы предположить, что первый вариант, т. е. укрепления с одним только напольным валом, старше, чем второй. Однако отсутствие в западнорусских землях достаточно изученных городищ VIII—IX вв. не дает возможности проверить это предположение. Городища же X в. здесь совер-

---

менцем на Волыни (на р. Случи), упоминаемым в русских летописях с XII в. Кроме того, нельзя не учитывать очень ясного свидетельства летописей о том, что Каменец-Подольский был построен в XIV в. князьями Кориатовичами на новом, необжитом месте [Летописец великих князей Литовских (Супрасльский список). ПСРЛ, т. 17, СПб., 1907, стлб. 82]. Впрочем, судя по наличию керамики XII—XIII вв., древнерусское поселение существовало здесь и задолго до постройки города.

[279] Д. Зубрицкий. Аноним Гнезненский и Иоанн Длугош. Львов, 1855, стр. 33.

[280] Там же, стр. 21, 65, 69. Описание Владимира 1545 г. см.: Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, стр. 14; A. Jablonowski. Rewisya zamków ziemi Wołyńskiej, стр. 13.

шенно так же, как и в других русских землях, относятся к обоим вариантам.

Таким образом, налицо явное сходство типов городищ X в. в западнорусских землях с памятниками этого же времени на всех остальных территориях Русской земли. Вместе с тем имеются и существенные отличия, которые, правда, можно отметить не во всех районах. Так, городища X в. в Полоцкой и Смоленской землях не отличаются по типам от памятников более восточных земель, в частности от памятников новгородских. В остальных же западных землях уже в X в. наряду с мысовыми и островными городищами известны укрепления, имеющие сознательно приданную им правильную круглую форму. Такие городища известны на южных границах Руси — в бассейне среднего течения Южного Буга, в Нижнем Поднестровье; известны они и значительно севернее — в Туровской земле, в Черной Руси, в северных районах Волыни. Некоторые из этих городищ относятся к древнейшим на западнорусской территории укреплениям. Таковы некоторые памятники Нижнего Поднестровья[281] и ряд городищ Полесья.[282] Широкое распространение круглых городищ на западнорусской территории — от Подляшья и Черной Руси на севере до Нижнего Поднестровья на юге — наряду с наличием среди них ранних памятников свидетельствует о том, что круглый тип оборонительных сооружений в Западной Руси появился на самых ранних этапах развития здесь военного зодчества.

На Волыни в X в. круглые городища известны лишь в северных районах, но зато именно в это время на всей основной территории Волыни появились укрепления с заранее заданной геометрической формой плана — памятники «волынского типа». В ряде случаев можно отметить, что эти укрепления в известной мере связаны с защитными свойствами рельефа, с использованием в качестве оборонительных рубежей болот и оврагов. Однако большинство городищ «волынского типа» расположено на более или менее ровной местности, и сознательное выпрямление одних их сторон и округленность других не вызывают сомнений. В других землях, вне Волыни, данный тип укреплений прослеживается лишь в виде единичных исключений. Так, например, в Галицкой земле городище Судовая Вишня вполне подобно этому типу по форме плана. В Черной Руси, на границе с Литвой, находится городище Голынка, имеющее совершенно такую же схему плана, но не определенное по времени.[283] Возможно, что похожие городища встречаются и в других районах Руси. Но если во всех этих землях городища, близкие по типу к «волынским», насчитываются единицами, то на основной территории Волыни среди памятников X—XI вв. они составляют около трети, т. е. очень значительную часть.

Уже с X в. встречаются на западнорусских территориях сложные системы планировки укреплений, состоящих из двух оборонительных линий, — сюда относятся сложно-мысовые и сложные городища. Сложно-мысовые городища встречаются как в Галицкой и Волынской землях, так и в Полоцкой и Смоленской, причем всюду они известны в очень небольшом количестве. Следует отметить, что на большинстве сложно-мысовых городищ (это касается не только западнорусских земель, но и всей территории Руси) имеется нижний, неславянский, культурный слой, что делает этот тип городищ несколько сомнительным. В X в. появляются большие сложные системы обороны. К сожалению, не всегда удается определить, одновременно ли были построены оборонительные сооружения детинца и оборонительные сооружения окольного города, т. е. было ли данное укрепленное поселение с самого начала защищено двумя линиями обороны или же наружный пояс был построен несколько позднее.

Особо следует выделить два сложных городища северо-западной части Волыни: 2-е Любомльское и Дзиенциолы, отличающихся чрезвычайно своеобразной системой планировки укреплений. Если в обычных сложных городищах территория окольного города примыкает снаружи к оборонительному рву детинца и имеет с остальных сто-

[281] Г. Б. Федоров считает, что некоторые крепости этого района (например, Алчедар и Екимауцы) были построены в конце IX в. (Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э., стр. 181—182).

[282] Например, Нечатово и Бабка, где найдена славянская лепная керамика (Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 20, 34). Впрочем, датировка городища Нечатово очень неопределенна.

[283] Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья, стр. 146.

рон совершенно самостоятельную линию обороны, то в данных памятниках мы видим общую линию вала и рва, окружающую детинец и окольный город. На других древнерусских территориях такая плановая схема укреплений неизвестна.

Следует отметить, что в Галицкой земле, на Волыни и в Черной Руси уже с самого раннего времени встречаются примеры городищ, простых по плановой схеме, но снабженных несколькими параллельными линиями валов и рвов. В Туровской, Полоцкой и Смоленской землях такие городища не встречаются.

Как видно из перечисленных выше данных, в западнорусских землях уже во второй половине — конце X в. параллельно сосуществуют различные, довольно разнообразные плановые типы укреплений. В дальнейшем количество этих типов возрастает крайне незначительно, но зато заметно изменяется их количественное соотношение.

В XI в. никаких существенных изменений еще не происходит, картина почти не меняется по сравнению с концом X в.; заметно лишь постепенное исчезновение сложно-мысовых укреплений и увеличение количества сложных. Ко второй половине XI в. относится распространение в Полоцкой и Смоленской землях круглых укреплений, которые до этого здесь, по-видимому, не применялись.

Заметный сдвиг происходит в XII в., когда явно усиливается значение круглых крепостей. Конечно, укрепления островного и особенно мысового типов не исчезают; их продолжают строить по-прежнему, но в меньшем количестве. Между тем количество круглых крепостей увеличивается. Процесс этот развивался по-разному на различных территориях. Так, в наименьшей степени это характерно для Галицкого княжества. В его южной части, на границе со степью, круглые крепости имели широкое распространение уже с X в.; на основной же территории княжества в X—XI вв. круглые крепости не имели распространения. В XII в., после того как южные районы были заняты кочевниками, строительство круглых укреплений началось и в восточной части Галицкой земли, хотя количественно они так и не стали преобладающими. Несколько более явно усиление роли круглых крепостей видно в северо-западной части Волынского княжества. На основной территории Волыни к XII в. полностью прекращается строительство укреплений «волынского типа». Получают в XII в. распространение круглые крепости в Полоцкой и Смоленской землях.

Во второй половине XII и в XIII в. в развитии плановой структуры оборонительных сооружений можно наблюдать две тенденции. Во-первых, усиление искусственных укреплений путем создания многорядной системы обороны. Примерами могут служить города Болоховской земли и валы окольного города в Галиче. Во-вторых, начинается строительство крепостей на высоких, труднодоступных вершинах — Данилов, Кременец, Истожек. Эти тенденции кажутся на первый взгляд противоположными: в одном случае усиление роли искусственных оборонительных сооружений, в другом — почти полный отказ от них за счет выбора мощных естественных защитных рубежей. Между тем обе эти тенденции явно преследуют одну цель — значительное усиление обороноспособности крепостей перед лицом резкого подъема осадной техники.

Характерно, что усиление многорядной системы обороны находит место в Галицкой земле и на Волыни, т. е. именно там, где параллельные линии валов и рвов применялись и раньше. В Смоленской, Полоцкой и Туровской землях многорядные валы не употреблялись ни в ранний, ни в поздний периоды.

Тенденция к всемерному использованию естественных защитных свойств рельефа местности скоро возобладала. Во всяком случае в памятниках XIV в. можно отметить уже полный отказ от строительства геометрически правильных в плане крепостей с мощными деревянно-земляными оборонительными сооружениями. Крепости этого времени целиком построены на использовании естественных рубежей — гор, рек, болот. Вместе с тем появляется значительное количество каменно-кирпичных оборонительных сооружений, ранее не имевших широкого распространения на территории западнорусских земель.

Одной из характерных черт западнорусского военного зодчества XIV в. является, по-видимому, появление значительного количества очень мелких деревянных замков, часто вовсе не имевших земляных оборонительных сооружений; во всяком случае в ряде мест, где такие замки существовали, никаких следов валов и рвов не было обна-

ружено. Правда, иногда места, где стояли такие замки, бывают отмечены холмиками или искусственными насыпями, на которых стояли деревянные башни.[284] Вопрос о плановой структуре небольших деревянных замков XIV в. в настоящее время еще не вполне ясен.

Оборонительные сооружения западнорусских земель, относящиеся ко второй половине XIV в., в настоящей работе не рассматриваются; они уже настолько тесно связаны с военным зодчеством Польши и Литвы, что изучать их можно только совместно с оборонительными сооружениями этих стран.

[284] Польские исследователи называют такие насыпи городищами «стожкового типа» (R. Jakimowicz. Okres wczesnohistoryczny. Prehistoria ziem Polskich. Encyklopedia Polska, t. IV, c. 1, Kraków, 1939—1948, стр. 378). Более подробно о польских укреплениях такого типа см.: J. Kamińska. Grodziska stożkowate śladem posiadłości rycerskich XIII—XIV wieku (Prace i materiały Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi. Seria archeologiczna, № 13, 1966, стр. 43).

КОНСТРУКЦИИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

I. ЗЕМЛЯНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

1

Изучение конструкций оборонительных сооружений связано с гораздо большими трудностями, чем изучение их планировки. Прежде всего это объясняется тем, что деревянные наземные оборонительные конструкции обычно быстро разрушаются, а с течением времени почти бесследно исчезают, в то время как плановая структура крепости большей частью прослеживается даже на очень сильно искаженных и поврежденных городищах. Значительно лучше сохраняются каменные оборонительные конструкции. Однако вплоть до XIV в. их было несоизмеримо меньше, чем деревянных.

Для выяснения характерных особенностей военного зодчества необходимо в первую очередь изучать формы именно деревянных, т. е. более массовых, более типичных оборонительных конструкций.

Земляные части оборонительных сооружений — валы и рвы — сохранились до наших дней, как правило, в значительно лучшем состоянии, чем наземные части, однако здесь сложность заключается главным образом в большой трудоемкости работ по их прорезке и археологическому исследованию.

Проведенные за последние годы обследования и раскопки остатков оборонительных сооружений западнорусских земель при всей недостаточности их объема позволяют все же обрисовать основные типы оборонительных конструкций и тенденции их развития.

* * *

В западнорусских землях, как и в других районах древней Руси, значительная часть оборонительных валов была сооружена без внутреннего деревянного каркаса, из одной только земли, взятой большей частью тут же при отрывке рва. Прорезка валов и рвов, сделанная, к сожалению, на небольшом количестве памятников, дает возможность ознакомиться с некоторыми общими особенностями устройства земляных валов, а в ряде случаев и с деталями этого устройства.

В Галицкой земле хорошим примером укрепленного поселения, где все линии оборонительных валов оказались без внутренней деревянной конструкции, является стольный город Галич. Вал первоначального укрепления этого города — Золотого Тока — имел высоту от 1.5 до 2.3 м и состоял из черной земли.[1] Для укрепления основания вала у его подошвы сделаны каменные стенки высотой 20—40 см. Удалось отметить также, что склоны вала были укреплены булыжником, а вдоль тыльного склона проходила мощеная камнем дорожка. Первоначальный вал Галича сооружен, по-видимому, в X в.

Значительно позже, в середине XII в., когда укрепления Золотого Тока были уже заброшены, построили мощную систему укреплений детинца Галича. Укрепления

[1] Я. Пастернак. Старий Галич. Краків—Львів, 1944, стр. 167.

эти состояли из двух параллельных линий валов и рвов. Наружные вал и ров в настоящее время в значительной части уничтожены, но внутренние на отдельных участках сохранились очень хорошо (рис. 109). Прорезка внутреннего вала и рва детинца дала возможность ознакомиться с их устройством (рис. 110, 111).[2] Выяснилось, что вал был насыпан поверх слоя черной земли, являющегося остатками древней погребенной почвы. В этом слое обнаружены фрагменты керамики трипольской культуры, эпохи раннего железа и древнерусской керамики XI, а, быть может, частично и XII в. Насыпь вала состоит из прослоек более или менее гумусированного светло-желтого суглинка, очень плотно утрамбованного. В гумусных прослойках также встречается керамика трипольской культуры и эпохи раннего железа. Прослойки насыпи образовались в процессе работы по сооружению вала; никаких следов досыпки

Рис. 109. Вал и ров детинца в Галиче.

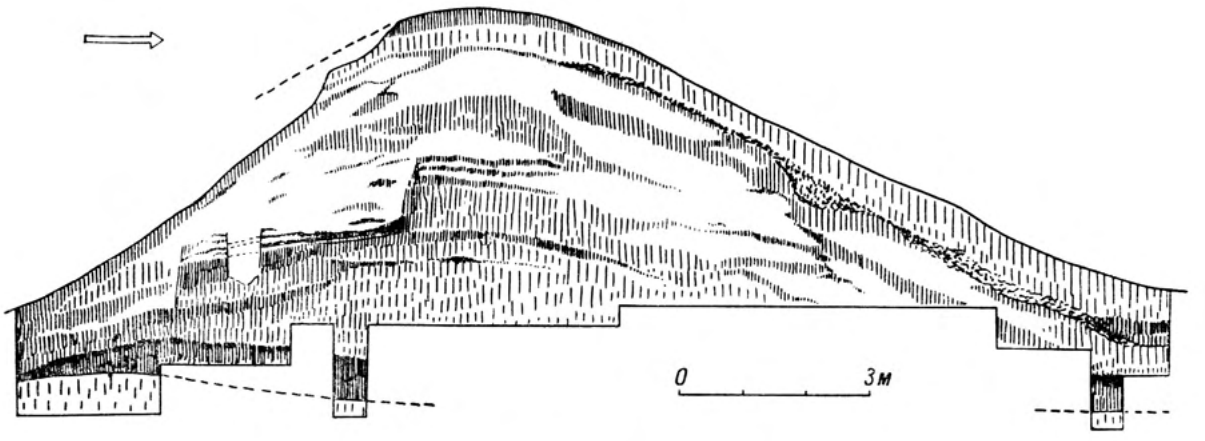

Рис. 110. Вал детинца в Галиче.

[2] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.

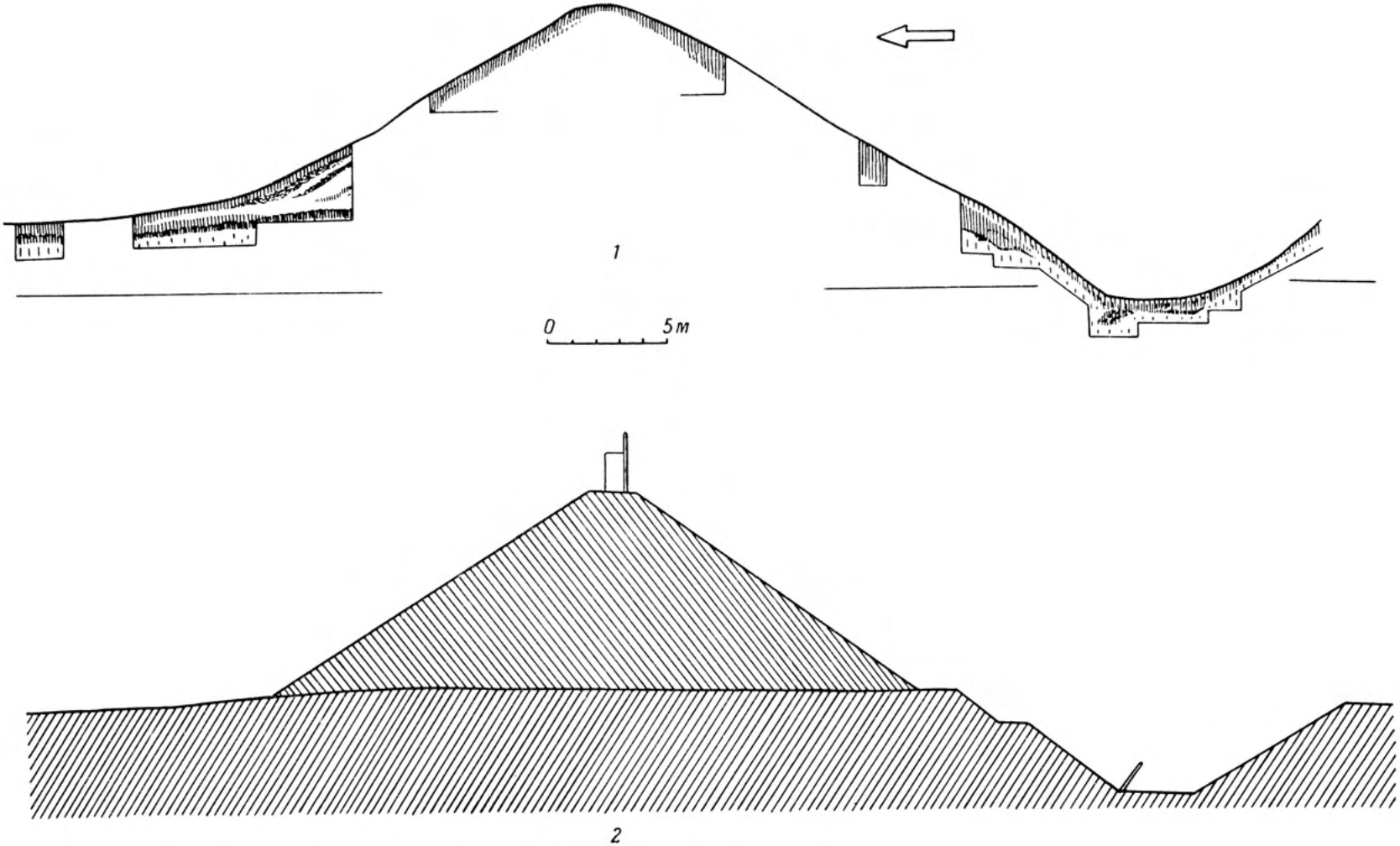

Рис. 111. Вал и ров детинца в Галиче.

1 — прорезка; *2* — реконструкция.

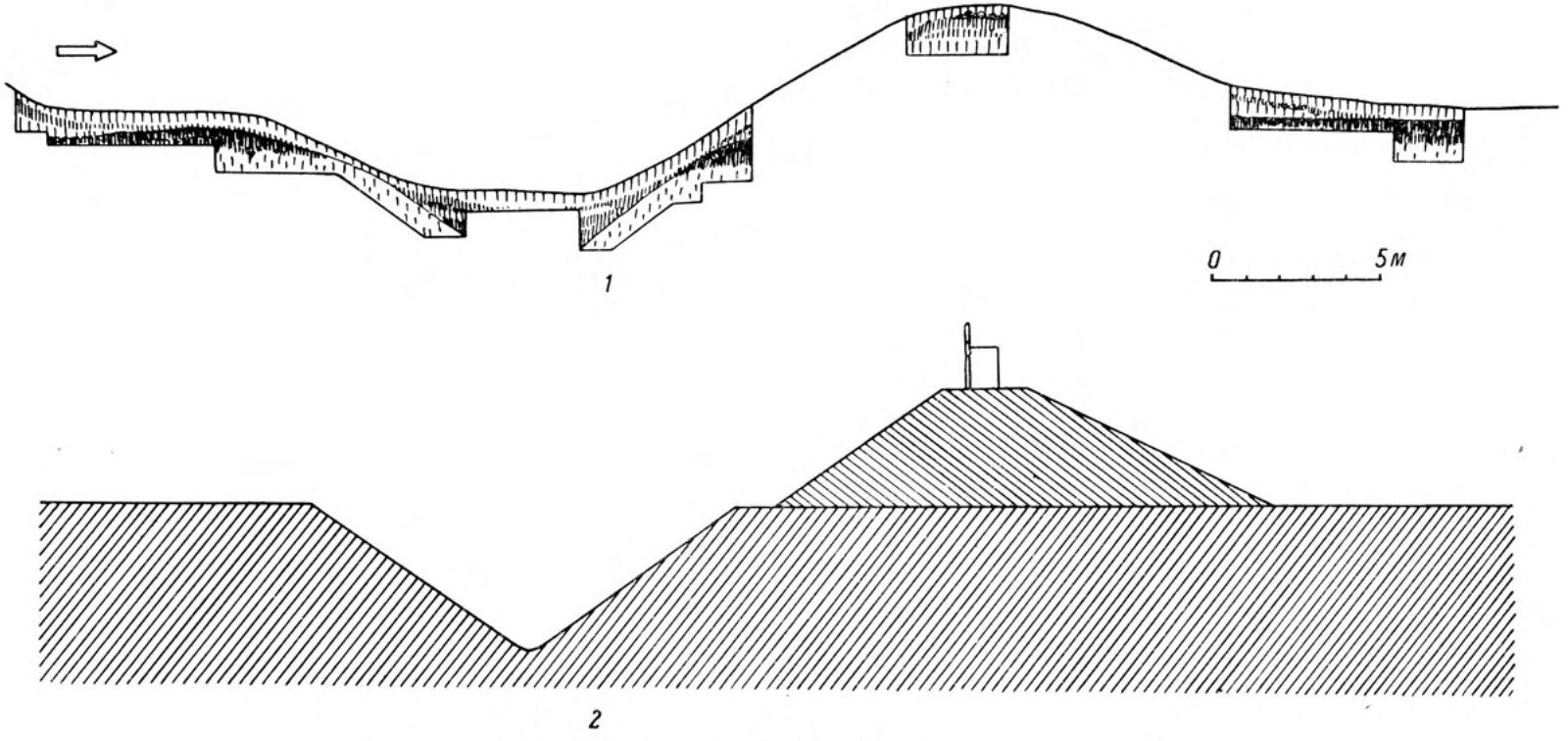

Рис. 112. Вал и ров окольного города в Галиче (внутренняя линия).

1 — прорезка; *2* — реконструкция.

или реконструкции вала не отмечено. В средней части вала имеется участок шириной 3.4 м, ограниченный вертикальными стенками, что безусловно свидетельствует об использовании во время насыпки ядра вала каких-то креплений (вероятно, деревянных). Общая высота вала оказалась равной приблизительно 8.5 м; лицевой склон имел крутизну 35°, тыльный — 30°. Ширина вала

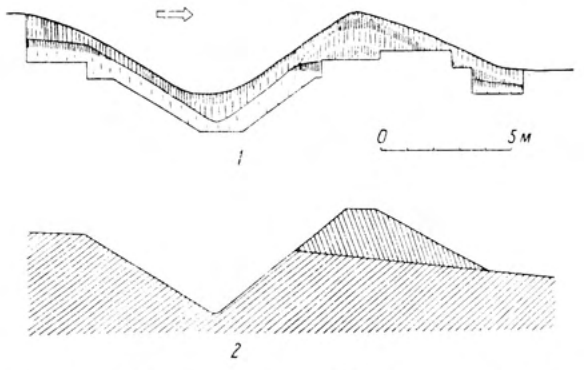

Рис. 113. Вал и ров окольного города в Галиче (средняя линия).

1 — прорезка; *2* — реконструкция.

в основании 26 м, площадка на его вершине узкая, не более 2 м. На тыльном склоне обнаружены следы сильного пожара: куски обгорелых дубовых бревен, обожженная глина, угли. Культурный слой городища, подходящий к валу с его тыльной стороны, относится главным образом к XII—XIII вв. В основании лицевого склона вала находилась горизонтальная площадка — берма, шириной несколько более 1 м, а ниже ее, уже на склоне рва, — вторая горизонтальная площадка шириной около 1 м. Ров трапециевидной формы с плоским дном вырезан в материковом суглинке. Глубина его 4 м, ширина по верху 16 м, ширина дна 3 м. Наружный склон рва имеет крутизну 30°, внутренний — 35°. В месте примыкания дна рва к его внутренней стенке обнаружена траншейка, заполненная темной землей с включением камней и мелких угольков; очень вероятно, что эта траншея — следы стоявшего здесь косого деревянного частокола — тына.

Прорезка трех параллельных валов и рвов окольного города древнего Галича позволила реконструировать первоначальный профиль этой оборонительной линии (рис. 112, 113).[3] Выяснилось, что все валы были чисто земляными, не имевшими внутри никакой деревянной конструкции. Насыпаны они из глины, полученной при отрывке рвов. Наиболее крупным является первый со стороны городища, т. е. внутренний вал, высота которого до 3.5 м при ширине основания почти 15 м. Высота второго вала 2.5 м при ширине 8 м, третьего — 3 м при ширине 10 м. Лицевые склоны всех валов имели крутизну около 35°, а тыльные — от 25 до 30°. Перед первым валом, по-видимому, существовала неширокая берма; у остальных валов бермы не было. Рвы, расположенные перед валами, имели приблизительно симметричный треугольный профиль с уклоном стенок около 35°. Дно рвов почти острое, быть может, лишь очень незначительно скругленное. Наибольший (внутренний) ров имел глубину 4.5 м при ширине 13 м; остальные рвы — 3 м при ширине 9 м. На внутреннем (главном) валу были обнаружены остатки дубового бревна, представлявшего собой, очевидно, основание срубной оборонительной стены. Конструктивный тип стен, стоявших на двух передних валах, неизвестен. Верхняя площадка внутреннего вала была вымощена мелким булыжным камнем. Наиболее замечательной особенностью линии валов и рвов окольного города в Галиче является то, что между каждым валом и лежащим за ним рвом расположены горизонтальные площадки. Благодаря этому валы и рвы сильно раздвинуты и общая ширина оборонительной линии достигает 92 м.

Вал без внутренней деревянной конструкции, относящийся к концу X—началу XI в., был исследован на городище Ступница.[4] Здесь вал детинца насыпан из светло-коричневого суглинка, использованы также темный гумусированный суглинок и желтая глина (рис. 114). При строительстве вала в его насыпь попало довольно много обожженной глины и древесного угля. В угольно-гумусных прослойках обнаружено несколько мелких кусочков древнерусской круговой керамики. В нижних частях насыпь состоит из более плотного, почти чистого серого супеска и рыжеватого довольно жирного суглинка. Уровень древней поверхности отмечен тонкой гумусной полоской, ниже

[3] П. Раппопорт. Отчет 1962 г.

[4] Там же.

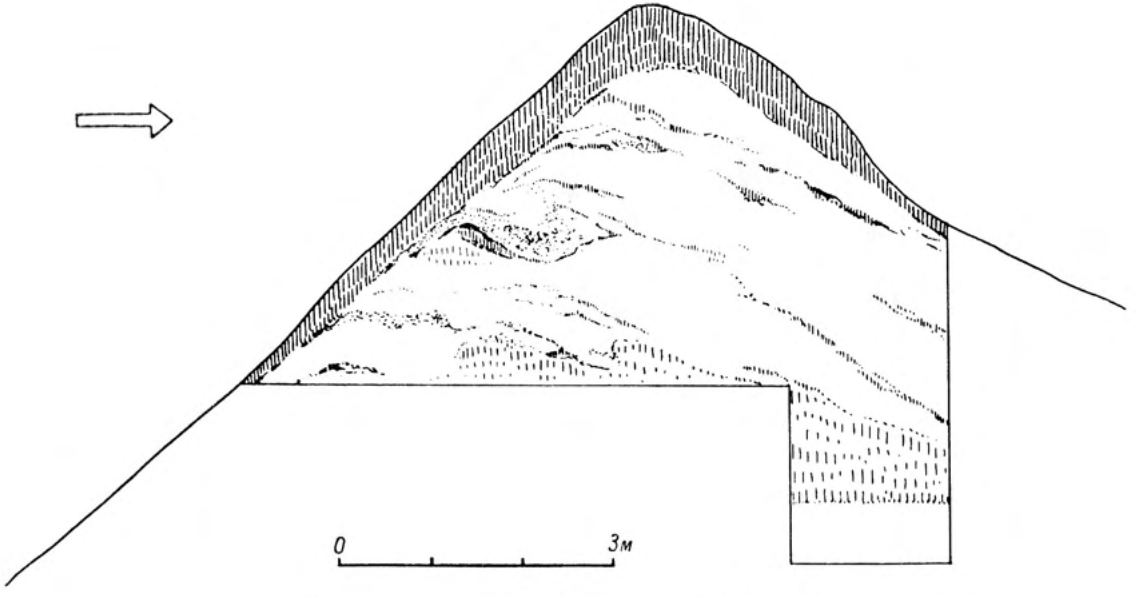

Рис. 114. Вал детинца на городище Ступница.

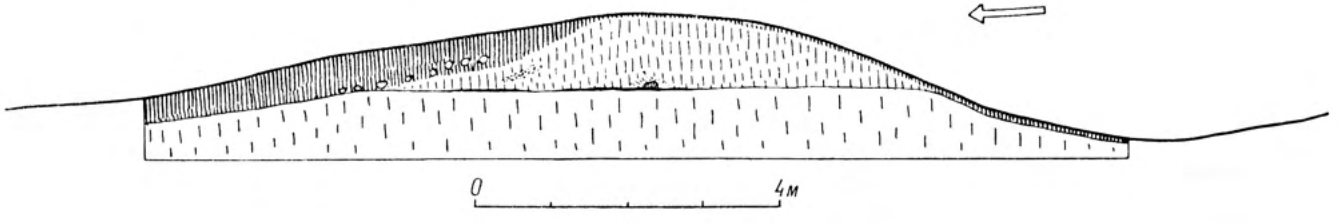

Рис. 115. Вал на городище Гричук.

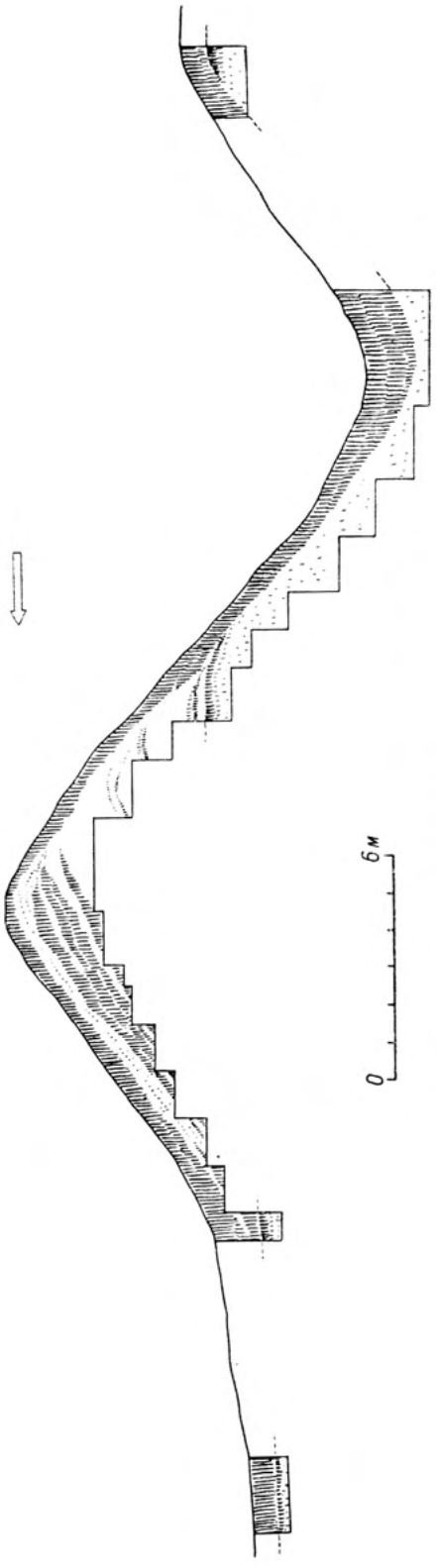

Рис. 116. Вал и ров на городище Острожец.

которой залегает рыжий материковый суглинок. Культурных остатков под валом не найдено.

Вал на городище Гринчук, сооруженный в XII—XIII вв., состоит из желтого супеска, местами слегка гумусированного (рис. 115).[5] Под насыпью на материковом темно-сером грунте местами лежит прослойка золы, а также найдено обуглившееся дубовое бревно; насыпь вала в нескольких местах имеет следы действия огня. Ни в насыпи, ни под ней не обнаружено никаких культурных остатков, но зато в черном слое, заходящем на тыльный склон вала, встречено много керамики XII—XIII вв. Здесь же, на тыльном склоне, попадаются камни. Вал имеет очень небольшую высоту; его первоначальный размер, как и размер примыкающего рва, не определим ввиду плохой сохранности.

В Галицкой земле известны еще примеры валов, не имеющих внутренней деревянной конструкции. Так, из суглинка насыпан вал городища Нижний Струтин, из глины и суглинка с большим количеством крупных камней — вал на городище Пилипы Хребтиевские (памятники X—XI вв.). Из суглинка состоит вал городища у с. Городище близ Тернополя, почти из одних только камней — вал городища Калюс (памятники XII—XIII вв.).

* * *

В Волынской земле валы без внутренней деревянной конструкции применялись не менее часто, чем в Галицкой. Например, вал городища Острожец насыпан из светлого лесса и такой же светлой глины очень плотной структуры с незначительными гумусными прослойками (рис. 116).[6] С тыльной стороны вал досыпан черной и темно-серой землей. Насыпь вала лежит на темной прослойке, отмечающей древний уровень поверхности почвы. Эта прослойка имеет в толщину около 40 см и постепенно переходит книзу в светлый материковый лесс. Ни в насыпи вала, ни под валом культурных остатков не обнаружено. Поверх насыпи вала всюду лежит серый гумусный слой с многочисленными фрагментами керамики XI в. Высота вала от основания до

[5] П. Раппопорт. Отчет 1963 г.
[6] П. Раппопорт. Отчет 1960 г.

гребня несколько более 5.5 м, ширина в основании 16 м, уклон тыльного склона 37°, уклон лицевого склона 40—45°. Ров городища Острожец имел симметричный треугольный профиль со скругленным дном. Уклон стенок около 38°, глубина рва 5.6 м, ширина 15 м. На краю рва в основании его вершины и у самого основания, при прорезке обнаружены ямы более позднего происхождения.

На мысовой части Белёвского городища вал имеет высоту до 2 м, а на участке, где он был прорезан, остатки древнего вала сохранились на высоту несколько менее 1 м

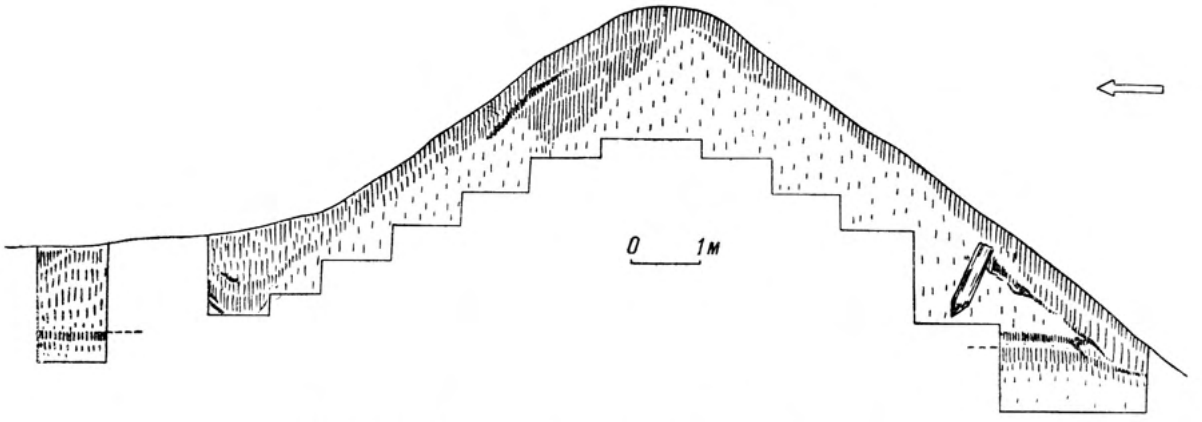

Рис. 117. Напольный вал Белёвского городища.

вала прослеживается оплывшая горизонтальная площадка — берма — шириной несколько менее 1 м. Ров заполнен серой гумусированной землей с небольшим количеством фрагментов керамики XI в. Постройка вала и рва на городище Острожец относится ко второй половине X или началу XI в.

Напольный вал Белёвского городища оказался целиком насыпанным из чистого лесса, очевидно, добытого здесь же при отрывке рва (рис. 117).[7] В насыпи встречаются лишь очень незначительные пятна гумуса. В лицевой части основания вала отмечено наличие темной гумусной прослойки, а под нею тонкого слоя чистого лесса. Древний уровень поверхности был зачищен в лицевой и тыльной частях вала; здесь не было найдено никаких культурных остатков. В основном ядре насыпи вала было обнаружено несколько фрагментов керамики X в.; поверх вала всюду залегает темный гумусный слой с находками керамики XI в. Таким образом, время сооружения вала — конец X — первая половина XI в. Размер вала: его первоначальная ширина 13 м, высота несколько более 4 м, уклон лицевого склона 40°, уклон тыльного склона 35°. В тыльном склоне вала, близ (рис. 118). Насыпь этого вала состоит из слоев чистого и гумусированного лесса с примесью кусочков мела. В основании вала лежит тонкая прослойка чистого мела. Древний уровень поверхности под валом отмечен темным гумусным слоем толщиной от

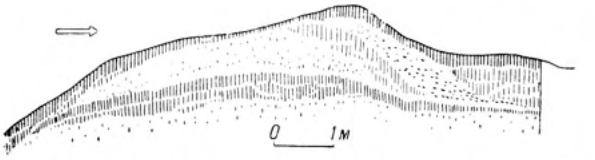

Рис. 118. Вал в мысовой части Белёвского городища.

20 до 50 см; в этом слое найдена керамика пшеворской культуры.

Поскольку под мысовым валом, как и под напольным, не обнаружено культурных остатков древнерусского времени, очевидно, что вал по всему периметру укрепленной площадки был сооружен одновременно с основанием здесь поселения.

Не имели внутренней деревянной конструкции валы детинца древнего Червеня.[8]

[7] Там же.

[8] K. Jaźdźewski. Ogólne wiadomości o Czermnie—Czerwienu. Archeologia Polski, t. IV, z. 1, Warszawa, 1959, стр. 72.

Высота валов достигала здесь 6.5 м при ширине около 20 м. Вал был насыпан из песчаного грунта на торфянистом основании. Из супеска были насыпаны валы на городищах Шеполь, Мельница, Устилуг, из глины — вал детинца в Тарговице, из лесса с пятнами гумуса, торфа и углей — вал окольного города в Коршове, из меловой щебенки — вал Тихомля. Валы всех этих городищ не имели деревянной конструкции.

* * *

В Турово-Пинской земле были изучены валы Давид-городка и Пинска. В Давид-городке вал оказался насыпанным из речного песка.[9] Для укрепления насыпи как с внутренней, так и с внешней стороны вала у его основания было сделано ограждение из сосновых колод. Наружный склон был, кроме того, укреплен несколькими рядами вертикально стоявших бревен или плах.

Также из песка был насыпан и вал детинца в Пинске.[10] Его ширина в основании была около 6.5 м. Вал был насыпан поверх черной прослойки древней поверхности почвы. В основании тыльной части вала сохранились следы бревен, лежавших вдоль вала, — по-видимому, остатки деревянного крепления насыпи.

На территории Черной Руси была произведена прорезка валов в Новогрудке и Волковыске.

Вал детинца в Новогрудке насыпан целиком из песка (рис. 119).[11] В одних прослойках песка содержится много мелкой речной гальки, в других песок сильно гумусирован, но в целом характер насыпи вала довольно однороден. Заметно лишь, что в лицевой части вала использован более плотный и более чистый грунт (песок и супесок). В тыльной части вала поверх основной насыпи имеется мощный слой песка, оползшего (или сброшенного) с вала. Как в насыпи вала, так и в слое погребенной почвы под валом (насколько это удалось проверить в небольшом шурфе) культурных остатков не содержится. Таким образом, есть основания считать, что вал детинца сооружен не на обжитой территории, а одновременно с основанием здесь поселения, т. е. в X в. Первоначальная высота вала была равна приблизительно 6 м при ширине более 21 м. Крутизна переднего склона 30°, крутизна тыльного склона несколько меньше. Позднее на валу были построены стены кирпичного замка, фундамент которых был вкопан в насыпь вала примерно на 3 м.

Вал окольного города в Новогрудке был прорезан в северо-западной части городища, в том месте, где этот вал расположен над высоким и крутым склоном.[12] Вал на этом участке в настоящее время имеет высоту всего 0.5—0.6 м, а в ряде мест он вообще не прослеживается на поверхности. Прорезка показала, что это явление объясняется не уничтожением древнего вала, а тем, что культурный слой городища, нарастая, почти полностью поглотил вал (рис. 120). В месте прорезки культурный слой, примыкающий к валу с тыльной стороны, имеет толщину около 2.5 м, а вместе с поздним мусорным слоем и дерном — 3 м и, таким образом, почти целиком скрывает высоту вала. Вал окольного города насыпан поверх тонкой прослойки древнего культурного слоя, в котором встречаются единичные фрагменты керамики, относящейся к XI в. На культурном слое расположена насыпь вала, состоящая из слоев серо-желтого песка и серой земли со значительным количеством мелкой гальки. Нижнюю часть этой насыпи составляет слой темно-серой земли, а выше насыпана основная, более светлая, песчаная часть вала. В темном слое и в гумусных прослойках насыпи встречаются фрагменты керамики XI и, быть может, начала XII в., а также обломки стеклянных браслетов. Это дает основания полагать, что вал был сооружен в XII в. Ширина первоначального вала в основании была около 9—10 м. Высота вала около 3 м, причем, судя по линиям лицевого и тыльного склонов, вал сохранился почти во всей его первоначальной высоте. С лицевой стороны к валу примыкает слой усиления — насыпь из чистого желтого песка без всяких включений. Датировать эту насыпь помогает кучка мелких обломков кирпичей, лежащая

[9] R. Jakimowicz. Dawidgródek. Pińsk, 1939, стр. 19.

[10] Сведения любезно сообщены Б. В. Миролюбовым (Пинск).

[11] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

[12] П. Раппопорт. Отчет 1959 г.

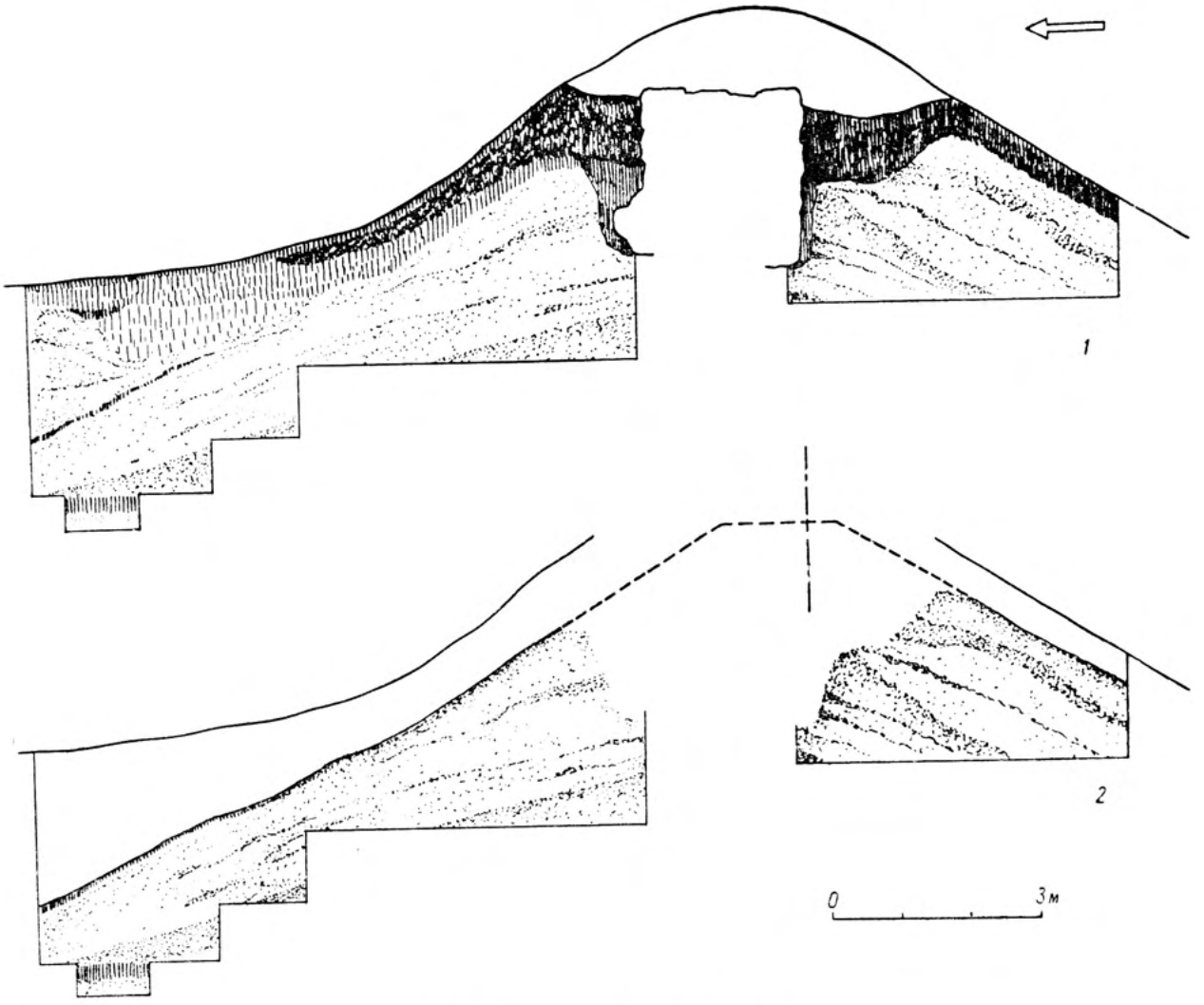

Рис. 119. Вал детинца в Новогрудке.
1 — прорезка, *2* — реконструкция.

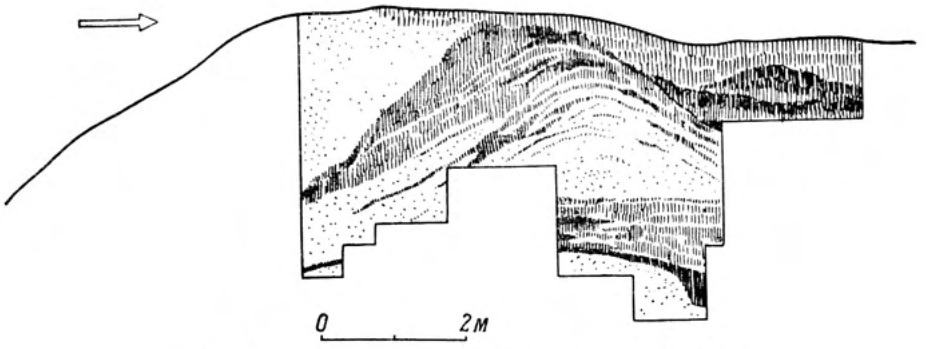

Рис. 120. Вал окольного города в Новогрудке.

под основанием песчаного слоя в прослойке серой земли, очевидно оплывшей с лицевого склона основного ядра вала. Кирпичи имеют толщину 5.3 см и относятся, вероятно, к XIII в. Таким образом, вал был усилен не ранее XIII в., а может быть, и значительно позже. С тыльной стороны к ядру вала примыкает сильно перемешанный культурный слой городища, относящийся ко времени от XI до XVIII в.

Вал окольного города в Волковыске был прорезан близ его южного торца, в том месте, где этот вал с тыльной стороны расширяется, образуя округлую площадку.[13] Прорезка пересекла как самый вал, так и эту площадку (рис. 121). Выяснилось, что вал насыпан поверх черного культурного слоя, имеющего толщину около 0.5 м и насыщенного керамикой XI в. Сама насыпь вала состоит из слоев чистого сыпучего песка с прослойками такого же, но гумусированного песка. Прослойки эти в нижней части вала расположены более или менее горизонтально, а выше — наклонно. Судя по материалу, обнаруженному в насыпи вала и в культурном слое под ним, вал был сооружен в начале или первой половине XII в. О его первоначальных размерах можно судить по тому, что культурный слой как в лицевой, так и в тыльной частях искусственно обрезан. Вероятно, эти места обрезов слоя отмечают собой границы первоначального основания вала, ширина которого была равна 12 м. О первоначальной высоте вала судить трудно, так как вал, по-видимому, вскоре после постройки начал постепенно осыпаться. Во всяком случае культурный слой XII—XIII вв. в тыльной части вала заходит уже на песчаные осыпи, несомненно представляющие собой оползни с вала. При постройке вала площадка городища, примыкающая к участку этого строительства, была, видимо, искусственно расчищена, ибо культурный слой XI в., соответствующий культурному слою под валом, на этой части площадки почти полностью отсутствует. Очень вероятно, что этот культурный слой был использован для нижних частей насыпи вала. Позднее осыпающийся вал был реконструирован; его песчаная насыпь была срезана горизонтально на высоте около 2.5 м от основания, а поверх насыпана новая вершина из серого гумусированного супеска. Наклонный слой такого супеска отмечает также и новую линию лицевого склона, лежащую поверх песка, осыпавшегося с первоначального ядра вала. Одновременно с подсыпкой вершины из того же серого супеска была сделана округлая площадка с тыльной стороны. Время реконструкции вала определяется положением этой площадки поверх культурного слоя XII—XIII вв. Таким образом, несомненно, что вал был реконструирован не раньше второй половины XIII в., может быть, еще значительно позже. В верхних слоях подсыпки была обнаружена монета второй половины XIV в.; возможно, что реконструкция вала относится именно к этому времени.

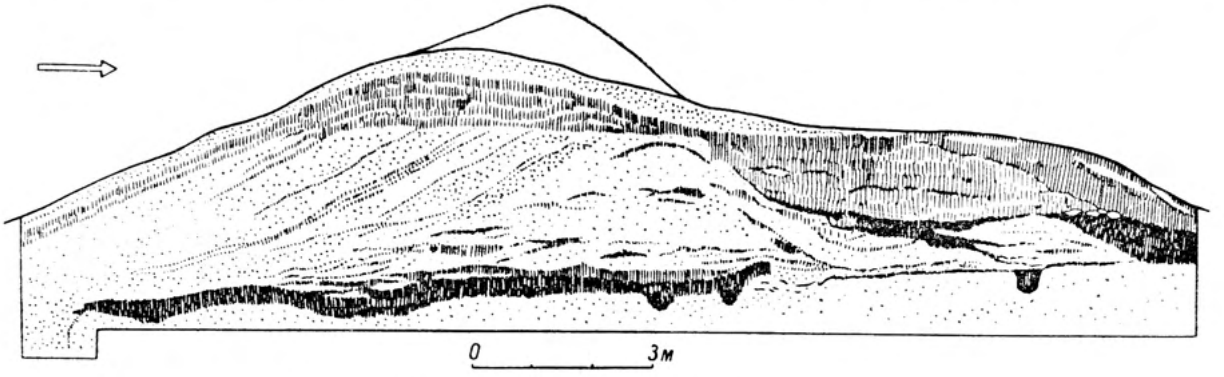

Рис. 121. Вал окольного города в Волковыске.

На городище Индура вал оказался насыпанным из песка со значительной примесью гальки и мелких камней.

[13] П. А. Раппопорт. Раскопки в Волковыске в 1959 г. СА, 1963, № 1, стр. 237.

2

Наряду с валами, целиком насыпанными из земли и не имеющими внутренней деревянной конструкции, в западнорусских землях применялись также земляные валы, снабженные деревянным каркасом. Валов такого типа значительно меньше, чем чисто земляных, но все же они известны уже и сейчас в таком количестве, которое позволяет говорить о достаточно широком распространении этого строительного приема.

В Галицкой земле остатки деревянной конструкции обнаружены, например, в валу детинца в Перемышле. Здесь было найдено несколько бревен, лежавших одно над другим и перекрещивавшихся под прямым углом, «как сруб хаты»; это позволило исследователю прийти к выводу, что внутривальная конструкция была «правдоподобнее всего срубная».[14] Судя по археологическому материалу, вал был сооружен в XI или XII в.

Значительно детальнее изучена внутривальная конструкция на городище Екимауцы в Нижнем Поднестровье.[15] Первоначальный вал этого укрепления был построен вместе с основанием поселения в конце IX в. и не имел внутри никакой деревянной конструкции; высота вала была около 3 м, перед ним был отрыт ров шириной около 12 м при глубине до 4 м. Позднее, видимо, во второй половине X в., вал был повышен до 6 м и усилен дубовыми срубами, забитыми камнями и глиной. Срубы имели в плане размер приблизительно 4×4 м. Склоны вала после его реконструкции были сделаны более крутыми, а для предотвращения их осыпания в основании склонов были сооружены каменные подпорные стенки. Ров, который первоначально не имел искусственных укреплений, после реконструкции был усилен со стороны внешней крутости кольями и плетнем.

На территории Волыни среди крайне немногочисленных примеров валов, в которых была обнаружена внутренняя деревянная конструкция, особое место занимает Сутейск. Памятник этот был тщательно исследован и опубликован З. Вартоловской.[16] Крепость Сутейск, построенная в 30-х годах XI в., имела конструкцию, состоящую из линий срубов, плотно забитых землей и приставленных один к другому. Срубы были рублены «в обло», и поэтому их поперечные стенки не примыкали вплотную, а находились на расстоянии 1.0—1.2 м. Сами срубы имели в длину в основном около 3 м, а в ширину около 2.6 м, но не на всех участках обороны размеры срубов были одинаковыми. Наполнение срубов тоже было различным. На наиболее ответственном, напольном валу детинца срубы были заполнены плотно утрамбованной глиной, на других участках — лессом или даже перемешанной землей. Исследуя срубы Сутейска и обнаружив, что они не были снаружи засыпаны землей, Вартоловская пришла к следующему выводу: срубы являются не внутренней конструкцией вала, а самостоятельной оборонительной системой, как бы деревянной двухрядной стеной, заполненной внутри землей. Не отрицая возможной правильности такой интерпретации срубной конструкции (поскольку эта интерпретация основана на тщательном анализе данных раскопок), следует отметить ряд фактов, которые говорят о том, что оборонительные срубы Сутейска, очевидно, были все же предназначены для засыпки их снаружи, т. е. были сооружены как внутренняя конструкция будущего вала, и, по-видимому, лишь в силу чрезвычайных обстоятельств не были сразу же снаружи засыпаны землей. Городок Сутейск был построен Ярославом Мудрым как пограничная крепость на вновь завоеванной территории и уже через 30 лет после основания был захвачен поляками. Очень возможно, что строительство оборонительных сооружений здесь велось спешно и не было полностью закончено. Конечно, срубная стена, не засыпанная снаружи землей, могла существовать в качестве самостоятельной оборонительной конструкции. Однако наличие чрезвычайно

[14] A. Kunysz. Przemyśl wczesnodziejowy. Rocznik województwa Rzeszowskiego, r. II (1959), z. 1 (3), Rzeszów, 1960, стр. 42; см. также: A. Żaki. Topografia wczesnośredniowiecznego Przemyśla. Acta archaeologica Carpathica, t. I, f. 1, Kraków, 1958, стр. 81.

[15] Г. Б. Федоров. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии. КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 13; Г. Б. Щукин. Городище Екимауцы в Молдавии. Архитектурное наследство, № 8, М., 1957, стр. 10.

[16] Z. Wartolowska. Gród czerwieński Sutiejsk na pograniczu Polsko-Ruskim. Warszawa, 1958.

широкой горизонтальной площадки — бермы, оставленной между срубами и рвом, свидетельствует в пользу того, что эта стена была предназначена для последующей засыпки земляным валом. Ширина бермы в Сутейске более 3, а местами даже более 4 м. З. Вартоловская объясняет такую необычную ширину бермы главным образом свойствами лессового грунта, который легко поддается оползанию. Но ведь почти все укрепления Киевской земли также построены на лессе, а у них бермы имеют ширину около 1 м. Деревянная стена, засыпанная изнутри землей, неизбежно должна была бы вскоре прийти в негодность, так как дерево гниет довольно быстро, и срубы после этого сразу же развалились бы от давления внутренней земляной засыпки. С чисто военной точки зрения расположение оборонительной стены не на краю рва, а отступя от него на 4 м, также нецелесообразно, поскольку при этом затрудняется обстрел рва. Гораздо вероятнее предположение, что широкая горизонтальная площадка перед срубами в Сутейске — это не берма, а место, предназначенное для засыпки землей, т. е. для сооружения лицевого склона вала. В таком случае обнаруженные в раскопках редкие колышки, забитые в землю вдоль рва близ его края, могли быть линией, отмечающей границу лицевого склона вала, намеченного к сооружению. При таком допущении высота вала (на участке напольной стороны детинца) должна была быть около 3 м. Учитывая, что на валу строилась еще наземная деревянная стена, высота эта была вполне достаточной, чтобы обеспечить защитникам возможность обстрела внутренней крутости рва.

На втором и третьем этапах строительства крепости Сутейска (осуществленных в 1069 и 1121 гг., когда город находился в руках поляков) срубная конструкция была засыпана земляным валом, в верхней части которого были сооружены защитные устройства совершенно иного, не срубного типа.

Очень своеобразной особенностью устройства срубов в Сутейске (очевидно, присущей только укреплениям напольной стороны) является наличие ям в материке, заполненных чистым лессом и расположенных в промежутках между срубами. Смысл этой конструкции остается пока неясным. Ров в Сутейске имел первоначально симметричный профиль и плоское дно шириной около 1.5—2.0м.[17] Крутизна склонов около 40°.

Внутренняя деревянная конструкция находится и в валу городища в с. Старый Чарторыйск (древний город Черторыйск).[18] Вал здесь насыпан из светлого песка и супеска, причем гумусных прослоек в насыпи мало и они неярко выражены (рис. 122); в этих прослойках обнаружены единичные фрагменты древнерусской керамики. В основании вала лежит темная прослойка древней поверхности, в которой также встречаются лишь единичные культурные остатки. Это свидетельствует, что вал был построен не на обжитой территории, а одновременно с основанием поселения, т. е. во второй половине или конце XI в. Позднее, в конце XIII в., в тыльный склон вала был внущен каменный фундамент кирпичной башни. Лицевой склон вала насыпан из более плотного грунта (очень плотный супесок), чем основное ядро (песок и легкий супесок). Граница древнего лицевого склона, имевшего крутизну 30°, сохранилась очень хорошо. Выше этой границы лежит слой темной земли, а над ним слой гумусированного песка. В обоих этих слоях встречаются мелкие и редкие фрагменты извести и кирпича. Очень вероятно, что эти слои образовались в результате усиления или ремонта вала, производившихся во время строительства кирпичной башни. Выше лежит прослойка темной земли, в верхней части которой имеется много мелких обломков кирпича, извести и раствора, — очевидно, слой разрушения башни. Сверху все это прикрыто прослойкой темной земли и дерном. В средней части вала находится деревянная срубная конструкция. К сожалению, от дерева здесь сохранилась лишь коричневая труха, не позволившая определить даже породу древесины. Передняя стенка сруба расположена под гребнем вала, а задняя — на расстоянии около 4 м в тыльную сторону от передней. Бревна имеют диаметр всего 10—15 см и лежат не вплотную одно к другому, а с промежутками. Забивка слоев вала внутри сруба горизонтальная, а перед лицевой стенкой слои наклонно опускаются соответственно лицевому склону вала. Задняя стенка сруба идет от самого основания вала до высоты около 2 м, т. е. не доходит до наружной по-

[17] Там же, стр. 117, табл. I.
[18] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

верхности вала на 1.5 м. Передняя стенка снизу, по-видимому, также начинается от основания вала и достигает высоты 2 м, но от ее верхнего бревна тянется вверх тонкая полоса древесной трухи, свидетельствующая, что стенка первоначально поднималась еще выше.

В городе Волынь срубы внутри вала имели несколько более сложное устройство.[19] Они были расположены вдоль вала не в один, а в два ряда, причем внешний ряд срубов поднимался несколько выше внутреннего ряда, а передняя его стенка была не вертикальной, а слегка наклонной. Срубы были рублены «в обло» и благодаря этому один от другого отделялись расстоянием в 45—50 см. Общая ширина двойной линии срубов около 7 м. Внутри все они были забиты землей. В местах поворота вала размеры и форма клетей срубов и расстояния между ними менялись, но общая ширина вала оставалась одинаковой. Вал города Волынь был сооружен в XI в., вероятнее, даже во второй половине этого века, хотя поселение здесь существовало значительно раньше.[20]

Более простой вариант внутривальной конструкции представлен на городище у с. Головно, относящемся к X в.[21] Здесь в валу были обнаружены остатки двух продольных бревенчатых стенок, лежащих на расстоянии около 5 м одна от другой. Пространство между стенками было заполнено глиной и песком. Плохая сохранность конструкции не позволила уточнить детали ее устройства, но все же достаточно ясно, что это остатки срубных клетей, забитых землей и составлявших конструктивную основу вала.

Одной из отличительных особенностей срубных внутривальных каркасов является то обстоятельство, что они далеко не всегда проходят вдоль всей линии вала. Так, например, в валу окольного города в Пинске на одном участке было отмечено наличие срубов, а на другом участке вал не имел никакой внутренней деревянной конструкции.[22]

* * *

Наряду со срубными каркасами, представляющими собой забитые землею клети, в русском военном зодчестве встречается и другой тип внутривальной конструкции, в котором срубные клети не забиты землей, а использованы в качестве хозяйственных или иногда жилых помещений. Наиболее яркие примеры такой конструкции представлены городищами Райки и Колодяжин, находящимися в западной части Киевской земли близ границ Волыни.[23] В последние годы исключительно яркий образец такой же конструкции раскопан на самой границе Волынского и Киевского княжеств — на городище у с. Городище близ г. Шепетовки, представляющем собой, по-видимому, остатки древнего города Изяславля.[24] Известны подобные памятники и в Галицкой земле — это городища Судовая Вишня и Ленковцы.

Оборонительные сооружения на городище Замчиско в г. Судовая Вишня были построены в конце X—начале XI в.[25] Вал городища насыпан из глины, полученной здесь же при отрывании рва. Высота вала сравнительно невелика — до 3 м; ров имел первоначальную глубину также около 3 м при ширине по верху 15 м. Наиболее характерной особенностью конструкции вала является наличие в нем очень своеобразной системы деревянных срубов. Срубы расположены в одну линию вдоль вала и представляют собой связанную воедино систему. Размер каждой клети приблизительно 3—3.5 ×

---

[19] L. Rauhut. Sprawozdanie z badań w 1954 r. nad konstrukcja walu grodowego w Gródku Nadbużnym. Sprawozdania archeologiczne, t. II, Wrocław, 1956, стр. 65.

[20] Z. Rajewski. Sprawozdanie z badań na grodach czerwieńskich w 1954 r. Sprawozdania archeologiczne, t. II. Wrocław, 1956, стр. 50; A. Poppe. Gród Wołyń. Studia wczesnośredniowieczne, t. IV, Wrocław—Warszawa, 1958, стр. 266.

[21] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, вып. Е1-57, М., 1961, стр. 32.

[22] Доклад П. Ф. Лысенко на славяно-русской секции XII конференции Института археологии АН УССР 25 III 64 (Киев).

[23] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950; Р. О. Юра. Древній Колодяжин. Археологічні пам'ятки УРСР, т. XII, Київ, 1962, стр. 57.

[24] М. К. Каргер. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1961 гг. Тез. докл. на заседаниях, посвящен. итогам полевых исследований 1961 г. (Отделение исторических наук АН СССР), М., 1962, стр. 59.

[25] О. О. Ратич. 1) Результати досліджень древньоруського городища Замчиска в м. Судова Вишня Львівської області в 1957—1959 рр. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 4, Київ, 1962, стр. 106; 2) До питання про розташування і оборонні споруди древньоруських городів південно-західної Русі. Там же, вип. 5, Київ, 1964, стр. 124.

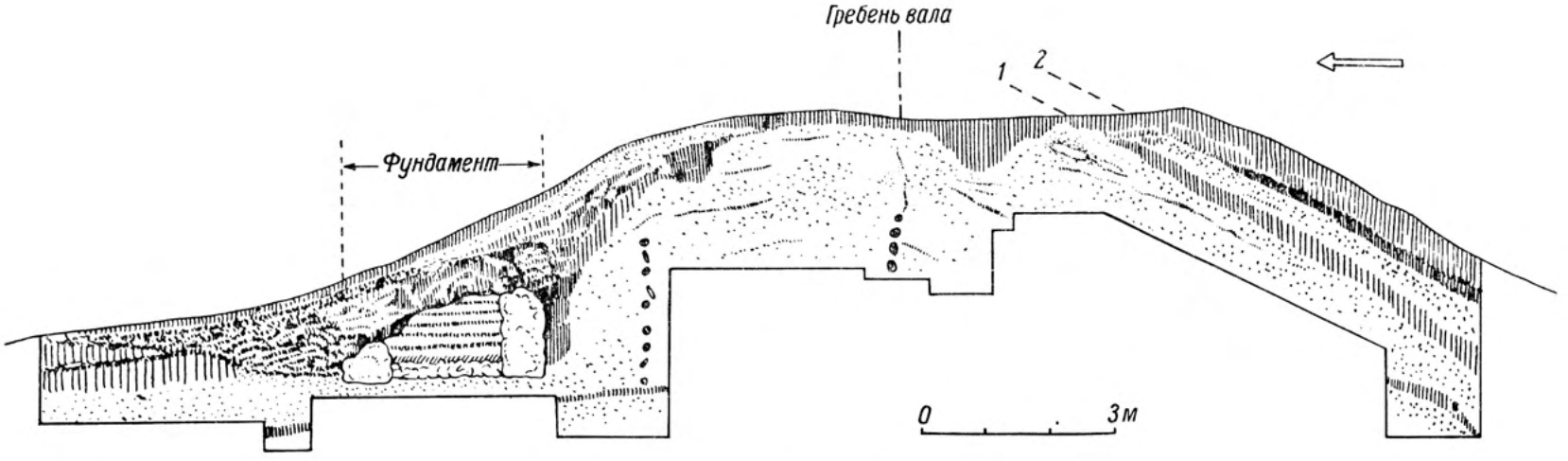

Рис. 122. Прорезка вала в Черторыйске.

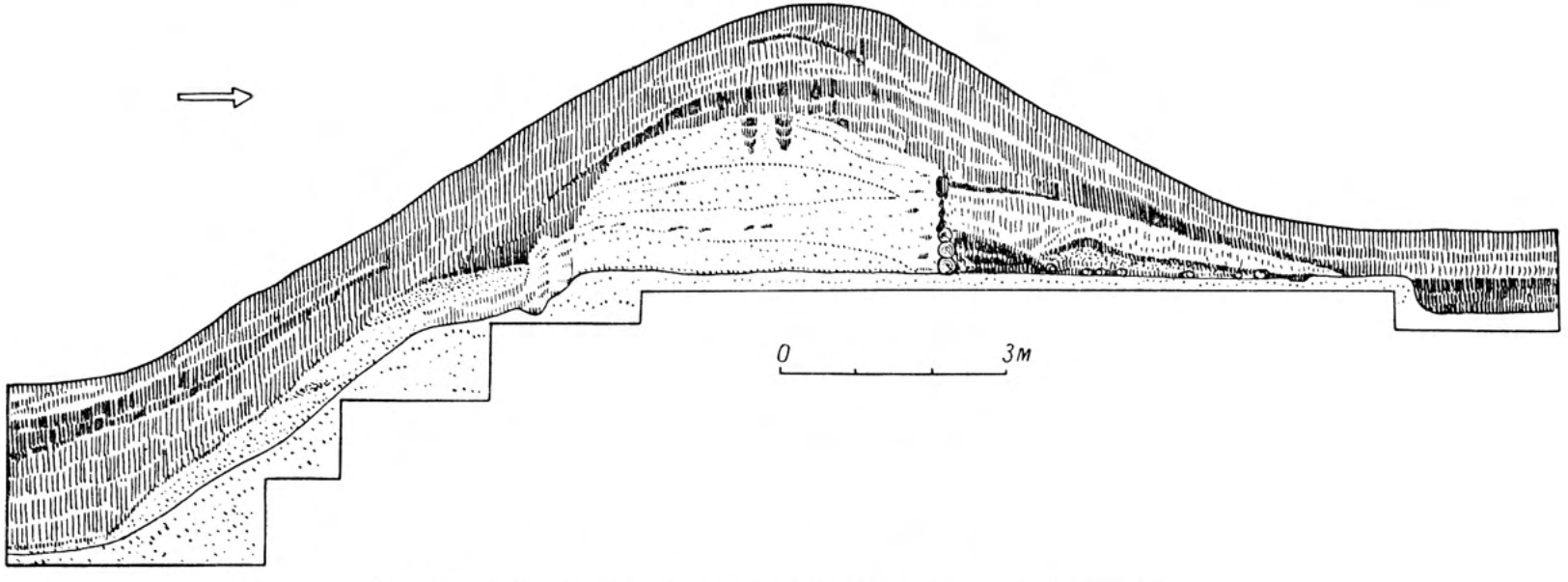

Рис. 123. Прорезка вала Ленковецкого городища (по Б. А. Тимощуку).

× 4.5 м. Судя по сохранившимся остаткам, рубка производилась «в обло», причем связь клетей между собою выполнена путем врубки «внахлестку» продольных бревен.[26] Спереди к клетям примыкала насыпь вала, но сами клети не были забиты землей. Во время раскопок здесь было найдено много различных предметов, в том числе целые горшки. В то же время отсутствие печей или очагов свидетельствует о хозяйственном, а не жилом назначении этих клетей. Сверху клети, очевидно, были перекрыты бревенчатым настилом, возможно, частично засыпанным землей. Настил служил потолком для самих клетей и в то же время, видимо, представлял собою платформу боевого прохода вдоль оборонительной стены.

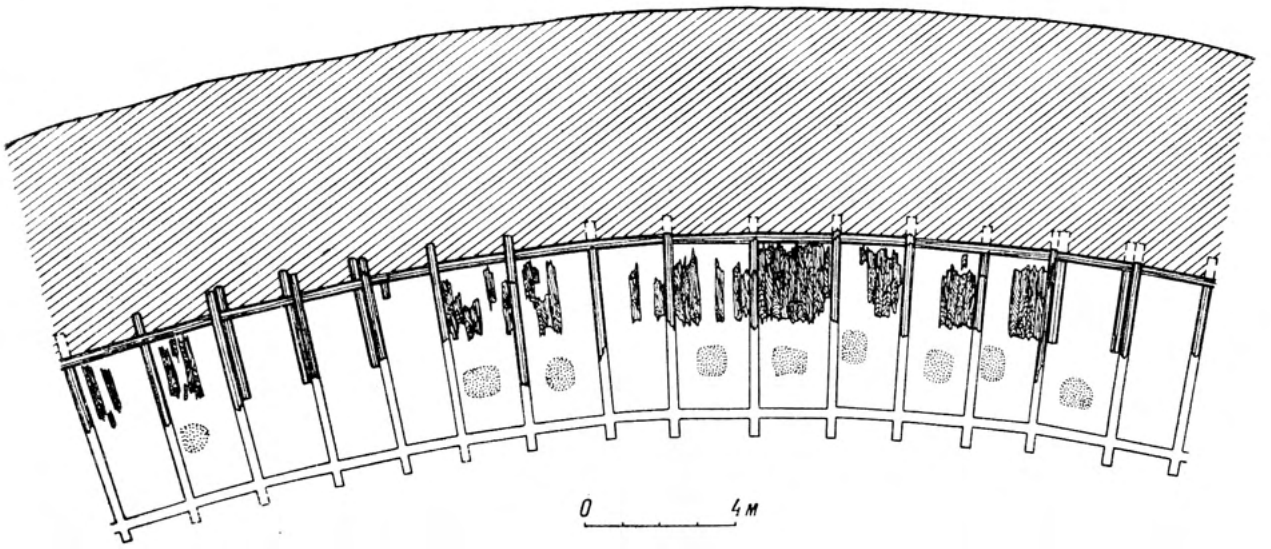

Рис. 124. План раскопанной части вала Ленковецкого городища (по Б. А. Тимощуку).

Городище Ленковцы относится к значительно более позднему времени, его оборонительные сооружения были построены во второй половине XII в.[27] Вал здесь насыпан из плотной глины с незначительной примесью песка (рис. 123). Насыпь плотно утрамбована. На вершине вала при прорезке были обнаружены следы двух столбов, забитых в глиняную насыпь, — остатки некогда стоявшей здесь наземной оборонительной стены. В лицевой части вала, у его основания, сохранились следы дерева, — по-видимому, здесь была устроена конструкция, предохранявшая наружную часть вала от осыпания в ров. Ров, расположенный перед валом, имел глубину около 3.5 м от древней поверхности. Ширина его была, видимо, примерно 14 м, уклон стенок 35°. В древности ров был наполнен водой, о чем свидетельствуют отложившиеся здесь наслоения — галька и песок.

В тыльной части вала помещена линия дубовых срубов (рис. 124 и 125). Срубы эти не были заполнены землей, а представляли собой непрерывный ряд помещений, выходивших в сторону площадки укрепления. Ширина линии срубов всюду одинакова, а клети, на которые эти срубы разделены, имеют несколько отличающиеся размеры. Длина клетей определяется шириной линии срубов, т. е. равна 4.4 м, а ширина отдельных клетей приблизительно 1.5—2.0 м. Все

[26] Наличие в Судовой Вишне связанной системы срубов подтверждается тем, что поперечные стенки клетей расположены приблизительно на равном расстоянии одна от другой. При клетях, конструктивно не связанных друг с другом, ритм поперечных стенок иной — между клетями находятся довольно узкие промежутки, и поэтому стенки соседних клетей попарно сближены (описание такой конструкции см.: П. Раппопорт. Очерки I, стр. 122 и рис. 92).

[27] Б. А. Тимощук. 1) Ленковецкое древнерусское городище. СА, 1959, № 4, стр. 250; 2) Исчезнувшие города Буковины. ВИ, 1964, № 5, стр. 214; 3) Оборонительный вал Ленковецкого городища. КСИА, вып. 110, 1967.

клети имели хорошо утрамбованный земляной пол, иногда смазанный глиной. Во многих клетях сохранились остатки печей, что

Рис. 125. Общий вид раскопанных клетей Ленковецкого городища (фото Б. А. Тимощука).

свидетельствует о жилом назначении этих помещений. В глубине клетей (т. е. ближе к насыпи вала) удалось обнаружить остатки досок от деревянных нар. Срубы рублены «в обло»; способ соединения бревен по длине вала не удалось установить. В нескольких случаях отмечено наличие поперек срубов не одиночных, а сдвоенных срубных стенок, расположенных вплотную одна к другой. Сверху срубы были перекрыты дубовым накатом, поверх которого уложен довольно тонкий слой глины и сделана каменная вымостка.

Вся эта конструкция погибла в пожаре примерно в середине XIII в. Незначительное количество вещей, найденных на городище, и отсутствие скелетов людей свидетельствуют о том, что укрепление сгорело не во время сражения. Б. А. Тимощук высказал предположение, что Ленковецкое городище было в древности одной из крепостей, разрушенных в 1261 г. по распоряжению Бурундая. Во время пожара перекрытия клетей рухнули, сползла и некоторая часть глиняной насыпи вала. Бревна от клетей сохранились в части, примыкавшей к валу, т. е. там, где эти бревна оказались засыпанными сверху глиной. На остальных участках план клетей прослеживается лишь по ровикам, имеющим глубину 0.15—0.20 м, в которых лежали нижние венцы срубов.

В XVII в. земляные укрепления Ленковецкого городища были вновь приспособлены к обороне. Тогда же был увеличен и вал городища с помощью земляной подсыпки, закрывшей его древнюю часть.

Своеобразный вариант внутривальной конструкции с клетями, частично забитыми землей, а частично пустыми, можно отметить на городище Асоте.[28] В середине XI в., когда замок Асоте входил в состав Ерсикского княжества, здесь была построена мощная оборонительная система, состоявшая из валов, снабженных внутренним каркасом. Каркас этот состоял из дубовых срубных клетей размером 2×2 м, расположенных с напольной стороны укрепления в три ряда, а с остальных — в два ряда. Наружный ряд клетей был всюду забит землей, а внутренние клети оставались пустыми и использовались как жилые помещения.

Замечательно, что валы со срубным каркасом на городище Асоте были построены на месте уничтоженной более древней оборонительной конструкции, также состоявшей из срубов, но не засыпанных сверху насыпью вала.

* * *

Особое место среди памятников военного зодчества западнорусских земель занимает конструкция, обнаруженная в валу детинца древнего Минска, сооруженном во второй половине XI в.[29] В основании вала, поперек его оси, были положены длинные сосновые бревна с расстоянием между ними в 20—

[28] Э. Д. Шноре. Асотское городище. Рига, 1961.

[29] Э. М. Загорульскі. Археалагічнае вывучэнне дзяцінца старажытнага Мінска. Весці Акад. навук БССР, серыя грамадскіх навук, № 4. Менск, 1960, стр. 51; Э. М. Загорульск'ий. Древний Минск. Минск, 1963, стр. 28. — Более детальные сведения любезно сообщены Э. М. Загорульским.

40 см. На этом накате на расстоянии 4 м одно от другого были положены продольные бревна — лаги. Поверх лаг сделан следующий накат, а выше — опять лаги. Всего обнаружено 9 бревенчатых накатов. Пространство между бревнами было засыпано песком. Бревна накатов и лаг между собой никак конструктивно не соединялись. Вся эта система в настоящее время благодаря оседанию имеет высоту около 1 м, но первоначально она была значительно выше. Над этой деревянной субструкцией находится песчаная насыпь вала.

На других участках валов минского детинца никакой деревянной конструкции не было найдено; очевидно, она была сооружена лишь на некоторых, возможно, наиболее заболоченных участках.

Конструкция, по-видимому, близкая по типу к Минску, была обнаружена на городище Алчедар в Нижнем Поднестровье.[30] Здесь в основании вала был вскрыт сплошной настил из бревен, лежащих вдоль вала и скрепленных поперечными бревнами.

* * *

Высказывалось предположение, что в западнорусских землях имел применение совершенно особый прием укрепления валов путем создания внутри них каменных стенок. В качестве примера приводилась конструкция вала детинца в Плеснеске.[31] Однако Плеснеское городище памятник очень сложный, имеющий укрепления как древнерусского времени, так и эпохи раннего железа.[32] Поэтому очень вероятно, что каменная стенка внутри вала относится здесь к первому этапу строительства, т. е. к скифской поре. Позднее, в X в., когда эта каменная оборонительная конструкция уже давно была заброшена, поверх нее был насыпан земляной вал. В пользу такого предположения свидетельствует полное отсутствие каменных стенок в древнерусских укреплениях и, наоборот, обычность такого приема в укреплениях скифского времени.[33]

3

Земляные части древнерусских оборонительных сооружений — валы и рвы — за много веков своего существования, как правило, настолько оплыли и разрушились, что совершенно изменили первоначальную форму. Даже прорезка валов и рвов далеко не всегда может с полной достоверностью выяснить, каковы были размеры и форма этих сооружений в момент их создания. Поэтому данный вопрос может быть пока решен лишь в самых общих чертах.

Изучение валов и рвов оборонительных сооружений западнорусских земель прежде всего приводит к выводу, что здесь нет никаких существенных отличий от устройства подобных сооружений в других районах Руси. Как размеры, так и форма валов и рвов Галицкой и Волынской земель полностью совпадают с тем, что известно о валах и рвах Киевщины. Валы западнорусских укреплений в большинстве случаев имеют сравнительно небольшую высоту — около 2—3 м. Валы высотой до 5—7 м относятся уже к крупным и встречаются нечасто, главным образом в крепостях, имеющих большое военное значение, или в больших городах. Наиболее высоки валы стольных городов — Галича и Владимира. Так, высота вала владимирского детинца до сего времени доходит до 8 м, а первоначальная высота вала детинца в Галиче 8.5 м. Таким образом, валы эти были несколько выше, чем во Владимире (на Клязьме) или Боголюбове, но ниже, чем в Рязани, и тем более не могли равняться с валами самого Киева.

Крутизна валов зависела от материала, из которого они были построены. Наиболее часто встречается крутизна переднего склона,

---

[30] Г. Б. Федоров. Работа Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции в 1962 году. Кратк. сообщ. о полевых археолог. исслед. Одесск. гос. археол. музея 1962 г., Одесса 1964. стр. 73.

[31] О. О. Ратич. До питання про розташування і оборонні споруди древньоруських городів південно-західної Руси, стр. 121.

[32] П. А. Раппопорт. К вопросу о Плеснеске, стр. 92.

[33] Указание на наличие каменной конструкции в валах городища Нижний Струтин основано на недоразумении (А. А. Ратич. Итоги археологических исследований древнерусских памятников IX—XIII вв. на территории Галицкой и Волынской земель. КСИАУ, вып. 2, 1953, стр. 32, § 6). На этом городище действительно сохранились следы каменной вымостки по краям площадки, но невысокий вал, насыпанный поверх этой вымостки, является выбросом земли из траншей эпохи первой мировой войны и не имеет никакого отношения к древним укреплениям (П. Раппопорт. Отчет 1962 г.).

равная 30—35° (Галич, Черторыйск, Новогрудок, Устилуг и др.). При слабом и сыпучем грунте уклон этот был несколько меньше, хотя, по-видимому, не ниже 27—28°. Зато во всех случаях, когда насыпь вала была сооружена из более плотного грунта, крутизна переднего склона делалась большей — около 40 или изредка даже 45° (Белёвское городище, Острожец и др.). Тыльный склон валов всегда делался немного более пологим, обычно 25—30, редко 35°. То, что на каждом укреплении крутизна переднего и заднего склонов вала, как правило, не меняется

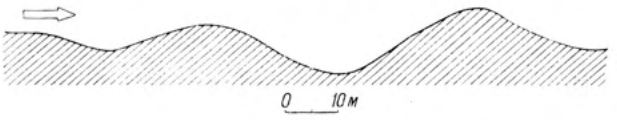

Рис. 126. Профиль валов и рвов детинца в Галиче.

по всему периметру, свидетельствует о применении при строительстве валов каких-то шаблонов, обеспечивавших стандартность профиля.[34]

Величину горизонтальной площадки на вершине вала чрезвычайно трудно установить, так как именно вершина вала раньше всего разрушается. Исключением является хорошо сохранившаяся площадка, видимая на разрезе вала города Устилуг, равная почти 3 м; сохранность ее объясняется тем, что первоначальный вал в XV—XVI вв. был прикрыт гораздо более мощным валом. Иногда размер площадки бывал меньше. Например, на валу детинца в Галиче горизонтальная площадка, очевидно, не превышала 2 м.

В основании переднего склона вала, на краю рва, обычно устраивалась горизонтальная площадка — берма, служившая для предотвращения осыпания склонов. Правда, в небольших валах обходились без бермы, но во всех более или менее значительных валах ее строили. Так, в тройной линии валов окольного города в Галиче берма имеется лишь у внутреннего, наиболее крупного вала. Размер бермы обычно бывал менее 1 м (Острожец), иногда несколько более 1 м (Ленковцы). В валу детинца в Галиче берма несколько превышает по ширине 1 м, а ниже ее, на склоне рва, отрыта вторая горизонтальная площадка, также шириной около 1 м. Такая двойная берма известна и на памятниках Киевской земли — в Вышгороде и Переяславле.[35]

Изучение прорезок оборонительных валов показало, что строители обычно принимали всевозможные меры для создания устойчивого крутого переднего склона. Так, в целом ряде случаев отмечено, что в лицевой части вала использовался более плотный грунт (особенно глина), чем в основном ядре насыпи. Принимали также меры и для наружного укрепления склонов: устраивали невысокую каменную стенку в основании вала (Золотой Ток в Галиче, Екимауцы), строили такую же стену из дерева (Ленковцы), облицовывали передний склон деревом (Давид-городок), обмазывали его глиной (Дрогичин), задний склон вала часто вымащивали камнем (Галич, Алчедар, Гринчук и др.).

Рвы в западнорусских укреплениях имеют самые различные размеры: от небольших глубиной всего около 1 м (Гринчук) до огромных — естественные овраги, несколько подрезанные, упорядоченные и превращенные, таким образом, во рвы. Искусственно отрытые рвы были, как правило, симметричного треугольного профиля. Таковы рвы окольного города Галича, крутизна склонов которых около 35°; глубина наибольшего из них 4.5 м. Ров крепости Острожец значительно больше: его глубина 5.6 м, крутизна склонов 38°. Таков же профиль рвов болоховских городов: в городе Деревиче крутизна склонов около 40°, глубина рва 5.5 м при ширине около 13 м. На городище Разино уклон стенок рва 33°. Глубина рва на городище Екимауцы 4 м, ширина 12 м, дно его сильно скруглено. На городище Алчедар ров также скругленный, но более пологий; его глубина 4 м, ширина 20 м. Можно отметить, что скругленная форма дна рвов встречается на более ранних и менее совершенных в военном отно-

[34] Остатки таких деревянных шаблонов были обнаружены Б. А. Рыбаковым при исследовании вала окольного города в Любече в 1958 г. Шаблоны были сделаны из тонких бревен (диаметром 8—13 см) и расположены на расстоянии примерно 13—20 м один от другого (сведения любезно сообщены Б. А. Рыбаковым; см. также: Б. А. Рыбаков. 1) Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 22; 2) Любеч и Витичев — ворота «внутренней Руси». Тез. докл. советск. делег. на Межд. конгр. славянск. археол., М., 1965, стр. 37).

[35] П. Раппопорт. Очерки I, стр. 113.

шении памятниках; в более поздних и более важных крепостях рвы треугольные. Встречаются, однако, рвы, имеющие не треугольный, а трапециевидный профиль с плоским дном. Например, ров городка Сутейска; уклон его стенок 40°, ширина дна до 2 м. Такая же форма была и у рва детинца в Галиче. Его ширина по верху 16 м, ширина дна 3 м, глубина 4 м, уклон стенок — наружной 30°, внутренней 35°.

В западнорусских землях валы и рвы располагались не всегда одной полосой; иногда они соединялись в две или даже три параллельные линии. Употреблялись два различных способа их сочетания. Простейший способ — расположение линий валов и рвов вплотную одна к другой, так что за каждой линией сразу же лежит следующая. Примером может служить напольная сторона детинца в Галиче, укрепленная двумя мощными валами и двумя глубокими рвами, расположенными вплотную друг к другу (рис. 126). Точно так же (вплотную или почти вплотную) расположено и большинство многорядных валов в укреплениях X—XI вв. (детинец в Шумске, Васьковцы, Радогоща и др.). Если же валы расходятся, причем даже значительно, то большей частью это не нарушает общего принципа их построения, так как непараллельное расположение валов в таких случаях обычно связано с необходимостью включить в защищаемую территорию несколько больший участок, т. е. расхождение валов объясняется скорее градостроительными и экономическими причинами, чем применением иного военно-инженерного приема (Индура, Канье, 2-е Любомльское городище и др.).

Существовал и такой прием сочетания нескольких линий валов и рвов, когда валы располагались параллельно, но были несколько раздвинуты, так что между каждым валом и лежащим за ним рвом образовывалась горизонтальная площадка. В зачаточном виде этот прием встречается уже на некоторых памятниках X—XI вв. (Любче, Одерады), однако широкое применение он получил лишь во второй половине XII—первой половине XIII в. В наиболее чистом и полном виде эта система представлена линией обороны окольного города в Галиче (рис. 127). Позади наружного вала здесь расположена горизонтальная площадка шириной 20 м, а за вторым валом — площадка шириной 7 м. Благодаря этому общая ши-

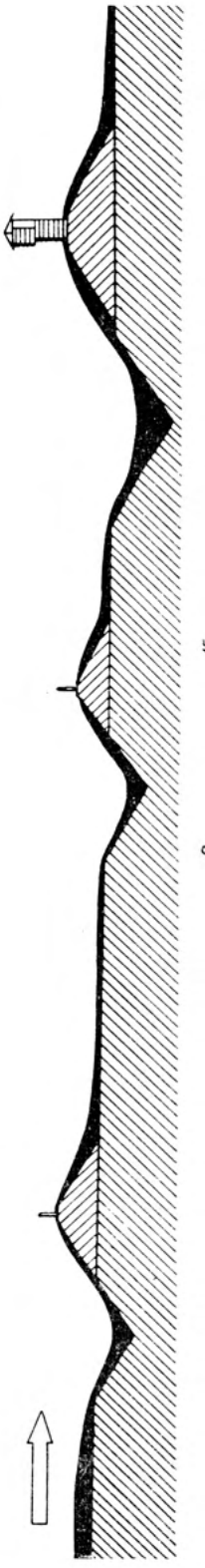

Рис. 127. Профиль валов и рвов окольного города в Галиче.
Черным показаны поздние наслоения.

рина всей оборонительной линии, в которой находилось 3 вала и 3 рва, составляет 92 м. По такому же принципу расположены валы и рвы на городище Большой Карабчеев, в окольном городе Шумска и, судя по старинным чертежам, в окольном городе Владимира-Волынского. В городах Болоховской земли, основание которых относится ко второй половине XII или началу XIII в., валы тоже расположены в виде нескольких параллельных линий, причем местами валы значительно раздвинуты. Особенно четко это

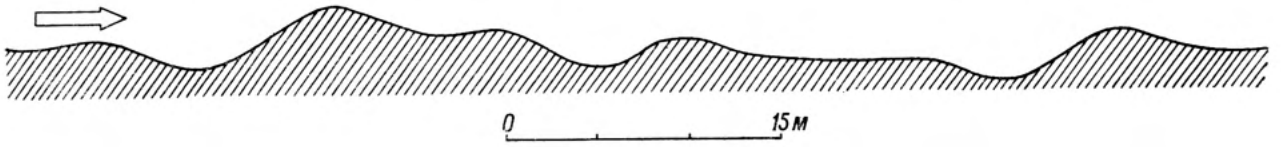

Рис. 128. Профиль валов и рвов с напольной стороны городища у станции Разино.

можно проследить на городище Замки близ железнодорожной станции Разино (рис. 128). За наружным валом здесь расположена площадка шириной 5 м, а за вторым валом — площадка шириной 9 м. Общая ширина тройной линии валов и рвов благодаря наличию горизонтальных площадок достигает 62 м, несмотря на то что сами валы и рвы имеют сравнительно небольшие размеры. В юго-восточной части городища ширина линии валов и рвов достигает даже 70 м. Характерной особенностью оборонительных линий в болоховских городах является несколько повышенный внутренний край некоторых горизонтальных площадок, расположенных между валами, благодаря чему перед рвом образуется как бы дополнительно валообразное всхолмление.

Система раздвинутых валов применялась и в XIV в. Именно так расположены валы с напольной стороны города Кошер. Здесь валы насыпаны на болоте и поэтому, за исключением одного переднего вала, не имеют рвов. Общая ширина линии из трех валов около 80 м.

Следует отметить, что в западнорусских укреплениях, помимо устройства валов и рвов, широко применялась также подрезка (эскарпирование) склонов. Аналогично другим районам Руси подрезка употреблялась в тех случаях, когда естественные склоны холма, на котором строили крепость, были недостаточно крутыми. С помощью эскарпа крутизна верхней части склона могла быть значительно увеличена. В памятниках военного зодчества Волынской земли особенно часто применялось следующее сочетание эскарпа с другими оборонительными конструкциями: вал и ров располагались с напольной стороны укреплений мысового типа, причем ров продолжался и по боковым склонам, переходя здесь в эскарп, обходящий вокруг всей крепости вплоть до самого мыса.

II. НАЗЕМНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

1

Простейшим типом наземных оборонительных конструкций были частоколы. Они представляли собой ряд деревянных столбов, плотно забитых или зарытых нижними концами в землю. Верхние их концы были заострены. Несмотря на простоту устройства, частоколы служили серьезным препятствием для противника и хорошим закрытием для защитников. Особенно эффективны были частоколы на переднем склоне вала или внутреннем склоне рва, т. е. там, где продвижение нападавших и без того было затруднено крутым подъемом.

По-видимому, именно частокол был расположен в основании внутреннего склона рва детинца в Галиче. Здесь, в месте соединения этого склона с дном рва, обнаружена вырытая в материке и заплывшая гумусом канавка (рис. 111). Очень вероятно, что канавка эта была сделана для закапывания

столбов частокола. Судя по наклонному положению стенок канавки, столбы стояли не вертикально, а были сильно наклонены вперед примерно под углом 55—60° к горизонту. Ширина и глубина канавки 70 см.

Канавка от частокола была обнаружена и на напольной стороне укреплений детинца в Сутейске.[36] Здесь частокол был расположен также на внутренней крутости рва, но выше, примерно на середине высоты склона. Мощные столбы были вкопаны тоже с наклоном, но не вперед, а назад, в сторону крутости рва, под углом около 70° к горизонту.

Тын, состоящий из двух параллельных рядов закопанных столбов, оплетенных ветвями, найден в основании внутреннего склона рва на городище Калфа (Нижнее Поднестровье), относящемся к VIII—IX вв.[37]

Столбовая оборонительная конструкция была обнаружена также на Белёвском городище. На лицевом склоне напольного вала этого городища вскрыты остатки двух забитых в насыпь столбов. Диаметр бревен примерно 25 см, наклонены они вперед под углом 65° к горизонту (рис. 117). Между столбами имеется расстояние около 60 см, т. е. частокол был в данном случае несплошным. По-видимому, пространство между столбами чем-то закрывалось, вероятнее всего горизонтально лежащими бревнами. Конструкция эта должна быть отнесена уже не к частоколам, а к простейшим видам столбовых стен. Очень вероятно, что на лицевых склонах валов применялись и сплошные частоколы, хотя примеры такой конструкции известны пока только для значительно более позднего времени.[38]

Несомненно, что в небольших крепостях, имевших второстепенное военное значение, частоколы использовались и в качестве защитных сооружений на гребне вала. Однако подтверждения такому предположению в западнорусских землях пока не найдено; все обнаруженные здесь конструкции — не частоколы, а крепостные стены.

* * *

Об устройстве деревянных крепостных стен в оборонительных сооружениях западнорусских земель имеется очень немного сведений. Очевидно, как и в других районах Руси, здесь применяли два основных типа стен — столбовой конструкции и срубные. В свою очередь столбовая конструкция также имела два варианта: первый — горизонтальные бревна закреплялись в пазах вертикально поставленных столбов, второй — зажимались между попарно стоящими столбами.

В разрезе вала на городище Устилуг был обнаружен сосновый столб, закопанный в вершину вала и несомненно относящийся ко времени функционирования этого вала, т. е. к X—XI вв. Столб этот имел диаметр около 25 см. Видимо, здесь стояла стена, сооруженная по первому варианту столбовой конструкции. В отличие от городища Устилуг на городище Ленковцы (вторая половина XII в.) на вершине вала были найдены следы двух столбов диаметром 25—30 см, расположенных поперек вала.[39] Очевидно, это остатки стены второго конструктивного варианта столбового типа.

В нескольких укрепленных поселениях Смоленской земли выявлена такая же конструкция стены, однако расположенной не на вершине вала, а с его тыльной стороны. Здесь деревянная стена была построена вокруг площадки, а снаружи к ней был присыпан земляной вал. На городище Церковище близ Смоленска, представляющем собой остатки феодального замка Воищина, дубовые и сосновые бревна диаметром около 30 см были закопаны попарно так, что между ними оставалось пространство шириной тоже около 30 см, очевидно, равное толщине закладываемых сюда горизонтальных бревен.[40] Расстояние между парами столбов 2.5—3 м. На другом участке городища закопаны не парные, а одиночные столбы. По-видимому, горизонтальные бревна и здесь не заводились в пазы вертикальных столбов, а просто прижимались к ним снаружи насыпью вала. Конструкция та-

---

[36] Z. Wartolowska. Gród czerwienski Sutiejsk.., стр. 84, рис. 57, *а*, табл. I.

[37] Г. Б. Федоров. Работа Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции в 1962 году, стр. 78.

[38] Таков косой тын-частокол, обнаруженный на лицевом склоне вала Переяславля. (П. Раппопорт. Очерки I, стр. 86, прим. 1).

[39] Б. А. Тимощук. Оборонительный вал Ленковецкого городища.

[40] В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960, стр. 56.

кого же типа существовала и на Ковшаровском городище.[41] На Черкасовском городище горизонтальные бревна были зажаты между столбами двойного частокола и также присыпаны с наружной стороны валом.[42]

* * *

Как частоколы, так и стены столбовой конструкции использовались в качестве основного типа укреплений лишь в крепостях, имевших небольшое военное значение. Основным же типом крепостных стен был срубный. Об этом можно судить прежде всего по письменным источникам. Так, многократное употребление термина *срубить город*, а также наличие в верхней части стен боевых площадок — *забрал*, на которых стояли защитники, свидетельствует об очень широком применении именно срубных стен. К сожалению, реальные остатки таких стен почти никогда не встречаются в раскопках, поскольку даже нижние венцы срубных стен обычно почти не заглублялись в землю и поэтому не сохранились.

Редким исключением было нижнее бревно дубовой срубной стены, обнаруженное на вершине главного (т. е. внутреннего) вала окольного города в Галиче. Бревно это сохранилось благодаря тому, что сильно обгорело. Первоначальный его диаметр определить не удалось. Следы срубных стен были найдены также на Ерикском городище.[43]

Прямые доказательства наличия срубных стен были получены при раскопках на Екимауцком городище.[44] Здесь на валу и во рву были найдены обгорелые бревна срубов и куски обожженной глины с отпечатками бревен. О том, что бревна эти были наземной оборонительной конструкцией, а не частями внутривального каркаса, свидетельствует тот факт, что под углями и обожженной глиной лежали человеческие скелеты — останки защитников города. По-видимому, в Екимауцах, так же как и в большинстве памятников, где обнаружены внутривальные срубные каркасы, между этими каркасами и наземной стеной существовала прямая связь: стена была продолжением каркасных срубов над поверхностью вала.

Конечно, таких ничтожных остатков срубных стен, которые обнаружены в западнорусских землях, недостаточно, чтобы пытаться восстановить конструкцию этих стен, их высоту, завершающие устройства и внешний облик. Однако нет никаких оснований полагать, что срубные оборонительные стены в западнорусских крепостях существенно отличались от таких же стен в других русских землях. Поэтому все данные, которые были получены о конструкции срубных стен на основании изучения письменных источников, внутривальных конструкций и косвенных материалов со всей древнерусской территории, могут быть отнесены и к западнорусским оборонительным сооружениям.[45] Стены были, видимо, однорядными и состояли из плотно приставленных один к другому трехстенных срубов. Высота стен должна была быть не менее 3 м. В верхних частях находились прикрытые брустверами боевые площадки — *заборола*, которые, возможно, иногда несколько выступали вперед по отношению к лицевой поверхности самих стен, хотя могли быть сделаны и заподлицо со стенами, совершенно не выделяясь при этом с наружной стороны.

* * *

Абсолютное преобладание деревянных оборонительных сооружений над каменными характерно для западнорусских земель, так же как и для всех остальных районов древней Руси. Из письменных источников известно, что деревянными были укрепления даже самых крупных городов, в том числе стольных — Галича и Владимира-Волынского. Так, в 1261 г. летопись отмечает, что при уничтожении укреплений Владимира-Волынского его городские стены были сожжены.[46] В 1276 г. летописец, описывая интенсивную градостроительную деятельность князя Владимира Васильковича, называет городника Алексу, который «при отце его многы городы рубя».[47] Такая же картина существует и позже. Даже в середине XIV в. в договоре литовских князей

---

[41] Там же, стр. 58.
[42] Там же, стр. 59.
[43] F. Balodis. Jersika. Rigā, 1950, стр. 45.
[44] Г. Б. Федоров. Славяне Поднестровья. В сб.: По следам древних культур, Древняя Русь, М., 1953, стр. 141.
[45] См.: П. Раппопорт. 1) Очерки I, стр. 122—126; 2) Очерки II, стр. 134.
[46] Ипатьевская лет., 6769 г.
[47] Там же, 6784 г.

с польским королем имеется явное указание на то, что русские города были, как правило, деревянными: «...а городов у руской земли новых не ставити, ни сожьженого не рубити».[48]

Данные письменных источников полностью подтверждаются археологическим обследованием сохранившихся памятников. Среди оборонительных сооружений западнорусских земель до XIII в. не известно ни одного, где имелись бы каменные стены. В Холме по краю «Высокой Горки», представляющей собой остатки древнего детинца, раскопками 1910—1912 гг. была вскрыта каменная стена. Она сложена из известнякового камня на известковом растворе (рис. 129). Среди камней кладки преобладает зеленый камень (глауконитовый известняк), хотя встречаются камни белого, желтоватого и даже красноватого оттенков. Поверхностные слои кладки состоят из более крупных камней, а внутри стены — забутка из более мелкого камня. На углах стены камни почти исключительно зеленые, хорошо отесанные. Ряды кладки довольно тщательно выравнены, хотя перевязь швов не всюду соблюдена. Толщина стены около 2 м, сохранилась она на высоту до 2 м. Впрочем, раскопки, проведенные в 1966 г., показали, что данная стена, возможно, является не оборонительной, а стеной дворца.[49]

Во второй половине XIII—первой половине XIV в. в Галицко-Волынской земле ведется строительство каменных и кирпичных башен, но городские стены по-прежнему сооружаются из дерева. Кирпичные городские стены были возведены лишь в Луцке (рис. 130). Кирпичный замок в Луцке был построен, по-видимому, в начале XIV в. Стены его сложены из крупного брусчатого кирпича с желобками на одной из постелей.[50] Размер кирпича приблизительно 26—29 × 11—14 × ×7—9 см. В отношении строительной техники Луцкий замок демонстрирует прямое продолжение волынской строительной традиции: техника кирпичной кладки здесь почти идентична технике кладки Каменецкой башни и очень близка технике кладки церкви Михайловского монастыря во Владимире-Волынском.[51]

В середине XIV в., когда Галицкую землю захватила Польша, там было построено несколько каменных оборонительных

Рис. 129. Холм. Кладка стены на детинце.

сооружений. Строительство проводил польский король Казимир, стремившийся закрепить за Польшей «Русскую землю». Современник этих событий, польский хронист Ян из Чарнкова, отметил, что Казимир построил замки Теребовль, Галич, Тустань и др.[52] Некоторые из этих замков частично сохранились до настоящего времени. Таков, например, замок Тустань, остатками которого являются развалины близ с. Урыч. Здесь сохранился кусок каменной стены, перегораживающей проход между двумя скалами с той стороны, где подъем на площадку

[48] Акты, относящиеся к истории западной России, т. I. СПб., 1846, № 1.

[49] J. Gurba, W. Zin, W. Grabski. Badania w Chełmie Lubelckim. Sprawozdanie Lubelskiego ośrodka archeologicznego, VIII, Lublin, 1966, стр. 6.

[50] А. И. Мёрдер. Древности Луцка и его прошлое. Киев, 1910, стр. 6.

[51] М. К. Каргер. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире-Волынском. Уч. зап. Ленингр. гос. унив., сер. истор. наук, вып. 29, 1958, стр. 25.

[52] Kronika Jana z Czarnkowa. Warszawa, 1905, стр. 7; см. также: И. Шараневич. Исторія галицко-володимирской Руси. Львов, 1863, стр. 195.

Рис. 130. Луцк. Северо-западная стена замка.

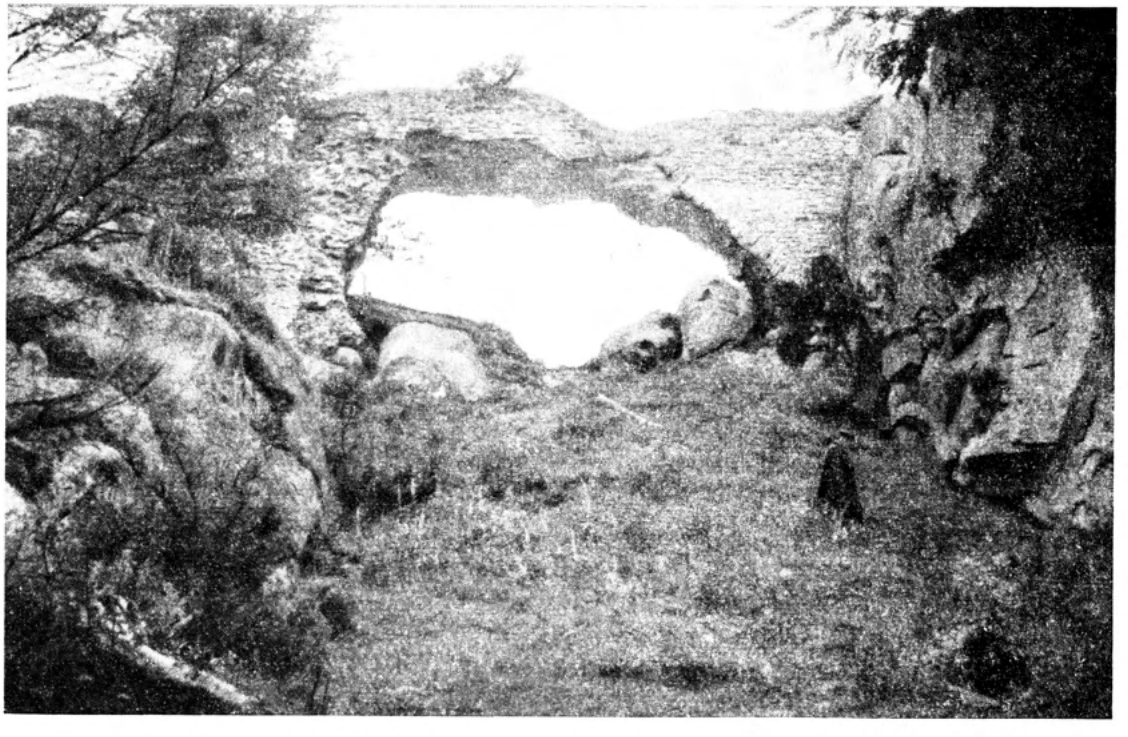

Рис. 131. Остатки стены замка Тустань.

замка наиболее пологий (рис. 104, 131). Кладка стены производилась из довольно мелкой необработанной известняковой плиты на известковом растворе. Толщина стены 2 м, в ней сохранились идущие вдоль стены пустоты от деревянных связей. Первоначальная кладка стен Галичского замка сохранилась также в Кременце, занимавшем в это время как бы промежуточное положение между Галицкой и Волынской землями. Здесь каменная кладка несколько более регулярна, хотя состоит также из необработанного плотного известняка на известковом растворе (рис. 132). В стенах сохранились отверстия от связей.

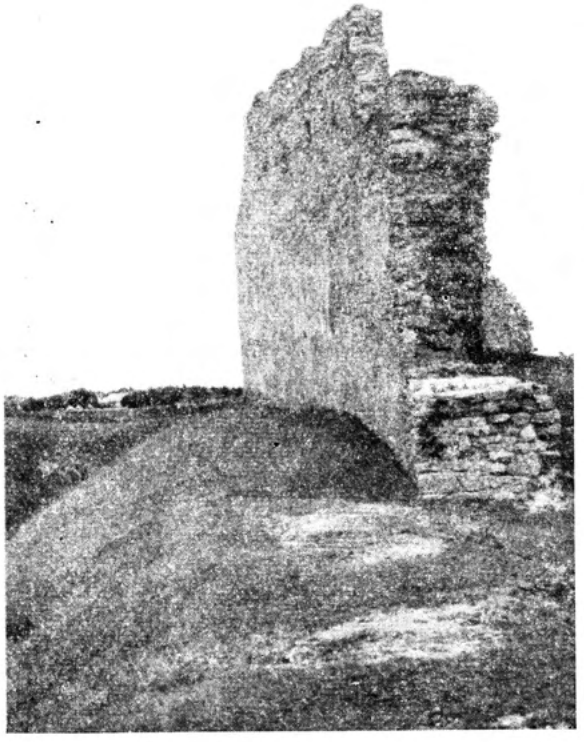

Рис. 132. Кременец. Стена крепости.

Каменная кладка замков Галич и Тустань продолжает строительные традиции галицкой архитектуры, будучи близка кладке Столпьенской и Белавинской башен под Холмом.[53] Наличие традиционного разделения строительной техники — каменная галицкая и кирпичная волынская — свидетельствует об устойчивости древнерусских технических традиций, восходящих к более раннему времени. Однако также несомненно, что в строительстве каменных замков, проведенном по распоряжению короля Казимира, в значительной степени должны были сказаться строительные и особенно военно-инженерные приемы польской архитектуры.

2

Изучение плановой структуры древних укреплений помогает определить местонахождение крепостных башен. Иногда места, на которых некогда стояли башни, отмечены небольшими округлыми расширениями на валу или на площадке городища. Однако во время археологических раскопок башни бывали обнаружены и там, где на поверхности никаких следов их не было. Поэтому с полной уверенностью судить о количестве башен в древних крепостях можно лишь тогда, когда эти крепости будут подвергнуты систематическим и по возможности полным раскопкам. Тем не менее даже те немногие данные о памятниках военного зодчества западнорусских земель, которыми мы располагаем, дают основания для вывода, что в крепостях X—XII вв. башни строились редко, причем были они двух типов — надвратные и наблюдательные. Такой вывод полностью совпадает с материалами, полученными в результате изучения оборонительных сооружений других районов древней Руси.[54] Надвратные башни в письменных источниках всегда рассматривались как элемент конструкции ворот и включались в понятие *ворота*, наблюдательные же башни являлись самостоятельными сооружениями, стоявшими на самом высоком участке и да-

[53] Несмотря на то что город Холм находится на волынской территории, архитектурные памятники его явно относятся не к волынской, а к галицкой школе (об этом см., например: П. А. Раппопорт. Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв. СА, 1962, № 2, стр. 70). Объясняется это тем, что политически Холм в XIII в. был теснее связан с Галичем.

[54] См.: П. Раппопорт. 1) Очерки I, стр. 137; 2) Очерки II, стр. 144.

вавшими возможность вести обзор на большие дистанции.

Древнейшим примером башни, относящейся к концу X—началу XI в., может служить конструкция, вскрытая раскопками на городище в Судовой Вишне.[55] Здесь в северной части городища на краю площадки обнаружено сильно разрушенное сооружение, расположенное в линии клетей оборонительного вала, но выделявшееся своей конструкцией и размерами. Очевидно, это остатки башни, имевшей значение наблюдательного пункта, поскольку данный участок городища — самая возвышенная его часть, и именно отсюда легче всего вести наблюдение за окрестностями.

Судя по сохранившимся округлым насыпям, почти точно такое же расположение имели башни на некоторых городищах более позднего времени. Так, в Давид-городке, основанном на рубеже XI—XII вв., башня стояла на западном краю городища над р. Горынью на участке, откуда открывается наиболее далекий обзор (рис. 76). На городище Олешков, относящемся к XII—XIII вв., круглый холм, очевидно, отмечающий место башни, расположен в восточной части городища на самом краю высокого обрыва. В отличие от городищ Судовая Вишня и Давид-городок башня в Олешкове одновременно связана с въездом, проходившим рядом с ней с северной стороны (рис. 13, 133). Если судить по размерам земляных всхолмлений, башня в Давид-городке могла иметь в диаметре 6—8 м, а в Олешкове — не более 4 м.

Рис. 133. Въезд и холм от башни на городище Олешков.

На самом высоком месте городища и одновременно рядом с въездом стояла также башня на смоленском городище Церковище (феодальный замок Вощина, основанный в XII в.).[56] От башни здесь сохранились ямы от врытых в землю столбов (стульев), на которые опирался сруб. Судя по этим ямам, башня имела шестиугольную (или

[55] О. О. Ратич. До питання про розташування і оборонні споруди древньоруських городів південно-західної Русі, стр. 125.

[56] В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.), стр. 59.

семиугольную?) в плане форму и размер 6 м в поперечнике. В нижней части башни было помещение с печью.

* * *

Несколько иной характер имела башня на городище Горзвин. Здесь земляной холм диаметром 5—6 м и высотой более 1 м расположен не на краю, а в средней части построена именно в XIV в., т. е. значительно позже, чем основано само укрепление. Если такое предположение правильно, то башня в Ратно относится уже к тому времени, когда на всей территории Волыни начинается строительство монументальных боевых башен.

Строительство этих башен началось во второй половине XIII в. Одним из наиболее характерных и вместе с тем наилучше со-

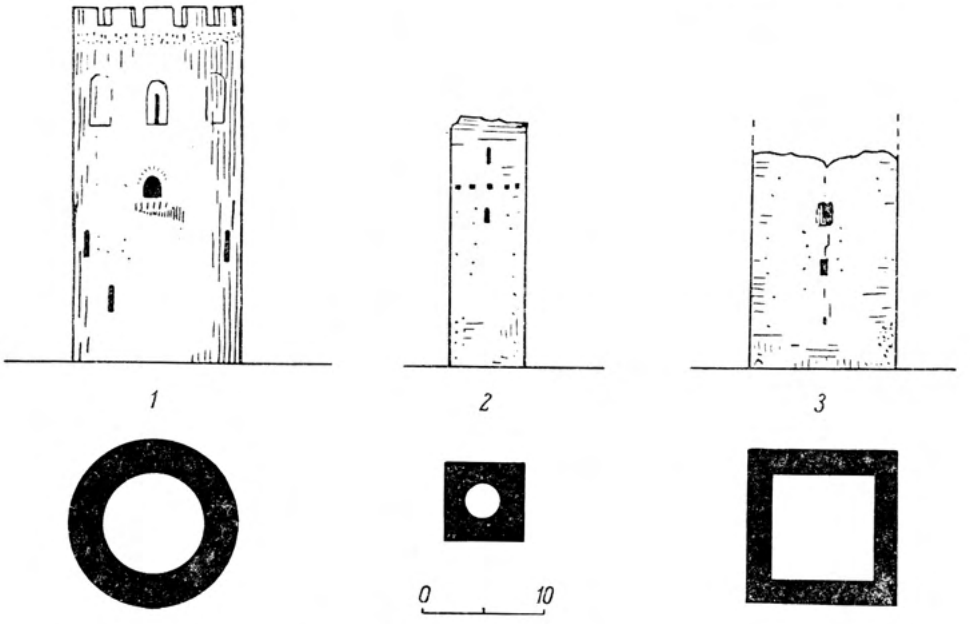

Рис. 134. Волынские башни.

1 — Каменец-Литовский; *2* — Столпье; *3* — Белавино.

укрепления (рис. 48, 49). Очевидно, башня стояла внутри крепости и, помимо обзора и наблюдения, была, видимо, предназначена и для кругового обстрела. Башня на городище Горзвин сооружена в XII, а возможно даже в XIII в.

На городище Ратно, расположенном среди заболоченной низины, округлый земляной холм имеет в высоту не менее 2 м, а горизонтальная площадка на его вершине — около 12 м в диаметре (рис. 23). Вероятно, здесь стояла большая башня, господствовавшая над всем укреплением. Время сооружения башни пока не определено, но, судя по наличию позднего культурного слоя и письменным источникам, крепость Ратно играла важную роль в XIV в. Очень возможно, что башня была

хранившихся образцов может служить башня в Каменце-Литовском (рис. 134, 135, 136).[57] Эта башня круглой формы с наружным диаметром 13.5 м и высотой около 29 м. Толщина ее стен 2.5 м. Внутри башня разделена на 5 ярусов с помощью перекрытий на деревянных балках. Над верхним ярусом расположен купольный свод на утолщенных ребрах — нервюрах. Сообщение между эта-

[57] П. А. Раппопорт. Волынские башни. МИА, № 31, 1952, стр. 205. — Там же указана библиография. Несколько позже довольно подробное описание башни было дано в статье А. Я. Митянина (А. Я. Митянин. Оборонительные сооружения Белоруссии XIII—XVII вв. Сб. научн. работ Института строительства и архитектуры АН БССР, вып. 1, Минск, 1958, стр. 138). К сожалению, эта работа переполнена грубейшими ошибками.

жами осуществлялось по внутренним деревянным лестницам, а из пятого яруса на верхнюю площадку ведет лестница в толще стены. Вокруг верхней площадки башни имеется боевой проход, прикрытый снаружи прямоугольными зубцами. Башня целиком сложена из брусчатого кирпича размером $26.5 \times 13.5 \times 8$ см с бороздками на одной из постелей.[58] Время сооружения башни — 70—80-е годы XIII в.

В 1961 г. раскопками был вскрыт фундамент башни на городище в с. Старый Чарторыйск.[59] Постройка этой башни отмечена в летописи под 1291 г.: «Того же лета в Черторыйскы в городе заложи столп камен».[60] Башня оказалась круглой; наружный

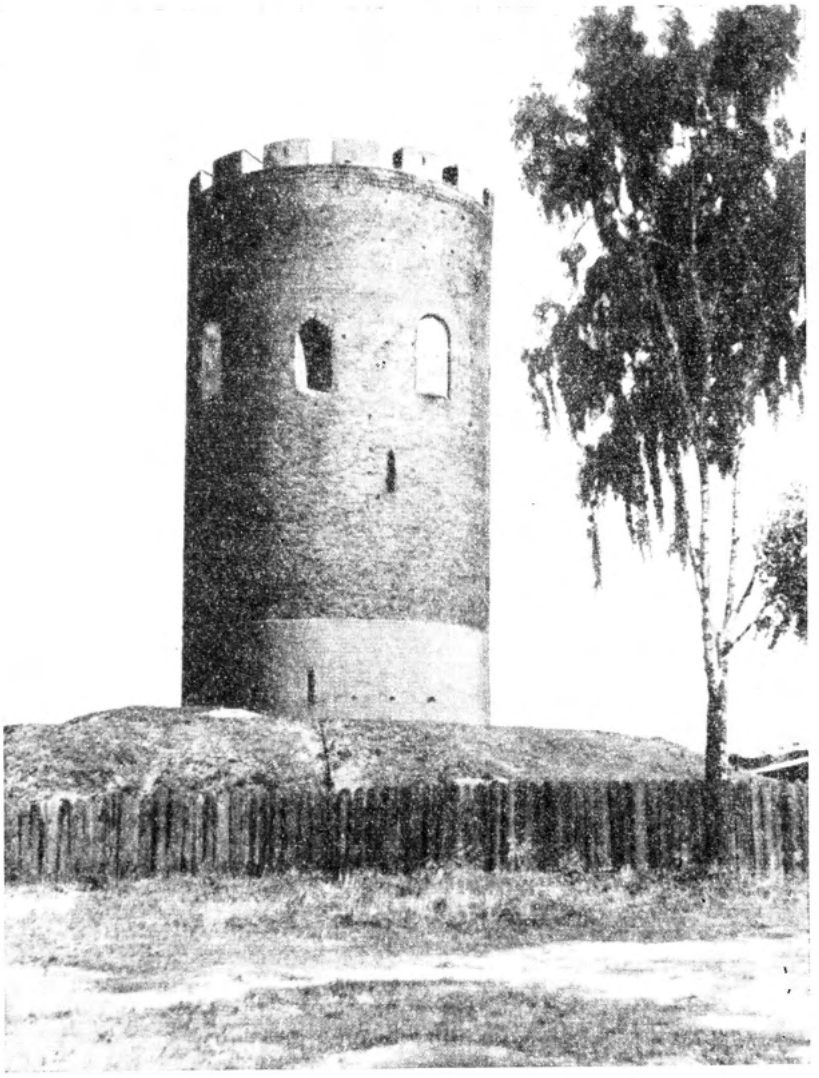

Рис. 135. Башня в Каменце-Литовском.

[58] В литературе встречаются утверждения, что Каменецкая башня в древности была побелена и называлась Белой Вежей (см.: Ю. Егоров. Градостроительство Белоруссии. М., 1954, стр. 23). В действительности башня, очевидно, была первоначально красной, т. е. цвета кирпича. Название Белая Вежа по отношению к Каменецкой башне встречается исключительно в поздних письменных свидетельствах.

[59] П. Раппопорт. Отчет 1961 г.

[60] Ипатьевская лет., 6799 г.

диаметр ее фундамента 14 м (рис. 137). Фундамент башни имеет очень своеобразное устройство: он состоит из двух облицовочных стенок с заполнением между ними. Стенки сложены из крупных булыжников на известковом растворе (рис. 138). На отдельных участках вместе с камнем в кладке стенок фундамента широко использован

Это обстоятельство, видимо, объясняется тем, что при строительстве башня была частично врезана в ранее существовавший вал. При этом траншея, откопанная для укладки фундамента, не была доведена до нетронутого грунта и под основанием фундамента осталась полуметровая толща песка, являющегося остатками срытой насыпи вала.

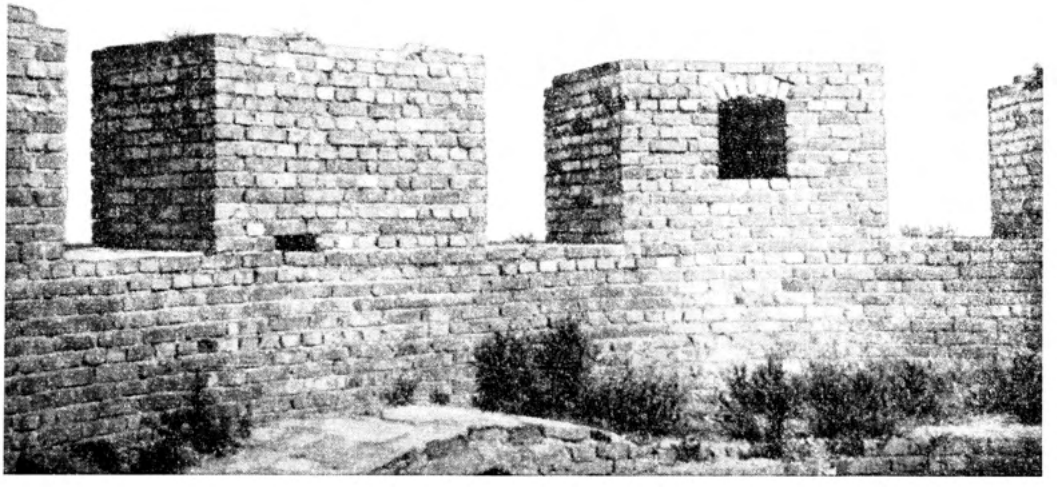

Рис. 136. Зубцы башни в Каменце-Литовском.

также битый кирпич, большей частью в виде половинок, уложенных вдоль наружного края фундамента (рис. 139). Внешняя облицовочная стенка имеет толщину 60 см, а внутренняя — 80 см. Между облицовочными стенками внизу (на уровне основания фундамента) уложен тридцатисантиметровый слой камней без раствора, а выше — чередующиеся прослойки гумусированного супеска и кирпичного щебня, смешанного с чистым песком (рис. 140). Толщина слоев супеска около 10 см, слоев щебня 5—7 см. Общая ширина фундамента 3.15 м. Замечательной особенностью фундамента является то, что он не всюду заложен на одинаковую глубину: его подошва на участке, прилегающем к валу, лежит почти на 1 м выше, чем на участке, отдаленном от вала. На участке, где фундамент башни не врезан в вал, глубина его залегания несколько более 1 м и подошва лежит на материковом грунте. Там, где фундамент был врезан в насыпь вала, пространство между этим фундаментом и нетронутой насыпью вала было затем засыпано черной землей. Фундамент нигде не сохранился на полную высоту, а от стен башни найдены лишь отдельные кирпичи (рис. 141). Размер их 26—28 × 11.5—13.5 × 7.5—8.5 см. Кирпичи большей частью красные, хорошего обжига. Изредка встречаются более светлые или пережженные экземпляры. Почти на всех кирпичах на одной из постелей имеются продольные борозды. На многих кирпичах сохранились остатки раствора, толщина швов которого достигает 2.5 см. Раствор известковый, бе-

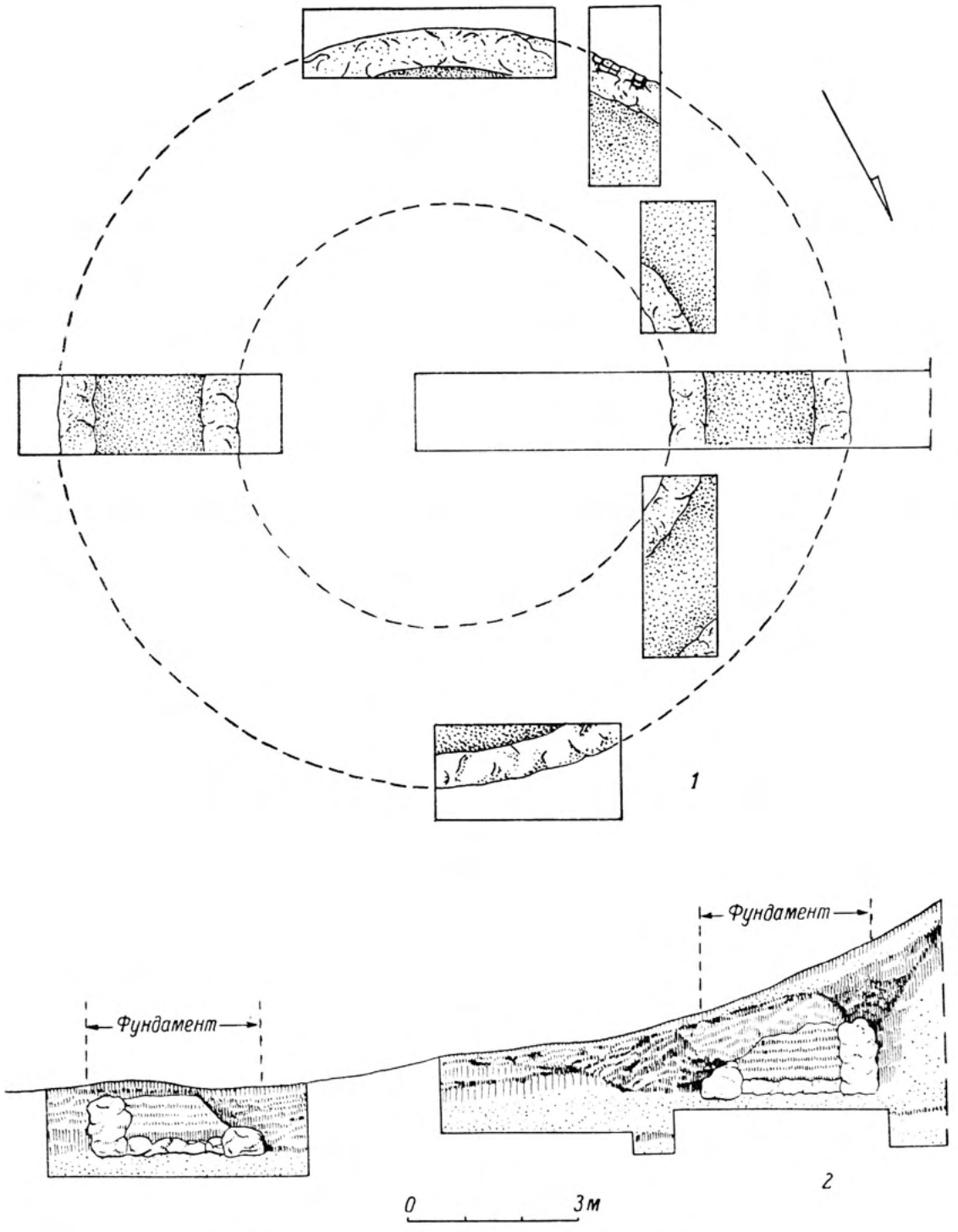

Рис. 137. Башня в Черторыйске. Фундамент, вскрытый раскопками.

1 — план; *2* — разрез.

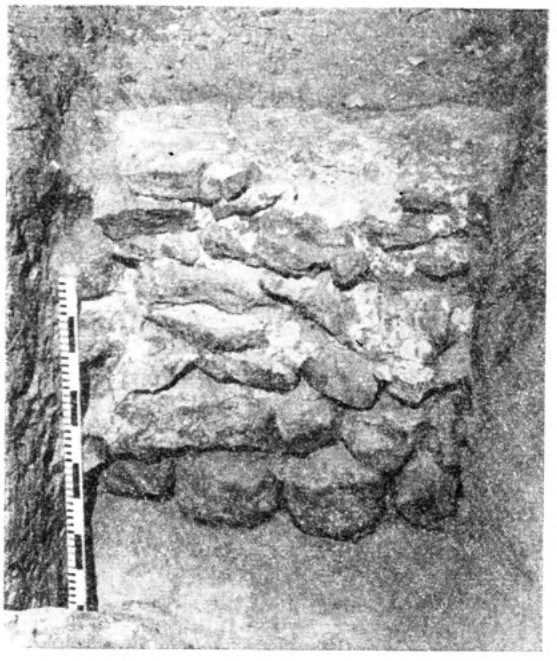

Рис. 138. Наружная стенка фундамента башни в Черторыйске.

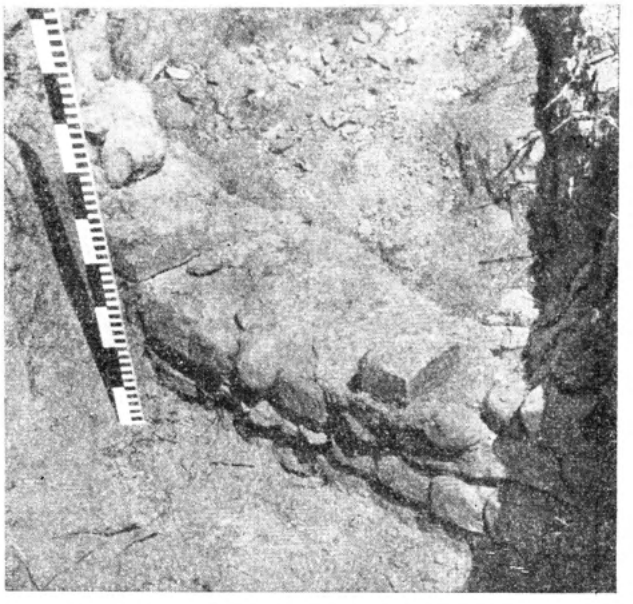

Рис. 139. Край фундамента башни в Черторыйске.

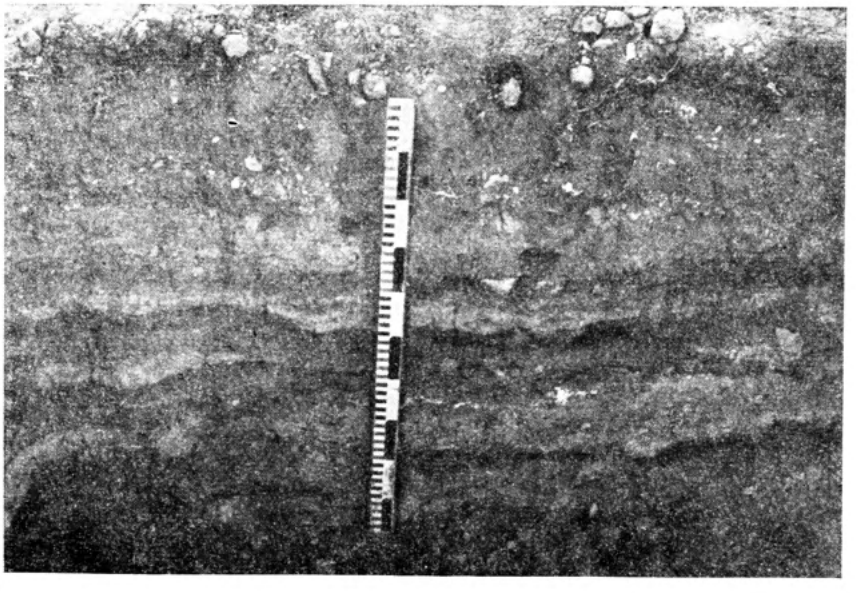

Рис. 140. Внутренние слои фундамента башни в Черторыйске.

лого цвета, с мелким песком и зачастую с мелкими включениями угля. Отсутствие на городище кусков строительного камня свидетельствует, что стены башни были целиком кирпичными.

Сравнение материалов исследования башен в Черторыйске и Каменце-Литовском показывает, что они были чрезвычайно

Рис. 141. Кирпичи башни в Черторыйске.

близки друг другу. Диаметр фундамента башни в Черторыйске 14 м. Если учесть, что стены отступали от обрезов фундамента на 10—20 см, то диаметр самой башни должен был быть около 13.5 м, т. е. должен совпадать с диаметром башни в Каменце. Полностью совпадает и их строительная техника, вплоть до размеров кирпича. Поэтому при реконструкции архитектурных форм и высоты Черторыйской башни есть все основания привлекать башню в Каменце в качестве ближайшей аналогии (рис. 142).

Расположенные близ Холма Столпьенская и Белавинская башни построены не из кирпича, а из камня, из местного очень плотного известняка. Камни не отесаны, но постелисты благодаря слоистой структуре. Раствор очень прочный, состоит из плохо перемешанной извести с большой примесью мелкого каменного щебня и угольков. Углы башен обложены зелеными тесаными камнями, в косяки окон также вложены зеленые и отдельные белые меловые камни. В стенах сохранились многочисленные отверстия от пальцев строительных лесов.

Башня в Столпье снаружи прямоугольная, размером 5.8 × 6.3 м; внутри она круглая, диаметром около 3 м (рис. 143).[61] Вход расположен на высоте 4 м и ведет на площадку небольшого холма, представляющего собой, очевидно, остатки каких-то сооружений. Нижний ярус башни, возможно, был перекрыт сводом, а выше сохранились отверстия от бревен балочных перекрытий — одно на высоте около 10 м, второе на высоте 14.5 м. Общая высота башни 19.5 м.

Башня в Белавине прямоугольная как снаружи, так и внутри, но значительно больше по размерам — 11.8 × 12.4 м (рис. 144).[62] Толщина ее стен 1.7 м. Она была разделена на ярусы с помощью балочных перекрытий; второй ярус начинался на высоте около 6 м, третий — на высоте 10 м. Четвертый ярус был расположен на высоте около 15 м и отделялся от нижележащего яруса сводом. Сохранившаяся высота башни около 17.9 м, но первоначально была еще несколько больше.

Время сооружения Столпьенской и Белавинской башен — вторая половина XIII—первая половина XIV в.

При раскопках детинца в Холме было вскрыто прямоугольное сооружение, которое, быть может, следует связывать с башней, упоминаемой летописью под 1259 г.: «Вежа же среде города высока, якоже бити с нея окрест града, подсъздана каменеемь в высоту 15 лакот. Создана же сама древом тесаным и убелена яко сыр, светящися на всеи стороны».[63] Если раскопанная постройка действительно является каменным основанием деревянной башни, то размер этой башни должен был быть примерно 5 × × 5 м. Внутри каменной постройки обнаружено круглое пространство диаметром не-

[61] П. А. Раппопорт. Волынские башни, стр. 215.

[62] Там же, стр. 213.

[63] Ипатьевская лет., 6767 г. О раскопках в Холме см.: П. А. Раппопорт. Холм, стр. 320.

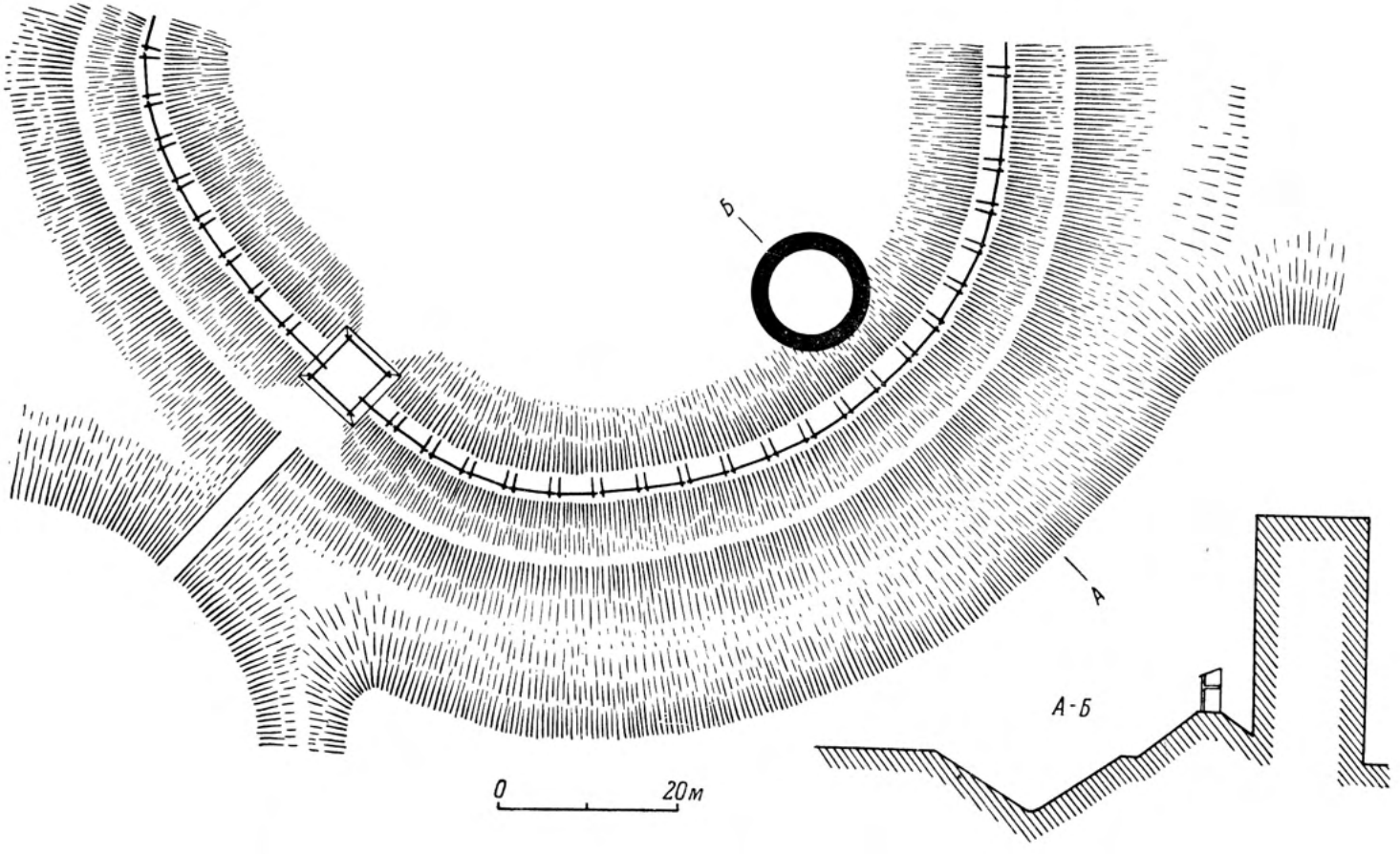

Рис. 142. Черторыйск. Реконструкция напольной стороны крепости.

сколько более 2 м. Не менее вероятно, что остатками древней башни является также здание церкви в с. Спас близ Холма.[64]

ствовали в Гродно, в Берестье, а быть может, и в некоторых других волынских городах.[65]

Все перечисленные выше монументальные боевые башни второй половины XIII—

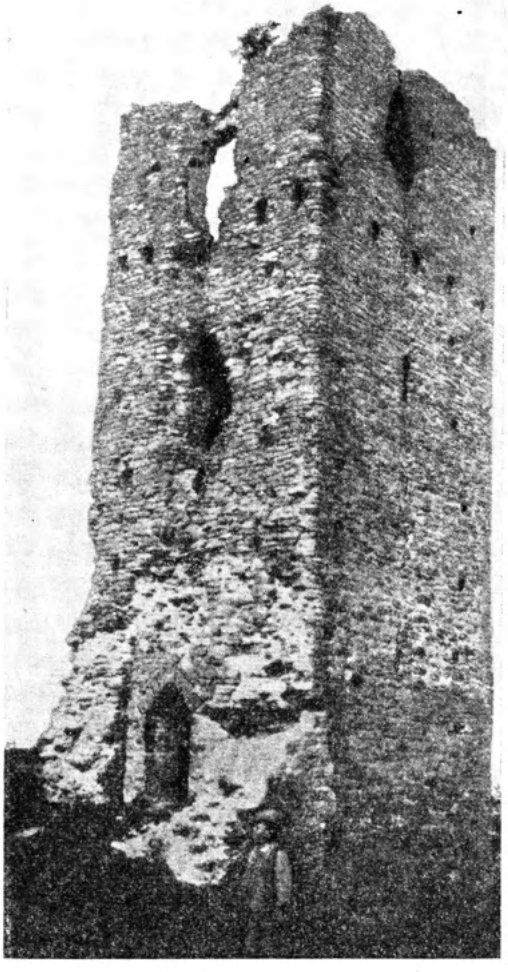

Рис. 143. Башня в Столпье. Фото 1911 г.

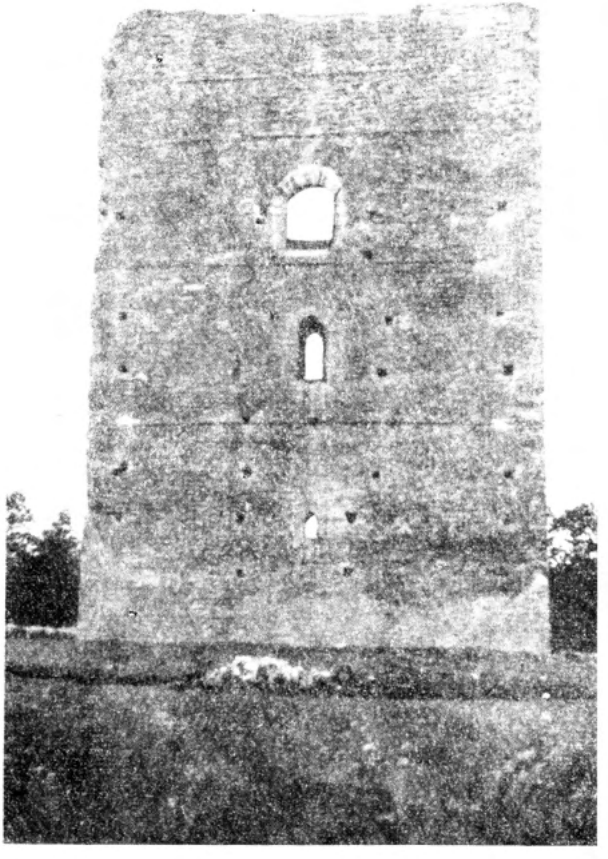

Рис. 144. Башня в Белавине. Фото 1909 г.

Его размер 13 × 16 м. О форме и конструкции остальных башен, относящихся к этому же времени, сведений не имеется, поскольку сами памятники полностью уничтожены и никаких следов их до сих пор не найдено. Между тем на основании письменных источников можно судить, что такие башни существовали

первой половины XIV в. были построены на территории Волыни и тесно с ней связанной Черной Руси. В других западнорусских землях подобные башни неизвестны.[66]

С середины XIV в. башни приобретают особенно большое значение в организации обороны укрепленных пунктов. Об этом можно судить прежде всего по письменным

[64] П. А. Раппопорт. Волынские башни, стр. 219.

[65] Там же, стр. 220.

[66] Некоторые исследователи считают оборонительной башней круглую постройку, вскрытую рас-

источникам, в которых все чаще начинает упоминаться роль башен в защите крепостей. Так, польский хронист XIV в., описывая оборонительное строительство короля Казимира «в русской земле», отмечает, что он «все эти города и замки очень сильными стенами... и высокими башнями, а также глубокими рвами и оборонительными устройствами снабдил».[67]

Обследование сохранившихся сооружений показывает, что башни в это время ставились уже совершенно иначе, чем во второй половине XIII или первой половине XIV в. Если раньше башня, как правило, имела значение самодовлеющего элемента обороны, господствующего над всем укреплением, и была приспособлена для ведения кругового обстрела, то теперь строится по нескольку башен в каждой крепости; они всегда связаны с крепостными стенами и предназначены для фланкирующего обстрела участков этих стен. Именно так построены башни в Кременце и Луцке. При этом большее количество башен концентрируется на наиболее угрожаемой, напольной стороне крепости. Особенно характерен в этом отношении замок в Галиче, где две башни стояли по обоим концам напольной стороны.

Несколько необычно для этого времени поставлена башня в Новогрудке. В XIV в. крепость здесь была еще деревянной и лишь одна башня кирпичной.[68] Эта башня расположена не с напольной стороны детинца, а на его северном краю, над высоким крутым склоном. В нижней части башни имеется проезд. Таким образом, башня эта не столько защищает наиболее угрожаемый участок стены, сколько является основным опорным пунктом всей крепости, т. е. как бы повторяет прием, характерный для предшествующего периода. Впрочем, время строительства этой башни еще не определено и она может действительно оказаться относящейся еще к первой половине XIV в.[69]

3

Ворота — наиболее ответственный участок любого древнерусского укрепления. Как в собственно военном, так и в художественном отношении ворота всегда привлекали к себе особое внимание.

Анализ плановой структуры древних городищ дает основания выделить несколько типов воротных устройств. На многих городищах въезд никак не отмечен; нет ни проезда в валу, ни перехода через ров. Очевидно, что в этом случае ворота в крепостной стене располагались прямо на валу. Для того чтобы проехать на территорию укрепленного поселения, нужно было взобраться на земляной вал. Это, конечно, затрудняло форсирование ворот противником, но вместе с тем усложняло въезд для самих жителей. Значительно более совершенной была организация въезда через ворота, расположенные в проезде сквозь вал. В этом случае на городищах сохраняются разрывы в валу, имеющие ширину примерно 5—8 м (рис. 145). Такой въезд обеспечивал нормальную связь укрепленного поселения с окрестностями, позволяя проехать в ворота не только верхом, но даже с повозкой. Естественно, однако, что проезд сквозь вал было легче форсировать, чем проезд на валу, и само воротное устройство здесь

конками в Смоленске (Д. А. Авдусин. Смоленская ротонда. Историко-археологический сборник в честь шестидесятилетия А. В. Арциховского, М., 1962, стр. 243). Постройка эта имеет форму правильного круга; наружный ее диаметр 18.1 м, толщина стен 1.2 м. Внутри довольно тесно расставлены 4 квадратных столба. Судя по технике кирпичной кладки, постройка относится ко второй половине XII в. Вопрос о назначении смоленской ротонды в настоящее время еще окончательно не решен; наиболее вероятно видеть в ней не боевую башню, а церковь. Церкви с почти совершенно сходным планом именно во второй половине XII в. были достаточно широко распространены в северных районах Германии и в Скандинавии (H. F. Frölén. Nordens befästa rundkyrkor, t. I. Stockholm, 1911, стр. 15, 17, 55; F. Seesselberg. Die Früeh-Mittelalterliche Kunst der Germanischen Voelker. Berlin, 1897, стр. 81). Они были, как правило, трехэтажными и приспособленными к обороне. Основное их отличие от смоленской ротонды — наличие апсиды.

[67] Kronika Jana z Czarnkowa, стр. 7. — Все замки, построенные королем Казимиром, действительно имеют башни (B. Guerquin. Zamek Jazłowiecki. Studia i materiały do teorii i historii architektury i urbanistyki, t. II, Warszawa, 1960, стр. 98, прим. 89).

[68] R. Gürtler. Roboty konserwatorskie na górze zamkowej w Nowogródku. Ochrona zabytków sztuki, 1930—1931, стр. 183.

[69] Было высказано совершенно необоснованное предположение, что крепость в Новогрудке относится к XIII в. (Ю. Егоров. Градостроительство Белоруссии, стр. 23). В действительности кирпичная крепость была построена в конце XV или даже в начале XVI в. (R. Gürtler. Roboty konserwatorskie..., стр. 188).

должно было быть более мощным. Поэтому при устройстве въезда, проходящего сквозь вал, ворота, по-видимому, почти всегда устраивались в виде башни. Надвратная башня никогда не называлась в письменных источниках башней, а всегда просто воротами. Она не отмечена никакими земляными остатками на городищах, так как возвышалась над воротным проездом. Тем не менее на основании целого ряда косвенных данных

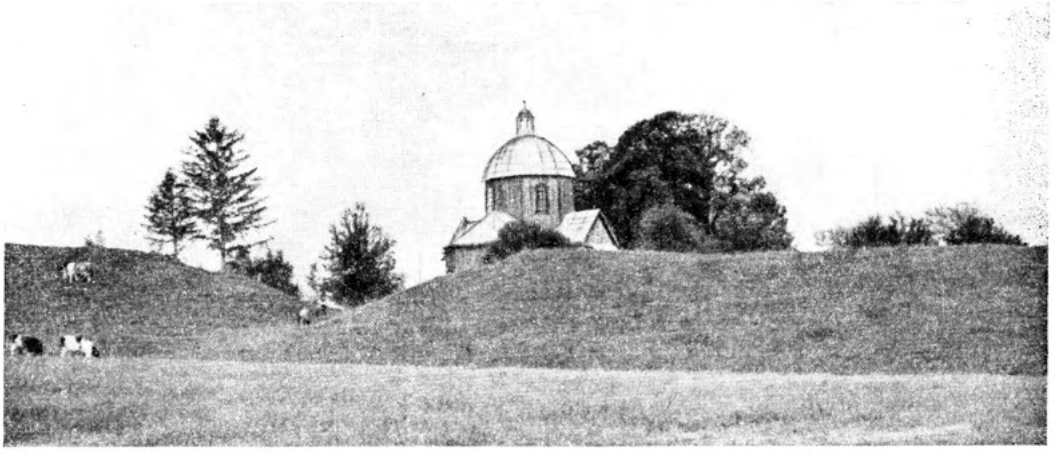

Рис. 145. Въезд на детинец городища Ступница.

можно быть почти полностью уверенным, что ворота действительно большей частью имели башнеобразный характер.[70] Можно предполагать, что внутри воротной башни, над проездом, находился боевой настил, подобный тому, какой существовал в Золотых Воротах Киева и Владимира. Такой настил обеспечивал возможность поражения сверху во время прохода противника через ворота.

Иногда въезды в укрепленные поселения имели гораздо более сложный характер. На Белёвском городище перед воротным проездом видна небольшая гряда, возвышающаяся над рвом (рис. 39). По-видимому, она служила как бы промежуточной площадкой для проезда через ров, поскольку сам этот ров имел очень большую ширину — более 25 м. Вероятно, деревянный мост вел снаружи через ров на эту промежуточную площадку, затем дорога шла по гряде и, наконец, по второму, очень короткому мосту к воротной башне.

Еще значительно сложнее въезд на городище Лиственн (рис. 64, 146). Въезд в детинец в Лиственне находится не с напольной стороны, а, наоборот, на самом конце мыса. Здесь, вероятно, стояла воротная башня, которая благодаря своему расположению на месте, откуда открывается широкий обзор, могла одновременно играть роль наблюдательного пункта. Подход к воротам со стороны мыса затруднителен, так как идет по крутому склону. Очевидно, основной путь шел не отсюда, а с наполья и вел вдоль боковой стороны детинца, по-видимому, по дну рва. Поэтому для въезда в ров с напольной стороны был сделан специальный проход, прикрытый снаружи треугольной земляной насыпью, на которой, вероятно, стояла какая-то оборонительная конструкция. Средний и внешний валы городища имеют обычные воротные проезды, однако средний вал, кроме того, имеет в южной части второй въезд. Этот дополнительный въезд укреплен башней, о существовании которой можно судить по сохранившемуся круглому холму. Башня стояла перед воротами, по наружную сторону рва. Такая защита ворот с помощью выдвинутой вперед башни может быть отмечена и на южном въезде городища Посников (рис. 54). Безопасность ворот здесь еще усиливалась тем, что подход к самой башне был возможен только с запада по

[70] Подробнее об этом см.: П. Раппопорт. 1) Очерки I, стр. 132; 2) Очерки II, стр. 149.

узкой гряде, тянущейся вдоль стены крепости.

Расположение башни рядом с воротами обеспечивало дополнительную защиту данных ворот. При наличии башни сами ворота могли быть менее защищенными и не иметь башнеобразного характера. Однако в таких случаях башня, как правило, стояла не перед воротами, а на валу рядом с ними.

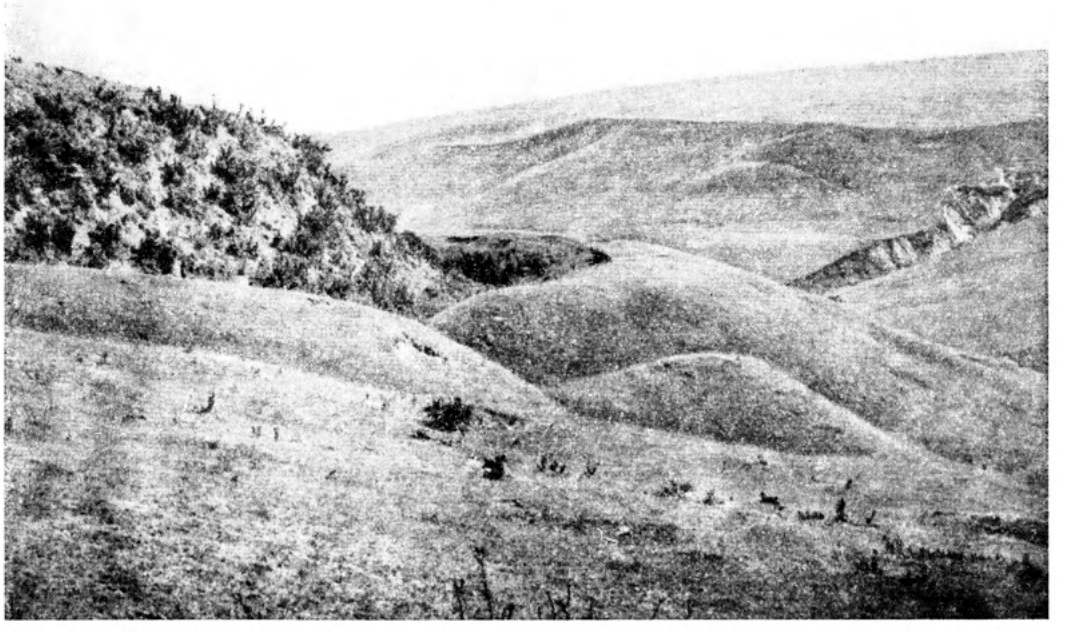

Рис. 146. Въезд в ров на городище Листвин.

Именно так была, например, расположена башня на городище Олешков (рис. 13). С холма, являющегося остатками этой башни, открывается настолько хороший обзор, что башня явно должна была совмещать функции защиты ворот и наблюдательного пункта. Очень вероятно, что именно поэтому, чтобы не строить в крепости двух башен, въезд был расположен почти на самом краю берегового плато. Почти совершенно также была расположена башня в детинце Сутейска (рис. 66).[71] Еще один пример почти полного повторения такого приема — северный въезд на городище Посников, где округлая площадка, явно предназначенная для установки башни, также непосредственно примыкает сбоку к воротному проезду (рис. 147).

При раскопках детинца в Минске удалось обнаружить несколько нижних венцов башни, стоявшей рядом с проездом.[72] Размер сруба точно не установлен, но, видимо, он был несколько менее 4.5 м в длину; внутри нижняя часть башни была засыпана песком. Башня в данном случае могла стоять по одну сторону ворот, т. е. так же, как и в Олешкове, Сутейске, Посникове. Однако Э. М. Загорульский, производивший раскопки в Минске, высказал предположение, что по другую сторону ворот могла стоять вторая, симметричная башня (рис. 148). Такое предположение вполне возможно. В некоторых случаях башни, видимо, действительно размещали по обе стороны ворот, что, конечно, еще более повышало безопасность и обороноспособность въезда.

Следует отметить, что во всех наиболее крупных городах Западной Руси воротные

[71] Z. Wartolowska. Gród czerwieński Sutiejsk..., стр. 88.

[72] Э. М. Загорульский. Древний Минск, стр. 30.

Рис. 147. Площадка башни у северного въезда на городище Посников.

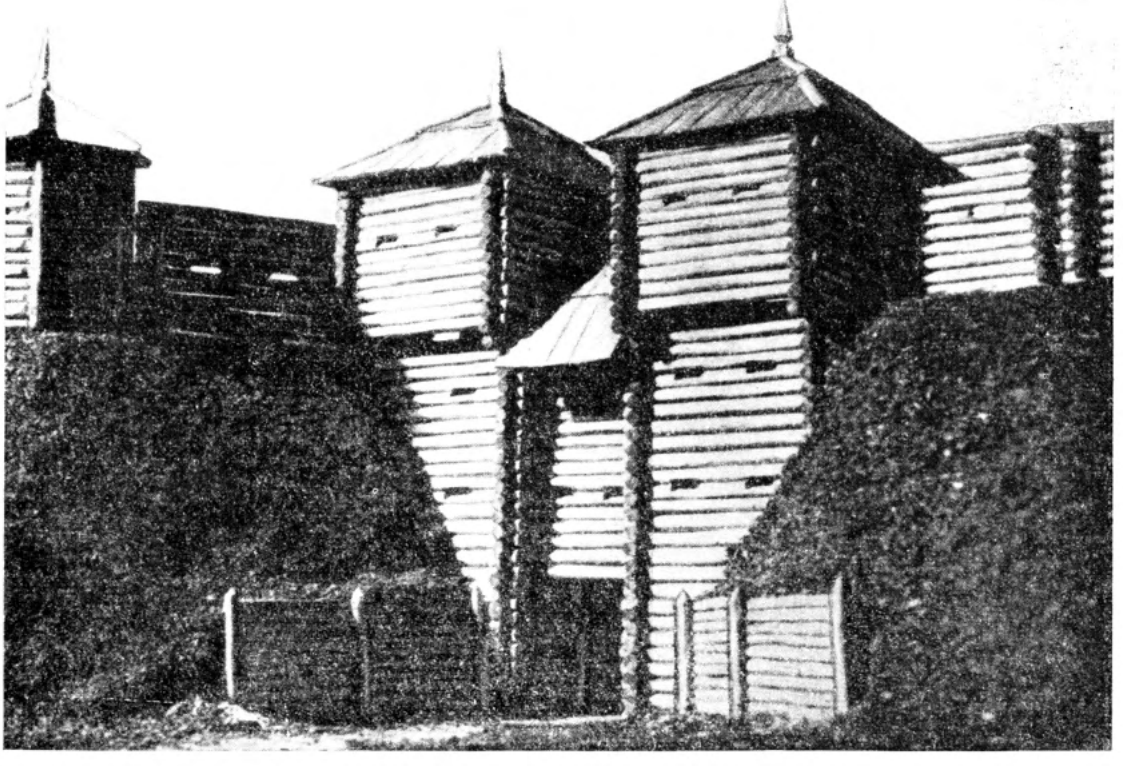

Рис. 148. Ворота древнего Минска. Реконструкция Э. М. Загорульского.

проезды устроены очень просто и не имеют ни дополнительных башен, ни каких-либо других укреплений.[73] При этом в крупных городах всегда было несколько ворот, каждые со своим собственным наименованием. Из случайных упоминаний в летописи известно, что во Владимире-Волынском существовали Гридшины и Киевские ворота,[74] а в Галиче — Немецкие ворота.[75]

Археологическими раскопками до сих пор изучен лишь один пример въездного устройства — на городище Судовая Вишня.[76] Проезд был расположен в западной части городища и ограничен по сторонам рядами вбитых в землю столбов диаметром от 10 до 20 см. Столбы были забиты вплотную один к другому, по типу частокола. Ширина проезда между двумя рядами столбов оказалась неодинаковой: с внутренней стороны крепости около 2.8 м, а снаружи значительно шире — до 4 м. На одной из сторон проезда, в его средней части, столбы образовывали довольно большую полукруглую нишу. С наружной стороны проезд упирался в ров; здесь, очевидно, должен был находиться мост.

* * *

В подавляющем большинстве укреплений перед валом расположен ров. Естественно поэтому, что перед проездом должно было существовать какое-то устройство для перехода через ров. Далеко не всегда это был мост; на очень многих городищах проход осуществлялся по узкой земляной насыпи. В ряде случаев древность подобных насыпей не вызывает сомнений, так как городища никак не использовались в более позднее время и не носят никаких следов позднейших переделок. Примеры таких земляных перемычек известны на многих волынских городищах — Волица Стубельская, Острожец, Посников, Одерады, Муравица и др. (рис. 149). Изредка такие перемычки до сих пор имеют поверху проход на уровне проезда в валу; в большинстве же случаев они осели и иногда лишь незначительно возвышаются над дном рва. Ширина прохода по таким перемычкам невелика, — как правило, не более 2—3 м.

Очень часто перед проездом в валу нет никаких переходов через ров. Несомненно, что здесь существовали деревянные мосты. О конструкции мостов в укреплениях западнорусских земель нет ни археологических, ни письменных сведений. По-видимому, как и в других районах древней Руси, мосты были в основном постоянными, а не подъемными. Подъемный мост в русских письменных источниках домонгольского времени упоминается лишь один раз — в 1229 г. в польском городе Калише войска князя Даниила «возводный мост и жеравець вожьгоша».[77] Эта очень короткая фраза летописи, не имеющая никаких пояснений, свидетельствует, что подъемные мосты не были чем-то совершенно необычным для русского летописца. Очень возможно, что такие мосты иногда употреблялись и на Руси. В ряде русских летописей отмечается, что защитники городов, желая затруднить противнику проход к воротам, «отсекали» или «переметывали» мост. Например, в 1259 г. монгольский полководец Куремса не смог взять Луцк, так как он «хотяше мост приати, гражаном же отсекшим мост».[78] Что означал в древнерусском языке термин *отсечь мост*, неясно; может быть, он относился к подъемным устройствам.

Позже, в XIV в., подъемные мосты упоминаются уже и на русской территории. Например, в описи, сделанной в 1545 г., говорится о подъемных мостах в Верхнем и Нижнем замках Луцка, причем относительно моста в Верхний замок специально

---

[73] В литературе неоднократно упоминались 3 башни, укреплявшие въезд в окольный город Галича. Это утверждение основывается на работе Л. Чачковского и Я. Хмелевского (Л. Чачковський и Я. Хмілевський. Княжий Галич. Станислав, 1938). Обследование показало, что никаких холмов, на которых якобы стояли башни, перед воротами окольного города нет (П. Раппопорт. Отчет 1962 г.). Точно так же большая круглая насыпь на площадке окольного города — несомненно курган, а не основание башни.

[74] Ипатьевская лет., 1157 (6665) г.

[75] Там же, 1235 (6743) г. — Польский хронист Длугош упоминает о наличии в Галиче «porta castri inferior», т. е., видимо, ворот окольного города (И. Шараневич. Стародавный Галич. Зоря Галицкая яко Альбум на год 1860, Львов, стр. 297).

[76] О. О. Ратич. До питання про розташування і оборонні споруди древньоруських городів південно-західної Руси, стр. 126.

[77] Ипатьевская лет., 6737 г.

[78] Там же, 6767 г.

оговорено, что «замóк, которым взвод замыкают, еще Любартов есть».[79] Отсюда следует, что подъемный мост детинца в Луцке был сооружен во времена Любарта, т. е. в середине XIV в. Несколько позже, в 1418 г., когда князь Острожский внезапно захватил Кременец, его союзники, находившиеся в городе, по договоренности с ним «оу

4

Проблема водоснабжения — одна из важнейших задач, стоявших перед строителями древнерусских крепостей. В письменных источниках неоднократно в качестве одной из причин капитуляции городов после длительной осады называется голод и жажда. Однако

Рис. 149. Въезд на городище Острожец.

города оузвод отсекли и мост положили».[80]

В тех случаях, когда крепость была окружена труднопроходимыми болотами, приходилось сооружать не только мосты через рвы, но и помосты через болота. Так, при археологическом обследовании окрестностей древнего Червеня были обнаружены следы деревянных помостов через заболоченную низину.[81] Длина этих помостов до 350 м, ширина около 4 м.

заготовить продовольствие на случай осады было легче, чем воду. Поэтому наличие источника воды на территории самого укрепленного поселения значительно усиливало его обороноспособность.

Следы древних колодцев часто встречаются при археологическом обследовании городищ. После того как укрепленные поселения были заброшены, колодцы в них осыпались, их деревянные срубы сгнили, и на месте колодцев образовывались ямы правильной воронкообразной формы. Обычно они имеют примерно 10 м в диаметре и глубину от 1 до 3 м. Встречаются ямы и гораздо более крупные — диаметром до 20 м и глубиной до 6 м. Примером такой очень большой ямы от колодца является яма на городище Листвин (рис. 150).

---

[79] Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, т. 4. Киев, 1859, отд. 2, стр. 70.

[80] Летописец великих князей литовских. ПСРЛ, т. 17, СПб., 1907, стлб. 99.

[81] K. Jaźdźewski. Ogólne wiadomości, o Czermnie—Czerwieniu, стр. 73.

Трудно сказать, говорит ли это о каких-то местных традициях в организации водоснабжения или же отражает лишь степень изученности памятников, но ямы от колодцев на галицких городищах пока были обнаружены лишь один раз (Судовая Вишня), на волынских — довольно часто. Своеобразный прием размещения колодца — около воротного проезда — можно отметить на территории Черв XIII в. Так, в Холме «стюденец, рекомый кладязь», имел глубину 35 сажен.[83]

При археологических раскопках был вскрыт колодец в Сутейске.[84] Пятно колодца имело круглую форму. Верхний его диаметр равен 8 м, глубина около 16 м. Следов деревянного сруба не сохранилось. По-видимому, колодец был сооружен вместе с основанием крепости, т. е. в первой половине XI в.

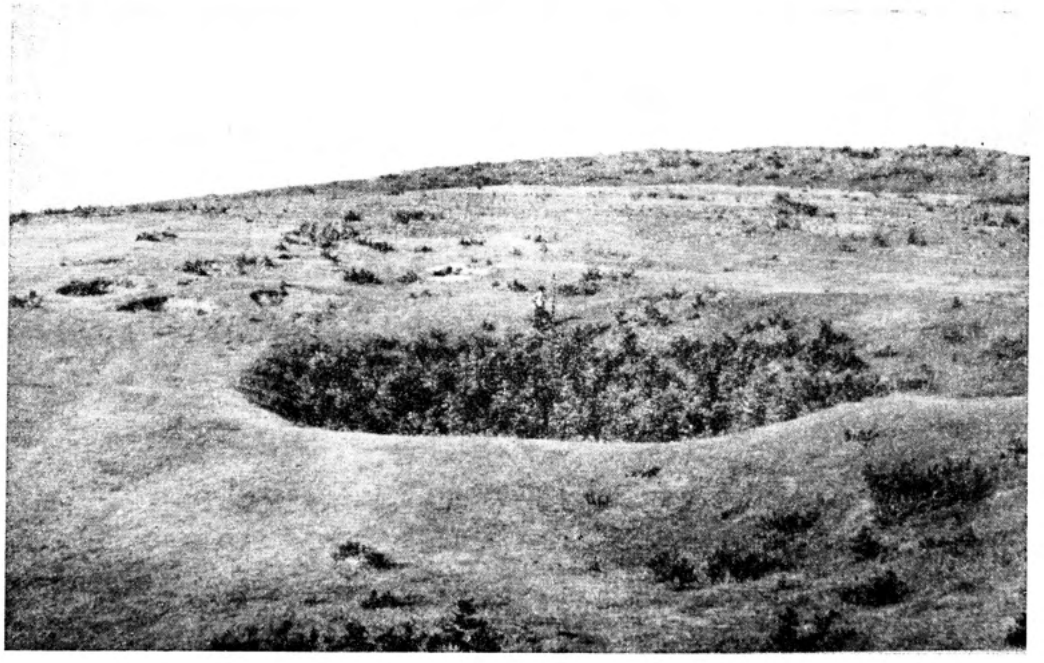

Рис. 150. Остатки колодца на городище Листвин.

ной Руси в городищах Индура и Муравельник.

В нескольких случаях ямы от колодцев обнаружены на городищах, площадки которых лежат на значительной высоте над окружащей местностью, например в городах Данилове и Стожке. Здесь колодцы должны были иметь большую глубину. Известно, что в крепости Кременец в XVI в. колодец был доведен до глубины 40 сажен, но воды так и не достиг; поэтому здесь было сделано специальное водохранилище.[82] Из письменных источников известно о существовании колодцев очень большой глубины также и

Своеобразный метод водоснабжения можно отметить на некоторых городищах в пограничных со степью районах. Так, например, на Екимауцком городище на самой укрепленной площадке был расположен водоем, питаемый водой из источника.[85] На городище Ястрембиха источник также находился на территории укрепленного поселе-

[82] Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, стр. 211.

[83] Ипатьевская лет., 1259 (6764) г. — Если исходить из предположения, что сажень XIII в. была равна 3 локтям (т. е. $^2/_3$ позднейшей сажени), то глубина колодца в Холме будет почти 50 м.

[84] Z. Wartolowska. Gród czerwieński Sutiejsk..., стр. 74.

[85] Г. Б. Щукин. Городище Екимауцы в Молдавии, стр. 8.

ния.[86] Поскольку городище расположено на склоне, вода этого источника стекала, образуя небольшой ручей, впадающий в речку, протекающую вблизи городища, несколько ниже него. Для пропуска ручья в валу имеется специальный перерыв, видимо, одновременно служивший и въездом в крепость. Источники, расположенные на территории укрепления, известны еще на нескольких городищах Нижнего Поднестровья.

[86] Д. Т. Березовец. Розвідка у верхів'ях р. Південного Бугу. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 214.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ

I. ТАКТИКА ОСАДЫ И ОБОРОНЫ

1

Задача, которую ставили перед собой строители оборонительных сооружений, заключалась в следующем: обеспечить наиболее благоприятные условия для защитников, дающие возможность обороняться в укрепленном поселении от количественно превосходящих сил противника, создать им преимущества перед нападающими. Эта задача хорошо сформулирована в русском сочинении по военному искусству, относящемся к началу XVIII в.: «Архитектура военная есть то, чтобы зделать город такой, в котором городе людям сидеть малым, и чтоб люди могли боронить город и себя из того города от многих неприятелей».[1]

Выполнение поставленной задачи могло быть достигнуто различными способами, однако все они включали два обязательных элемента: 1) создание укрытий для защитников, откуда они могли бы поражать врага, находясь сами в большей или меньшей безопасности; 2) создание препятствий для противника, расположенных так, чтобы затруднить проникновение внутрь укрепления и задержать нападающих на простреливаемом защитниками участке.

Конечно, конкретные способы, которыми достигали указанных целей, т. е. инженерная организация обороны, в различные исторические периоды были совершенно иными. Это зависело от сил и средств защитников, а особенно от сил, средств и тактики врагов. Принятая в данной исторической обстановке тактика осады укреплений в значительной степени предопределяла тактику обороны. К этому следует добавить, что вплоть до XIII в. на Руси большинство сражений вообще проводилось не за овладение городами, а имело характер полевого боя.[2] Однако общее преобладание в древней Руси полевого боя, конечно, не означает, что укрепления имели малое значение.

На территории западнорусских земель массовое оборонительное строительство началось в X в., и лишь очень немногие укрепления относятся к более раннему времени. Оборонительные сооружения X в. были предназначены для защиты от врагов, не обладавших осадной техникой и пользовавшихся в основном одним приемом захвата крепостей — внезапным налетом (*изгоном* или *изъездом*). Это относится в равной мере как к балтийским племенам лесной зоны северо-западных районов, так и к степным кочевникам юга. Впрочем, собираясь в значительные массы, кочевники иногда переходили и к более систематической осаде, пассивной блокаде крепостей — *облежанию*.[3] Такое облежание рисует летописец при осаде печенегами Киева в 968 г. и Белгорода в 997 г.

В условиях, когда враги пользовались для захвата городов изгоном и частично облежанием, на территории Киевской земли преоб-

[1] Н. Обручев. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год. СПб., 1853, стр. 112.

[2] А. Н. Кирпичников. Метательная артиллерия древней Руси. Метательная артиллерия и оборонительные сооружения древней Руси. МИА, № 77, 1958, стр. 12.

[3] Более подробно об этом см.: П. Раппопорт. Очерки I, стр. 148.

ладал мысовой тип укреплений. В более северных районах Руси, где были иные природно-географические условия, строили укрепления островного типа. Таким образом, как на юге, так и на севере безраздельно господствовали укрепления, полностью подчиненные рельефу местности. На западе самые ранние укрепления уже относятся к двум различным категориям: наряду с укреплениями, полностью зависящими от защитных свойств рельефа, строят круглые укрепления на плоской местности. Это существенное отличие, очевидно, связано с тем, что в западнорусских землях существовали свои, особые военно-инженерные традиции. С точки же зрения тактической организации обороны разницы между данными группами укреплений нет. Как круглые крепости на равнине, так и крепости, подчиненные рельефу, в этот период были приспособлены к обороне с помощью фронтальной стрельбы, т. е. направленной вперед от крепостных стен. Система защиты крепости исключительно фронтальной стрельбой наиболее целесообразна именно при отражении изгона или облежания. В обоих этих случаях прямая стрельба с городских стен в сторону противника должна была заставить его держаться на почтительном расстоянии от крепости. Поскольку нападающие не применяли никаких технических средств штурма, другой вид стрельбы — фланкирующий, более действенный при отражении штурма, не был нужен.

При наличии пересеченного рельефа, сильной заболоченности или холмисто-моренного ландшафта обычно строили укрепления островного или мысового типов. На плоской равнине естественным эквивалентом этим типам были круглые крепости. Они были, конечно, несколько более трудоемки при строительстве, так как валы и рвы приходилось сооружать по всему периметру. Однако вместе с тем круглые крепости обладали и целым рядом преимуществ — создавали благоприятные условия для ведения фронтального обстрела во всех направлениях и, будучи расположены на равнине, хорошо защищали от внезапного, скрытого подхода врагов. Преимущества круглых крепостей привели к их широкому распространению по всей Русской земле во второй половине XI—XII в., т. е. в пору полного преобладания тактики облежания.[4]

В XI в. организованная, но пассивная блокада — облежание — становится преобладающим методом захвата городов на всей территории Руси, в том числе и в западных районах. Основной смысл облежания хорошо выражен в «Слове Иоанна Златоуста о посте» из сборника «Златая цепь»: «Егда хощеть князь приати град противных, то переже отемлють оу них воду и брашна и си изнемогше от голода и жажи и предаються в руце его».[5]

Для длительной осады необходимо было иметь более крупную и организованную армию, чем для внезапного набега — изгона. Именно это и характерно для западных соседей Руси в XI в., когда сложилось сильное Польское государство.

В письменных источниках неоднократно упоминаются длительные осады хорошо укрепленных городов в западнорусских землях. Так, в 1070—1071 гг. польский король Болеслав взял несколько городов по р. Сан, в том числе основной оплот русских — Перемышль. Как отметил польский хронист Длугош, город этот был сильно укреплен глубокими рвами, высокими валами «и множеством собравшихся туда людей».[6] С севера город был защищен р. Сан, сильно разлившейся в том году. После длительного облежания горожане, однако, были принуждены к сдаче голодом и жаждой.

Расположение западнорусских городищ XI в. на местности показывает, что роль естественных оборонительных рубежей в этот период была по-прежнему очень велика.[7] При этом особое значение играли реки, озера, болота, т. е. водные преграды. О том, насколько в древности был защищен со всех сторон водой Луцк, можно судить даже по сохранившейся народной поговорке: «В том Луцку

[4] См., например: П. Раппопорт. Очерки II, стр. 163.

[5] Ф. Буслаев. Историческая христоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 489. «Слове Иоанна Златоуста» находится в сборнике XIV в., восходящем к XI в. (там же, стр. 510).

[6] К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868, стр. 124; A. Kunysz. Przemyśl wczesnodziejowy. Rocznik wojewòdztwa Rzeszowskiego, r. II (1959), z. 1 (3), Rzeszòw, 1960, стр. 37, 47.

[7] Такая же картина имела место в это время и в Польше, как об этом свидетельствуют польские письменные источники (A. Nadolski, W. Sulikowska. Budownictwo obronne Polski wczesnofeudalnej w świetle źródel pisanych. Zeszyty naukowe uniwersytetu Lódzkiego. Nauki humanistyczno-społeczne, ser. I, z. 7, Łódz, 1957, стр. 127).

все не по-людску; на околь вода, а в середине беда».[8]

Но если в предшествующий период дополнением к естественным оборонительным рубежам служили искусственные укрепления очень небольшой мощности, то с конца X в. роль искусственных частей оборонительной системы становится более существенной. Как бы хорошо город ни был защищен рекой или болотом, его площадку, как правило, окружали валом, на который ставили срубную стену. Заметное увеличение мощности валов безусловно свидетельствует о повышении в XI в. роли искусственных укреплений. Однако в отличие от всех остальных районов Руси, где плановая схема продолжала быть тесно связанной с естественными оборонительными рубежами, в Западной Руси наряду с островными и мысовыми сооружали также крепости, расположенные на равнине и имеющие заранее заданную геометрическую форму. Особенно характерна в этом отношении территория Волыни, на которой очень распространенным становится «волынский тип» планировки крепостей. Тщательное обследование валов городищ «волынского типа» показало, что на их углах не было башен. В тех случаях, когда следы башен удавалось установить, они всегда оказывались связанными с защитой въездов. Таким образом, несомненно, что прямолинейность сторон таких городищ и наличие четких прямых углов никак не связаны с фланкирующей стрельбой. Очевидно, крепости «волынского типа», как и круглые, были приспособлены для защиты исключительно фронтальной стрельбой. Следовательно, система стрельбы в таких крепостях была вполне аналогична круглым, а их своеобразная форма объясняется иными инженерными традициями, а не иной тактической схемой обороны.

XII век не принес коренных изменений в отношении тактики осады и обороны крепостей. Достаточно детальное описание осад западнорусских городов, приводимое в Ипатьевской летописи, показывает, что тактика в этот период совершенствуется и осады становятся более организованными, однако характер их остается прежним. Взять город стремились внезапным изъездом, а если это не удавалось — длительным облежанием. Прямой штурм крепостей — *взятие копьем* — в XII в. продолжал оставаться редким явлением, каждый раз объясняемым конкретными причинами: слабостью гарнизона, неподготовленностью города к обороне и т. д.

Характерный пример такой тактики — борьба в середине XII в. за крупнейший центр Погорынья Пересопницу между волынским князем Изяславом и Юрием Долгоруким. Изяславу однажды удалось внезапно захватить Пересопницу, которую защищал тогда сын Юрия Глеб. Однако Юрий вновь отбил город и посадил в нем своего другого сына, Андрея. В 1150 г. Изяслав прислал к Андрею посла, который имел тайное поручение выяснить подготовленность города к обороне, «розирая наряд его и како город стоить».[9] Узнав, что город подготовлен к обороне, Изяслав не решился на нападение.

В связи с тем, что первая попытка захвата города всегда носила характер изъезда, очень большую роль в обороне играли ворота. Об этом совершенно единогласно свидетельствуют как русские, так и польские письменные источники.[10]

В дополнение к более организованной системе осады в XII в. появляются и новые виды оружия. Уже с начала XII в. в Польше наряду с луком начинают применять арбалеты. Вскоре это оружие (под названием *самострел*) появляется и на Руси. В XII в. в Польше постепенно входят в употребление камнеметные машины.[11] Усиление осадных средств, естественно, вызвало рост и укрепление оборонительных сооружений. Так, в XII в. можно отметить строительство очень мощных валов, более широкое применение многорядных линий валов и рвов и т. д.

Очень характерно для XII в. широкое распространение по всей древнерусской территории круглых крепостей, которые ранее применялись лишь в западнорусских землях. Распространение круглых крепостей, оче-

[8] Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznyn i statystycznym opisana przez M. Balińskiego i T. Lipińskiego, t. II, Warszawa, 1845, стр. 833.

[9] Ипатьевская лет., 6658 г. — Под термином *наряд* понимается совокупность защитного вооружения и оборонительных средств крепости.

[10] См., например: A. Nadolski, W. Sulikowska. Budownictwo obronne Polski..., стр. 135; B. Miśkiewicz. Studia nad obroną polskiej granicy zachodniej w okresie wcześnofeudalnym. Poznań, 1961, стр. 60.

[11] A. F. Grabski. Polska sztuka wojenna w okresie wczesno-feudalnym. Warszawa, 1959, стр. 234.

видно, связано с тем, что этот тип оказался наиболее точно соответствующим условиям круговой обороны с помощью фронтального обстрела, которая в свою очередь сложилась под влиянием тактики пассивной осады.

2

В течение всего XII в., а затем в первой половине XIII в. в западнорусских землях шел процесс постепенного изменения тактических принципов осады и обороны. На ускоренный ход этого процесса несомненно воздействовали почти непрерывные войны и сражения, которыми полна история Западной Руси в рассматриваемое время.

Уже в середине XII в. во время войны волынского князя Изяслава с коалицией галицкого и суздальского князей летописец неоднократно упоминает осады и взятия русских городов. Особенно часто осаждали города на рубеже XII и XIII вв. и в начале XIII в., во время многочисленных феодальных междоусобиц. Недаром же летописец под 1227 г. помещает заголовок, прекрасно характеризующий эту беспокойную эпоху: «Начнемь же сказати бесчисленыя рати и великыя труды, и частыя войны, и многие крамолы, и частыя восстания, и многия мятежи».[12]

Осаждали западнорусские города не только войска русских князей, но и иноземные армии. Письменные источники отмечают вторжения польских и венгерских войск в Галицкую и Волынскую земли, литовцев в Черную Русь и северные районы Волыни.

Во время этих многочисленных военных столкновений все более совершенствуется и разрабатывается тактика осады городов. Она связана также с дальнейшим развитием военной техники.[13] Уже в XII в. наряду с луками начинают применять самострелы, а с начала XIII в. на Руси появляются камнеметные машины. Осада становится более активной, все чаще для захвата крепостей прибегают к штурму. Эта тенденция, проявившаяся уже во второй половине XII в., постепенно становится ведущей, и в первой половине XIII в. штурм — уже важнейший тактический прием осады.

Когда в 1229 г. Даниил Галицкий осаждал Калиш, первый штурм оказался неудачным, так как вокруг города были «вода и сильная лозина и вербье».[14] Поэтому штурмующие не смогли согласовать свои действия: когда один отряд наступал, другой, наоборот, отходил. На другой день решили штурмовать город там, где «несть воды, ни гребле высоки». Таким образом, судя по тексту летописи, даже неудача штурма не заставила русские войска перейти к облежанию. Видимо, Даниил считал штурм основным приемом осады.

Для обеспечения штурма начали применять специальные технические средства. Так, рвы заваливали вязанками хвороста (*примёт*). По этому хворосту можно было перейти ров даже без моста, а, кроме того, примётом можно было поджечь крепостные стены. Например, в 1254 г., осаждая чешский город Глубичичи, князь Даниил хотел поджечь его с помощью примёта: «Хотяху взяти град примётом; ветру же напрасно веющу на град, а град же елинью створен быст и греблю малу видяще».[15] Поджечь стены не удалось, так как защитники города заранее сожгли весь хворост и солому в ближайших окрестностях.

Для подъема на городские стены стали применять легкие приставные лестницы, кроме того, сооружали специальные укрытия для осаждающих — *лесы*.[16]

Основным оружием, поддерживавшим и обеспечивавшим штурм, стали камнеметные машины, по древнерусской терминологии — *пороки*. Стрельба с городских стен была основным средством защиты крепости; именно стрельба не позволяла осаждающим приблизиться вплотную к крепостным стенам и взобраться на них. С помощью камнеметов стрельбу можно было парализовать. Для этого стремились ударами камней из камнеметов разрушить участок стены или хотя бы сбить с него защитный брустверь, разрушить *заборола*, лишив защитников прикрытия. За-

---

[12] Ипатьевская лет., 6735 г.

[13] Следует отметить, что осадная техника X—XIII вв. не имела прямой связи с античной военной техникой, дожившей в Византии до VI в. (см., например: С. Н. Бобчев. Крепостните кули с издаден остър ръб и значението им за укрепяването на античните градове. Известия на археологическия институт, т. XXIV, София, 1961, стр. 142; E. Sander. Der Belagerungskrieg im Mittelalter. Historische Zeitschrift, Bd. 165, H. I, München, 1941, стр. 103).

[14] Ипатьевская лет., 6737 г.

[15] Там же, 6762 г.

[16] О технических средствах штурма более подробно см.: П. Раппопорт. Очерки II, стр. 161.

тем, осыпая разрушенный участок тучей стрел, можно было подавить на нем стрелковую оборону и этим обеспечить возможность форсирования крепостных стен. Таков был основной принцип штурма.

Без поддержки камнеметов штурм хорошо укрепленного города был возможен лишь при очень большом перевесе сил осаждающих. Но у камнеметов было одно слабое место — очень небольшая дальность действия. Камни, бросаемые камнеметами, могли причинить урон деревянным стенам на расстоянии всего до 100—150 м, т. е. не превышающем дальности выстрела из лука. При стрельбе по цели, стоявшей выше камнеметной машины, дальность боя резко сокращалась.[17] Если при облежании нападающие могли находиться на почтительном удалении от крепости, вне выстрелов с ее стен, то при проведении штурма, поддерживаемого камнеметами, они должны были располагаться на расстоянии не далее 100—150 м от стен, т. е. как раз в пределах, доступных для стрел защитников. Вокруг крепостей создавалась, таким образом, «зона боя», равная по ширине примерно 100 м.[18]

В условиях такой тактики осады старые типы крепостей были невыгодными. Крепости, имеющие в плане округлую форму, наиболее совершенные в условиях облежания, оказались в наихудшем положении. То обстоятельство, что они обеспечивали ведение кругового фронтального обстрела, уже не играло решающей роли, а сами эти крепости, расположенные на равнине, позволяли устанавливать перед их стенами камнеметы на любом участке периметра. Таким образом, круглые крепости оказались наименее защищенными в отношении штурма, и их вскоре перестали строить.[19]

Чтобы успешно защищаться в новой тактической обстановке, крепости следовало располагать так, чтобы перед их стенами ни с какой стороны нельзя было установить камнеметные машины. Для этого необходимо было выбрать естественно защищенный со всех сторон участок. Если это сделать не удавалось, то искали такие условия рельефа, при которых применение камнеметных машин было бы возможно на очень ограниченном, минимальном по протяженности отрезке. Тогда этот участок крепости можно было бы сильнее укрепить, создав здесь особенно мощные оборонительные рубежи.

Естественно, что не везде эти требования были осуществимы. Там, где укрепленные поселения уже существовали и нужно было считаться со сложившейся схемой обороны, старались максимально укрепить ту сторону, против которой осаждающие могли установить камнеметы, т. е. сторону, которая была бы наиболее опасной при штурме. Здесь углубляли рвы, насыпали более высокие валы, строили более прочные и более высокие стены. Можно было усиливать эту сторону крепостей и иначе — постройкой многорядной линии валов и рвов, отодвинутых друг от друга для создания более широкой заградительной полосы. Такой прием использован, например, в болоховских городах, возникших в конце XII—первой половине XIII в. Еще ярче такая система обороны представлена линией валов и рвов окольного города в Галиче. Три вала и три рва занимают здесь полосу шириной 92 м (рис. 127). Поскольку основная стена окольного города стояла на самом высоком, внутреннем, валу, противник вынужден был ставить камнеметы для разрушения этой стены не далее чем в 150 м от гребня внутреннего вала, т. е. не далее 60—70 м от наружного

[17] О камнеметах и тактике их применения см.: П. Раппопорт. 1) Очерки I, стр. 159; 2) Очерки II, стр. 160; А. Н. Кирпичников. Метательная артиллерия древней Руси, стр. 49.

[18] А. Н. Кирпичников. К вопросу об устройстве древнерусских метательных машин. Сб. исслед. и матер. Арт. истор. музея, вып. III, Л., 1958, стр. 408.

[19] В качестве примеров наиболее поздних круглых крепостей Северо-Восточной Руси, относящихся уже к XIII в., были приведены Торопец и Белоозеро (П. Раппопорт. Очерки II, стр. 22 и 164). Теперь необходимо ввести некоторые исправления. Прорезка вала Торопца, исполненная автором в 1956 г., показала, что в насыпи вала встречаются фрагменты керамики XII в. и, таким образом, существующие валы Торопецкой крепости были сооружены «во всяком случае не раньше XII в.» (П. Раппопорт. Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси. СА, 1959, № 1, стр. 120). На этом основании было выдвинуто предположение, что строительство крепости относится к началу XIII в. Проведенные позднее раскопки уточнили датировку и показали, что первоначальное сооружение валов относится к несколько более раннему времени, первой половине или даже началу XII в. (сведения любезно сообщены М. В. Малевской). Что же касается до крепости в Белоозере, то точная съемка валов городища показала, что оно имеет не круглую, а многоугольную форму, и, следовательно, существующие валы относятся, как это и предполагали раньше, к 1488 г.

оборонительного рва. В то же время защитники города, находившиеся за укрытием на наружном валу, могли стрелять по людям, обслуживающим камнеметы, на расстояние всего около 80 м. Получалось, что осаждающим приходилось вести стрельбу на вдвое более длинную дистанцию, чем защитникам.

Несомненно, что такой способ защиты давал возможность оборонять город даже против хорошо организованной армии, использующей камнеметные машины и другую военную технику. Но все же штурм такой системы укреплений был возможен; с большим или меньшим трудом, но форсировать можно было даже и многорядную линию обороны. Поэтому в тех случаях, когда в XIII в. строили совершенно новые города, их старались разместить на таких участках, где применение камнеметов вообще было совершенно невозможно. Самым надежным и самым простым решением было устройство крепостей на горах. Например, города Данилов и Истожек были основаны в начале XIII в. на высоких горах с крутыми склонами. При строительстве Кременца была выбрана гора, имеющая с одной стороны более пологий въезд; поэтому поперек этой горы пришлось отрыть ров. Однако высота горы настолько велика, а площадка по внешнюю сторону рва так узка и неудобна, что установить здесь камнеметы было практически невозможно. В северных районах Волыни, где гор нет, крепости ставили на острове среди болота, что также почти полностью исключало применение осаждающими военной техники. Так расположены, например, городки Ветлы и Рай.

Такая система устройства крепостей на естественно защищенных участках полностью себя оправдала. Когда в 1240—1241 гг. монгольские войска прошли через Западную Русь, они штурмом взяли все самые крупные города Галицкой и Волынской земель. Решающими факторами, обеспечившими успех монгольской армии, были численный перевес и хорошо разработанная тактика штурма, поддерживаемого большим количеством камнеметных машин. Летописец отметил, что против крепости Колодяжин монголы поставили 12 камнеметов и все же не смогли разбить ее стен, а русские, бежавшие от монголов в Саксонию, сообщали, что крепости Киевской земли монголы заняли с помощью 32 машин (может быть, здесь идет речь о штурме самого Киева?).[20] Но одолев крупнейшие русские города, монголы не смогли взять те несколько крепостей, которые были построены в начале XIII в. согласно новым тактическим принципам. Батый, «видив же Кремянець и град Данилов, яко невозможно приати ему, и отъиде от них».[21] Неудача монголов не была случайной. В 1255 г. они вновь не смогли взять Кременец: «Потом же Куремьса приде ко Кремянцю и воева около Кремянца... и не успевше ничто у Кремянца и възвратишася во станы своя».[22] В 1261 г. монгольский полководец Бурундай приказал русским князьям самим уничтожить те крепости, которых монголы более всего опасались. В перечне этих крепостей наряду с крупнейшими городами (Владимир-Волынский, Луцк) вновь упомянуты Данилов, Истожек, Кременец.[23]

О том, какое большое значение придавали монголы военной технике и особенно камнеметам, можно судить как по русским летописям, так и по восточным источникам. Об этом же писал и побывавший у монголов миссионер Плано Карпини. Он указывал, какие крепости надо строить против монголов: «Местоположение крепостей должно быть таково, чтобы их нельзя было завоевать орудиями и стрелами, чтобы у них было достаточно воды и дров, чтобы нельзя было, насколько возможно, пресечь к ним вход и выход и чтобы было достаточное количество лиц, могущих сражаться попеременно...» Плано Карпини особенно подчеркивает следующее: «И должно тщательно оберегаться, чтобы не позволять татарам выставлять свои машины, но отражать их своими машинами; и если случайно, при помощи какой-нибудь выдумки или какой-нибудь хитрости, татары выдвинут свои машины, то надо, если возможно, разрушать их своими машинами».[24]

Во второй половине XIII в. развитие военного зодчества в западнорусских землях происходило значительно интенсивнее, чем в Северо-Западной Руси, не говоря уже о Киевской земле, полностью разгромленной

---

[20] Ипатьевская лет., 6748 (1240) г.; G. Fejer. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis, t. IV, v. 1, Buda, 1829. стр. 212.

[21] Ипатьевская лет., 6748 (1240) г.

[22] Там же, 6763 г.

[23] Там же, 6769 г.

[24] Иоанн де Плано Карпини. История Монгалов. СПб., 1911, стр. 42.

во время монгольского вторжения. Конечно, и в Галицкой земле, и на Волыни монгольский удар принес неисчислимые бедствия. Однако восстановление городов на первых порах шло здесь быстрее, чем в других русских землях. Сообщая о восстановлении Холма после пожара, летописец отметил, что князь Даниил не восстановил здесь башни, так как был занят строительством других городов («бе бо грады иныя зиждай противу безбожным татаром»).[25] Несмотря на то что монголы порой заставляли русских князей самих уничтожать городские укрепления, строительство городов на Волыни продолжалось в течение всей второй половины XIII в. О градостроительной деятельности князя Владимира Васильковича летописец писал: «Князь же Володимер в княжении своем многы городы зруби, по отци своем, зруби Берестий и за Берестием зруби город на пустом месте, нарицаемем Льстне, и нарече имя ему Каменець...»[26]

Стремление усилить обороноспособность крепостей вело в это время развитие военно-инженерного искусства в двух направлениях — к дальнейшему росту значения естественных оборонительных рубежей и строительству каменных и кирпичных башен. Эти мощные башни мало страдали от ударов камней, метаемых машинами, и были практически неуязвимы для осадной техники того времени. Строительство каменных башен прежде всего усиливало пассивные защитные качества крепостей. Вместе с тем высоко поднимаясь над городом, башни обеспечивали защитникам возможность вести из самострелов прицельную стрельбу по осаждавшим и их камнеметам, обеспечивали возможность более интенсивной стрелковой обороны. То, что волынские каменные башни были предназначены для стрельбы, подтверждается многими письменными источниками. Подтверждается это назначение башен и наличием отверстий от балок боевого обхода, существовавшего в верхней части башни в Столпье, а также зубцами, которыми завершена башня в Каменце. Будучи центральным ядром обороны крепости, башни играли роль, аналогичную западноевропейским донжонам. Очень возможно, что их внутренние помещения были приспособлены для жилья на случай осады. Таким образом, башни эти по существу и были донжонами. Наличие в них раннеготических архитектурных деталей свидетельствует о заметном влиянии западных архитектурных форм.[27] Очевидно, вся группа волынских каменных и кирпичных башен-донжонов, построенных во второй половине XIII—первой половине XIV в., сложилась в теснейшей связи с военной архитектурой Запада и представляет собой своеобразное явление, в котором тесно переплелись русские и западноевропейские элементы. Факт этот легко объясняется спецификой политической обстановки, сложившейся в западнорусских землях после монгольского вторжения.[28]

Вместе с тем тактический смысл применения башен-донжонов безусловно отвечал принципам обороны, сформировавшимся в это время на Руси.[29]

Археологические открытия последнего времени (раскопки Б. А. Рыбакова во Вщиже и Любече) показали, что деревянные башни-донжоны, по-видимому, изредка применялись на Руси уже в XII в. Однако эти единичные случаи еще не оказывали существенного влияния на развитие схемы организации обороны. Во второй половине XIII в. в западнорусских землях дело обстояло совершенно иначе. Достаточно большое количество каменных и кирпичных башен (по письменным источникам и археологическим данным их известно во всяком случае не менее 8) говорит о том, что они имели большое значение в волынской военной архитектуре этого времени. И все же основная тенденция развития западнорусских крепостей была связана в первую очередь с дальнейшим усилением значения естественных оборонительных рубежей. Хорошим приме-

[25] Ипатьевская лет., 6767 (1259) г.
[26] Там же, 6796 (1288) г.

[27] Подробнее об архитектурных формах этих башен см.: П. А. Раппопорт. Волынские башни. МИА, № 31, 1952, стр. 209, 219.
[28] П. А. Раппопорт. Оборонительные сооружения Западной Волыни XIII—XIV вв. Światowit, t. XXIV, Warszawa, 1962, стр. 619.
[29] С этой точки зрения любопытно, что русский игумен Даниил, осматривавший Иерусалим в первой половине XII в., прекрасно понял военный смысл цитадели этого города. Он писал: «Столп Давидов... и есть тверд ко взятию, то есть голова всему граду тому» (Путешествие игумена Даниила по святой земле. Под ред. А. С. Норова. СПб., 1864, стр. 33). О самом Даниле и его возможной военной карьере см.: Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М., 1963, стр. 121.

ром может служить Кременец: эта мощная крепость, построенная на высокой горе, благодаря своей неприступности приобрела в XIV в. особое значение.[30] То же самое касается и Белза, о котором, описывая события 1377 г., Длугош писал, что он был очень сильно укреплен «более расположением, чем искусственно».[31]

Камнеметы можно было устанавливать против осажденной крепости не со всех сторон, а лишь там, где не было достаточно мощных естественных оборонительных рубежей. Поэтому сторона крепости, защищенная лишь искусственными оборонительными сооружениями (валами и рвами), т. е. напольная сторона, приобретала особо важное значение. Штурм можно было ожидать только отсюда, и естественно, что напольную сторону начали всемерно усиливать. Когда ранее существовавшие деревянно-земляные укрепления в конце XIII в. усиливали постройкой каменной башни, то эту башню ставили близ напольной стороны крепости, как это хорошо видно на примерах Гродно и Черторыйска.[32] Для того чтобы обеспечить успешный штурм укрепления, нападавшие должны были подавить с помощью камнеметов стрелковую оборону защитников. Но подавить стрельбу с каменной башни было значительно труднее, чем стрельбу с деревянной крепостной стены.

Дальнейшее логическое развитие принципов обороны, связанное с противодействием активной осаде, штурму, поддерживаемому камнеметами, привело к сложению «односторонней» схемы обороны крепостей. В крепостях такого типа большая часть периметра была надежно защищена естественными преградами (высокие склоны, реки и пр.) и лишь одна сторона не имела таких защитных рубежей. С этой, напольной, стороны (по древнерусской терминологии *приступная стена* или *стена с приступу*) были сосредоточены все оборонительные средства крепости — ров, вал, более мощные стены, основные стрелковые средства. Наконец, что особенно важно, по-иному начали ставить здесь и башни. Если раньше одну мощную башню-донжон строили близ напольной стены и этим обеспечивали возможность интенсивной стрельбы по пространству перед крепостными стенами, то теперь башни начали связывать со стенами так, чтобы с них можно было вести стрельбу не только вперед, но и вдоль наиболее угрожаемых участков стен, т. е. фланкировать эти стены. В момент штурма фланкирующая стрельба была наиболее действенной и наносила осаждающим наибольший ущерб.

Сложение «односторонних» крепостей с системой фланкирующего обстрела напольной стороны — большой шаг в развитии русского военно-инженерного искусства. Трудно сказать, когда именно сложилась эта схема организации обороны. Элементы «односторонности» присутствуют уже в некоторых крепостях XIII в. Еще яснее эта тенденция видна в Луцкой крепости. Однако даже и здесь сильно изогнутая напольная стена не дает возможности обеспечить на всем ее протяжении достаточно успешный фланкирующий обстрел. Наличие полностью сложившейся системы фланкирующего обстрела можно отметить только в памятниках середины XIV в. Таков, например, замок в Галиче. Прямолинейность его напольной стены и наличие на обоих ее концах башен безусловно свидетельствуют о том, что *приступная стена* замка была приспособлена для защиты с помощью фланкирующего обстрела. Замечательно, что совершенно аналогичная схема обороны сложилась в это же самое время, т. е. к середине XIV в., и в военном зодчестве Северо-Восточной Руси; характерными примерами могут служить

---

[30] На рубеже XIV—XV вв. захватить Кременец удалось только изменой [ПСРЛ, т. 17, СПб., 1907, стлб. 99 (Летописец великих князей литовских, Уваровский список)]. Даже значительно позже, в XVI в., при усилении оборонительных сооружений Кременца со стороны рва было отмечено: «Бо иншого приступу и шкодливого блиско прибою ни отколи в том замку нет...» (Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, т. 4. Киев, 1859, отд. 2, стр. 212).

[31] К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века, стр. 359.

[32] По-видимому, подобная картина имела место и в Польше. Почти аналогично Черторыйску расположена каменная башня в Ополе (B. Guerquin. Zamki Śląskie. Warszawa, 1957, стр. 65) и в ряде других пунктов Силезии во второй половине XIII в. (B. Guerquin. Problematyka architektury polskich zamków średniowiecznych. Kwartalnik architektury i urbanistyki, t. IV, z. 1—2, Warszawa, 1959, стр. 74). Примеры расположения башен второй половины XIII в. в системе обороны замков даны в работе О. Черпера (O. Czerner. Zamek w Bolkowie jako jeden z przykładów grupy średniowiecznych założeń obronnych z wieżą z ostrzem. Rozprawy Komisji Historii Sztuki WTN, t. III, Wrocław, 1963, стр. 346).

крепости в Старице (1366 г.) и Романове (вторая половина XIV в.).[33]

Другое характерное явление, которое можно отметить в западнорусском оборонительном строительстве середины XIV в., — это массовое появление каменных крепостей. Об этом совершенно единогласно свидетельствуют как сохранившиеся памятники, так и письменные источники.[34] Несомненно, что каменные оборонительные стены лучше выдерживали удары камней, метаемых камнеметами, и были безопасны с точки зрения поджога. В условиях тактики осады XIII—XIV вв. это давало им преимущества перед деревянными стенами. Недаром же башни-донжоны на Волыни строили также большей частью из кирпича и камня. О преимуществах каменных крепостей свидетельствуют и некоторые замечания в летописи. Например, в Ипатьевской летописи рассказывается о том, как в 1291 г. князь Лев, осаждая Краков, объезжал его кругом, чтобы подобрать место для штурма, «и не бысть мочно никуда же: весь бо бяше учинен от камени и утверженье его немало...»[35]

Очень возможно, что переход к строительству каменных крепостей именно в середине XIV в. связан не только с целесообразностью этого приема, но и с проникновением в Западную Русь польских военно-инженерных приемов; ведь первый этап строительства каменных крепостей в Галиции в значительной степени связан с деятельностью короля Казимира.[36]

Таким образом, в середине XIV в. в военном зодчестве западнорусских земель произошел перелом. Он совпал и даже, видимо, был в некоторой степени связан с переходом этих земель под власть Польши и Литвы. Однако основная причина коренного изменения тактической схемы обороны заключается все же во внутреннем развитии русского военного искусства и была подготовлена историей крепостного строительства второй половины XIII — первой половины XIV в.[37]

II. СТРАТЕГИЯ ОБОРОНЫ

1

Стратегическая организация обороны территории Русской земли и отдельных русских княжеств включает в себя множество различных проблем. Некоторые из них (проблемы политического и экономического характера) не могут быть детально рассмотрены в настоящей работе. Но одной из важнейших составных частей общей схемы организации обороны страны несомненно являлось строительство укреплений, т. е., употребляя современную терминологию, инженерная подготовка территории.

Роль оборонительных сооружений в обеспечении безопасности земли была чрезвычайно большой, а временами, быть может, даже решающей. Анализ этой стороны проблемы, основанный на изучении как самих памятников военного зодчества, так и особенно их размещения в различных районах страны, дает ценный материал для уточнения многих вопросов древнерусской истории.

* * *

Важнейшей военно-политической задачей Южной Руси в течение всего времени — от появления здесь первых славянских поселений и вплоть до XVIII в. — была оборона от степных кочевников. На границе со степью сравнительно короткие периоды относительной безопасности сменялись, как

[33] П. Раппопорт. Очерки II, стр. 50, 62, 168. О сложении «односторонней» схемы обороны см.: В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество. М., 1962, стр. 108, 183.

[34] См., например, сведения польских хронистов: Д. Зубрицкий. Аноним Гнезненский и Иоанн Длугош. Львов, 1855, стр. 21, 51, 69.

[35] Ипатьевская лет., 6799 г.

[36] B. Guerquin. Zamek Jazłowiecki. Studia i materiały do teorii i historii architektury i urbanistyki, t. II. Warszawa, 1960, стр. 132. — В Густынской летописи о короле Казимире сказано, что он «мурами многие грады омурова» (ПСРЛ, т. 2, СПб., 1843, стр. 350).

[37] Вопрос о роли огнестрельной артиллерии в настоящей работе не затрагивается, поскольку раньше 80-х годов XIV в. пушки в Западной Руси не могли появиться. Первое упоминание о пушках в Польше относится к 1383 г. (T. Nowak. Przegląd Polskiego piśmiennictwa z dziedziny artilerii do połowy XVII w. Studia i materiały do historii wojskowości, t. IV, Warszawa, 1958, стр. 247). На Руси пушки также начали применять в начале 80-х годов XIV в. (В. Б. Вилинбахов, А. Н. Кирпичников. К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси. Сб. исслед. и матер. Арт. ист.

правило, новыми опустошительными вторжениями кочевников, иногда ставившими под угрозу само существование населения южнорусских земель.

По-видимому, сравнительно безопасная обстановка сложилась на границе со степью в период проникновения сюда славян, т. е. приблизительно в V—VI вв. Об этом свидетельствуют неукрепленные поселения VI—VII вв., обнаруженные в среднем течении Южного Буга, на Тясмине и в других районах на границе лесостепи и степи.[38] Позднее положение изменилось, и славянские поселения VIII—IX вв. уже почти всегда были укрепленными.[39]

Оборонительные сооружения этого периода, состоявшие, как правило, из деревянного укрепления (типа частокола или забора), связанного с естественными защитными свойствами рельефа местности, были чрезвычайно примитивными. Это объясняется в первую очередь очень малыми экономическими возможностями, поскольку население каждого незначительного поселения должно было само, своими силами возводить оборонительные сооружения. В периоды интенсивного наступления кочевников подобные укрепления, конечно, не могли защитить обитателей поселения. Однако в то время, когда напор кочевников не был особенно сильным, даже очень примитивные укрепления все же оказывались достаточной защитой от набегов степняков, не умевших штурмовать крепости. Об этом свидетельствует прежде всего то обстоятельство, что именно в VIII—X вв. славянские поселения распространяются далеко на юг и юго-восток — происходит заселение славянами территории всего лесостепного Днепровского Левобережья, а отдельные их поселения доходят даже до Дона.[40] Большинство поселений этого времени укрепленные, хотя к ним обычно примыкают и неукрепленные; самостоятельные неукрепленные поселения встречаются довольно редко. В IX в. появляются славянские укрепленные поселения и на территории Нижнего Поднестровья.

С конца IX в. положение на южной границе занятой славянами территории становится более напряженным: усиливается натиск кочевников-печенегов. Многие славянские поселения были в это время захвачены и сожжены. Об этом свидетельствуют как материалы раскопок, так и письменные источники. Решающая битва с печенегами произошла непосредственно под стенами Киева «на месте, идеже есть ныне святая Софья... бе бо тогда поле вне града».[41] Постоянные вторжения кочевников, ставившие под угрозу безопасность самого стольного города, должны были заставить князей принимать решительные меры для защиты южнорусских земель. Создать на границе со степью непрерывную оборонительную ли-

---

музея, вып. 3, Л., 1958, стр. 243). Несколькими годами раньше, в 1377 г., русские впервые столкнулись с употреблением пушек ливонскими рыцарями (В. Б. Вилинбахов, М. Ф. Мурьянов. Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием. ВИ, 1960, № 8, стр. 219).

Попытка В. Б. Вилинбахова объяснить изменения крепостей в XIV в. влиянием огнестрельной артиллерии не может быть принята. (В. Б. Вилинбахов. Начальный период истории огнестрельного оружия на Руси. Автореф. дисс. Л., 1963). На стр. 13 его автореферата написано: «О том, что новгородцы очень рано познакомились с силой огнестрельного оружия, наглядно свидетельствуют обширные мероприятия по реконструкции крепостей, которые проводились в республике на протяжении XIV в. Уже в 1331 г. в самом Новгороде...» Однако еще на стр. 6 было указано, что русские впервые столкнулись с огнестрельной артиллерией лишь в 1377 г. Комментарии излишни!

Следует отметить, что даже прямоугольные в плане крепости, строительство которых в Литве ведется в конце XIV в., еще не были связаны своим происхождением с влиянием огнестрельной артиллерии (С. Абрамаускас. К вопросу генеза крепостных сооружений типа кастель в Литве. Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. Строительство и архитектура, III, № 3, Вильнюс, 1963, стр. 91).

[38] П. И. Хавлюк. 1) Антские поселения средней части Южного Побужья. Автореф. дисс. Л., 1962, стр. 4; 2) Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья. СА, 1961, № 3; Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, № 108, 1963, стр. 145.

[39] По-видимому, аналогичная картина имеет место и западнее, в Польше, где славянские укрепленные поселения появляются также в VIII в. (A. Żaki. Najstarsza architektura monumentalna Małopolski w świetle ostatnich badań archeologicznych. Sprawozdania z posiedzeń Komisji oddziału PAN w Krakowie. Lipiec—grudzień, 1961, стр. 516). В. Генсель относит появление славянских укрепленных поселений на юге Польши к несколько более раннему времени — к VI—VII вв. (W. Hensel. Polska przed tysiącem lat. Wrocław—Warszawa, 1960, стр. 141).

[40] И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.—Л., 1961, стр. 217; А. Н. Москаленко. Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона. Славянский сборник Воронежск. гос. унив. Выпуск исторический, т. 1, 1958.

[41] Ипатьевская лет., 6542 (1034) г.

нию, защищаемую специальным гарнизоном или хотя бы сторожевыми постами, было невозможно; административный аппарат раннефеодального государства не мог справиться с задачей, которая оказалась под силу лишь централизованному русскому государству в XVI в. Предположения о том, что в X—XI вв. Русская земля была прикрыта со стороны степей специальными пограничными линиями, остатками которых являются так называемые Змиевы валы, оказались ошибочными; Змиевы валы в действительности являются памятниками, не имеющими отношения к эпохе древней Руси.[42] В западнорусских землях также имеются длинные валы, однако территория, которую они защищают, никак не соответствует территории, занимаемой здесь Древнерусским государством. Так называемые Траяновы валы в Прутско-Днестровском междуречье оказались построенными или даже перестроенными не позже IV в.[43] Все предположения о том, что эти валы могли быть использованы в эпоху Киевской Руси, основываются только на аналогии со Змиевыми валами в районе Киева, которые якобы безусловно построены «для охраны степных границ Древнерусского государства».[44] Между тем Киевские валы в действительности также относятся к эпохе раннего железного века и не связаны с организацией обороны Русской земли.[45]

Единственной реальной возможностью укрепления южнорусских границ в эпоху раннефеодального государства было строительство укрепленных поселений — *городов*. Во время вражеских вторжений в таких укреплениях собиралось население не только самого этого поселения, но и близлежащих деревень. Только при наличии укреплений жители южнорусских земель могли чувствовать себя хотя бы в относительной безопасности.

Но укрепленные поселения играли еще и другую, не менее важную роль. Расположенные на удобных путях подхода к жизненно важным центрам Южной Руси, эти городки несомненно затрудняли кочевнические набеги, а иногда делали их даже вовсе невозможными, так как, совершая нападения на русские земли, степняки не проникали далеко в глубь русской территории, поскольку боялись ударов с тыла, со стороны жителей не захваченных ими русских городов.

Таким образом, в условиях раннефеодального государства строительство укрепленных поселений близ границы со степью было наиболее действенным методом борьбы с вторжениями кочевников. Именно поэтому киевские князья придавали этому строительству такое большое значение. В летописи отмечено строительство *городов* при Владимире Святославиче и при Ярославе Мудром.[46] Для более западных районов письменные свидетельства о строительстве в это время укреплений отсутствуют. Возможно, что здесь такое строительство велось менее организованно, главным образом по инициативе местного населения, а не по княжескому распоряжению. Однако сам факт наличия многочисленных укрепленных поселений, основанных в X—XI вв., не подлежит сомнению как в среднем течении Южного Буга, так и на южных границах Волыни и в Галицкой земле.

Существенное изменение военно-политической обстановки произошло в Южной Руси во второй половине XI в. В степях появились новые враги — половцы. Военная организация и тактика половцев, по-видимому, ни в чем существенно не отличались от военной организации тех кочевников, которые предшествовали им в южнорусских степях. Половцы, так же как и печенеги и торки, не умели осаждать и штурмовать крепости; вся система их набегов строилась на молниеносных конных рейдах в глубь

---

[42] П. А. Раппопорт. Очерки I, стр. 170.

[43] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. М., 1960, стр. 74.

[44] Там же.

[45] П. А. Раппопорт. Очерки I, стр. 170. — Впрочем, на отдельных небольших участках (например, под Киевом, по северному берегу р. Стугны) Змиевы валы могли быть использованы в конце X—XI вв. в качестве русских пограничных рубежей. Длинные валы известны также и западнее, на территории Силезии. Время их сооружения пока неясно; многие исследователи относят их к X—XI вв., но не менее вероятно, что валы эти были сооружены в первые века н. э. (см., например: R. Kiersnowski. 1) Waly Śląskie. Przegląd Zachodni, r. VII, 1951, № 1—2, стр. 153, 186; 2) Jeszsze o walach Śląskich. Там же, r. VIII, 1952, № 5—6, стр. 431; A. Kołodziejski. Waly Śląskie przyczynek do badań. Z otchlani wieków, r. XXVIII, 1962, z. 1, стр. 98).

[46] О раскопках одного из таких укреплений — городища у с. Заречье — см.: Б. А. Рыбаков. «Застава богатырская» на Стугне. В сб.: Города феодальной России, М., 1966, стр. 90.

русской территории; цель их нападений заключалась в ограблении деревень, захвате пленных, а в случае удачи — сожжении нескольких слабо укрепленных городков. Основная опасность заключалась в многочисленности половцев. Впервые они появились на границах Русской земли в 60-х годах XI в. Постепенно их набеги участились и достигли наибольшей силы в 90-х годах XI в. В это время обстановка в Южной Руси была по-настоящему катастрофической. Непрерывные удары, наносимые половцами на самых различных участках, привели к запустению целых больших районов. Проникая все глубже и глубже на русскую территорию, половцы подвергали сплошному разрушению и ограблению не только области, лежащие на границе со степью, но и значительно более северные районы в пределах лесостепи. Южная граница Руси была сметена.[47]

В 1093 г. половцы сожгли один из важнейших городов Поросья Торческ; в 1095 г. жители другого важного центра этого района — Юрьева — бросают свой город и уходят на север. Граница Русской земли отодвигается от Роси к Стугне. Многочисленные удары наносят половцы на Днепровском Левобережье, и в первую очередь в Переяславльской земле. Археологические источники хорошо дополняют письменные и рисуют картину страшного разгрома русских поселений в конце XI в. на очень широкой территории. Для крайнего юга Русской земли типична судьба города Воинь. Построенный первоначально в конце X в. как укрепленный пункт на степной границе, город этот был, по-видимому, разрушен или заброшен в конце XI в., поскольку его оборонительные сооружения были построены заново в XII в.[48] Та же картина, очевидно, имеет место и на многих других городищах, лежащих южнее Киева. Так, городище у хутора Миклашевского на левом берегу Днепра было сожжено на рубеже XI и XII вв. и затем восстановлено в первой половине XII в.[49] Следы пожара, связанного с половецким набегом, имеются и на городище Щучинка, представляющем собой остатки городка Чучин.[50]

Продвигаясь вдоль Днепра к северу, половцы в 1096 г. едва не ворвались в Киев, но, встретив отпор горожан, отошли, ограничившись разграблением окрестностей, в том числе Киево-Печерского монастыря и княжеского двора. Одним из археологических свидетельств этого события, видимо, является городище в с. Почтовая Вета близ Киева, где культурный слой XI в. перекрыт следами пожарища, поверх которого лежит культурный слой, уже целиком относящийся к XII в.[51] Существенная разница между керамикой нижней и верхней прослоек этого городища свидетельствует о том, что вторичное заселение этого укрепления произошло не сразу после разгрома, а некоторое время спустя, т. е. какой-то период времени поселение не было обитаемо.

Аналогичная картина, видимо, имела место и на значительной части Днепровского Левобережья. К сожалению, древнерусские городища этого района еще очень слабо изучены, раскопки проводились редко.[52] В тех же случаях, когда они были проведены, выяснилось, что первоначальные укрепления уничтожены или заброшены во второй половине или конце XI в., а затем восстановлены в XII в. На р. Суле таким примером может служить город Снепород (городище у с. Мацковцы).[53]

Западнее Днепра также наблюдается запустение целых районов, ранее довольно плотно заселенных русским населением. Уже на основании одних только письменных источников некоторые историки пришли к выводу, что территория Подолии в конце XI в. должна была быть полностью покину-

---

[47] Д. А. Расовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. Seminarium Kondakovianum, т. VI, Прага, 1933, стр. 53; П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 83; М. Грушевский. История Киевской земли. Изв. Киевск. унив., год 31, № 3, март 1891, стр. 13; І. Свенціцкий. Русь і Половці в староукраїнському письменстві. Львів, 1939, стр. 5.

[48] Р. О. Юра. Археологічні дослідження городища Воїня. Український Історичний журнал, 1960, № 1, Київ, стр. 149.

[49] М. П. Кучера. Древньоруське городище в х. Миклашевському. Археологія, т. XIV, Київ, 1962, стр. 106.

[50] В. Й. Довженок. Літописний Чучин. Археологія, т. XVI, Київ, 1964, стр. 124.

[51] П. А. Раппопорт. Обстеження городищ в районі Києва у 1950 р. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 143.

[52] Об этом см., например: И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.—Л., 1961, стр. 321.

[53] П. А. Раппопорт. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 186.

той русским населением.[54] Теперь это подтверждается археологическими материалами. Все городища, расположенные в среднем течении Южного Буга, оказались целиком относящимися к X—XI вв. Культурных напластований XII в. на них не обнаружено.[55] Запустение коснулось и территории современной Молдавии. В начале XII в. был заброшен крупнейший город этой земли — Алчедарское городище; еще раньше, в середине или второй половине XI в., был уничтожен и сожжен второй важнейший укрепленный пункт — Екимауцкое городище. Г. Б. Федоров справедливо связывает эти события с вторжением кочевников.[56]

Поразительные и совершенно неожиданные результаты дало археологическое обследование городищ на территории Волыни и Галицкой земли. Выяснилось, что запустение русских земель в конце XI в. не ограничилось границей со степью; заброшенные в это время городища были обнаружены в довольно значительном количестве и севернее, вплоть до границы с Полесьем, т. е. на всем пространстве лесостепи. Конечно, укрепленные поселения XI в. могли быть заброшены по самым различным причинам, и нельзя все эти примеры объяснять одним только половецким вторжением. Однако ни мора, ни каких-либо очень серьезных военных событий на территории Волыни и Галиции летопись для второй половины XI в. не отмечает. Между тем среди городищ, запустевших именно в это время, встречаются даже очень крупные, представляющие собой остатки настоящих городов, имевших, кроме детинца, укрепленную линию окольного города. Названия этих городов не упоминаются в древних письменных источниках, так как русские летописи более или менее детально освещают историю Волыни и Галича лишь начиная с XII в. Все же сопоставление некоторых из этих городищ с современными наименованиями деревень, в которых они находятся, позволяет с большой долей вероятности определить древние наименования заброшенных городов (например, Листвин, Коршев, Острожец, Ступница). На некоторых таких городищах заметны следы уничтожившего их пожара, но большинство их, видимо, было не разгромлено, а просто брошено жителями. К этому можно добавить, что в ряде случаев перерыв в существовании мог иметь место и на тех укрепленных поселениях, на которых жизнь продолжалась и в XII в. Так, возможно, что подобным явлением объясняется и резкая смена характера домостроительства и типов керамики, которую археологи отмечают в некоторых древнерусских городах (например, Галиче, Плеснеске).

Таким образом, археологические источники показывают частичное запустение южнорусских земель на рубеже XI—XII вв., происходившее на обширной территории от границы со степью до Полесья. Не противоречит ли это письменным источникам?

Половецкие набеги в Среднем Поднепровье летописи рисуют как страшное бедствие: «Створи бо ся плачь велик у земле нашей, и опустеша села наша и городе наши».[57] Церковно-канонические формулы, введенные в описание бедствий, связанных с половецкими набегами конца XI в., в известной мере подрывали доверие к некоторым наиболее ярким местам текста летописи.[58] Сопоставление летописных сведений с археологическими данными, однако, показывает, что летописец рисовал совершенно реальную картину разгрома южных районов Русской земли.[59]

---

[54] И. Молчановский. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев, стр. 43, 51. — Н. Молчановский отметил, что до этого запустения Подолия была заселена «многочисленным и сильным славянским племенем, жившим, по всей вероятности, независимой жизнью и еще в конце XI столетия обладавшим городскими центрами» (там же, стр. 32).

[55] Сведения любезно сообщены П. И. Хавлюком (Винницкий пединститут), проведшим здесь систематическое археологическое обследование.

[56] Г. Б. Федоров. 1) Древнерусский город на Днестре. Вестн. АН СССР, 1960, № 10, стр. 44; 2) Население юго-запада СССР в I—начале II тысячелетия н. э. Советская этнография, 1961, № 5, стр. 105; 3) Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры юго-запада СССР, КСИА, вып. 105, 1965, стр. 29. — Г. Б. Федоров не приводит прямых доказательств того, что городище Алчедар было заброшено действительно в начале XII в.; очень возможно, что дальнейшие исследования отодвинут эту дату в XI в.

[57] Ипатьевская лет., 6601 (1093) г. — В Лаврентьевской лет. под тем же годом записано: «Городи все опустеша, села опустеша».

[58] «И граде вси опустеша, и переидем поля, идеже насома быша стада... се все тще нынѣ видим, нивы порожьше стоять зверем жилища быша» [Ипатьевская лет., 6601 (1093) г.].

[59] См., например: Б. А. Рыбаков. Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII века. ВИ, 1962, № 4, стр. 41.

Археологическое обследование западнорусских земель показало, что опустошенные районы тянутся далеко на запад, вплоть до верховьев Днестра. Но и это нисколько не противоречит письменным источникам. Ведь территория западного объединения половцев — Белая Кумания — была расположена от Правобережья Днепра до устья Дуная.[60] Из «Поучения» Мономаха видно, что один из центров половецких кочевий находился в бассейне Южного Буга.[61] Под 1106 г. летописец отметил, что половцы, которые воевали на Волыни «около Заречьска», приходили из района Дуная.[62] Наконец, польские хроники свидетельствуют, что в конце XI—начале XII в. половцы появлялись даже в Польше.[63] Но в Польшу, в район Вислицы, половцы могли проникнуть только пройдя через Поднестровье, т. е. через основную территорию Галицкой земли.[64]

Во второй половине и конце XI в., в период наиболее напряженной борьбы с кочевниками, значительная часть русского населения, видимо, бросала свои поселения в районе лесостепи и отходила к северу, в Полесье. Очень вероятно, что с этим можно связывать основание или значительное усиление таких важных укрепленных пунктов в северной полосе Волыни, как Мельница, Черторыйск, Пересопница, Дубровица, а еще севернее — Давид-городок и Пинск. Интересно, что большую часть этих укрепленных поселений отличает одна замечательная особенность: они не имели наружной оборонительной линии, т. е. окольного города, хотя площадь их укрепленной территории довольно велика — более 1 га. Очевидно, эта особенность плановой схемы связана со спецификой строительства данных городов, возможно, построенных князьями в условиях, когда набеги кочевников почти достигли Полесья.

Конечно, далеко не все укрепленные поселения в Галицкой земле и южной части Волыни были заброшены на рубеже XI и XII вв. Наряду с брошенными городами здесь сохранились поселения, непрерывно существовавшие в XI и XII вв. Более того, некоторые наиболее важные опорные пункты в это время были даже еще сильнее укреплены. В Галицкой земле к таким крепостям, видимо, принадлежит Теребовль. Это явление находит себе полные аналогии в Поднепровье, где к концу XI в., к периоду наиболее жестокой борьбы с половцами, относятся строительство городка Святополч и расцвет важнейшего русского форпоста, центра обороны против половцев — Переяславля.

Угроза опустошения половцами всей Южной Руси должна была вызвать со стороны русских князей стремление объединить свои силы для отпора врагу. Именно с этим связаны прежде всего княжеские съезды, главным вопросом которых почти всегда был вопрос о борьбе с половцами. Так, под 1096 г. в летописи есть сообщение, что князья Святополк и Владимир послали к князю Олегу гонца с предложением встретиться: «Поиди Кыеву, ать ряд учиним с Русской земьле... дабы оборонили землю Русьскую от поганых».[65]

Наиболее ярким политическим деятелем, сыгравшим крупнейшую роль в отражении половецкой опасности, был Владимир Мономах. «Единодержавие» Мономаха и его сына Мстислава, т. е. некоторая задержка

[60] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. 43, 1952, стр. 43.

[61] Подробнее об этом см.: Н. Молчановский. Очерк известий..., стр. 42—43.

[62] Ипатьевская лет., 6614 г. — Значительно позже, во второй половине XII в., один из центров половецких кочевий также находился на Дунае [Ипатьевская лет., 6667 (1159) и 6700 (1192) гг.].

[63] Н. Молчановский. Очерки известий..., стр. 43, прим. 2.

[64] В другие западные районы (в направлении Венгрии) половцы продвигались южнее Карпат. Очень вероятно, что именно с вторжением половцев связано уничтожение во второй половине XI в. славянских поселений в низовьях Дуная (см., например: Şantierul Garvăn—Dinogetia. Studii şi cercetări de Istorie veche, t. IV, № 1—2, 1953, стр. 272; P. Diaconu. Şantierul arheologic Păcuiul lui Soare. Materiale şi cercetări arheologice, t. VII, Bucureşti, 1960, стр. 602). Впрочем, возможно, что славянские поселения южнее Карпат были уничтожены не половцами, а печенегами, отходившими к западу под давлением половцев. Известно, что в 1085 г. печенеги появились в районе Ужгорода (G. Györffy. A kun és komán nepnév. Budapest, 1948, стр. 13). В Нижнем Подунавье половцы господствовали и значительно позже, вплоть до XIII в. Так, очень показательно, что в 1211 г. венгерский король Андрей для защиты своей земли от половцев отдал юго-восточную часть Семиградья рыцарскому ордену госпитальеров с разрешением строить здесь замки («...et ad omne munimen regni contra Cumanos castra et urbes lapideas construere eis permisimus») (G. Fejer. Codex diplomaticus Hungariae, ecclesiasticus ac civilis, t. III, v. 1. Buda. 1829, стр. 370; см. также: G. D. Teutsch und Fr. Firnhaber. Urkundenbuch zur Geschichte Siebenbürgens, t. 1. Wien, 1857, стр. XIX, 9).

[65] Ипатьевская лет., 6604 г.

процесса феодального дробления Руси, было, видимо, прежде всего связано с той трагической военно-политической обстановкой, которая сложилась в Южной Руси на рубеже XI и XII вв.[66] Сосредоточив в своих руках военные силы почти всей Русской земли, Мономах сумел организовать отпор половцам. Понимая, что пассивная оборона не может дать существенных успехов в борьбе с легкой конницей кочевников, он перешел к активным наступательным операциям по разгрому половецких кочевий в глубине степей.[67] Тактика эта полностью себя оправдала. Объединенные силы русских земель разбили половцев. Западная часть их при этом отошла в Венгрию, а восточная — на Кавказ.[68]

Начиная с 20-х годов XII в. после походов Мономаха напряжение борьбы с половцами несколько уменьшилось. Уже не стоял, как в конце XI в., вопрос о самом существовании южнорусских земель. Началось возвращение русского населения на юг, вторичное заселение ранее покинутых территорий. При этом в Приднепровье были восстановлены русские крепости вплоть до устья Сулы и Поросья, а западнее были вновь заселены южные районы Волыни вплоть до верховьев Южного Буга. Однако среднее течение Южного Буга, а также территория современной Молдавии так и не были вновь заселены русскими, а остались в руках кочевников.[69]

После походов Мономаха острота половецкой угрозы несколько притупилась. В XII в. в Южной Руси положение стало менее трагическим, но оно продолжало все же оставаться очень напряженным. Половцы продолжали совершать набеги на различные районы южнорусской территории; причем делали они это как самостоятельно, так и в союзе с отдельными русскими князьями, вмешиваясь в феодальные междоусобицы. Напор половцев на Русь в XII в. был не одинаков на протяжении всего этого столетия. Особенно силен был этот напор в 70—80-х годах XII в. Процесс феодального дробления привел к тому, что объединить войска русских земель для отпора половцам в руках одного князя было уже практически невозможно и рассчитывать в борьбе с половцами можно было только на воинские силы каждого княжества в отдельности. Наиболее дальновидные политики могли стремиться лишь к созданию антиполовецкой военной коалиции, призывать к военному союзу наиболее сильных русских княжеств перед лицом вновь усилившейся половецкой угрозы. Но и этого далеко не всегда удавалось достичь.[70] Нужно было найти какие-то новые формы организации обороны.

В различных районах Южной Руси данную проблему решали по-разному. Князья Черниговской и Северской земель пошли по пути установления дружественных отношений с половцами. Заключая договоры и вступая в родственные отношения с половецкими ханами, они пытались обезопасить свои земли от вторжения кочевников. Более того, в своей борьбе с князьями других русских земель черниговские князья часто использовали половцев в качестве союзников, направляя их набеги в сторону тех княжеств, с которыми они воевали.[71]

Совершенно иначе строились отношения со степняками в Киевском княжестве и на Волыни. Здесь безопасность русской земли пытались обеспечить созданием на границе со степью территории, заселенной союзными Руси кочевниками — торками и берендеями. Эти племена, известные в русской летописи

---

[66] Б. А. Рыбаков. 1) Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII века, стр. 44, 48, 51; 2) Древняя Русь, стр. 255.

[67] И. У. Будовниц. Владимир Мономах и его военная доктрина. ИЗ, вып. 22, М., 1947, стр. 89—92.

[68] О численности половцев могут дать представление сведения грузинских летописей. Так, по этим сведениям, половцы, переселившиеся из южнорусских степей в Грузию, выставляли в армию царя Давида Строителя 40 тыс. воинов [Картлис Цховреба (История Грузии), т. 1. Тбилиси, 1955, стр. 337 (на грузинском языке)]. Приношу искреннюю признательность В. А. Леквинадзе (Тбилиси) за указание этого источника.

[69] К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 125, 127; Н. Молчановский. Очерк известий. . ., стр. 91. — Города Подолии были вновь заселены лишь в 60-х годах XIV в. (см., например: М. Владимирский-Буданов. Население юго-западной России от половины XIII до половины XIV века. Архив Юго-Западной России, ч. VII, т. 1, Киев, 1886, стр. 79).

[70] Характеристику военных действий в эпоху феодальной раздробленности см., например: И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль древней Руси. М., 1960, стр. 150.

[71] Д. Расовский. Русь, черные клобуки и половцы в XII в. Сборникъ въ память на проф. П. Никовъ. София, 1940, стр. 369; П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы. . ., стр. 110 и 173.

под общим наименованием черных клобуков, селились в укрепленных поселениях Поросья и создавали тем самым как бы заслон, препятствовавший половецким набегам. Находясь во враждебных отношениях с половцами, черные клобуки принимали активное участие в военных действиях в составе киевских и волынских войск.[72]

Помимо черных клобуков, сторожевую службу несли и русские отряды, сведения о которых сохранились в былинах («богатырская застава»).[73] Иногда киевский или волынский князь выводил свои войска в те районы границы со степью, где ожидалось появление половцев, и стоял здесь на страже.[74]

В течение всего XII и начала XIII в. русские князья время от времени переходили также и к активным наступательным действиям, предпринимая для разгрома половцев походы в глубь степей. Большую активность в этом отношении проявлял, например, волынский князь Роман, о котором летописец написал, что он «ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганыя Измалтяны, рекомыя Половци».[75] Но все это не могло остановить половцев. На территорию Волыни они проникали обычно со стороны Южного Буга и проходили по ее восточным районам вплоть до Полесья. Жить в этих землях можно было лишь при наличии хорошо организованной защиты. Это обстоятельство привело к созданию новой системы обороны — постройке крепостей, населенных специальным гарнизоном. Археологическими свидетельствами такой системы обороны являются городища типа Райков и Колодяжина, имеющие в конструкции вала клети, используемые для хозяйственных и жилых нужд. Происхождение данного типа крепостей на Руси относится к значительно более раннему времени. Наиболее изученным из них является городище в Судовой Вишне (в Галицкой земле), основанное в X в.[76] По-видимому, в конце X в. было построено укрепление, остатками которого является городище близ хутора Кизивер в низовьях р. Сулы.[77] Близкая по типу конструкция была обнаружена также на некоторых памятниках конца X в. на Дону в группе боршевских городищ, например на городище Титчиха.[78] Сам принцип постройки клетей, конструктивно связанных с оборонительным валом и используемых для жилья или хозяйственных нужд, не является отличительной особенностью Южной Руси. Нечто подобное можно видеть и в Прибалтике на городище Асоте в оборонительных конструкциях, относящихся к X и XI вв.[79] Достаточно близкие аналогии можно найти на территории Польши, например в Клещове, в конструкции середины X в.[80] Известны укрепления такого типа и близ Берлина на городище Торнов, относящемся ко времени до X в.[81] Но независимо от происхождения этого типа укрепленных поселений и их значения в более раннее время широкое распространение на территории Русской земли они получили именно в XII в.

В настоящее время такие крепости известны в Галицкой земле (Ленковцы), на границе Волыни с Киевской землей (Изяславль), в западной части Киевской земли (Райки, Колодяжин, Городск), на Днепре южнее Киева (Вопнь, Иван). Меньше всего укреплений подобного типа обнаружено пока в Черниговской и Северской землях. Однако и здесь, в северной

---

[72] Д. А. Расовский. 1) О роли черных клобуков в истории древней Руси. Seminarium Kondakovianum, т. I, Прага, 1927, стр. 94; 2) Русь, черные клобуки и половцы в XII в., стр. 370, 374.

[73] В русских летописях термин *застава* обычно понимается либо как сторожевой полк (Московский летописный свод конца XV в., 1366 г. ПСРЛ, т. 25, М., 1949, стр. 184; Никоновская летопись, 1368 г. ПСРЛ, т. X, СПб., 1897, стр. 11), либо как воинский отряд, охраняющий крепость или город (Симеоновская летопись, 1468 г. ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 217; Псковская 2-я летопись, 1484 г. ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 42).

[74] В 1192 г. князь Святослав «совокупившеся и с братьею, и стояша у Канева все лето, стерегучи земли Руские» (Ипатьевская лет., 6700 г.). В следующем году они опять «много стояша у Василёва, стерегше земле своея» (там же, 6701 г.).

[75] Ипатьевская лет., 6709 (1201) г.

[76] О. О. Ратич. Результати досліджень древньоруського городища Замчиска в м. Судова Вишня Львівської області в 1957—1959 рр. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вип. 4, Київ, 1962, стр. 119.

[77] М. П. Кучера. Древньоруські городища біля хутора Кизивер. Археологія, т. XVI, Київ, 1964, стр. 115.

[78] А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, стр. 135, 149.

[79] Э. Д. Шноре. Асотское городище. Рига, 1961, стр. 78, 81.

[80] B. Miśkiewicz. Studia nad obroną polskiej granicy zachodniej w okresie wcześnofeudalnym, стр. 63.

[81] J. Herrmann. Tornow und Vorberg. Berlin, 1966.

части Черниговского княжества, у д. Слободка, раскопано городище с жилыми срубами, связанными с конструкцией вала.[82] Несмотря на то что городище у д. Слободка расположено значительно севернее всех остальных укрепленных поселений подобного типа, оно также вполне может быть связано с задачей защиты от степных кочевников, поскольку в Днепровском Левобережье граница степи резко поднимается к северу и реальная угроза половецких вторжений существовала здесь с восточного и юго-восточного направлений, из района среднего течения Дона.

Факт наличия жилых или хозяйственных клетей, конструктивно связанных со срубным каркасом вала, однако, еще не говорит о том, что данное укрепленное поселение является крепостью, заселенной специальным гарнизоном. О существовании гарнизона, состоящего из профессиональных воинов, т. е. совершенно своеобразной социальной группы военных поселенцев, может свидетельствовать лишь совокупность данных: жилые клети, связанные с валом, и определенный набор вещей — богатое оружие, находимое в одних комплексах с хозяйственным инвентарем. Пока такое сочетание с уверенностью отмечено лишь для Райковецкого городища, Колодяжина, и, по-видимому, Изяславля.[83]

Только при наличии в районах Южной Руси, подверженных вторжениям кочевников, значительного количества крепостей с гарнизонами, способными в любой момент оказать решительное сопротивление врагам, можно было создать там более или менее сносные условия для жизни русского населения.

Таким образом, оборона южнорусских земель со стороны степи на территории между Днепром и Карпатами строилась на сочетании трех элементов: охраны границы с помощью заслона из посаженных в крепостях Поросья кочевников-союзников и выведения на границу со степью русских сторожевых отрядов; организации далеких походов в глубь степей для разгрома половецких веж; строительства в южнорусских землях крепостей, заселенных специальным гарнизоном.

Такая система обороны просуществовала до 40-х годов XIII в. Монгольское нашествие резко изменило всю военно-политическую обстановку. Половцы были изгнаны из южнорусских степей. Основной опасностью стали монголы.[84] Однако строить специальную систему обороны от монголов оказалось на первых порах невозможным, так как монголы, зорко следившие за тем, что делается на Руси, не только не допускали строительства новых укреплений, но даже не разрешали поддерживать в боеспособном состоянии уже существующие. Не имея сил для открытого выступления против монголов, русские князья вынуждены были в 1261 г. сами снести оборонительные стены Луцка, Кременца, Львова, Данилова, Стожка и ряда других городов.[85] Укрепления стольного города Владимира оказались при этом настолько мощными, что их было невозможно быстро «разметати» и поэтому пришлось сжечь. С большим трудом, хитростью удалось князю Василько сохранить неразрушенными лишь стены крепости Холм. Начать планомерное укрепление территории Волыни против татарских вторжений удалось только с середины XIV в.

2

Организация обороны Галицкого княжества сложилась в соответствии с его политическими и географическими особенностями.

Древнейшая история этого района во многом еще не ясна. Памятники славянской культуры здесь имеются по крайней мере с VI—VII вв.; к IX—X вв. относятся уже некоторые городища. Однако ни государственно-политическая принадлежность этой земли, ни точный племенной состав ее насе-

---

[82] Т. Н. Никольская. Работа верхнеокской археологической экспедиции (1960—1961 гг.). КСИА, вып. 96, 1963, стр. 28.

[83] П. Раппопорт. Очерки I, стр. 175. — В этой работе, однако, недостаточно учитывалась роль половецкой угрозы, а городища с встроенными жилыми клетями тогда были известны еще в очень незначительном количестве. Поэтому данные укрепленные поселения рассматривались главным образом как пограничные крепости на западных рубежах Киевского княжества.

[84] Следует отметить, что, судя по материалам археологических раскопок, наибольшее сопротивление монголам в 1241 г., кроме крупных городов (Киев), оказали именно крепости, заселенные специальными гарнизонами, например Колодяжин, Райки и Изяславль.

[85] Ипатьевская лет., 6769 г.

ления пока еще не определены.[86] В сферу влияния древнерусской государственности Галицкая земля попала несколько позже, чем другие районы Руси. На первых порах здесь были два самостоятельных княжества — Перемышльское и Теребовльское, причем Перемышль в 70—80-х годах XI в. некоторое время, по-видимому, входил в состав Польши.[87] С конца XI в. эти княжества принадлежали родным братьям — князьям Ростиславичам, действовавшим в тесном союзе между собой. Окончательное объединение земли и перенос столицы в Галич произошли лишь в 40-х годах XII в.[88] На рубеже XII и XIII вв. Галич объединяется в одно политическое целое с Волынью. Таким образом, существование Галицкого княжества как самостоятельного политического организма продолжалось очень недолгое время — середина и вторая половина XII в. Галицкое княжество отличалось также и некоторыми особенностями социального строя. Так, роль боярства здесь была гораздо более значительной, чем в других землях. Галицкие бояре не только имели свои замки и воинские отряды, но зачастую открыто выступали против князя.[89] К этому следует добавить своеобразие географических условий — расположение Галицкой земли в виде длинной и сравнительно узкой полосы вдоль Днестра, вдоль северных склонов Карпат (рис. 151).

Все эти обстоятельства — чрезвычайно короткий период политически независимого существования, меньшая централизация власти и растянутость территории — не создавали благоприятных условий для сложения хорошо организованной системы обороны княжества.

В наиболее трудной в военном отношении обстановке всегда находилась западная часть Галицкой земли — «Горная страна Перемышльская», непосредственно примыкавшая к Малопольше. Частые военные столкновения с Польшей, естественно, должны были вызвать здесь появление какой-то достаточно организованной системы обороны. Однако никакой линии границы, определяемой естественными географическими рубежами — горами или реками, здесь не существовало. Граница между Русью и Польшей на этом участке может быть определена лишь на основании письменных источников. При этом следует учитывать, что граница, конечно, представляла собой не линию, а довольно широкую зону.[90]

Район верхнего и среднего течения Сана несомненно целиком входил в Перемышльскую землю; точно так же сюда относилась и большая часть земель по р. Вислоку. Однако нижнее течение Сана и земли по р. Вислоке уже принадлежали Польше.[91] Граница эта не была абсолютно неизменной. В отдельные периоды польские князья ненадолго присоединяли к Польше территорию до верховьев Днестра.[92]

По-видимому, очень существенную роль в обороне русско-польской границы в данном районе играли густые леса между Саном и Вислокой. Проход войск через эти леса представлял известные трудности (недаром позднее, в середине XIV в., для более тесного соединения Перемышльской земли с Польшей король Казимир проводил здесь вырубку лесов).[93] Тем большее значе-

[86] См., например: H. Paszkiewicz. The Origin of Russia. London, 1954, стр. 411; В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964, стр. 77, 140.

[87] A. Lewicki. Obrazki z najdawniejszych dziejów Przemyśla. Przemyśl. 1880, стр. 20; A. Kunycz. Przemyśl wczesnodziejowy, стр. 37.

[88] Д. Зубрицкий. История древнего Галичско-Русскаго княжества, ч. 2. Львов, 1852, стр. 57.

[89] К. А. Софроненко. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 136; В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 147.

[90] G. Rhode. Die Ostgrenze Polens im Mittelalter. Zeitschrift für Ostforschung, 1953, H. 1, Marburg/Lahn, стр. 23.

[91] И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия, ч. 1. Киев, 1884, стр. 177, 180; T. E. Modelski. Sprawa pogranicza polsko-ruskiego w badaniach ruskich. Pamiętnik IV powszechnogo zjazdu historyków polskich, t. I, Lwów, 1925, стр. 3; М. Кордуба. Західне пограниче Галицької держави між Карпатами та долішним Сяном. Записки наукового товариства ім. Шевченка, т. CXXXVIII—CXL, Львів, 1925, стр. 216.

[92] J. Widajewicz. Południowo-wschodnie kresy Polski w X i XI wieku. Poznań, 1937, стр. 49. — Никак нельзя, однако, согласиться с теми историками, которые считают, что район верхнего Днестра целиком принадлежал Польше вплоть до конца XI в. (см., например: H. Paszkiewicz. The Origin of Russia, стр. 413). Очень вероятно, что во второй половине X в. польская граница действительно проходила значительно восточнее, чем в XI—XII вв. (S. Kuczyński. Wschodnia granica państwa Polskiego w X wieku. Początki państwa Polskiego. Księga tysiąclecia, t. 1, Poznań, 1962, стр. 244).

[93] М. Кордуба. Західне пограниче..., стр. 244.

ние имели дороги, которые проходили сквозь леса Перемышльской земли с запада на восток, из Польши на Русь.[94] Некоторые участки на этих дорогах, хорошо защищенные естественными природными условиями, могли быть особенно важны для обороны границ. Летописец так описывает один из таких участков: «Се же беашеть место было совершенно невозможно. Поэтому важнейшим условием обороны пограничья было наличие укрепленных пунктов (*городов*), стоящих на главных путях, и особенно на тех участках, которые противник не мог обойти, т. е. близ *ворот*, речных переправ и т. д. Такая роль *городов* для обороны границы одинаково характерна как для различ-

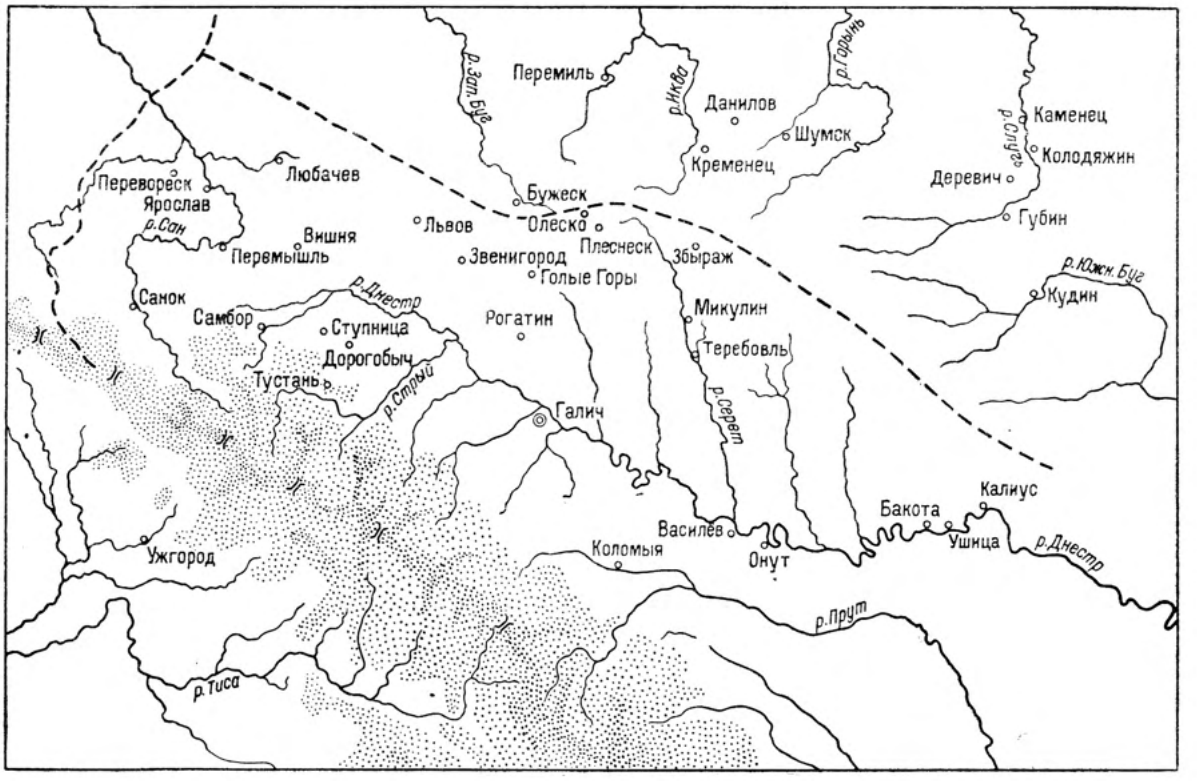

Рис. 151. Карта укреплений Галицкой земли.

твердо, зане немощно быть обойти его никуда же, темже наречахуться ворота теснотою своею».[95] На географической карте в районе древнего русско-польского пограничья до сих пор сохранились названия, отмечающие места таких *ворот*.[96]

Организовать защиту всей пограничной линии в условиях раннего средневековья

ных районов Руси, так и для Польши и других европейских стран.[97] Не всегда, однако, ясно, когда эти города имели исключительно военное значение, а когда их появление было связано в первую очередь с экономическими условиями, а военная роль была уже вторичной. Во всяком случае польские археологи отмечают целый ряд городищ в районе р. Вислоки, которые, по их мнению, играли роль польских пограничных

[94] T. Wąsowiczówna. Research on the medieval road system in Poland. Archaeologia Polona, t. II, Warszawa, 1959, стр. 128; T. Wąsowicz. Les routes commerciales en Pologne du haut Moyen Age, Ergon, v. III, Warszawa, 1962, стр. 369.

[95] Ипатьевская лет., 6776 (1268) г.

[96] Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 88, 269.

[97] П. А. Раппопорт. Очерки II, стр. 201; A. F. Grabski. Polska sztuka..., стр. 211; J. Herrmann. Neue Arbeiten über die altrussischen Wall- und Wehranlagen. Praehistorische Zeitschrift, XXVII, 1959, H. 4, стр. 237.

укреплений на русской границе.[98] Очевидно, что такую же роль должны были играть и некоторые русские городки в западной части Перемышльской земли. Действительно, в этом районе можно отметить скопление древнерусских городищ. Здесь же известны по письменным источникам и некоторые более крупные города — Санок, Перевореск, Любачев.[99] Большую стратегическую роль играл город Ярослав, прикрывавший путь к Перемышлю с северо-запада.[100] Наконец, важнейшее значение для обороны Галицкого княжества имел сам Перемышль, который, как позднее отметил польский хронист Длугош, уже во второй половине XI в. являлся главным оплотом русских в этом районе и был очень сильно укреплен.[101]

В тревожное время галицкие князья, по-видимому, ставили в этих городах специальные гарнизоны, которые могли обеспечить успешную оборону в случае нападения врагов. В русских летописях такие гарнизоны обычно назывались *засадой*[102] или иногда *заставой*.[103]

С юго-запада, на границе с Венгрией, естественным рубежом Галицкой земли были Карпатские горы. Закарпатье не входило в состав Галицкого княжества. Правда, здесь известны славянские городища X—XI вв.,[104] а правители этого района носили титул «русских князей» (Dux Ruizorum, Duces Russorum), но это свидетельствует лишь о наличии в Закарпатье славянского населения, а не о политической принадлежности. Известно, что «русские князья», которые управляли этим районом, называвшимся «Русской маркой», были обязательно из венгерского королевского рода, (обычно брат или сын короля).[105] Важнейшие закарпатские замки в XII—XIII вв. числились принадлежащими венгерской короне.[106]

Пограничная зона в этом районе была, по-видимому, широкой и целиком включала Карпатские горы. С северной стороны все древнерусские укрепленные пункты расположены на равнине. Точно так же и венгерские крепости расположены не в горах, а на равнине, южнее гор. В самих горах, видимо, ни русских, ни венгерских укрепленных поселений не существовало. Таким образом, границей между Русью и Венгрией служил, вероятно, не узкий хребет Карпатских гор, а вся полоса гор в целом.[107] Переход через горы был возможен далеко не всюду, а только в нескольких определенных местах, через перевалы.[108] Естественно было

---

[98] См., например: A. Żaki. Wietrznów-wczesnośredniowieczny gród graniczny w świetle badań lat 1952—1953. WA, t. XXIV, z. 1—2, 1957, стр. 33; A. F. Grabski. Polska sztuka..., стр. 210.

[99] Возможно, что уже в XIII в. существовали также Кросно, Ряшов и Крешов (М. Кордуба. Західне пограниче..., стр. 220, 222).

[100] Д. Зубрицкий. История древняго Галичско-Русскаго княжества, ч. 3. Львов, 1855, стр. 147.

[101] См., например, у Длугоша описание событий 1070 г. (К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века, стр. 124).

[102] Ипатьевская лет., 6667 (1159) г. — «И вошла бяше засада Ярославля в город»; там же, 6664 (1156) г.; там же, 6797 (1289) г. — «И нача розсылати засаду по всем городам».

[103] Летописец великих князей Литовских (Супрасльский список). ПСРЛ, т. 17, СПб., 1907, стлб. 80.

[104] Славянское городище X—XI вв. близ с. Вары у слияния рр. Боржавы и Тисы см.: П. А. Раппопорт и М. В. Малевская. Обследование городищ Прикарпатья и Закарпатья на территории Советского Союза. Acta archaeologica Carpathica, t. V, f. 1—2, Kraków, 1963, стр. 63.

[105] З. Р. Неедлы. История Закарпатской Руси до XIV ст. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, 1945, № 4, стр. 209, 211; А. С. Петрушевич. Радовецко-Черновецкая епископия и святители ея. Буковинская Зоря. Черновцы, 1870, № 13, стр. 97. — В 30-х годах XIII в. брат короля Белы Коломан носил титул «Ruthenorum rex et Sclauoniae dux» (G. Fejer. Codex diplomaticus Hungariae ecclsiasticus ac civilis. Buda, 1829, t. III, v. 2, стр. 231; t. IV, v. 1, стр. 36).

[106] З. Р. Неедлы. История..., стр. 211; Я. Пастернак. Середньовічні городи на Закарпаттю. Життя і знання, р. V, ч. 3, 1931, стр. 70. Описание некоторых закарпатских замков этого времени см.: П. А. Раппопорт. 1) Закарпатские средневековые замки. Archaeologiai értesitö, v. 92, s. 1, Budapest, 1965, стр. 61 (на венгерском языке); 2) Отчет 1962 г.; Я. Пастернак. Мукачівський княжий замок. Життя і знання, р. XI, ч. 11, 1938, стр. 317.

[107] В исторической литературе обычно констатируют, что границей между Русью и Венгрией служили Карпатские горы и что Закарпатье входило в состав Венгрии. Определить характер границы более точно не пытались (см.: Н. Дашкевич. Княжение Даниила Галицкого. Киев, 1873, стр. 64; С. М. Середонин. Историческая география. Пгр., 1916, стр. 187—189; В. П. Шушарин. Русско-венгерские отношения в IX в. В сб.: Международные связи России до XVII в., М., 1961, стр. 144).

[108] Перевал близ города Санока носил наименование Угорских ворот. [Ипатьевская лет., 6739 (1231) г.]. По-видимому, именно здесь большей частью переходили через Карпаты венгерские войска. См., например, в Ипатьевской лет. под 6658 (1150) г.: «Король же прошед Гору и взя Са-

бы предположить, что на этих перевалах должны были существовать какие-то пограничные укрепления. Однако никаких следов таких укреплений до сих пор не обнаружено. Более того, судя по письменным источникам, на перевалах, по-видимому, никаких укреплений и не было. Все русские летописи, говоря о вторжениях венгров, как правило, указывают, что «король перешел горы», после чего венгерские войска сразу же приступили к осаде наиболее важных галицких городов, чаще всего самого Галича. Никаких сведений о столкновениях в горах не имеется, хотя переход через Карпатские горы был достаточно сложным мероприятием и не мог оставаться незамеченным. Вне зависимости от того, существовали ли в горах сторожевые посты или нет, сведения о походе венгров поступали еще до вступления их войска в Галицкую землю. Поэтому города успевали подготовиться к обороне, и вражеское вторжение не заставало их врасплох. Кроме того, переход через горы был возможен лишь в определенное время года. Весной, во время таяния снегов, а также в суровые снежные зимы военные походы через горы, видимо, были очень затруднительны.[109]

Таким образом, выясняется, что важнейшие города Галицкой земли — Галич, Перемышль, Ярослав, Санок — не были прикрыты со стороны гор пограничными укреплениями. Естественно, что это должно было заставить галицких князей особенно сильно их укреплять. После объединения Галицкой земли с Волынью галицкие города стали уже крепостями, которые галицко-волынские князья рассматривали как порубежные укрепления, защищавшие Юго-Западную Русь со стороны Венгрии. Захват Галича или какого-либо другого пункта к северу от Карпат позволил бы Венгрии активно вмешиваться во внутренние дела Руси. Именно поэтому венгерские короли в XIII в. считали захват Галицкой земли одной из своих важнейших задач.[110]

С юго-востока Галицкая земля не имела точно определимой границы. В IX—X вв. русские укрепленные поселения заходили здесь далеко на юг, на территорию современной Молдавии. Таковы, например, Алчедарское городище (по-видимому, называвшееся в древности городом Черн), Екимауцкое городище и ряд других. Города эти продолжали существовать до конца XI в., но возможно, что они лишь номинально входили в состав Древнерусского государства, поскольку их оторванность от остальной территории Руси делала этот район в значительной степени самостоятельным. В письменных источниках нет никаких известий о политических событиях, которые можно было бы связать с городами данного района. В XII в., когда сложилось Галицкое княжество, территория современной Молдавии была уже покинута русскими и южная граница русских поселений проходила в районе среднего течения Днестра (близ впадения в него рр. Смотрич и Збруч) и верхнего течения Прута. Безопасность со стороны степей здесь обеспечивали многочисленные *города* — Калиус, Ушица, Бакота, Онут, Кучелмин, Василёв, Коломыя. Территория эта входила в состав Галицкого княжества, но была плохо связана с его центральной частью.[111] Именно этот район носил в XII в. наименование Галичской Украйны, а в XIII в. стал называться Понизьем.[112]

В XII—XIII вв. существовали и еще более южные русские *города* — Берлад, Малый Галич и другие, но они уже не входили в состав Галицкого княжества, а жили особой политической жизнью, во многом нам еще неясной.

Таким образом, с запада, юго-запада и юго-востока Галицкая земля имела границы, не всегда достаточно точно опреде-

нок город». Перечень дорог, ведших в X—XIII вв. через Карпаты, см.: Я. Пастернак. Коротка археольогія західно-українських земель. Львів, 1932, стр. 75.

[109] І. Шараневич. Исследование на поли Отечественной географии и истории. Львов, 1869, стр. 44—48. — Следует отметить, что в конце 1240 г., узнав о приближении монгольской армии, венгерский король попытался остановить монголов именно в горах, однако «*палатин Хедервари*, которому была вверена защита *Карпатских проходов*, *уступил последние без сопротивления*» (К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, М., 1938, стр. 225; см. также: В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 223).

[110] В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 200.

[111] Н. Молчановский. Очерк известий..., стр. 97; А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 138.

[112] «И приехавшю же ему ко украйне Галичькой, и взя два города Галичькыи» [Ипатьевская лет., 6697 (1189) г.]; см. также: Н. Молчановский. Очерк известий..., стр. 69.

лимые, но все же прикрывавшие в военном отношении центральную часть княжества. На западе, со стороны Польши, и на юго-востоке, со стороны степей, эти границы не имели естественных оборонительных рубежей, но зато были прикрыты скоплениями укрепленных поселений; на юго-западе, со стороны Венгрии, границей служили горы. В противоположность этим границам с севера, со стороны Волыни, Галицкая земля не имела никаких оборонительных рубежей. Здесь было очень немного укрепленных поселений. Письменные источники свидетельствуют о пограничном значении городка Плеснеска;[113] такое же значение могли иметь Збираж и Голые Горы. Где-то в этом же районе был расположен Моклеков. Западнее, недалеко от северной границы княжества, находились Звенигород, Щекотов. Конечно, такое незначительное количество городов, расположенных вдоль границы, имевшей протяжение около 400 км, было явно недостаточно. Очевидно, за тот сравнительно короткий период, когда Галицкое княжество существовало как самостоятельный политический организм (т. е. за середину и вторую половину XII в.), на северной границе не успела сложиться более или менее организованная система обороны. После же объединения Галицкой земли с Волынью оборона этой границы стала уже ненужной.

Как же организовывали галицкие князья оборону своего княжества во время военных столкновений с Волынью в середине и второй половине XII в.? В основном они делали упор на военно-политическую сторону, на согласованность военных действий с союзниками. Борьба за овладение Киевом между волынскими и суздальскими князьями, особенно активно происходившая в середине XII в., делала князей далекой Северо-Восточной Руси естественными союзниками Галича в борьбе с Волынью. Поэтому, начиная военные действия против Волыни, галицкие князья, как правило, рассчитывали на то, что их постоянные союзники, князья Залесской земли, одновременно нанесут удар по Волыни с востока. Судя по письменным источникам, укрепление границ с Волынью и вообще военно-инженерная сторона организации обороны играли в этих событиях второстепенную роль.

[113] В 1188 г. волынский князь Роман, подготавливая поход на Галич, выслал вперед отряд, которому поручил захватить Плеснеск (Ипатьевская лет., 6696 г.).

3

Между Галицкой и Волынской землями в отношении организации их обороны существовали очень серьезные различия, связанные не только с географическими особенностями, но и с политическими судьбами и даже с некоторыми деталями социального строя. Волынь всегда была теснее связана с Киевом, чем Галич. Волынские князья большей частью либо совмещали в своих руках владение Волынским и Киевским княжествами, либо боролись за овладение Киевом. В Галиче образование княжеского домена происходило, видимо, позже сложения крупного боярского землевладения, а на Волыни до этого.[114] Поэтому волынские бояре, как правило, больше зависели от княжеской власти, чем галицкие, и централизация административного аппарата на Волыни была большей, чем в Галиче.

По размерам территории обширное Волынское княжество было равно примерно двум Галицким и достаточно четко делилось на две естественногеографические зоны: холмистую лесостепную, составлявшую основную часть Волыни, и лежащую к северу от нее низменную лесистую, частично заболоченную — Волынское Полесье.[115]

Археологическое обследование показало, что на Волыни имеется очень большое количество древнерусских городищ. По густоте расположения *городов* Волынская земля значительно превосходила Галицкую и была одной из наиболее интенсивно заселенных древнерусских территорий. Еще более показательно, что многие из этих городов обладали весьма значительными размерами.

С начала XIII в., после объединения Галича и Волыни в руках одной княжеской династии, центром объединенного княжества в большей степени была Волынь, чем

[114] К. А. Софроненко. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI—XIII вв., стр. 136.

[115] А. Андрияшев. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887, стр. 10; А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, стр. 132.

Галич, а стольным городом — Владимир-Волынский.[116] Большая и густо заселенная территория Волыни позволяла волынским князьям собирать крупные (в масштабе раннего средневековья) воинские силы. В XIII в. Галицко-Волынское княжество наряду с Северо-Восточной Русью было сильнейшим русским княжеством и по самым минимальным подсчетам могло выставить армию в 10—15 тыс. воинов.[117]

Юго-восточная граница Волынской земли, после того как под напором кочевников русское население оставило район среднего течения Южного Буга, установилась в верховьях этой реки (рис. 152). Протяжение юго-восточной границы было невелико, так как Волынская земля выходила сюда узким клином, зажатым между Галицкой и Киевской землями. Однако военное значение этого района было очень большим; именно отсюда главным образом вторгались на Волынь половцы. Города Божск и Межибожье в середине XII в. были передовыми пунктами в борьбе с кочевниками.[118] Несомненно, что такую же роль играли и многие городки, расположенные в верхнем течении Случи и Горыни, — Тихомль, Гнойница, Шумск, Изяславль и др.[119] Кроме того, в бассейне верхнего течения рр. Южного Буга, Случи и Тетерева лежала Болоховская земля, которая с конца XII—начала XIII в., по-видимому, уже более тяготела к Волыни, чем к Киеву.[120] Города Болоховской земли также прикрывали Волынь со стороны степи.

Граница Волыни с Галицким княжеством, как уже отмечалось, не имела никаких естественных оборонительных рубежей. Однако в отличие от Галицкой земли, где в районе этой границы почти не было также и городов, на Волыни здесь находилось несколько довольно крупных укрепленных пунктов. Для того чтобы из Галича совершить поход на Владимир-Волынский, необходимо было пройти мимо Бужеска, Белза и Всеволожа. Бужеск, находившийся почти на самой границе, иногда временно попадал в руки галицких князей; однако даже и тогда он все же числился волынским городом.[121] В случае, если удар был бы нанесен в направлении центра восточной Волыни — Луцка, галицким войскам также пришлось бы проходить мимо хорошо укрепленного города — Перемиля.

И все же, хотя Волынь была значительно лучше защищена укрепленными пунктами со стороны Галича, чем Галицкая земля со стороны Волыни, по-видимому, и волынские князья, готовясь к войне с Галичем, придавали основное значение не инженерной подготовке пограничной территории, а военно-политическим союзам. Волынские князья, как правило, заключали против Галича военный союз с Польшей или Венгрией. Одновременное выступление волынских и польских (или венгерских) войск ставило Галицкую землю под удар с двух противоположных сторон. Такой союз был необходим и в случае борьбы волынских князей за Киев, так как галицкие князья, традиционно поддерживавшие в этой борьбе суздальскую сторону, могли ввести свои войска на Волынь и перерезать связь Владимира-Волынского с Луцком, т. е. между западной и восточной частями Волыни. Так поступил галицкий князь в 50-х годах XII в. во время войны между волынским князем Изяславом и Юрием Долгоруким. То же произошло и в 1196 г. — киевский князь Рюрик, собираясь воевать с волынским князем Романом, обратился к галицкому князю за помощью: «А ты, брате, оттоле ... воюйта во-

[116] B. Włodarski. Wołyń pod rządami Rurykowiczów i Bolesława Jerzego Trojdenowicza. Rocznyk Wołyński, t. III, Równe, 1934, стр. 144.

[117] В. Вилинбахов. Источники требуют критического подхода. Военно-исторический журнал, 1961, № 4, стр. 121. — Для сравнения можно привести следующие цифры: в решающей битве под Легницей (1241 г.), когда монголы разгромили Польшу, поляки имели армию в 10 тыс. человек, а монголы — около 20 тыс. (S. Krakowski. Polska w walce z najazdami tatarskimi w XIII wieku. Warszawa, 1956, стр. 260). Прошедшая через Польшу монгольская армия Пайдара состояла из 8—10 тыс. всадников (G. Labuda. Wojna z Tatarami w roku 1241. Przegląd Historyczny, t. L, z. 2, 1959, стр. 224).

[118] Н. Молчановский. Очерк известий..., стр. 77.

[119] R. Jakimowicz. Szlak wyprawy kijowskiej Bolesława Chrobredo w świetle archeologji. Rocznik Wołyński, t. III, Równe, 1934, стр. 49.

[120] П. А. Раппопорт. Города Болоховской земли. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 52.

[121] Бужеск упоминается, например, среди волынских городов в 1152 г. (Ипатьевская лет., 6660 г.). В 1173 г. князь Владимир Ярославич обещает волынскому князю за помощь при возвращении в Галич вернуть Бужеск и еще 3 города в придачу — «То Бужьск твой возьворочу и 3 городы придам к тому» (Ипатьевская лет., 6681 г.).

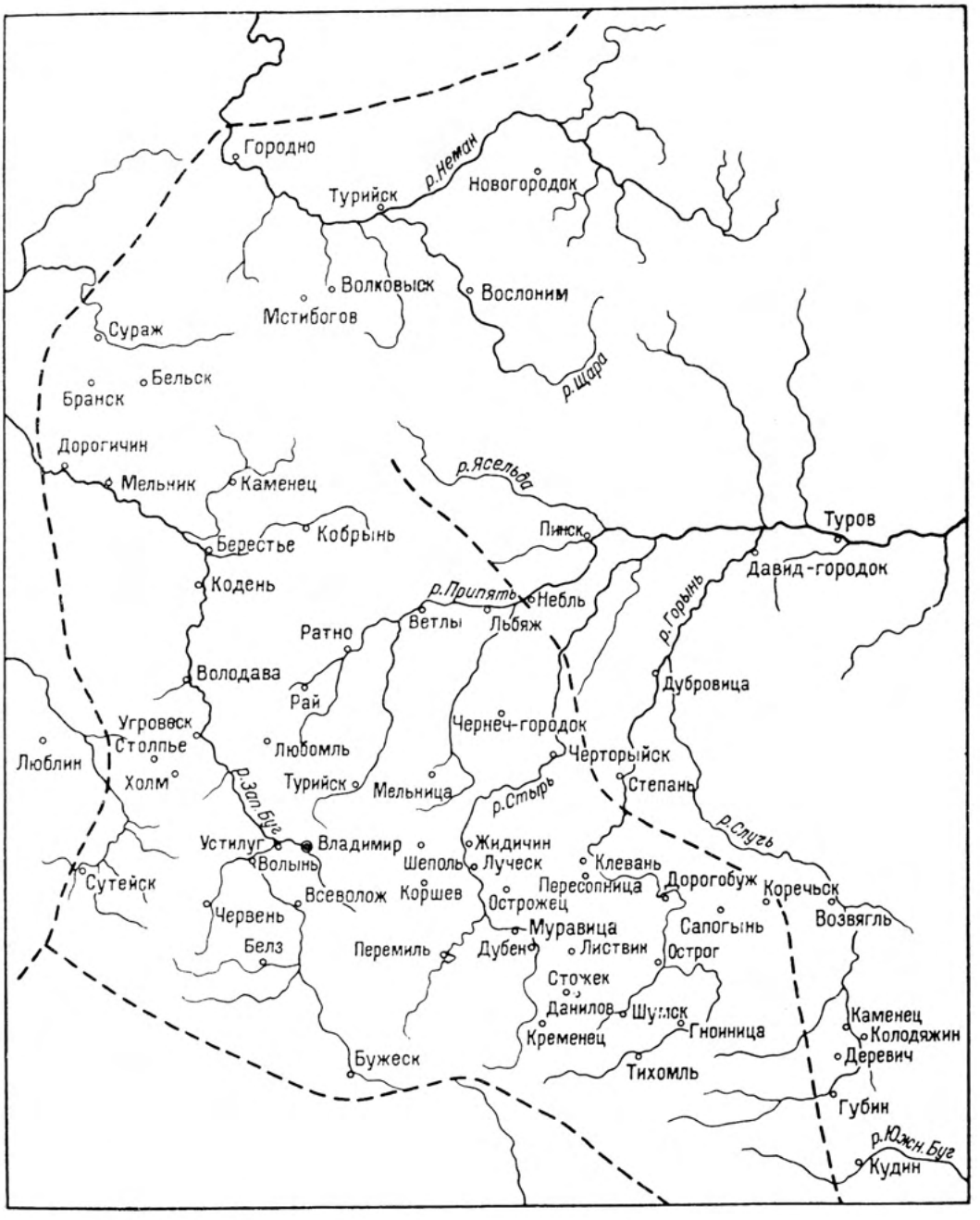

Рис. 152. Карта укреплений Волыни.

лость его».[122] После этого киевские войска начали военные действия в районе Каменца (на р. Случи), а галицкие двинулись к Перемилю. Выступление против Галича венгерских или польских войск защищало Волынь от вторжения галицкой армии. Примером могут служить события 1149 г., когда волынский князь Изяслав, начиная военные действия с Киевом, попросил венгерского короля нейтрализовать галицкого князя: «Не дати же ся ему двигнути».[123]

Гораздо более укрепленной была западная граница Волыни, граница с Польшей.[124] Линия границы здесь достаточно четко определяется по письменным источникам — она проходила по левым притокам р. Вепря, затем пересекала эту реку и шла в северном направлении.[125] На самой границе был расположен Сутейск, основанный в 30-х годах XI в. Ярославом Мудрым как пограничная крепость. На северном участке направление границы определяет русское пограничное село Воин.[126] Линия границы была в значительной степени условной, и пограничный характер имела вся полоса, лежащая между Вепрем и Западным Бугом.[127] Именно этот район летопись называет Украйной или Въкраинницей.[128] Здесь известно большое количество городов, в том числе несколько довольно крупных. Особенно значительным центром был Червень. Основанный приблизительно в середине X в., этот город вырос в большой торгово-ремесленный центр, имевший наиболее сильные укрепления среди всех городов, расположенных между Вепрем и Западным Бугом.[129] По его названию города данного района в летописи носят даже наименование Червенских.[130] Большое военное значение имел также город Волынь.[131]

Через междуречье Вепря и Западного Буга проходил основной путь из Польши на Русь, и именно с направлением дорог и местами переправ связано местоположение важнейших городов этого района.[132] По тем же направлениям шли и военные походы XI—XII вв.[133] Поэтому естественно, что города данного района приобрели большое военно-стратегическое значение. Любое столкновение Волыни с Малопольшей сопровождалось боями за Червенские города. До тех пор пока города эти не были захвачены, центральная часть Волыни и стольный город Владимир-Волынский были в относительной безопасности. Овладение же Червенскими городами давало возможность в любой момент нанести удар непосредственно по центру Волынской земли. Поэтому польские князья неоднократно пытались отодвинуть границу до Западного Буга, но русские войска каждый раз вновь отвоевывали эту территорию.[134]

Очень вероятно, что первоначально военно-стратегическое значение имели далеко не все города данного района. Если Сутейск был построен сразу как мощная, хотя и небольшая крепость на границе, то Червень, например, был не крепостью, а городом в собственном смысле этого слова и приобрел военное значение позднее, в силу своего приграничного положения.

К XIII в. военно-стратегическое значение междуречья Вепря и Западного Буга не только не уменьшилось, но, наоборот, стало еще более явным. Правда, некоторые города

---

[122] Ипатьевская лет., 6704 г. — Связь Галича с Киевом в XII в. в большинстве случаев осуществлялась при этом не через Волынь, а южнее, по кромке степей (Н. Рубинштейн. Западные пути торговли Украины—Руси. Вісник Одеської комісії краезнавства, ч. 2—3, Одеса, 1925, стр. 124).

[123] Ипатьевская лет., 6657 г.

[124] Подробный обзор литературы этого вопроса см.: G. Rhode. Die Ostgrenze Polens, Bd. 1. Köln, 1955.

[125] И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия, стр. 180.

[126] G. Rhode. Die Ostgrenze Polens im Mittelalter, стр. 31. — Село Воин находилось на месте современного посада Вогин (А. Л. Историческое значение древнерусского города Воина. Варшавский дневник, 6 III 1884 г.).

[127] G. Rhode. Die Ostgrenze Polens im Mittelalter, стр. 23.

[128] Ипатьевская лет., 6721 (1213), 6790 (1282) гг.

[129] K. Jaźdźewski. Ogólne wiadomości o Czermnie—Czerwienu. Archeologia Polski, t. IV, z. 1, Warszawa, 1959, стр. 81.

[130] Впрочем, некоторые исследователи считают такое чтение летописного текста ошибочным (см.: A. Poppe. Gród Wolyń. Studia wczesnośredniowieczne, t. IV, Wrocław—Warszawa, 1958, стр. 283, прим. 214).

[131] A. Poppe. Gród Wolyń..., стр. 236, 269.

[132] Z. Wartolowska. Gród czerwieński Sutiejsk na pograniczu Polsko-Ruskim. Warszawa, 1958, стр. 20, 33; T. Wąsowiczówna. Research on the medieval road system in Poland, стр. 128; T. Wąsowicz. Les routes commerciales en Pologne du haut Moyen Age, стр. 369.

[133] A. F. Grabski. Polska sztuka..., стр. 155, 159, 210.

[134] В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964, стр. 267, 274.

этого района несколько ослабели за счет усиления других. Так, вместо Червеня главенствующее положение в южной части данного отрезка границы приобрел Белз, а севернее был построен новый город Холм, ставший центральным военно-опорным пунктом всего данного района.

Военные действия на западном пограничье Волыни не были связаны с определенным временем года, поскольку пограничная зона проходила по местностям, где не было ни гор, ни непроходимых болот. Однако переправы через многочисленные реки представляли известное затруднение, и поэтому наиболее благоприятным временем для военных походов являлась зима, так как тогда реки можно было бы переходить по льду. Зимним был, например, поход татарских и русских войск в 1283 г., во время которого они «переидоша Сан реку по леду ... а Вислу перейдоша по ледови выше Судомиря».[135] Можно было начинать походы и летом, но ни в коем случае не весной, во время разлива рек. В 1282 г., когда к князю Владимиру подошла вызванная им на помощь союзная литовская рать, он немедленно направил ее на Люблин, понимая, что в случае задержки поход на Польшу станет очень затруднительным, поскольку «уже реки ростекаються».[136]

Восточная граница Волыни не была строго определенной: иногда она проходила близ Случи, иногда отодвигалась к Горыни, а иногда киевские князья захватывали даже отдельные города к западу от Горыни. Все же Погорынье, очевидно, достаточно твердо числилось в составе Волыни, и волынский князь Изяслав имел все основания заявить: «А то волость отца моего и моя по Горину».[137] Точно так же город Тихомль в верхнем течении Горыни упоминается в летописи как город волынский, а не киевский.[138] Значительными городами Среднего Погорынья были Дорогобуж и Пересопница.[139] Восточнее Горыни, на основном пути, связывавшем Владимир-Волынский с Киевом, стояли еще два небольших волынских города Сапогынь и Коречьск.

Погорыньские города играли в защите Волыни с востока примерно такую же роль, как Червенские города — с запада. Пока район Погорынья не был захвачен, Волынская земля была достаточно хорошо прикрыта укреплениями со стороны Киева. Переход же этого района в руки киевских князей давал им возможность в любой момент нанести удар по основному центру восточной Волыни — Луцку. Естественно, что в середине XII в., во время ожесточенной борьбы за Киев между волынским князем Изяславом и суздальским князем Юрием Долгоруким, последний все время пытался удержать в своих руках и укрепить город Пересопницу.

В XIII в. в связи с ослаблением роли и значения Киева и ростом могущества Галицко-Волынского княжества в сферу влияния Волыни отошла Болоховская земля, до этого тяготевшая к Киеву. Болоховские города представляли собой мощные крепости и являлись достаточно серьезной защитой Волынской земли от нападений кочевников с юго-востока, но никакой роли в обороне восточной границы от вторжения со стороны Киева они, видимо, не играли, поскольку основной путь из Киева на Волынь шел несколько севернее Болоховской земли. Да и нужды в такой организации обороны не было, так как Киев в XIII в. не представлял уже никакой реальной силы и большей частью сам находился в политической зависимости от князей Галицко-Волынской земли.

Наименее определенными были северная и северо-восточная границы Волыни. С северо-востока Волынское княжество граничило с Турово-Пинской землей. Эта земля, несмотря на ее довольно значительные размеры, была слабо заселена, ибо в значительной части покрыта густыми лесами и непроходимыми болотами. Припятьское Полесье было как бы естественной географической границей, отделявшей южнорусские земли от севернорусских. Центральным городом Турово-Пинской земли в XI в. был Туров, в XII в., однако, уступивший первенство Пинску. Городов на этой территории имелось немного, а более или менее крупных — вообще единицы. Своеобразие обстановки здесь заключалось прежде всего в том, что Турово-Пинская земля никогда

---

[135] Ипатьевская лет., 6791 г.
[136] Там же, 6790 г.
[137] Там же, 6658 (1150) г.
[138] Там же, 6741 (1233) г.
[139] О. А. Фотинский. Дорогобуж Волынский. Труды Общества исследователей Волыни, т. 1, Житомир, 1902, стр. 35; В. Б. Антонович. О местоположении летописных городов Шумска и Пересопницы. Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 153.

не играла самостоятельной политической роли и всегда находилась в сфере политического влияния, а иногда и в прямом подчинении Киева или Волыни. В соответствии с изменявшейся политической ситуацией земля эта то сливалась с Волынью в одно почти неразделимое целое, то выделялась в чужеродный, иногда даже враждебный политический организм.

Судя по письменным источникам, крайним северо-восточным городом Волыни был Черторыйск. Расположенные еще далее на восток и северо-восток города Степань и Дубровица, видимо, тяготели уже к Турову.

Никаких признаков искусственного укрепления северо-восточной границы Волыни не имеется. Очевидно, с этой стороны на территорию Волыни, как правило, не ожидали никаких вражеских вторжений. Более того, труднопроходимая Турово-Пинская земля сама служила широким защитным поясом, надежно прикрывавшим Волынь со стороны Полоцкого княжества, а частично и со стороны Литвы.

Дороги, пересекавшие Полесье с севера на юг, однако, существовали. В более поздних письменных источниках известна, например, дорога, которая шла с Волыни в Литву через Пинск и далее по р. Ясельде.[140] Таким образом, связь здесь была возможна речным путем, но для военных походов все же предпочитали зиму, когда замерзали болота. Так, князь Рюрик, планируя в 1193 г. поход на Литву, наметил его на зиму.[141] Значительно позже, в 1274 и 1277 гг., русские князья вместе с татарами ходили на Литву также зимой.[142] Весной, во время разлива рек, сообщение через Полесье, очевидно, совершенно прерывалось. Например, в 1190 г. князь Ростислав не смог пройти из Пинска в Литву, так как «бысть тепло и стече снег, и нелзе бо им дойти земли их».[143]

Совершенно иначе обстояло дело на соседнем, более западном участке северной границы Волыни. Прежде всего здесь не было такого четкого естественногеографического рубежа, как широкая полоса припятьских болот. Проезд с севера на юг в районе верховьев Припяти был значительно легче, чем в районе Пинска или Турова. Главная сухопутная дорога шла от Владимира-Волынского через Любомль и Берестье в Мазовию и на Черную Русь.[144] В том же направлении (по Западному Бугу) вела и речная дорога. На этом участке граница Волыни была отодвинута далеко на север. Важнейшим опорным пунктом был здесь город Берестье. Лежащий на скрещении торговых и военно-стратегических дорог, город этот стал колонизационным центром, позволявшим волынским князьям постепенно распространять свое влияние в районах Черной Руси и Подляшья. Далеко отброшенные от основной территории Волыни, эти земли были связаны с Русью в основном через Берестье. Поэтому потеря Берестья сразу же ставила под угрозу само существование данных территорий в качестве земель, подчиненных волынским князьям.[145]

Для укрепления княжеской власти здесь было возведено несколько довольно крупных и сильно укрепленных городов. В Подляшье основное значение среди них имел Дрогичин,[146] в Черной Руси — Городно и Новогородок. Помимо этих важнейших центров, здесь существовало также довольно много городов второстепенного значения: Сураж, Брянск, Бельск, Мельник — в Подляшье; Турийск, Волковыск и Вослоним — в Черной Руси. Наконец, кроме больших и

---

[140] S. Wyslouch. Rozwój granic i terytorjum powiatu Kobryńskiego do polowy XVI wieku. Ateneum Wileńskie, r. VI, z. 3—4, Wilno, 1929, стр. 414.

[141] Ипатьевская лет., 6701 г.

[142] Там же, 6782, 6785 гг.

[143] Там же, 6698 г.

[144] S. Wyslouch. Dawne drogi Polesia. Ateneum Wileńskie, r. XII. Wilno, 1937, стр. 176. — По этой дороге — от Каменца через Рай на Любомль — ехал в 1287 г. князь Владимир Василькович (П. А. Раппопорт. Новые данные по исторической географии Волыни. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 55).

[145] О своеобразном переходном, мазовецко-русском характере Подляшья см.: K. Musianowicz. Granica Mazowiecko-Drehowicka na Podlasiu we wczesnym średniowieczu. Materialy wczesnośredniowieczne, t. V, Warszawa, 1960, стр. 187; см. также: A. Wilkiewicz-Wawrzyńczykowa. Ze Studjów nad polityką Polską na Rusi. Ateneum Wileńskie, r. XII, Wilno, 1937, стр. 33; H. Paszkiewicz. Z dziejów Podlasia w XIV wieku. Kwartalnik historyczny, r. XLII, z. 2, Lwow, 1928, стр. 230; М. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1893, стр. 19.

[146] J. Jaskanis. Badania archeologiczne w woj. Białostockim w latach 1945—1963. Rocznik Białostocki, t. V, Białystok, 1965, стр. 120; K. Musianowicz. Wczesnośredniowieczny ośrodek osadniczy w Drohiczynie nad Bugiem. Acta Baltico-Slavica, t. I, Białystok, 1964, стр. 83.

малых городов, существовали и замки, принадлежавшие волынским боярам, например Мстибогов городок.[147] Остатками такого же замка, по-видимому, является городище Збочно близ Вослонима.

Удерживать в своих руках Подляшье и Черную Русь волынские князья могли лишь в упорной борьбе с ятвягами. Правда, воинственные ятвяги не имели организованной армии, поэтому в открытом бою они не выдерживали столкновения с русскими; не умели они и осаждать и штурмовать крепости. Однако неожиданные и быстрые их набеги приводили иногда к опустошению и ограблению целых районов. Особенно ожесточенно борьба с ятвягами происходила в конце XII—первой половине XIII в.[148] С целью подавления военной активности ятвягов и приведения их к покорности русские князья предпринимали дальние походы в ятвяжскую землю.[149] Походы эти проводились, как правило, в зимнее время, так как заболоченность территории мешала здесь передвижению войск летом; весной же земля эта была еще более труднопроходима. В 1235 г. князь Даниил выступил в поход уже весной. Он дошел до Берестья и далее не смог продолжать поход: «Рекам наводнившимся, и не возмогоста ити на Ятвязе».[150] Поскольку ятвяги не умели штурмовать крепости, наиболее надежной защитой территории было строительство укреплений. Именно с этим связано наличие значительного количества русских городов и замков в районах Берестья, Подляшья и в Городенской земле. После поражения, нанесенного ятвягам князем Даниилом, они обязались «городы рубити в земле своей»,[151] очевидно для того, чтобы русский князь мог держать здесь свои постоянные гарнизоны.

Значительно более опасным врагом в этом районе была Литва. В XI в. литовская земля, как и ятвяжская, была объектом колонизационных устремлений Руси, в XII в. Литва становится уже вполне самостоятельной военной силой, хотя литовские князья и находятся в этот период в союзных отношениях с князьями Волыни. В начале XIII в. Литва переходит к активной наступательной политике, и русские князья все с большим трудом удерживают земли, лежащие к северу от Берестья.[152] Приходилось думать об укреплении крепостями северных районов Волыни. Во второй половине XIII в. Черная Русь уже целиком отошла к Литве, и именно в это время, сразу после очередного литовского набега, несколько севернее Берестья был построен город Каменец.[153] Во второй половине XIII в. было проведено строительство каменных башен в Городно, Берестье, Каменце и, что особенно характерно, в Чергорыйске — городе, который до этого времени играл весьма незначительную военно-стратегическую роль. С переходом Черной Руси в руки литовских князей особое значение приобретают те города, которые стояли на путях, ведших через Полесье с севера на юг — Кобрынь, Ратно, Ветлы, Льбяж, Небль. Большое значение приобретают также и более восточные города Полесья — Пинск, Давид-городок, а северее их — Клеческ и Случеск. Ареной сражений с литовцами во второй половине XIII в. становится также и Турово-Пинская земля, через которую часто совершают свои походы на Литву волынские князья.[154] Но если Черная Русь во второй половине XIII в., как правило, находится уже в подчинении Литвы, то более западный район — Подляшье — волынским князьям удалось удерживать в своих руках в течение всего XIII в.[155]

---

[147] П. А. Раппопорт. Мстибогов городок. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 105.

[148] Б. Влодарский. Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв. В сб.: Международные связи России до XVII в., М., 1961, стр. 125.

[149] В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 31; Н. Дашкевич. Княжение Даниила Галицкого, стр. 115; A. Kamiński. Wizna na tle pogranicza polsko-ruskojaćwieskiego. Rocznik Białostocki, t. I, Białystok, 1961, стр. 22.

[150] Ипатьевская лет., 6743 г.

[151] Там же, 6764 (1256) г.

[152] В. Т. Пашуто. 1) Образование Литовского государства, стр. 18 и 342; 2) Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 281; H. Paszkiewicz. The origin of Russia, стр. 205.

[153] Ипатьевская лет., 6784 (1276) г.

[154] См., например: Ипатьевская лет., 6754 (1246), 6755 (1247), 6782 (1274) гг.

[155] H. Paszkiewicz. Z dziejów Podlasia w XIV wieku, стр. 230.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ ПО ОБОРОНИТЕЛЬНЫМ СООРУЖЕНИЯМ

I. СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

1

Огромное разнообразие типов, размеров и конструкций западнорусских городищ объясняется не только хронологическими различиями или географическими условиями, но также и социальным обликом укрепленных поселений. Плановая структура укреплений несомненно во многом зависела от того, каков был характер поселения, для защиты которого были построены оборонительные сооружения. К сожалению, именно социальный облик поселений определяется с наибольшими трудностями. Иногда даже раскопки, проведенные на значительной площади, не дают для этого достаточных данных. Тем более это трудно сделать в условиях, когда бóльшая часть городищ подверглась лишь самому предварительному обследованию, а раскопки, даже в минимальном объеме, проведены пока только в нескольких случаях.

Несомненно, что ранние укрепленные поселения, относящиеся ко времени до X в., представляли собой общинные поселки. Они были *городами* в древнерусском смысле этого слова, т. е. были укреплениями, а в социально-экономическом смысле они не были ни городами, ни деревнями, поскольку города в это время еще не сложились, и, следовательно, противопоставления города деревне еще не могло существовать.[1]

Позднее на базе некоторых таких поселений могли возникнуть настоящие средневековые города, хотя в подавляющем большинстве случаев общинные поселки стали не городами, а деревнями. Социальный характер поселений должен был существенно измениться, поскольку их коснулся уже процесс феодализации. В развитом феодальном обществе зависимые крестьяне вряд ли имели право возводить оборонительные сооружения вокруг своих деревень, и поэтому во внутренних районах страны деревни, видимо, были в основном неукрепленными. Однако в пограничных районах, подверженных вражеским вторжениям, особенно близ границы степей, все древнерусские поселения, в том числе и деревни, должны были быть укрепленными. Таким образом, как это ни парадоксально звучит, но и деревни могли быть *городами*.

В настоящее время еще нельзя точно определить, когда прекратили свое существование свободные общины, став феодально зависимыми деревнями. К тому же процесс феодализации был, вероятно, достаточно длительным и проходил неодинаково быстро на разных территориях. Во всяком случае какое-то, возможно, даже довольно значительное число западнорусских городищ X—XI вв. может оказаться остатками укреплений общинного типа.[2] К сожалению, без достаточно серьезных раскопок нельзя су-

[1] На примере Новотроицкого городища в Днепровском Левобережье это хорошо показал И. И. Ляпушкин (И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. М.—Л., 1958, стр. 225).

[2] А. А. Зимин. Феодальная государственность и Русская Правда. ИЗ, № 76, М., 1965, стр. 240.

дить о том, какие именно городища являются остатками общинных укреплений и укрепленных деревень феодального времени. Поскольку народная самооборона должна была возводиться руками самих жителей поселения без привлечения каких-либо военно-инженерных специалистов, можно полагать, что к этой категории будут принадлежать сравнительно небольшие городища с довольно примитивной структурой обороны и укреплениями небольшой мощности. Вероятно, сюда относятся памятники, подобные городищу Залужье в Туровской земле, городищу Нижний Струтин в Предкарпатье, а также многочисленные городища X в. в бассейне Прута, в среднем течении Южного Буга и др.

В более северных районах народная самооборона строилась несколько иначе: здесь существовали городища-убежища. Это небольшие укрепления, большей частью очень примитивные по своей военно-инженерной организации, построенные целиком на использовании естественных защитных свойств местности. Они не были заселены. Культурный слой на них обычно почти полностью отсутствует. На Смоленщине и в Черной Руси их известно довольно много. Таковы, например, городища Деревна, Селище, Пурневичи, Высоцк и др. Сюда в моменты опасности стекалось население соседних деревень. Функционировали такие убежища в основном в X и XI вв. Позже, в XII—XIII вв., они уже почти не встречаются. По мере строительства городов и замков нужда в убежищах уменьшалась, и их постепенно забрасывали. По-видимому, именно так происходило, например, в Волковыске, где городище-убежище Муравельник было заброшено тогда, когда рядом был построен новый укрепленный пункт — детинец Волковыска.[3]

Необходимость в убежищах в северно-русских районах появилась в связи с наличием здесь чрезвычайно маленьких деревень, жители которых не имели достаточных сил и средств для строительства оборонительных сооружений вокруг мест своего обитания и вынуждены были совместно создавать крепости-убежища. Совершенно аналогичная картина характерна и для соседних территорий — для Северо-Западной Руси[4] и для Литвы.[5]

2

В отличие от общинных укреплений, являвшихся средством народной самообороны и создававшихся силами исключительно самих жителей, остальные типы укреплений — оборонительные сооружения городов, замков и крепостей — строились под руководством специалистов-городников. Поэтому такие укрепления имели значительно большую мощность, более соответствовали последним достижениям военно-инженерного искусства и меньше зависели от сложившихся народных традиций.

К сожалению, не только поверхностное обследование городищ, но даже археологические раскопки далеко не всегда дают основания для определения социального облика поселения. Значительно увереннее о нем можно судить лишь тогда, когда на этот счет имеются указания в письменных источниках. Так, письменные источники содержат достаточно ясные свидетельства того, что некоторые крупные западнорусские города (например, Галич, Владимир-Волынский, Луцк) были городами в социально-экономическом смысле этого слова, т. е. были центрами ремесла и торговли. Административное и церковно-политическое значение этих городов, наличие в них значительных и организованных групп бояр, ремесленников и торговцев, острая классовая борьба, явные признаки наличия городского самоуправления — все это не оставляет сомнений, что перед нами настоящие средневековые города.

Вышесказанное вполне может быть приложимо и к некоторым городам меньшего масштаба — Белзу, Теребовлю, Турову, Новогрудку, Звенигороду и др. Для плановой структуры укреплений всех этих поселений характерно наличие двух линий обороны — детинца и окольного города. По-видимому, совершенно аналогично Киевской, Суздальской, Новгородской и другим русским землям наличие второй укрепленной линии — окольного города — является од-

---

[3] П. А. Раппопорт. Раскопки в Волковыске в 1959 г. СА, 1963, № 1, стр. 239.

[4] П. Раппопорт. Очерки II, стр. 208.

[5] В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 260, 293; H. Lowmiański. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego, t. 2, Wilno, 1932, стр. 219.

ной из наиболее существенных особенностей русского средневекового города.[6] Очевидно также, что как строительство, так и оборона этих окольных городов выполнялись большей частью силами самих горожан, а не князем.[7]

Несомненная связь окольных городов со сложившимся торгово-ремесленным посадом не дает, однако, права упрощенно рассматривать всякий детинец как аристократический центр, а окольный город как район, заселенный только ремесленниками и торговцами. По-видимому, картина заселения городов была значительно более сложной. Во многих случаях дома, обнаруженные на территории детинцев, оказывались более бедными, чем на окольном городе. В то же время на территории окольных городов неоднократно находили остатки монументальных храмов и богатых, явно аристократических жилищ. Кроме того, очень существенны колебания в размерах самих детинцев; так, детинец Владимира-Волынского имеет площадь около 1.5 га, а детинец Галича около 20 га. По-видимому, и эта разница должна иметь какие-то объяснения в социальной топографии данных городов. Решение всех этих вопросов будет возможно лишь после проведения систематических раскопок на большой площади.

Таким образом, часть западнорусских городищ, имеющих две укрепленные площадки и связываемых с известными по летописи городами, может быть с достаточной уверенностью отнесена к разряду городов в собственном смысле этого слова. Однако на территории Галицкой и Волынской земель имеется несколько городищ, не упоминаемых в летописи, но по своей плановой схеме полностью совпадающих с перечисленными выше городами, а по размерам даже значительно превосходящих некоторые из них. Сюда относятся Ступница, Лиственн, Коршев. Вряд ли могут возникнуть сомнения, что эти городища также представляют собой остатки настоящих городов. То обстоятельство, что они ни разу не упомянуты в письменных источниках, объясняется очень просто: в XII в. они уже не существовали, а в XI в. русские летописцы уделяли сравнительно мало внимания событиям на территории юго-западных районов Руси.

Очень большую роль для выяснения социального облика укрепленного поселения, а также его военно-стратегического значения играет размер городища. Конечно, один только размер еще не может служить достаточно надежным критерием оценки, поскольку, кроме укрепленной части, поселение могло иметь и очень большой неукрепленный посад. Так, например, обследование города Пересопницы показало, что культурный слой здесь простирается к северо-востоку от городища более чем на километр. Несомненно, что данное поселение должно быть отнесено к разделу больших, несмотря на то что городище имеет только одну оборонительную линию и площадь около 4 га.[8]

И все же площадь укрепленной части (т. е. детинца и окольного города вместе) является одним из важнейших элементов, характеризующих поселение.[9] На прилагае-

---

[6] Подробнее об этом см.: П. Раппопорт. Очерки II, стр. 206.

[7] О роли горожан и городского самоуправления в Галицко-Волынской земле см.: В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 166, 175, 177, 186; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 316. О связи строительства городских укреплений с ростом торгово-ремесленного значения городов в Западной Европе см.: В. В. Стоклицкая-Терешкович. Основные проблемы истории средневекового города X—XV веков. М., 1960, стр. 18. По вопросу о времени сложения и социальной структуре раннесредневековых городов Польши см.: В. Генсель. Применение археологического метода к исследованиям о возникновении польских городов. Slavia Antiqua, t. IX, Warszawa—Poznań, 1962, стр. 121—136; A. Gieysztor. La ville slave du haut Moyen Age. Ergon, v. III, Warszawa, 1962, стр. 288—291; G. Labuda. Die Anfänge des polnischen Städtewesens im Hochmittelalter. Там же, стр. 321. О связи строительства укреплений окольных городов (по-польски *podgrodie*) с формированием города в собственном смысле этого слова см.: W. Hensel. Archeologia o początkach miast słowiańskich. Wrocław, 1963, стр. 30.

[8] П. А. Раппопорт. Археологические и архитектурные заметки. КСИА, вып. 96, 1963, стр. 34.

[9] Для примера приводим приблизительные размеры укрепленной площади (в га) древнего Киева и некоторых городов и городищ западнорусских земель:

Киев (древнее городище)	— 1.5
Киев (в пределах «города Владимира»)	— 11
Киев (в пределах «города Ярослава»)	— 101
Владимир-Волынский	— 66
Галич	— 45
Звенигород	— 16 (?)
Ступница	— 14
Лиственн	— 11
Луцк	— 7

(по-видимому, в XIV в. вырос до 30 га)

мой таблице видно, что в распределении поселений, имеющих более или менее значительную укрепленную часть, наблюдается определенная закономерность. В каждом самостоятельном княжестве, как правило, существовал лишь один большой город, укрепленная площадь которого превосходила 40 га. Исключения из этого правила могут быть легко объяснены. Так, наличие двух крупных городов в Залесской земле — Владимира и Суздаля — связано с историческими судьбами этого края, центром которого первоначально был Суздаль, а позднее — Владимир. Следовательно, в данном случае существование в одной земле двух больших городов объясняется переносом политического центра. Впрочем, в Залесской земле в середине XII в. был построен и третий крупный город — Городец.[10]

Другое исключение — Белгород в Киевской земле. Этот город, имевший огромную укрепленную площадь, в то же время, судя по письменным источникам, не был самостоятельным политическим центром. Есть, однако, основания полагать, что первоначально Белгород был предназначен играть роль такого центра.[11] Замечательно, что укрепления детинца и окольного города здесь построены целиком в конце X в., т. е. в период становления раннефеодального государства. То же самое имело место в Переяславле, который позднее стал центром самостоятельного княжества. Белгород не стал таким центром, может быть, из-за близости Киева.

Таким образом, как правило, каждое самостоятельное княжество древней Руси (кроме Залесской земли) имело лишь один политический центр и этим центром всегда был крупный город, обязательно имевший две линии обороны (детинец и окольный город) и укрепленную площадь более 40 га. Можно полагать даже, что эти явления были неразрывно связаны: получение княжеством самостоятельности влекло за собой сложение в его политическом центре большого средневекового города и, наоборот, наличие большого города почти всегда приводило к образованию вокруг этого города самостоятельного политического объединения — княжества.

Очень характерно, что существуют только две земли, в которых не было ни одного крупного города. Таковы Турово-Пинская земля и Черная Русь. Но Турово-Пинская земля, как известно, никогда не играла какой-либо самостоятельной политической роли в русской истории, всегда находясь в сфере политического влияния Киева или Волыни. Черная же Русь по существу представляла собой скорее географическое понятие, чем самостоятельный политический организм, поскольку западная ее часть во главе с Гродно всегда находилась в политической зависимости от Волыни, а восточная с центром в Новогрудке — в зависимости то от Волыни, то от Литвы, а иногда, видимо, и от Полоцка.[12] Таким образом, отсутствие крупных городов в этих двух землях лишь подтверждает, что размер укрепленной площади в общих чертах соответство-

Белз	— 7
Мельница	— 4.5
Коршовское городище	— 4.2
Пересопница	— 4
Червень	— 4
Бужеск	— 4
Изяславль	— 3.6
Гродно	— 3.5 (?)
Минск	— 3
Шумск	— 2.7
Туров	— 2.5
Новогрудок	— 2.5
Теребовль	— 2
Шеполь	— 2
Холм	— 1.6 (?)
Волковыск	— 1.5
Данилов	— 1.2
Перемиль	— 1.1
Черторыйск	— 1
Турийск (на р. Турии)	— 1
Всеволож	— 0.8
Тихомль	— 0.7
Острожец	— 0.7
Гологоры	— 0.6
Сапогынь	— 0.6
Белёвское городище	— 0.3
Рай	— 0.13

[10] Не исключена возможность, что в Залесской земле первоначально существовал еще один крупный город и политический центр — Ростов (Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Археологическое изучение древнерусского города. КСИА, вып. 96, 1963, стр. 11).

[11] Б. А. Рыбаков высказал предположение, что Белгород был в конце X в. политическим центром земли древлян (Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М., 1963, стр. 187).

[12] Зависимость Новогрудка от Волыни и Литвы хорошо прослеживается по письменным источникам. Политическая же связь Новогрудка с Полоцком явствует из наличия в Новогрудке церкви XII в., построенной в технической манере, характерной только для полоцкой архитектурной школы (раскопки М. К. Каргера в 1962 г.).

Размеры укрепленной площади русских городов и городищ X—XIII вв.

Русские земли	Сложная система обороны						Простая система обороны	
	более 40 га	от 20 до 40 га	от 10 до 20 га	от 5 до 10 га	от 3 до 5 га	от 1 до 3 га	более 3 га	от 1 до 3 га
Киевская.	Киев, Белгород.		Вышгород, Василёв (?).	Тумащь, Чучин.		Почтовая Вета, Губин.		
Волынская.	Владимир.		Листвин.	Белз, Луцк (?).	Червень, Изяславль, Коршев, 2-е Любомльское городище.	Шумск, Дорогобуж, Сутейск, Тарговица, Гоща, Волынь (?), Холм.	Пересопница, Мельница, Бужеск.	Перемиль, Шеполь, Данилов, Черторыйск, Турийск.
Галицкая.	Галич.		Ступница, Звенигород (?).		Плеснеск (?).	Теребовль, Василёв (?).		
Турово-Пинская.			Пинск (?).			Туров.		Давид-городок.
Черная Русь.					Гродно (?).	Новогрудок, Волковыск.		
Чернигово-Северская.	Чернигов.	Новгород-Северский.		Любеч.	Вщиж, Серенск.			Путивль.
Переяславльская.	Переяславль.		Остерский Городец.					
Смоленская.	Смоленск.				Красн, Осовик.			Ельня, Мстиславль.
Полоцкая.	Полоцк.		Витебск.		Друцк.		Минск, Борисов.	Логожск, Браслав, городище Понизовье.
Муромо-Рязанская.	Рязань.			Пронск.	Ростиславль.		Переяславль-Рязанский, Муром, Ижеславльское городище, Новоселки, Лубянское городище.	
Залесская.	Суздаль, Владимир, Ростов (?), Городец на Волге.						Боголюбов, Кашин, Кидекша, Переславль-Залесский, Дмитров, Юрьев-Польской, Тверь, Перемышль-Московский, Москва (?), Звенигород, Галич.	Мстиславль, Микулин, Стародуб, Волок Ламский.
Новгородская.	Новгород.			Псков.				Бежичи, Торжок.

Примечание. Здесь приведены данные лишь о тех укреплениях, размеры которых определяются с достаточной уверенностью, поэтому таблица не претендует на полноту.

вал политическому и экономическому значению поселения. Именно это обстоятельство заставило, например, заподозрить правильность оценки некоторыми исследователями роли Плеснеска, который оказался в действительности не огромным древнерусским городом, а сравнительно небольшим городком, расположенным на площади большого городища скифской поры.[13] Связь размеров укрепленной площади города с его значением определяется прежде всего тем, что размеры территории соответствуют определенному количеству жителей.[14]

Наряду с одним крупным городом в каждом русском княжестве обычно имелось еще несколько маленьких городов с площадью укрепленной части до 5 га. В очень незначительном количестве встречаются также города среднего масштаба — от 5 до 20 га. Замечательно, что города с площадью от 20 до 40 га на Руси, видимо, встречались лишь в виде исключений. Таким образом, не было почти никаких промежуточных звеньев между огромными стольными городами, имевшими укрепленную площадь 50, 60 или даже 100 га, и небольшими городками площадью до 10—15 га. Некоторые из небольших городов позднее выросли и также стали крупными центрами (Луцк, Псков), другие, наоборот, постепенно были заброшены и превратились в городища.

Социальная характеристика как больших, так и меньших по величине городов достаточно определенна: они являются городами в собственном смысле этого слова, т. е. поселениями, в которых основой экономики были ремесло и торговля, а не сельское хозяйство. Гораздо сложнее обстоит дело с социальным лицом небольших укрепленных поселений сложного типа, имеющих площадь менее 3 га. Сюда относятся Туров, Теребовль, Новогрудок и др. Несмотря на очень маленький размер укрепленной территории, по-видимому, это были все же настоящие города в социально-экономическом понимании такого термина, о чем свидетельствуют данные, полученные исследователями на целом ряде памятников. В противоположность этому укрепленные поселения простого типа, имеющие площадь менее 1 га и, следовательно, сравнительно небольшое количество жителей, почти наверняка не будут носить городской характер. Окончательно решить данный вопрос могут только археологические раскопки. Ясно лишь, что городов в собственном смысле этого слова было на Руси значительно меньше, чем укрепленных поселений (*городов*), упомянутых в русских летописях.

На территории Галицко-Волынской земли, судя по наличию городищ со сложным типом оборонительной системы, количество городов было больше, чем в северно-русских районах, и, по-видимому, даже несколько больше, чем в Киевской земле. Так, в Среднем Поднепровье, кроме таких крупных городов, как Киев, Белгород, Чернигов и Переяславль, окольные города имелись также в Вышгороде, Василёве(?), Новгороде-Северском, Остерском Городце, Вщиже, Чучине, на городищах Старые Безрадичи (Тумащь), Почтовая Вета и некоторых других. В Галицко-Волынской земле они существовали в крупных городах: Владимире и Галиче, в городах меньшего масштаба: Луцке, Ступнице, Звенигороде, Листвине, Белзе, Червене, Плеснеске, Коршеве и, наконец, в целом ряде маленьких городов: Теребовле, Шумске, Дорогобуже и др. Большое количество городов в Среднем Поднепровье и Галицко-Волынской земле в какой-то степени свидетельствует о большем развитии городской жизни в южных русских землях, чем в северных. Впрочем, не следует упускать из вида, что городской

---

[13] П. А. Раппопорт. К вопросу о Плеснеске. СА, 1965, № 4, стр. 96.

[14] На основании археологического изучения ряда древних польских городов польские археологи пришли к выводу, что плотность населения в укрепленной части города была равна примерно 1 тыс. жителей на 1 га (G. Labuda. Die Anfänge des polnischen Städtewesens im Hochmittelalter. стр. 324).

На основании этих данных, а также сведений письменных источников сделан примерный подсчет количества жителей в некоторых средневековых городах Польши (W. Hensel. Méthode archéologique appliquée à l'étude de villes. Ergon. v. III, Warszawa, 1962, стр. 310, 312; A. Nadolski, W. Sulikowska. Budownictwo obronne Polski wczesnofeudalnej w świetle źródel pisanich. Zeszyty naukowe uniwersytetu Lódzkiego. Nauki humanistyczno-spoleczne, ser. I, z. 7, Łódz, 1957, стр. 130; A. Gieysztor. Position du problème. Les origines des villes polonaises. Paris, 1960, стр. 25).

В 1910 г. В. Семенов-Тян-Шанский попытался создать классификацию русских городов начала XX в. по количеству жителей. При этом он отметил, что среди подлинных городов («истинно экономические города») самые маленькие имеют, как правило, больше 1 тыс. жителей (В. Семенов-Тян-Шанский. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910, стр. 73).

характер могли носить и некоторые укрепленные поселения, имевшие только одну линию обороны, но зато обладающие достаточно большой площадью. Ведь социальная структура древнерусских городов была не всюду абсолютно идентичной: существовали города, целиком подчиненные княжеской власти, т. е. близкие по своей характеристике к крупным княжеским замкам, и параллельно существовали города, добившиеся значительной самостоятельности.[15] Поэтому очень существенно, что в Волынской земле имеются всего три городища простого типа с площадью более 3 га, а в Залесской земле таких поселений известно почти в четыре раза больше. Много подобных городищ также и в Рязанской земле, но зато в других древнерусских землях они встречаются лишь единицами.

3

Другим социальным типом укрепленных поселений, имевшим чрезвычайно широкое распространение, были феодальные замки — княжеские и боярские укрепленные усадьбы. Некоторые из них удается определить по упоминаниям в письменных источниках. Так, например, в летописи назван боярин Климята с Голых Гор. Очевидно, ему принадлежал замок Голые Горы — современное городище у с. Гологоры.[16] Другой замок — Вишня, принадлежавший боярину Филиппу, — современное 2-е городище в г. Судовая Вишня.[17] Несколько позже, уже во второй половине XIV в., в документе, связанном с городом Смотрич, упомянут боярин Прокоп Семенко Карабчеевьский.[18] Очевидно, ему принадлежало село Большой Карабчеев, находящееся в этом районе. Но если это село было боярским владением в XIV в., то очень вероятно, что также обстояло дело и в XII—XIII вв., и, следовательно, городище в с. Большой Карабчеев представляет собой остатки боярской укрепленной усадьбы.[19] Все эти три городища — Гологоры, Вишня и Карабчеевское — относятся к одному типу: это мысовые городища сравнительно небольшого размера с довольно бедным культурным слоем и сильной оборонительной системой (в Вишне валы и рвы не сохранились). К такому же типу относится и городище в с. Подгородье, представляющее собой остатки древнего Рогатина. В отличие от предыдущих городищ это была не боярская усадьба, а замок мелкого удельного князька, поскольку в документах XIV в. упоминается князь Рогатинский.[20]

Феодальные замки не обязательно относились к мысовому типу укреплений. Усадьба волынского боярина Мстибога — Мстибогов городок — имела правильную круглую форму.[21] Однако и здесь налицо отличительные особенности: очень небольшая укрепленная площадка, слабый культурный слой и мощные оборонительные валы. По аналогии можно отнести к замкам и такие округлые в плане городища, как Збочно, Олешков. Косвенным подтверждением данного вывода является находка на городище Олешков поливных керамических плиток, что, несомненно, свидетельствует о наличии здесь остатков какого-то богатого, хотя и деревянного здания. Известна бояр-

---

[15] О развитой системе городского самоуправления в западнорусских землях косвенно свидетельствует тот факт, что вошедшие в состав Литовского государства русские города в большинстве случаев сохранили «стародавний обычай» — привилегию принадлежать непосредственно великокняжеской власти, а не частному лицу (А. С. Грушевский. Города великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Киев, 1918, стр. 19, 25).

[16] Ипатьевская лет., 6739 (1231) г.

[17] Там же, 6738 (1230) г.

[18] Н. Молчановский. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев, стр. 221—222 (грамота князя Александра Кориатовича 1375 г.).

[19] Вероятно, именно здесь, в районе данного городища, был найден роскошно орнаментированный меч XI в. (А. Н. Кирпичников. Мечи Киевской Руси IX—XI вв. СА, 1961, № 4, стр. 191).

[20] В Ипатьевской летописи под 1202, 1204 и 1206 гг. дается, по-видимому, исчерпывающий перечень городов Галицко-Волынской Руси, являвшихся самостоятельными княжескими уделами. На Волыни — это Владимир, Белз, Берестье, Червень, Луцк, Пересопница; в Галицкой земле — Галич, Звенигород, Перемышль, Теребовль. В XIV в. появились еще более мелкие уделы, и в документах упоминаются уже князья Рогатинский, Степаньский, Ратненский, Холмский, Острожский (или Островский?) и др. (см., например: сб. «Болеслав—Юрий II». СПб., 1907, стр. 25, 44, 101).

[21] П. А. Раппопорт. Мстибогов городок. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 105.

ская усадьба Кодень на р. Буге.[22] Мелкими княжескими уделами были замки Степань и Ратно, князья которых упомянуты в документах XIV в. Княжескими замками были и так называемые болоховские города — Кудин, Губин и Деревич.[23] Могли существовать на Руси и замки, принадлежавшие духовным феодалам.[24] Возможно, что именно такой характер имело городище в с. Жидичин близ Луцка, расположенное рядом с крупным монастырем.

Таким образом, феодальные замки в западнорусских землях относились к различным плановым типам. В Галицкой земле они были в основном мысовыми (таковы Рогатин, Голые Горы, Вишня, Карабчеев), в Болоховской земле — округлыми, окруженными несколькими параллельными валами, в Черной Руси — круглыми (Мстибогов, Збочно). На Волыни большинство замков относилось, по-видимому, к «волынскому типу» укреплений (Острожец, Одерады, Посников и др.).

К сожалению, ни один из западнорусских феодальных замков не был еще подвергнут систематическим раскопкам.[25] Однако даже при внешнем их обследовании очень небольшая площадь в сочетании с мощными укреплениями позволяет заключить, что замки были приспособлены для защиты с помощью малого количества воинов.[26]

Не следует, впрочем, упускать из виду, что могли существовать укрепленные усадьбы, принадлежавшие мелким боярам и имевшие довольно слабые оборонительные сооружения. В социальном смысле они также были замками, но по своим оборонительным сооружениям могли и не выделяться среди укреплений народной самообороны.

4

Определение социального лица укрепленных поселений на основании одних только аналогий, исходящих из внешнего вида городищ, всегда является очень предварительным и условным. Так, отнесение к феодальным замкам всех городищ, имеющих небольшую укрепленную площадку и мощные оборонительные сооружения, может привести к серьезным ошибкам, поскольку среди таких памятников могут оказаться не только замки, но и укрепления иного типа, в том числе чисто военные крепости.[27]

Очень своеобразный вариант представляют собой некоторые городища, в которых существует тесная конструктивная связь внутреннего каркаса оборонительных валов с жилыми и хозяйственными постройками. Наиболее изученными среди подобных городищ являются Райки, Колодяжин, Изяславль. Наличие на внутренней стороне валов не забитых землею клетей, предназначенных для использования в качестве хозяйственных помещений (а иногда и жилья), безусловно свидетельствует, что данные укрепленные поселения строились одновременно по заранее намеченному плану как крепости.[28] При строительстве таких крепостей заранее учитывались не только военные требования, но и хозяйственные нужды гарнизона, которым они будут заселены. Наиболее важным является вопрос

---

[22] В Ипатьевской летописи под 6721 (1213) г. упомянут боярин Семен Кодинский. О замках галицких и волынских бояр см.: В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, стр. 143, 144.

[23] П. А. Раппопорт. Города Болоховской земли. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 52.

[24] См., например: W. Hensel. Szkice wczesnodziejowe, cz. IV. Slavia Antiqua, t. X, Warszawa—Poznań, 1963, стр. 169.

[25] В Поднепровье был раскопан богатый княжеский замок XI в. — Любеч (Б. А. Рыбаков. 1) Любеч и Витичев — ворота «внутренней Руси». Тез. докл. сов. делег. на Межд. конгр. слав. археол., М., 1965, стр. 38; 2) Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 21).

[26] То же самое имело место в Западной Европе, где гарнизон большого замка составлял около 100 чел., а замка средней величины — 25—50 чел. (H. Caboga. Die Mittelalterliche Burg. Rapperswil, 1951, стр. 52). Характеристику феодальных замков, как социального явления см.: R. Allen Brown. English Medieval Castles. London, 1954, стр. 17—19.

[27] Термин *крепость* в данной работе обычно применяется в его расширенном смысле — всякое укрепленное поселение. Однако более точно под крепостью следует понимать лишь такое укрепление, в котором военные функции полностью преобладают над экономическими и административными, а также имеется специальный гарнизон.

[28] См., например: T. Wasilewski. Studia nad skladem spolecznym wczesnośredniowiecznych sil zdrojnych na Rusi. Studia wczesnośredniowieczne, t. IV, Wrocław—Warszawa, 1958, стр. 320.

о том, кем заселялись эти крепости, какова социальная принадлежность их жителей. Рассматривать крепости подобного типа как обычные феодальные замки нет оснований. Феодальный замок — понятие очень специфическое: это крепость и жилище феодала одновременно. Между тем раскопки городищ, представляющих собой остатки подобных крепостей, показали, что здесь не было какого-либо одного резко выделявшегося жилища, которое могло принадлежать феодалу — владетелю данного городка. Некоторые жилые постройки, обнаруженные при раскопках в Райках и Колодяжине, были более крупными, чем остальные, но все же и они не очень значительно выделялись своей величиной и инвентарем. Судя по жилищам, все жители данных крепостей относились к одной социальной категории и не очень заметно отличались друг от друга в имущественном отношении.[29] Занимались они земледелием. Об этом говорит огромное количество обнаруженного при раскопках сельскохозяйственного инвентаря (кос, серпов, плужных ножей и пр.) и значительное количество различных сортов зерна. Зерно и сельскохозяйственные орудия были найдены не в одном месте и не в каких-либо определенных жилищах, а повсюду, почти во всех хозяйственных постройках. Это несомненно свидетельствует о том, что все жители данных крепостей были земледельцами. И вместе с тем эти же жители были воинами. В тех же жилищах, где были найдены сельскохозяйственные орудия, было найдено и оружие. При этом важно отметить, что здесь находили не только копья, стрелы и топоры, но мечи, сабли, булавы, кольчуги и шлемы — оружие и снаряжение профессиональных воинов. По всей площади укреплений находили стремена, конские путы и шпоры, часто имевшие роскошную орнаментацию. На этих же поселениях во время раскопок находили и богатые украшения, многие из которых были дорогими художественными изделиями. Таким образом, раскопки выявили несколько неожиданную на первый взгляд картину — в крепостях данного типа жили земледельцы, которые сами обрабатывали поля и в то же время были воинами, носившими дорогое рыцарское оружие.[30] Единственным объяснением такому сочетанию может явиться признание жителей подобных укрепленных поселений свободными воинами-земледельцами, своего рода военными поселенцами. По-видимому, трудные условия жизни в районах, постоянно находящихся под угрозой вторжения кочевников, заставили князей пойти на освобождение от феодальной зависимости части местного земледельческого населения и создание из него своеобразной социальной группы профессиональных воинов, живших в хорошо укрепленных крепостях и имевших здесь свою землю.

Находились ли эти воины в каком-либо подчинении местному феодалу или они непосредственно подчинялись киевскому или волынскому князю, вели ли они обработку земли исключительно своими силами или их обслуживали также крестьяне местной округи — пока неясно. Неизвестно также, как сложилась эта социальная группа: из местного населения или же князья расселяли здесь жителей, переведенных из других районов, в том числе и пленных, захваченных при столкновениях с другими русскими княжествами.[31]

Не являются ли южнорусские воины-земледельцы предшественниками казачества? Ведь и казаки жили на самой границе с враждебным кочевым миром, были одновременно земледельцами и профессиональ-

[29] Р. О. Юра. До питання про соціальну належність мешканців древнього Колодяжина. Археологія, т. XII, Київ, 1961, стр. 99.

[30] М. К. Каргер. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг. Тез. докл. сов. делег. на Межд. конгр. слав. археол., М., 1965, стр. 39.

Совершенно невозможно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что жители данных крепостей были закупами, т. е. несвободными крестьянами, приближавшимися по своему положению к рабам (В. И. Довженок. Археологический комментарий к сведениям литературных источников о смердах и закупах. КСИАУ, вып. 12, 1962, стр. 34). При таком предположении совершенно непонятно, кому же принадлежало многочисленное дорогое оружие, найденное при раскопках в Изяславле, Райках, Колодяжине. Оно явно не могло принадлежать закупам. Значит, в этих крепостях должны были бы жить две резко различные группы населения — свободные воины и закупы. Между тем все жилища в этих поселениях относятся к одному типу, приблизительно одинаковы по величине и не имеют никаких следов резкого имущественного расслоения.

[31] Так, например, в 1116 г. князь Ярополк построил город Желний (или Желъди) и заселил его захваченными в плен жителями Друцка (Ипатьевская лет., 6624 г.).

ными воинами, имевшими богатое оружие и хорошо снаряженных коней. Исследователи обычно считали предшественниками казачества бродников — группу населения южнорусских степей, не совсем нам пока ясную как в социальном, так и в этническом отношении.[32] Между тем даже значительно позже, в XV—XVI вв., охрану от татар казаки несли не в дикой степи, а в земледельческих районах, тогда как южнее, в Подолии, существовала другая система охраны — *ротмистрование*.[33] Не правильнее ли считать, что казачество связано своим происхождением с гарнизонами южнорусских крепостей, с теми стражами, которые защищали Южную Русь в XII—XIII вв.? Конечно, эта связь может быть результатом не прямой линии развития, а лишь сходства, вызванного близостью военной обстановки. Однако не исключено, что здесь может существовать и какая-то доля преемственности; ведь недаром слово казак в половецком языке обозначало страж.[34]

Городища, в которых клети жилого или хозяйственного назначения конструктивно связаны с каркасом оборонительного вала, в настоящее время известны уже в довольно большом количестве: в Галицкой земле, на Волыни, в западной части Киевской земли, на Днепре южнее Киева и даже в Черниговской земле. Было бы неосторожно все эти городища рассматривать как остатки крепостей одного типа, заселенных военными поселенцами, свободными воинами-земледельцами. Очень возможно, что социальная структура этих укрепленных пунктов не была во всех случаях одинакова. Однако связь городищ, имеющих конструкции подобного рода, со специфически военными крепостями все же очень правдоподобна. И недаром сходные по конструкции укрепления на территории Польши и Поморья исследователи также связывают с военными крепостями.[35]

Очень важно было бы в дальнейшем выяснить происхождение крепостей данного конструктивного типа. Широкое распространение такие крепости получили в Южной Руси с середины XII в., но наличие не забитых землею клетей, связанных с конструкцией оборонительного вала, известно и для более ранних памятников, по крайней мере с конца X в. Причем памятники такого типа встречаются на очень широкой территории. Таковы городища Асоте на Западной Двине, Судовая Вишня в Галицкой земле, Титчиха на Дону и др.

II. МЕСТНЫЕ «ШКОЛЫ» ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЗАПАДНОРУССКИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

1

Ранние памятники военного зодчества, относящиеся ко времени не позднее X в., почти на всей территории Русской земли полностью зависели от защитных свойств рельефа. Они принадлежали к островному или мысовому типам и обладали очень скромными искусственными оборонительными сооружениями. Их обороноспособность строилась на умелом использовании крутых склонов, оврагов, рек, болот, лишь дополненных искусственными рвами и иногда валами. Таковы все городища роменско-боршевской культуры в Днепровском Левобережье и ранние укрепления Новгородской земли. На западнорусских территориях совершенно такая же картина имеет место в Полоцкой и Смоленской землях. Конечно, памятники эти еще очень слабо изучены, этническая принадлежность многих ранних городищ еще не совсем ясна, однако общий характер организации их обороны не вызывает сомнений: ранние древнерусские городища (от

---

[32] См., например: А. И. Попов. Кыпчаки и Русь. Учен. зап. Ленингр. гос. унив., сер. истор. наук, вып. 14, 1949, стр. 114; С. А. Плетнева. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 32.

[33] А. Ефименко. Южная Русь, т. 1. СПб., 1905, стр. 12—20.

[34] П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 211. О различных взглядах на происхождение казачества см. также: Н. Молчановский. Очерк известий..., стр. 128—143.

[35] См., например: J. Herrmann. Die Vor- und Frühgeschichtlichen Burgwälle Gross-Berlins und des Bezirkes Potsdam. Berlin, 1960, стр. 40, прим. 6.

Среднего Поднепровья на юге до Ладожского озера на севере и от Рязанской земли на востоке до Полоцкой на западе) построены по одному общему принципу — их система обороны полностью подчинена естественным защитным рубежам.

Иная картина в западных и юго-западных районах Руси. Правда, ранние городища здесь также очень плохо изучены и, кроме того, их здесь гораздо меньше, чем, например, в Днепровском Левобережье. И все же среди самых ранних памятников, явно относящихся ко времени до X в., уже встречаются городища правильной круглой формы.

Это не случайное явление. О том же свидетельствуют и памятники второй половины X—первой половины XI в. В это время на западнорусских землях было построено большое количество укреплений и среди них значительную часть составляют расположенные на равнине крепости, имеющие искусственно приданную округлую форму плана. В Среднем Поднепровье круглые укрепления появляются не ранее второй половины XI в., а в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси — лишь в XII в. Строительство круглых укреплений в западнорусских землях уже с IX —X вв. свидетельствует, что здесь применялся принципиально иной прием планировки укреплений, т. е. существовали иные военно-инженерные традиции. При этом Полоцкая и Смоленская земли оказываются в этом отношении совпадающими со Средним Поднепровьем и другими более восточными областями, а не с западнорусскими районами.

Откуда же могли появиться в западных районах Руси другие военно-инженерные приемы?

Известно, что круглые городища очень широко распространены на западнославянских территориях. Особенно много их встречается в землях поморских и полабских славян, где эти городища относятся в основном к IX—X вв.[36] Хорошо известны круглые городища и в Польше: они встречаются в Нижнем Повисленье,[37] Силезии, Великопольше,[38] Мазовии,[39] в районе Люблина.[40] Некоторые из этих городищ относятся к раннему времени — до IX в.[41] Очевидно, что круглый тип укреплений имел довольно широкое распространение почти на всей территории Польши, хотя, по-видимому, в одних районах такие памятники встречаются чаще, в других — реже. Известны круглые городища на плоской местности и в Чехии, где они появляются в IX—X вв., получают широкое распространение в XI—XII вв. и резко сокращаются с середины XIII в.[42]

Таким образом, несомненно, что широкое распространение круглых укреплений, расположенных на равнине, — одна из характернейших особенностей военного зодчества западных славян. И применение таких круглых укреплений в западных районах Руси говорит о тесной культурной связи этих районов с западнославянским миром.[43]

---

[36] J. Herrmann. Einige Fragen der Slawischen Burgenentwicklung zwischen mittlerer Elbe und Oder. Slavia Antiqua, t. X. Warszawa—Poznań, 1963, стр. 188; W. Radig. Burgenarchäologie und Landesgeschichte. Frühe Burgen und Städte. Berlin, 1954, стр. 203; P. Grimm. Die Vor- und Frühgeschichtlichen Burgwälle der Bezirke Halle und Magdeburg. Berlin, 1958, стр. 73; K. W. Struve. Die slawischen Burgen in Wagrien. Offa, 17/18, Berichte und Mitteilungen aus dem Schleswig-Holsteinischen Landesmuseum, Neumünster, 1961, стр. 60; R. v. Uslar. Studien zu frühgeschichtlichen Befestigungen zwischen Nordsee und Alpen. Köln, 1964, стр. 101. Отдельные, очень характерные примеры круглых городищ см. также: E. Schuldt. Ein Burgwall aus dem Anfang des 9 Jahrhunderts in Mecklenburg. Frühe Burgen und Städte. Berlin, 1954, стр. 70; J. Herrmann. Der slawische und frühdeutsche Burgwall bei Mörz. Ausgrabungen und Funde, H. 6, 1959, стр. 286.

[37] L. Rauhut, J. Rauhutowa, C. Potemski. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych w Fordonie. WA, t. XXVI, z. 3—4, 1959—1960, стр. 162.

[38] J. Kamińska. Grody wczesnośredniowieczne ziem Polski Środkowej na tle osadnictwa. Łódź, 1953, стр. 260; Z. Hilcerówna. Sprawozdanie z badań na wczesnośredniowiecznym grodzisku w Daleszynie. Sprawozdania Archeologiczne, t. V, Wrocław—Kraków, 1959, стр. 147; Silesia Antiqua, t. IV, Wrocław, 1962, стр. 313.

[39] WA, t. XX, z. 3, 1954, стр. 304.

[40] M. Gajewska. Grodzisko z IX wieku w Chodliku. Archeologia Polski, t. III, z. 2, Warszawa, 1959, стр. 285.

[41] См., например, описание круглого городища VII в.: S. Jasnosz. Wstępne badania wykopaliskowe na wczesnośredniowiecznym grodzisku w Bruszczewie w pow. Kościańskim. Przegląd archeologiczny, t. XVI, r. 38, Wrocław, 1964, стр. 172.

[42] A. Hejna. Přispěvek k otázce původu a významu kruhového blatného hrádku v čechách. Památky archeologické, č. I, r. XLVIII, Praha, 1957, стр. 232.

[43] Следует отметить, что круглые городища не являются исключительной особенностью славянских земель. Такие памятники известны также в Северной Германии, Дании, Голландии, Швеции, на Британских островах (см., например: E. Sprockhoff. 1) Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen der Hünenburg von Stöttinghausen, Germa-

Замечательно, однако, что в западных русских районах круглые городища встречаются далеко не всюду. Их можно найти в северной части Волыни, Туровском Полесье, Подляшье, в Черной Руси, т. е. вдоль западной границы Руси к северу от Волыни. С другой стороны, круглые городища широко распространены на крайнем юге западнорусских земель — в Нижнем Поднестровье и Побужье. Посредине, на основной части территории Волыни и в Галицкой земле круглых городищ X—XI вв. нет. На Волыни вместо них употреблялся «волынский тип» укреплений, а в Галицкой земле все городища этого времени мысовые. При этом нужно отметить, что и сами круглые городища Западной Руси относятся к нескольким различным вариантам.

Детальный анализ западнорусских городищ, имеющих искусственно приданную геометрическую форму плана, позволяет разделить их на несколько групп, заметно отличающихся друг от друга. Каждая такая группа занимает достаточно четко определяемую территорию (рис. 153).

Первая группа. Простые круглые городища, окруженные довольно мощным валом и расположенные на плоской местности, чаще всего на пологом склоне. Городища эти находятся в бассейне среднего течения Южного Буга и в междуречье Прута и Днестра — на территории летописных уличей и тиверцев.

Вторая группа. Простые круглые городища обычно небольшого размера, расположенные среди болота и окруженные невысоким валом, а иногда вовсе лишенные вала. Находятся на территории Полесья — в северных районах Волыни и западной части Турово-Пинской земли.

Третья группа. Городища круглой формы, окруженные несколькими кольцевыми валами, расположенными, как правило, не концентрично. Городищ такого типа известно немного. Все они расположены в северо-западной части Волыни, Подляшье и примыкающей к ним западной части Черной Руси.

Четвертая группа. Городища «волынского типа», имеющие в плане форму, близкую к квадрату с округлой одной или двумя сторонами. Расположены на основной территории Волыни в полосе лесостепи.

Эти четыре группы городищ занимают совершенно определенные и достаточно четко разграниченные территории. В виде исключения лишь одно городище, близкое к «волынскому типу» (Судовая Вишня), расположено на территории соседней Галицкой земли. Кроме того, существует несколько округлых городищ, не входящих в упомянутые четыре группы. Так, в восточной части Волыни среди памятников «волынского типа» можно отметить одно полукруглое городище (Дермань), а в северо-западной части, на границе городищ «волынского типа» и круглых болотных, имеется большое городище неправильно округлой формы, окруженное мощным валом (Мельница). В Галицкой земле (Завадов) и в Черной Руси (Санюки) известны круглые городища, расположенные на отдельных холмах и своей формой, по-видимому, в значительной степени обязанные конфигурации самой возвышенности.

Наличие отдельных исключений, а также городищ, не входящих в группы, не меняет положения: в западнорусских землях в X—XI вв. имеется несколько различных групп укреплений, четко различающихся своей плановой схемой. Сюда следует добавить также еще укрепления, составляющие **пятую группу.** Они расположены на основной территории Галицкой земли. Эта территория выделяется среди западнорусских земель в самостоятельный район не своеобразным типом круглых городищ, а, наоборот, отсутствием таких городищ. В X—XI вв. на всей территории Галицкой земли полностью господствуют укрепления мысового типа, подчиненные защитным свойствам рельефа местности.

О чем говорит наличие различных групп западнорусских городищ? И если наличие

---

nia, XVII, 1933, H. 3, стр. 213; 2) Der Ringwall von Burg bei Altencelle. Germania, XXI, 1937, H. 2, стр. 118; M. Stenberger. 1) Öland under äldre järnäldern. Stockholm, 1933, стр. 269; 2) Nytt från Eketorp. Fornwännen, 1965, № 4—6, стр. 154; R. v. Uslar. Studien zu frühgeschichtlichen Befestigungen zwischen Nordsee und Alpen, стр. 74; H. Jankuhn. Ein Burgentyp der späten Wikingerzeit in Nordfriesland und sein historischen Hintergrund. Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig—Holsteinische Geschichte, Bd. 78, Neumünster, 1954. стр. 1, 7, 8; M. J. O'Kelly. Two ring-forts at Garryduff. Proceedings of the Royal Irish Academy, v. 63, s. C, № 2, Dublin, 1962, стр. 17). Широкое распространение круглых укреплений в различных странах Европы отмечено также в обзоре развития феодальных укреплений, составленном А. Хейна (A. Hejna. K situační a stavebni formaci feudálniho sidla v Evropě. Památky archeologicke, r. LVI, č. 2, 1965, стр. 551—557).

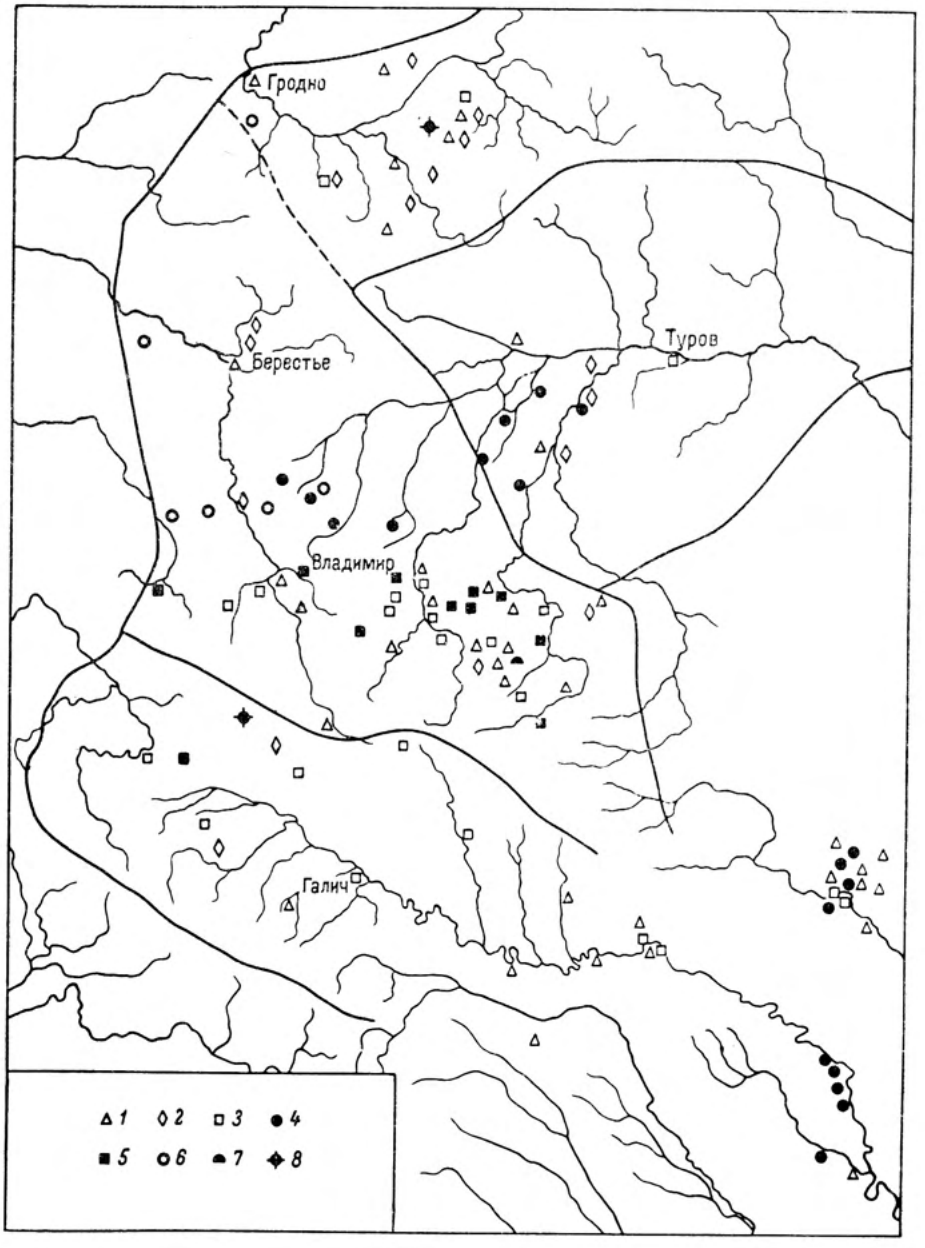

Рис. 153. Карта типов городищ X—XI вв. в Западной Руси.

1 — мысовые; *2* — островные; *3* — сложные; *4* — круглые; *5* — «волынского типа»; *6* — круглые с несколькими кольцевыми валами; *7* — полукруглые; *8* — круглые на вершине холма.

круглых городищ в Западной Руси свидетельствует о связях с западнославянским миром, то не свидетельствует ли отсутствие круглых городищ на Волыни и в Галицкой земле об отсутствии таких связей? Оказывается, что «волынский тип» городищ, характерный для Волыни в конце X и XI в., говорит именно

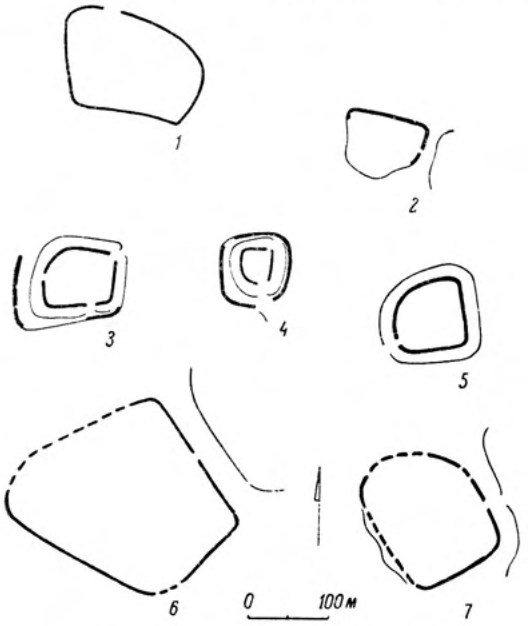

Рис. 154. Городища «волынского типа».

1 — детинец Владимира-Волынского; *2* — Тихомль; *3* — Посников; *4* — Одерады; *5* — Острожец; *6* — Пересопница; *7* — Шеполь.

о западных военно-инженерных связях. Укрепления этого типа расположены, как и круглые, на более или менее плоской местности и имеют в плане форму прямоугольника с одной или двумя скругленными сторонами, т. е. как бы сочетают прямоугольник с кругом (рис. 154). В других русских землях, кроме Волыни, подобные памятники существуют лишь в виде единичных исключений.

Между тем вне Руси подобные городища известны. В отличие от круглых городищ, распространенных на всех западнославянских землях, этот тип встречается главным образом у поморских славян. Так, овально-четырехугольные городища, относящиеся к IX—XI вв., имеются в Западном Поморье.[44] Встречается такая форма городищ и на территории бассейна Эльбы (Лабы).[45]

Связь укреплений «волынского типа» с военным зодчеством поморских и полабских славян не может вызывать сомнений и, очевидно, имеет глубокие корни. Быть может, не случайно, что связь эта объединяет земли, в которых главные города имели одинаковое название: Волин—Волынь.

Объяснить господство мысового типа укреплений в Галицкой земле можно либо отсутствием западного влияния и тесной связью Галича с Киевом, либо какой-то особой спецификой западных влияний в этом районе. Первое предположение полностью отпадает, так как хорошо известно, что именно Галицкая земля была меньше всех других русских земель связана с Киевом в X—XI вв. и больше тяготела к Польше. Кроме того, круглые городища известны и значительно восточнее и юго-восточнее Галича — в землях уличей и тиверцев, т. е. в Нижнем Поднестровье и Побужье. Таким образом, несомненно, что отсутствие круглых городищ в данном случае определяется не отсутствием связей с военно-инженерным искусством западных соседей, а, наоборот, именно этими связями, но связями с одним определенным районом — Малопольшей, т. е. с той частью Польши, где круглые крепости также не применялись и где основным типом в X—XI вв. были мысовые укрепления.

Помимо «волынского типа», в западнорусских землях встречается еще один тип городищ, настолько своеобразный, что аналогий ему нет ни в каком другом районе древней Руси. Это круглые городища третьей группы, имеющие, кроме вала, окружающего центральную площадку, еще наружный кольцевой вал. Расстояние между валами настолько значительно, что в междувалье создается самостоятельная площадка, нечто вроде неболь-

[44] T. Białecki. Terytorium pyrzyckie w okresie wczesnego średniowiecza. Materiały zachodniopomorskie, t. VI. Szczecin, 1960, стр. 293; A. Stafinski. Najdawniejsze słowiańskie osiedla obronne w okolicach Szczecinka. Там же, стр. 209.

[45] J. Herrmann. Die Vor- und Frühgeschichtlichen Burgwälle Gross-Berlins und des Bezirkes Potsdam, стр. 32, 33; P. Grimm. 1) Die Vor- und Frühgeschichtlichen Burgwälle der Bezirke Halle und Magdeburg, стр. 73, рис. 29 (№ 685); 2) Die Wallburg «Der Kessel» bei Kretzschau—Groitzschen. Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, Bd. 35, Halle, 1951, стр. 171. — Следует отметить, что плановая схема, близкая к «волынскому типу», имела распространение не только у поморских и полабских славян, но также в германских укреплениях каролингского и оттоновского времени (см., например: R.v. Uslar. Studien zu frühgeschichtlichen Befestigungen zwischen Nordsee und Alpen, стр. 94, 114, 116 и др.).

шого окольного города (рис. 155). Городищ такого типа известно очень немного — Индура и Збочно в Черной Руси, Канье, Смидин и Тарнув близ Холма. Вариантом являются городища, в которых наружный и внутренний валы расположены настолько эксцентрично, что на одном из участков почти вплотную сближаются. Получается городище с круглым детинцем и примыкающим к нему сбоку окольным городом, которые снаружи вместе окружены одним общим валом округлой или эллиптической формы. Таково 2-е Любомльское городище. В несколько усложненном виде (с третьим наружным валом) этот тип представлен городищем Дзиенциолы. Несмотря на небольшое количество подобных памятников, они все же сигнализируют о существовании какой-то локальной военно-инженерной традиции.

Судя по тому, что данные городища концентрируются в северо-западных районах Русской земли, возникает предположение: не объясняется ли наличие этого особого варианта плановой структуры укреплений связью с Мазовией? [46]

В землях поморских славян городища такого типа встречаются, но крайне редко. В качестве примера можно привести городище Дрензе в Западном Поморье (округ Пренцлау), имеющее два концентрических вала, из которых наружный относится к VIII—IX, а внутренний к X—XI вв.[47]

К сожалению, пока еще неясно, с каким кругом памятников западнославянского мира следует связывать круглые городища первой и второй групп.

Появление в конце X в. новой, сложной плановой схемы оборонительных сооружений не является свидетельством наличия каких-либо определенных культурных связей. Сложный тип отвечает не столько военно-инженерным, сколько социальным требованиям — это система обороны средневекового города. Образование данного типа связано с определенным этапом формирования городов. Связь укреплений окольного города с ростом городского посада и со становлением городского самоуправления отмечают многие исследователи как древнерусских, так и западнославянских городов.[48] И с этой точки зрения очень характерно, что такие укрепления появились на Руси, в Польше и в Поморье почти одновременно — в X в.[49]

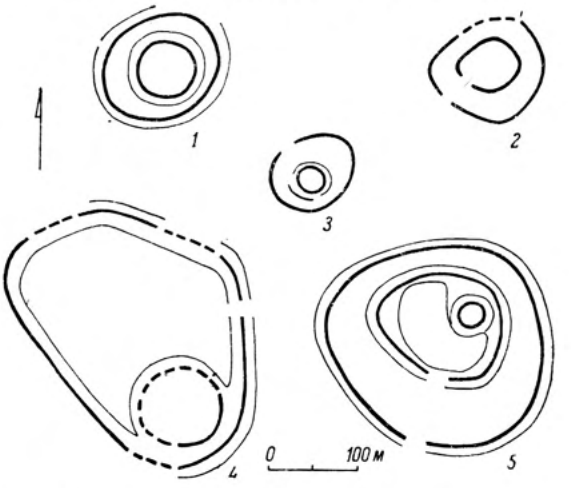

Рис. 155. Городища с несколькими кольцевыми валами.

1 — Канье (по Скибиньскому); *2* — Збочно; *3* — Индура; *4* — 2-е Любомльское; *5* — Дзиенциолы (по Коморовскому).

Таким образом, в X—XI вв. военное зодчество западнорусских земель делится на несколько групп, явно имеющих различные военно-инженерные традиции. И если Полоцкая и Смоленская земли полностью примыкают в этом отношении к более восточным русским районам, то Галицкая и Волынская земли, Туровская земля (во всяком случае ее центральная и западная части) и Черная Русь имеют много элементов, говорящих о связях с западнославянским миром. При

[46] Ряд исследователей указывает на мазовецкое влияние и даже наличие мазовецкого населения на территории Подляшья и Черной Руси (Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962, стр. 139; K. Musianowicz. Przyczynki do osadnictwa mazowieckogo na Podlasiu w XII—XIII w. Światowit, t. XXI, Warszawa, 1955, стр. 272; D. Jaskanis. Materialy z badań wczesnośredniowiecznego cmentarzyska w miejscowości Podroś koło Wolkowyska w BSRR. Rocznik Białostocki, t. III, 1962, стр. 361).

[47] Сведения любезно сообщены И. Херрманном (Берлин).

[48] W. Hensel. Archeologia o początkach miast słowiańskich, стр. 30.

[49] J. Herrmann und R. Hoffmann. Neue Forschungen zum slawischen und frühdeutschen Burgwall «Rauberberg». Ausgrabungen und Funde, H. 6, 1959, стр. 303; J. Herrmann. Die Vor- und Frühgeschichtlichen Burgwälle Gross-Berlins und Bezirkes Potsdam, стр. 35; W. Hensel. Budownictwo obronne za czasów pierwszych Piastów. Początki państwa Polskiego. Księga tysiąclecia, t. 1, Poznań, 1962, стр. 172.

этом западные военно-инженерные связи Волыни тянутся к Поморским землям, а Галицкой земли — в Малопольшу.

Эти локальные особенности касаются основных приемов плановой структуры укреплений и свидетельствуют о серьезных различиях в инженерных традициях, восходящих первоначально к характеру рельефа, диктовавшего развитие приемов планировки оборонительных сооружений. В условиях пересеченной или холмистой местности создавались варианты островных или мысовых типов, а на плоской, равнинной и заболоченной местности — круглый тип. Однако, сложившись под непосредственным влиянием рельефа и ландшафтных условий, инженерные традиции в дальнейшем приобрели самостоятельное значение, и в X—XI вв. выбор планового типа укреплений, очевидно, уже больше зависел от существующей в данном районе инженерной традиции, чем непосредственно от условий местности.

Характерно, что сходство плановых типов укреплений разных районов Западной Руси с западнославянскими проявляется в наиболее ранних памятниках, относящихся в основном к X в. Это говорит о том, что решающими в установлении общих плановых приемов были взаимоотношения не государственные или междукняжеские, а более ранние, относящиеся ко времени до сложения Древнерусского и Польского государств. Очевидно, локальные группы памятников военного зодчества, которые можно отметить в западнорусских землях, отражают какие-то древние, вероятно, еще племенные традиции.

Совместное существование в пределах древней Руси различных плановых типов укреплений могло быть возможным лишь потому, что все эти типы, как связанные с защитными свойствами рельефа, так и не зависящие от них, отвечали одной тактической схеме обороны. Тактика осады и обороны укреплений была в это время одинакова на всей территории Русской земли.

* * *

Очень существенные данные для уточнения военно-инженерных связей и взаимоотношений западнорусских земель в X—XI вв. могло бы дать изучение оборонительных конструкций. Однако наземные конструкции этого времени известны пока настолько приблизительно, что не могут служить источником для каких-либо выводов в этом области. Несколько больше сведений имеется в отношении внутренних конструкций валов. Можно отметить, что почти все внутривальные деревянные конструкции, обнаруженные в Галицкой и Волынской землях, относятся к одному конструктивному типу — срубному.

Вопрос о значении внутренних каркасов и об отличиях их типов у славян уже поднимался в научной литературе.[50] До сих пор все же не удалось окончательно выяснить, с чем больше связаны варианты устройства таких деревянных каркасов — с различиями этнического характера или с политическими членениями. Для Польши наиболее характерным становится «рустовый» тип внутривальной конструкции, а для Чехии решетчатый каркас с каменной передней стенкой, хотя и здесь существует большое количество исключений. В Западном Поморье, по-видимому, применялся особый вариант — сочетание «рустовой» конструкции в лицевой части вала со срубами в его средней части.[51] Для Руси, во всяком случае с X в., становится характерным срубный тип, хотя отдельные примеры такой конструкции встречаются как в Польше, так и у южных славян.

Русские срубные конструкции в деталях очень существенно отличаются друг от друга. Известны как отдельно стоящие срубы, плотно приставленные один к другому, так и связанная система срубов.[52] Оба эти варианта встречаются и в западнорусских районах. Таким образом, внутривальные конструкции Галицкой и Волынской земель сви-

---

[50] W. Hensel. 1) Types de fortifications slaves du Haut Moyen Age. Archaeologia Polona, t. II, Warszawa, 1959, стр. 71; 2) Budownictwo obronne za czasów pierwszych Piastów, стр. 167; I. Kavan. Některé zyláštnosti v konstrukci valu slovanskych hradišt v IX a X stoleti. Archeologické rozhledy, r. XII, 1960, s. 2, стр. 203.

[51] J. Grzośkowiak. Badania nad wczesnośredniowiecznym Włocławkiem. Z otchłani wieków, r. XXVII, 1962, z. 4, стр. 295; L. Leciejewicz. Investigations concerning early medieval Kolobrzeg in Pomerania. Archaeologia Polona, t. V, Warszawa, 1962, стр. 138.

[52] Количество известных вариантов срубных внутривальных конструкций на Руси за последние годы значительно возросло. Очень своеобразна, например, конструкция, состоящая из отдельных срубов, плотно приставленных один к другому, где каждый сруб является составным, срубленным «внахлестку». Такая конструкция обнаружена в вале Владимира на Клязьме (В. В. Седов. Из полевых исследований 1961 г. КСИА, вып. 96, 1963, стр. 37).

детельствуют об их восточнославянском, русском характере. Впрочем, окончательные выводы в этом отношении делать еще преждевременно, поскольку количество изученных конструкций как в Западной Руси, так и в Малопольше ничтожно мало.

Конструкция не срубного типа была обнаружена в западнорусских землях лишь два раза — в валу древнего Минска и на городище Алчедар (древний Черн). Деревянный каркас минского вала относится к одному из вариантов «рустовой» конструкции. По-видимому, нечто подобное имело место и в валах Алчедара. Означает ли это, что валы Минска и Черна были сооружены под непосредственным влиянием польского военно-инженерного искусства? Определенно ответить на этот вопрос пока невозможно. Дело в том, что «рустовая» конструкция была открыта также в валу детинца в Новгороде и, видимо, в валу древней Твери, т. е. в северной части Руси.[53] Но в землях северо-западных славян «рустовая» конструкция в сочетании со срубной имеет очень глубокие традиции. Судя по городищу Кентескалнс, подобная конструкция уже в VIII в. применялась в Прибалтике даже в укреплении, построенном не славянами, а балтами.[54] Таким образом, очень вероятно, что в северной полосе славянских земель издавна существовала особая военно-инженерная традиция, захватывавшая как Поморье, так и северную часть восточнославянской территории, а иногда, вероятно, проникавшая даже далеко на юг.

В валу Московского Кремля была открыта «крюковая» конструкция крепления вала, типичная для Великопольши.[55] Такие же крюки в конструкции вала были раскопаны в валу детинца в Новгороде.[56] Казалось бы, что это обстоятельство безусловно свидетельствует о прямом влиянии Великопольши. Ведь даже в Поморье все примеры употребления такой конструкции объяснялись именно влиянием военного зодчества пястовской Польши эпохи Мешко I (вторая половина X в.).[57] Между тем такая же «крюковая» конструкция вскрыта на нескольких славянских городищах в районе Берлина, относящихся ко времени до X в.[58] Может быть, применение крючьев в креплении внутривального каркаса является приемом не специфически великопольским, а общим для нескольких районов северной части славянства?

Дальнейшие исследования покажут, что представляют собой имеющиеся на Руси примеры особых внутривальных конструкций, не похожих на общерусские (в Минске, Черне, Новгороде, Твери, Москве). Они могут оказаться связанными как с проявлением древней славянской инженерной традиции, так и с прямым влиянием польского военно-инженерного искусства.

Можно отметить, что уже в X—XI вв. в русских землях складывается несколько вариантов срубных конструкций вала с не засыпанными землей клетями. Один вариант представлен укреплениями, в которых весь ряд клетей, связанных с конструкцией вала, использовался для хозяйственных или жилых нужд. В Западной Руси к этому типу относится городище в Судовой Вишне, а в Поднепровье городища у хутора Кизивер и в хуторе Миклашевском.[59] В другом варианте

---

[53] П. Раппопорт. Очерки II, стр. 110. О конструкции вала в Новгороде подробнее см.: М. Х. Алешковский. Новгородский детинец 1044—1430 гг. Архитектурное наследство, № 14. М., 1962, стр. 15.

[54] А. Я. Стубавс. Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг. В сб.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, стр. 194.

[55] Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. Археологические работы в Московском Кремле. СА, 1963, № 1, стр. 267. — «Крюковая» конструкция московского вала может быть датирована серединой или второй половиной XII в. Очень возможно, что именно этот вал был возведен в 1156 г. по распоряжению Юрия Долгорукого (М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964, стр. 30). Необходимо сделать еще одно уточнение датировки. В научной литературе давно уже дискутируется вопрос о времени основания *города* Москвы. Наиболее аргументированным является утверждение М. Г. Рабиновича, который относит возникновение Москвы не к середине XII в., а к более раннему времени, по крайней мере к рубежу XI и XII вв. Теперь эта точка зрения получила убедительное подтверждение благодаря находке в раскопках на мысовой части Кремля вислой свинцовой печати конца XI—начала XII в. (Наука и жизнь, 1965, № 9, стр. 146).

[56] М. Х. Алешковский. Новгородский детинец..., стр. 11.

[57] Например: L. Leciejewicz. Badania archeologiczne w Kolobrzegu w r. 1956. Sprawozdania archeologiczne, t. V, Wrocław, 1959, стр. 141.

[58] J. Herrmann. 1) Die Ergebnisse der Ausgrabungen im Slawischen Burgwall von Tornov, Kr. Calau. Ausgrabungen und Funde, Bd. 8, H. 3, 1963, стр. 151; 2) Ausgrabungen im altslawischen Burgwall von Vorberg, Kr. Calau. Ausgrabungen und Funde, Bd. 9, H. 3, 1964, стр. 145.

[59] М. П. Кучера. 1) Древньоруські городища біля хутора Кизивер. Археологія, т. XVI, Київ,

клеть, имевшая внутреннее помещение, чередовалась с несколькими клетями, забитыми землей. Так были устроены валы в Витичеве и Василёве. В XII в. более широкое распространение получил первый вариант, хотя, по-видимому, продолжали строить укрепления и второго типа.[60] Наконец, на городище Ленковцы узкие клети расположены длинной стороной поперек направления оси вала. Очевидно, что оборонительная конструкция этого городища представляет собой еще один, самостоятельный вариант.

Было высказано предположение, что некоторые формы оборонительных сооружений — рвы, расположенные на склонах, и тройная линия валов — были внесены в древнерусское военное зодчество выходцами из степей.[61] В отношении рвов на склонах это очень вероятно, но многорядные валы известны на Руси и в районах, не имевших прямого соприкосновения со степью.

2

Развитие плановых типов оборонительных сооружений во второй половине XI и XII в. вносит существенные изменения в группировку местных «школ» военного зодчества западнорусских земель. В Смоленской и Полоцкой землях начинают строить круглые крепости. Это полностью совпадает с развитием плановых типов в большинстве районов древней Руси; ведь именно со второй половины XI в. круглые крепости получают широкое распространение в Киевской земле и Днепровском Левобережье, а в XII в. и в Северо-Восточной Руси. Постепенно исчезает своеобразие волынских оборонительных сооружений; к концу XI в. на Волыни полностью перестают строить крепости «волынского типа».

Таким образом, эволюция плановых типов укреплений не только Смоленской и Полоцкой земель, но и Волыни в XII в. происходит в общих чертах, так же как и на большей части древнерусской территории.

Некоторое своеобразие, по-видимому, сохраняет Черная Русь (или же только ее западная часть), где наряду с простыми круглыми крепостями (Мстибогов) продолжают сооружать также укрепления, состоящие из двух концентрических линий валов, довольно далеко отстоящих друг от друга (Збочно). Видимо, здесь сохранялись еще инженерные традиции, сложившиеся в предшествующий период.

Более четко проявляется в XII в. своеобразие плановой структуры укреплений в Галицкой земле. В это время, когда на всей территории Руси получают широкое распространение круглые крепости, почти все галицкие укрепления продолжали возводить по старой мысовой схеме. Таковы замки Рогатин, Голые Горы, Вишня, городки Василёв, Калиус и др. Правда, проникает сюда и круглый тип, но в отличие от мысового он применяется не в центральной, а лишь в восточной части Галицкой земли. Это обстоятельство заметно выделяет Галицкое княжество среди прочих древнерусских земель. Очевидно, связь с военным зодчеством Малопольши продолжает здесь играть важную роль и в XII в.[62] Конечно, господ-

1964, стр. 113; 2) Древньоруське городище в хут. Миклашевському. Археологія, т. XIV, Київ, 1962, стр. 100.

[60] Б. А. Рыбаков. Владимировы крепости на Стугне. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 127, 129; В. К. Гончаров. Древньоруське городище Іван-Гора. Археологія, т. XVI, Київ, 1964, стр. 127.

[61] С. А. Плетнева, Т. И. Макарова. Южное городище у с. Витачева. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 60.

[62] Почти аналогичная картина имела место и в галицкой культовой архитектуре. В начале XII в. при князе Володаре в Перемышле была построена церковь Иоанна Крестителя. Польский хронист Длугош отметил, что она была сделана не из кирпича, а из тесаного камня — «ex petra quadra» (Joannis Dlugossii seu longini canonici cracoviensis Historiae Polonicae libri XII, t. I. Cracoviae, 1873, стр. 52, 533. См. также: Я. Пастернак. Археологія України. Торонто, 1961, стр. 641). Совершенно очевидно, что это обращение к белокаменной технике было следствием влияния романской архитектуры, вернее всего, архитектуры Малопольши. Легко объяснить, почему это влияние проникло в Перемышль: своих строительных кадров здесь еще не было, а отношения Володаря с киевским и волынским князьями были враждебными. Когда в начале XII в. возникла необходимость в строительстве церкви, за мастерами пришлось обращаться не в Киев, а к ближайшим западным соседям. Антагонизм между католической и православной церквями в начале XII в. был еще не настолько силен, чтобы послужить препятствием участию польских зодчих в строительстве русской церкви.

Впрочем, развитие тенденций и влияний в военной и культовой архитектуре вовсе не всегда совпадает. Так, например, в середине XII в., когда в Галицкой земле уже сложились свои традиции монументального зодчества, галицкие мастера были вызваны для строительства в Суздальскую землю. Это произошло примерно при та-

ство в Галицкой земле в XII в. укреплений мысового типа не обязательно объяснять прямой связью галицкого оборонного строительства этого времени с военным зодчеством Малопольши. Эта связь могла сыграть существенную роль в сложении здесь в X—XI вв. устойчивых инженерных традиций, которые продолжали существовать и в XII в., но уже как местные, галицкие традиции. Однако независимо от того, являются ли плановые схемы галицких крепостей XII в. следствием прямого влияния Малопольши или же они обязаны своим существованием устойчивости ранее сложившихся местных инженерных традиций, несомненно, что галицкое военное зодчество до XIII в. существенно отличается по плановым схемам крепостей от военного зодчества других русских земель. В то же время остальные западнорусские территории теряют значительную часть своих специфических особенностей в планировке укреплений.

Таким образом, во второй половине XI и XII в. в западнорусских землях происходит процесс нивелирования местных особенностей в планировке укреплений. На первый взгляд это несколько противоречит тем общеисторическим тенденциям, которые характерны для эпохи феодального дробления и сложения мелких самостоятельных княжеств. Однако разделение Руси на мелкие княжеские уделы сравнительно мало сказалось на плановой структуре укреплений. Процесс развития плановых типов крепостей проходил более или менее единообразно на всей русской территории. Видимо, общие тактические схемы обороны, которые диктовали выбор плановой структуры укреплений, мало зависели от политического дробления страны. В гораздо большей степени на своеобразие планировки крепостей оказывали влияние старые, возможно еще племенные, военно-инженерные традиции и иноземные влияния. Но именно эти две особенности в XII в. все более слабеют в западнорусских землях, результатом чего и является постепенное исчезновение местных вариантов плановой структуры укреплений. На Волыни это явление сказалось в большей степени, в Галицкой земле — в меньшей.

Единственной группой военно-инженерных сооружений, которая выделилась в XII в. в качестве самостоятельной «школы» военного зодчества, являются города Болоховской земли. Сложная многорядная система валов, резко отличающаяся от всех других оборонительных сооружений не только Западной Руси, но и всей Русской земли в целом, несомненно свидетельствует о сложении здесь местной, очень яркой, хотя и небольшой «школы» военного зодчества. На Руси в это время близкие схемы обороны можно видеть в Рязанской земле, однако разница между болоховскими и рязанскими крепостями все же очень велика. Ни о каком иноземном влиянии в данном случае также речи быть не может, поскольку подобные плановые схемы на Западе неизвестны.

3

Процесс исчезновения местных особенностей и сближения плановой структуры оборонительных сооружений западных и восточных районов Руси продолжался весь XII в. и, очевидно, первую половину XIII в. Положение существенно изменилось во второй половине XIII в., когда в западнорусском военном зодчестве произошли изменения, коснувшиеся как общих плановых принципов, так и конструкций.

С 70—80-х годов XIII в. на Волыни началось строительство каменных и кирпичных башен. Такие башни полностью соответствовали тактическим требованиям, которые сложились в это время на Руси. Они обеспечивали круговой обстрел и усиление обороны напольной стороны крепостей. Однако в других районах Русской земли эти же тактические задачи решались несколько по-иному. Возможно, что в ряде случаев в Северо-

---

ком же стечении обстоятельств, как и вызов романских мастеров в Перемышль в начале XII в.: суздальский князь Юрий Долгорукий был во враждебных отношениях с киевским князем, но в союзе с галицким. Свои же строительные кадры в Суздальской земле в первой половине XII в. еще отсутствовали. Более подробно об этом см.: Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. I. М., 1961, стр. 109. Однако аналогия в развитии культовой архитектуры здесь не сопровождалась аналогией в оборонном строительстве. Зодчих для постройки церквей у князя Юрия не было, а городники, очевидно, были свои. Поэтому княжеские крепости, построенные в это время, лишь по названиям напоминают галицкие города — Перемышль, Галич, Микулин. Плановая же их структура совершенно не похожа на галицкие: это круглые и полукруглые крепости, правда, не совсем совпадающие по своим особенностям и с киевскими крепостями.

Западной Руси также применяли отдельно стоящие башни, предназначенные для кругового обстрела и служившие центральным ядром обороны крепости. В. В. Косточкин считает, например, что именно такова была первоначальная организация обороны Изборской крепости, построенной в начале XIV в.[63] Но даже если «однобашенные крепости» иногда строили и в Новгородской земле, все же этот прием нигде, кроме Волыни, не получил широкого распространения. Объясняется это тем, что на Волыни те же тактические принципы, которые господствовали в это время и в других русских землях, были интерпретированы очень своеобразно под сильным влиянием военного зодчества западных соседей.[64] Об этом свидетельствуют прежде всего архитектурные формы самих башен. Нервюрный свод на «гирьках», стрельчатые проемы и окна с трехлопастным завершением в Каменецкой башне (рис. 156, 157), резные профилированные детали, найденные при раскопках в Столпьенской башне — все это несомненно формы готической архитектуры. Вероятнее всего, что они проникли на Волынь из Польши. Более детально указать источник, оказавший влияние на волынское военное зодчество, пока трудно, поскольку детали и профили волынских башен позволяют говорить лишь об их раннеготическом характере в целом, а не о принадлежности к определенной группе готических памятников.[65] Сам же принцип создания мощных башен-донжонов в качестве центральных опорных пунктов обороны характерен в это время не только для Польши, но для всех западных соседей Руси.

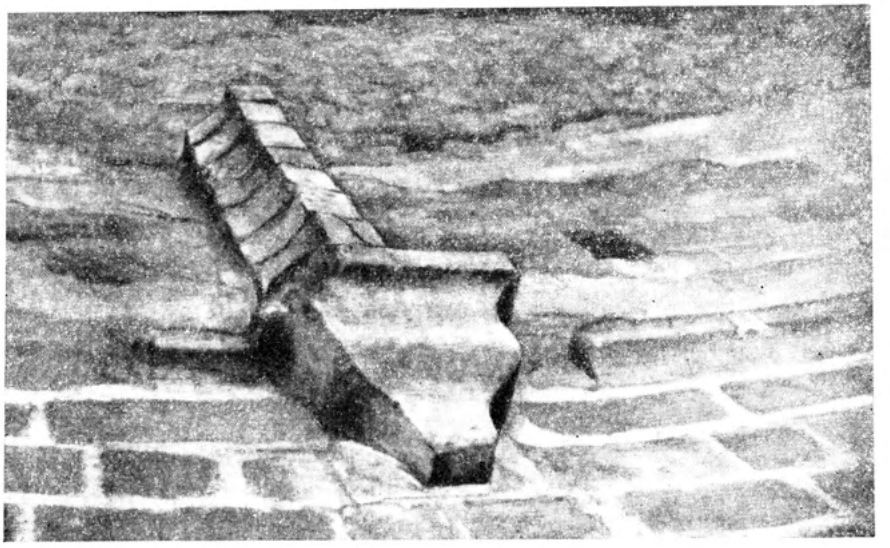

Рис. 156. Башня в Каменце-Литовском. «Гирька» нервюрного свода.

Башня-донжон как основной элемент обороны, рассчитанная на круговой обстрел и связанная с жилищем феодала, едва ли не самая характерная форма европейской средневековой военной архитектуры. В северных и западных районах Европы такие башни строили уже с IX в., а в X в. они получили довольно широкое распространение.[66] В восточные части Европы донжоны

---

[63] В. В. Косточкин. 1) Строительная биография крепости Изборска. СА, 1959, № 1, стр. 141; 2) Русское оборонное зодчество. М., 1962, стр. 97.

[64] П. А. Раппопорт. Оборонительные сооружения Западной Волыни XIII—XIV вв. Światowit, t. XXIV, Warszawa, 1962, стр. 626.

[65] Архитектурные формы и строительная техника башни в Каменце-Литовском находят ближайшие аналогии в позднероманской церкви Якуба в Сандомире (Z. Świechowski. Budownictwo romańske w Polsce. Katalog zabytków, Wrocław—Warszawa—Kraków. 1963, стр. 233).

[66] Относительно общих принципов развития оборонительных жилых башен-донжонов см.: C. Schuchhardt. Ursprung und Wanderung des

проникают несколько позже. Так, в Западном Поморье строительство деревянных одно-башенных замков началось в XII в. вместе с проникновением на эту территорию немцев.[67] Однако замки подобного типа не связаны с определенными национальными особенностями; они одинаково легко распространились как в германских, так и в славянских землях и даже на мусульманском Востоке.[68]

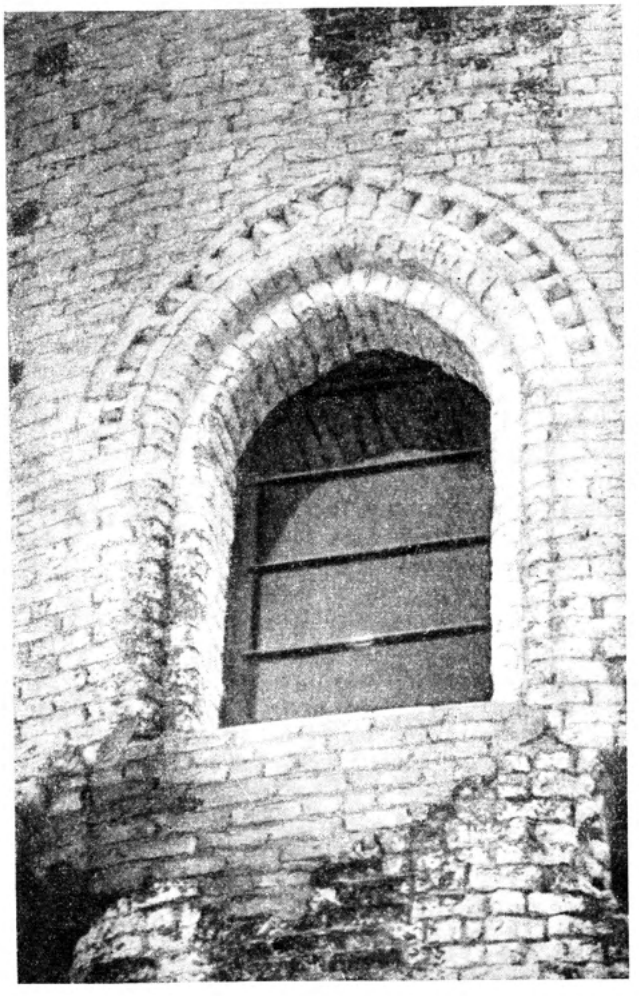

Рис. 157. Башня в Каменце-Литовском. Проем IV яруса.

В Польше донжоны появились в конце XII в., а получили распространение в XIII в.[69] В это же время они нашли широкое применение в Чехии[70] и Венгрии.[71] Повсеместное распространение башен-донжонов объясняется тем, что они отвечали как военным, так и социальным требованиям эпохи: это был идеальный тип укрепленного жилища феодала. Совершенно понятно поэтому проникновение данного типа оборонительных сооружений в западнорусские земли, социальный строй которых почти ничем не отличался от западных соседей — Польши и Венгрии. Гораздо более удивительно, что башни получили распространение не на всей западнорусской территории, а только на Волыни и тесно с ней связанной Черной Руси. В Галицком княжестве (если не считать Холмской земли, политически тяготевшей в это время к Галичу) они полностью отсутствуют; здесь нет ни остатков таких башен, ни указаний на них в письменных источниках.

* * *

Не одни только каменные и кирпичные башни-донжоны определяли собой военное зодчество Волыни во второй половине XIII и первой половине XIV в. Наряду с ними существовали и деревянно-земляные укрепления, продолжавшие традиции западнорусских оборонительных сооружений предшествующей поры. В количественном отношении деревянные крепости на земляных валах даже значительно преобладали над каменными башнями. Тем не менее значение волынских башен и их ярко выраженные западные черты не оставляют сомнений в том,

---

Wohnturms. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, XXIII, Berlin, 1929, стр. 437.

[67] J. Herrmann. Die Vor- und Frühgeschichtlichen Burgwälle Gross-Berlins und des Bezirkes Potsdam, стр. 84.

[68] См., например: М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, стр. 59, 121.

[69] W. Dalbor. Wczesnośredniowieczny Gròd w Gnieznie. Światowit, t. XXI, Warszawa, 1955, стр. 239. Пример деревянной жилой башки XIII в. близ Кракова см.: G. Leńczyk. Tyniec. Frühe Polnische Burgen. Weimar, 1960, стр. 75; см. также: B. Guerquin. Zamki Śląskie. Warszawa, 1957, стр. 24.

[70] K. Reichertova. K problematice výzkumu středověké tvrze. Památky archeologicke, r. LII, Praha, 1961, č. 2, стр. 601.

[71] L. Gerö. Magyarországi várépitészet. Budapest, 1955, стр. 119.

что на Волыни в этот период существовала особая «школа» военного зодчества. Наиболее характерной особенностью этой «школы» является органическое сочетание местных особенностей с формами, заимствованными с Запада.

В исторической обстановке, сложившейся на Руси после монгольского нашествия, другого развития оборонительных сооружений трудно было ожидать. Южнорусские земли были разгромлены. Развитие военного зодчества, да и то крайне затрудненное, можно проследить лишь в северных районах — в Залесской и Новгородской землях. Но даже и там военная обстановка была настолько трудной, что приходилось на первых порах думать лишь о сохранении собственной политической самостоятельности, а не о военных союзах с другими русскими княжествами. Западная Русь лишилась поддержки остальных русских земель, и ее князья вынуждены были в борьбе за независимость вести сложную политическую игру в тесной взаимосвязи с различными феодальными группировками Польши, Венгрии и других западных соседей. Естественно, что в таких условиях пути развития военного зодчества Западной Руси и остальных русских земель разошлись.

В дальнейшем этот разрыв продолжал усиливаться: связи военного зодчества Волыни с Новгородом и Залесской землей слабели, связи с Западом крепли. Интенсивное строительство в западнорусских землях каменных крепостей, которое можно отметить в середине XIV в., явно происходило уже вне всяких взаимоотношений с оборонительным строительством в остальных русских княжествах. Общие для всей Восточной Европы тактические принципы осады вызвали повсюду сложение более или менее близких схем «односторонней» системы организации обороны крепостей. При наличии общих принципов схемы эти в разных районах получили совершенно различную интерпретацию. И если для раннемосковских крепостей характерна четко выраженная и явно геометризованная «односторонняя» схема обороны, а также применение исключительно деревянно-земляных конструкций, то для новгородских крепостей характерна гораздо меньшая четкость искусственных оборонительных сооружений, бóльшая зависимость от естественных защитных свойств рельефа и переход к каменным оборонительным конструкциям.[72] В западнорусских землях та же «односторонняя» схема обороны получила свое, местное отражение.

Наиболее типичным для западнорусского военного зодчества середины XIV в. становится строительство каменно-кирпичных оборонительных сооружений. Тенденция эта раньше всего наметилась на Волыни, где вслед за кирпичными башнями впервые перешли к строительству кирпичных крепостей, примером чего может служить Луцк. Однако в середине XIV в. строительство каменных крепостей развернулось не столько на Волыни, сколько в Галицкой земле. Организация строительства в значительной степени связана с деятельностью захватившего Галицию польского короля Казимира.

Крепости этого времени еще детально не изучены. Вероятно, в дальнейшем можно будет определить, какие их элементы относятся к старым западнорусским военно-инженерным традициям, а какие носят польский характер. Строились эти крепости уже в рамках Польского государства. Самостоятельное развитие западнорусского военного зодчества закончилось.

III. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КАК ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ

Большое значение оборонительных сооружений в жизни народов в эпоху средневековья в значительной степени определяет то почетное место, которое эти сооружения занимают в истории русской архитектуры.[73]

Прежде всего обращает на себя внимание массовость оборонительных сооружений: почти всякое более или менее крупное поселение снаружи выглядело как оборонительное сооружение, поскольку оно было *городом* в древнерусском смысле этого слова. Таким образом, оборонительные сооружения занимали весьма существенное место в фор-

[72] П. Раппопорт. Очерки II, стр. 221.

[73] Там же, стр. 229.

мировании древнерусских архитектурных ансамблей.

Но дело не только в широком применении оборонительных сооружений, а и в том, что эти сооружения определяли собой характер поселения, выделяли его среди неукрепленных сел, давали возможность сопротивляться врагам и обеспечивали более или менее безопасные условия для жизни обитателей.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что оборонительные сооружения имели как военное оборонительное, так и художественное назначение — создавали определенный архитектурный образ города.

С какого же времени оборонительные сооружения приобрели, помимо своих основных функциональных качеств, также и художественную сторону? Судить об этом, конечно, очень трудно. Можно думать, что наиболее примитивные оборонительные сооружения, представлявшие собой простой забор или частокол, стоявший на краю естественного склона, еще не имели специфически художественного лица и не создавали архитектурного образа. Однако зачатки архитектурно-художественной выразительности должны были сложиться именно в таких примитивных укреплениях.

Основная задача *города* — обеспечить безопасность его жителей. Для этого он должен был быть не только действительно надежным, но даже своим внешним видом должен был внушать доверие защитникам и страх врагам. Таким образом, параллельно с заботой о постройке мощных укреплений возникла необходимость отразить силу этих укреплений в их внешнем облике. Естественно поэтому, что суровость и лаконизм должны были появиться во внешнем облике крепостных сооружений не потому, что об их украшении не думали, а потому, что именно таким было художественное выражение основной функции этих сооружений. Оборонительные сооружения должны были не только противостоять оружию врага, но и воздействовать на его психику, внушая ему мысль о невозможности захватить город, который выглядит таким неприступным. Таким образом, уже в простейших укреплениях появились архитектурно-художественные элементы, а внешний вид города постепенно стал приобретать свой архитектурный облик. Массовое применение оборонительных сооружений лишь обеспечивало его распространенность и привычность.

Но если в укреплениях VIII—IX вв. архитектурный образ еще только складывался, то в оборонительных сооружениях X и последующих веков он должен был получить уже достаточно яркое развитие. Срубная стена — это уже вполне полноценный художественный элемент, имеющий определенный ритм поперечных перерубов и художественную выразительность самой конструкции. В том, что срубные крепостные стены имели не только функционально военное, но и архитектурно-художественное значение, уже не может быть сомнения.

Конечно, строители русских крепостей XI в. думали прежде всего об их боевом укреплении. Но вместе с тем строители не могли не учитывать и идеологических средств усиления обороноспособности. Так, с введением христианства они стали помещать над воротами города церковь или хотя бы икону, чтобы тем самым добавить к мощи оборонительных сооружений еще и божественную защиту — это с точки зрения людей средневековья было немаловажным обстоятельством. И, наконец, средствами художественной выразительности строители пытались придать крепости облик неприступной твердыни, облик, который наводил бы страх на врагов и вселял уверенность в защитников. Именно эту, художественную, сторону, возможно, и имел в виду митрополит Иларион, когда, обращаясь к князю Владимиру, говорил, что сын его Ярослав «славный град твой Кыев величьством яко венцемь обложил».[74]

Так в тесной взаимосвязи функциональных, религиозных и художественных элементов слагался архитектурный образ древнерусского города.

Внешний вид древнерусского укрепленного поселения определяли его оборонительные стены. По-видимому, зачастую, подходя к такому поселению, современник вообще не видел никаких других сооружений, кроме стен, пока не входил внутрь оборонительной ограды. Однако во всех более или менее крупных поселениях уже снаружи должны были быть видны церкви. Это объясняется, во-первых, тем, что церкви были выше, чем жилые дома и, следовательно, могли быть видны поверх крепостных стен. Но не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что церкви и по смыслу должны были быть

[74] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. СПб., стлб. 488.

видны снаружи города, поскольку наличие этих церквей с точки зрения религиозной идеологии средневековья усиливало обороноспособность самого города. Такая схема — оборонительная стена, а над ней главы церквей — продолжала существовать на Руси в течение очень долгого времени, по существу до XVII в. Конечно, конкретные архитектурные формы при этом существенно менялись; неизменным оставался лишь общий принцип. Эта схема отразилась как в более поздних иконописных изображениях городов, так и в русском фольклоре.

Очень существенную роль играли оборонительные сооружения и в сложении архитектурного облика городского «интерьера». Подавляющее большинство древнерусских укрепленных поселений имело очень небольшой размер. Поэтому оборонительные стены были хорошо видны из любой точки внутри городской ограды. Вся городская застройка, все жилые здания, как правило, рисовались на фоне внутренней поверхности оборонительных стен. Если поселения при небольшом размере имели к тому же правильную круглую форму, доминирующее впечатление, производимое оборонительными сооружениями, должно было еще более возрастать. Маленькие круглые городища, в которых не сохранилось и следов их наземных оборонительных стен, даже в настоящее время производят впечатление замкнутого архитектурного организма (рис. 92, 158). Находясь внутри такого городища и смотря на его оборонительные валы, даже сейчас явно чувствуешь себя в «интерьере» города. Тем более сильным должно было быть впечатление замкнутости внутреннего пространства поселения тогда, когда на валах стояли деревянные стены.

В укрепленных поселениях, имеющих в плане не круглую, а неправильную форму, впечатление целостности и закономерности было, вероятно, несколько меньшим, но при этом впечатление замкнутости внутреннего пространства не уменьшалось. К тому же «интерьер» города часто мог производить впечатление круглого даже и тогда, когда в действительности план валов был далек от правильного круга. Угловатость очертаний валов изнутри городища обычно не воспринимается. В укреплениях «волынского типа» внутреннее пространство также производит впечатление круглого, так как места поворота валов почти не заметны, поскольку они не были подчеркнуты башнями (рис. 159).

Незначительная роль башен в укреплениях X—XII вв. приводила к отсутствию подчеркнутых акцентов в кольце оборонительных стен, окружавших поселение. Единственным резко выделявшимся элементом были ворота (рис. 160). Противник прежде всего пытался ворваться в город через ворота, следовательно, именно ворота должны были иметь более неприступный вид, чем все другие участки оборонительной системы, и с точки зрения человека эпохи средневековья должны были быть укреплены не только оружием, но и небесной защитой. Такая роль ворот отмечается и письменными источниками.[75]

Для древней Руси было характерно «чувство города» как сложного, но единого организма. Нерасчлененность архитектурного образа города, в котором неразрывно сливались гражданские, военные и культовые сооружения, несомненно свидетельствует о некоторой примитивности этого образа и объясняется ранним этапом развития русской архитектуры. Но эта нерасчлененность вместе с тем обеспечивала органическое единство образа. Необходимо отметить, что это явление не представляет специфически русскую особенность, а присуще также и средневековым городам Западной Европы.

Особенно ярко проявилось единство архитектурного образа города и неразрывная связь в этом образе гражданских и военных сооружений в тех памятниках военного зодчества, в которых жилые и хозяйственные постройки были конструктивно соединены со срубами оборонительного вала. В этом случае жилые постройки были уже не только зрительно связаны в «интерьере» города с крепостной стеной, но по существу сливались с ней в единый архитектурный организм (рис. 161).[76] Такой тип конструкции получил широкое распространение в южнорусских землях в княжеских крепостях XII в. Позднее примеры такого полного слияния гражданских и военных сооруже-

---

[75] Более подробно об этом см.: П. Раппопорт. 1) Очерки I, стр. 148; 2) Очерки II, стр. 234.

[76] Приводимая на настоящем рисунке реконструкция представляет собой наиболее сложный и полный вариант. В большинстве случаев стены укреплений данного типа, вероятно, имели не три, а только два яруса, т. е. их *забрала* были расположены непосредственно на валу; иногда применялась и более простая конструкция самих стен — не срубная, а столбовая.

ний на Руси больше не встречаются, хотя пережиточно и в гораздо менее яркой форме это явление можно отметить в русском градостроительстве еще в течение нескольких столетий. Одним из самых поздних примеров архитектурного ансамбля, в котором существует неразрывная связь между военными, культовыми и гражданскими сооружениями, является Ростовский Кремль, построенный во второй половине XVII в.

Во всех русских укрепленных поселениях XI и XII вв. архитектурным элементом, полностью определявшим внешний вид поселения, были городские стены. Надвратные башни, конечно, тоже имели большое значение в архитектурной композиции, но они были все же подчинены ритму крепостной стены. Не ворота, а стены господствовали во внешнем облике русского города этой поры.

Положение заметно изменилось во второй половине XIII в., когда в Западной Руси началось строительство мощных башен-донжонов. Раньше, подъезжая к городу, можно было видеть лишь окружавшие поселение стены, да иногда поднимающиеся над ними маковки церквей. Теперь прежде всего была видна башня. Об этом свидетельствуют немногие полностью сохранившиеся башни, об этом же говорят и письменные источники. Вот как описывает летописец башню, стоящую в городе Холме: «Вежа же среде города высока... Создана же сама древом тесаным и убелена яко сыр, светящися на всеи стороны».[77] Если такие башни были связаны с городскими укреплениями, то они обычно стояли не в центре укрепленного поселения, а близ стен, т. е. там, где можно было ожидать нападения врагов. Это создавало несимметричность композиционного решения и переносило акцент на одну сторону города, которая начала приобретать характер городского «фасада» (рис. 162, 164).

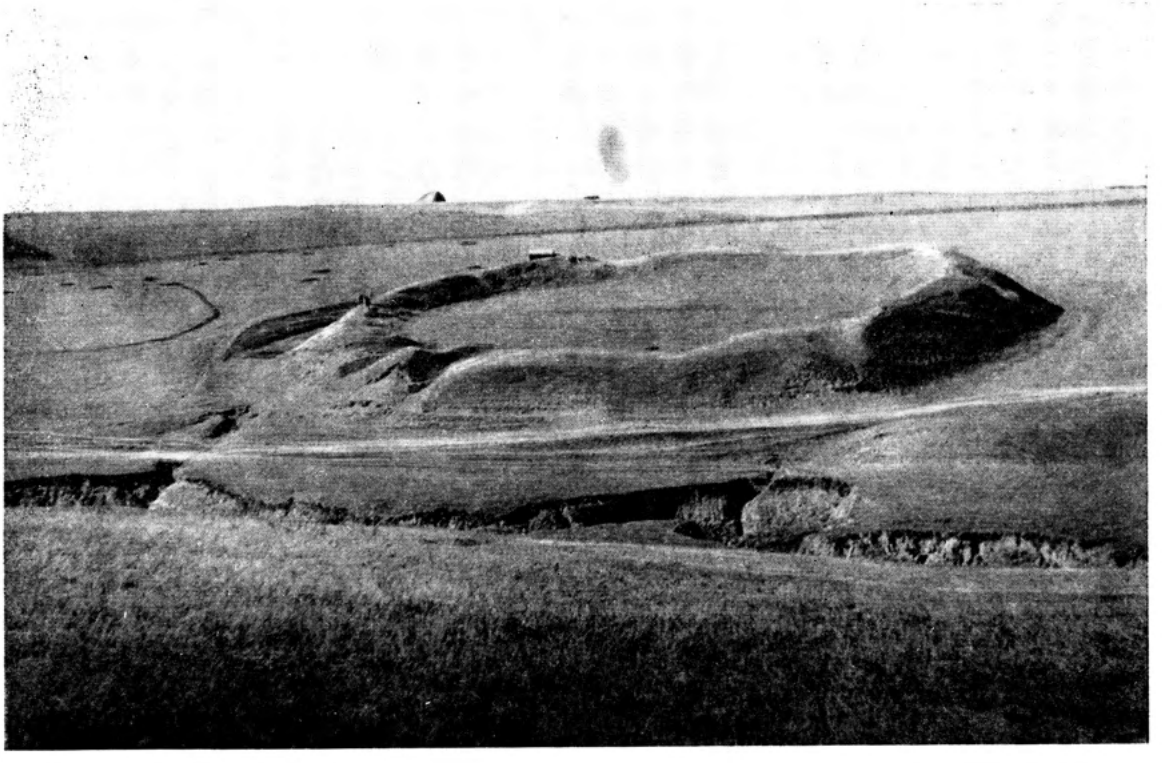

Рис. 158. Городище в с. Гута Райгородская. Вид с северо-востока.

[77] Ипатьевская лет., 1259 (6767) г.

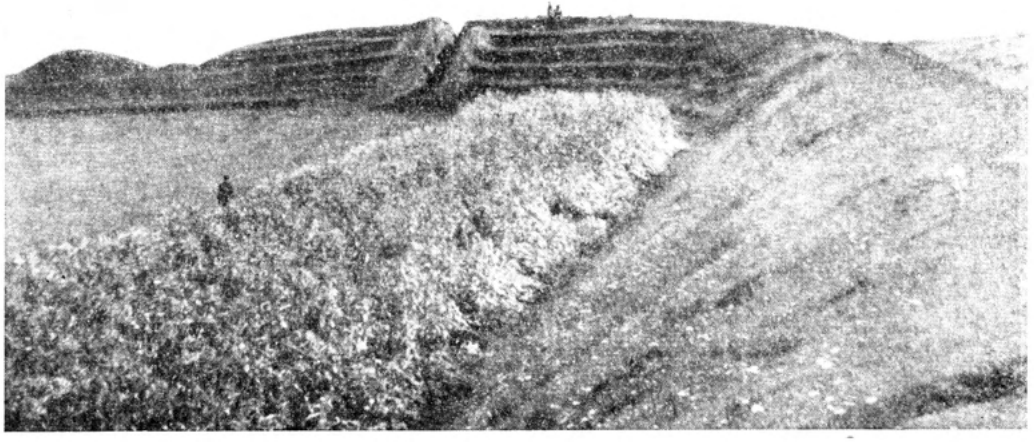

Рис. 159. Внутренний вид городища у с. Острожец.

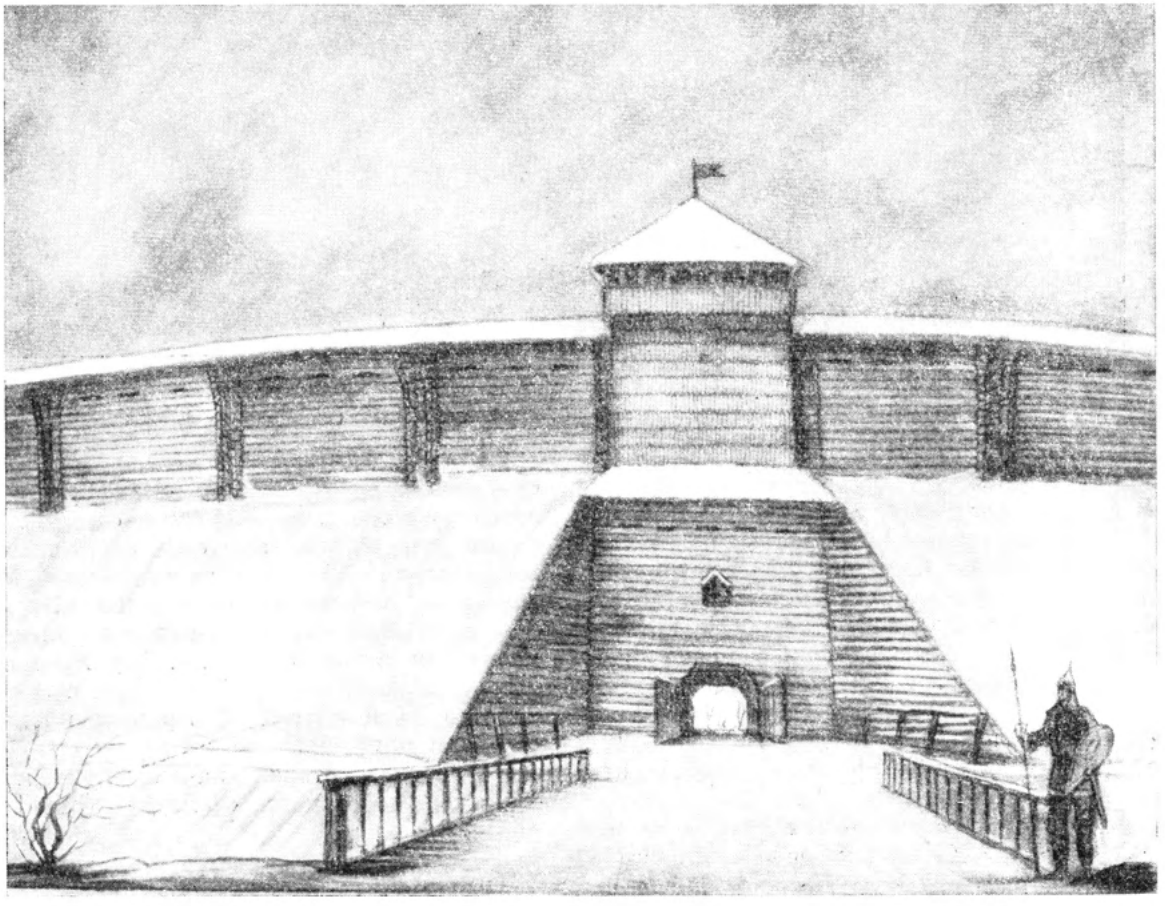

Рис. 160. У ворот большого древнерусского города. Рисунок арх. В. А. Матвеева по реконструкции автора.

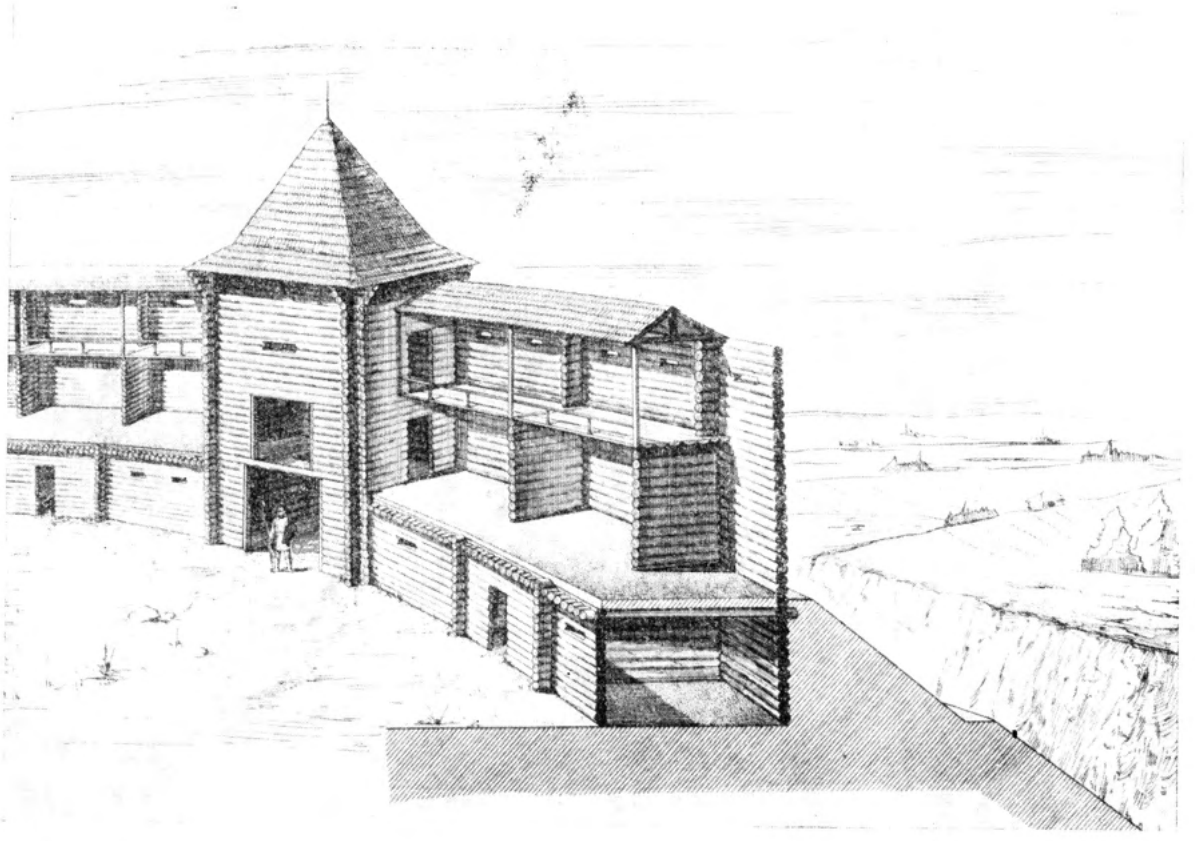

Рис. 161. Оборонительная стена древнерусского города, конструктивно соединенная с жилыми и хозяйственными постройками. Рисунок Т. Е. Трошкиной по реконструкции автора.

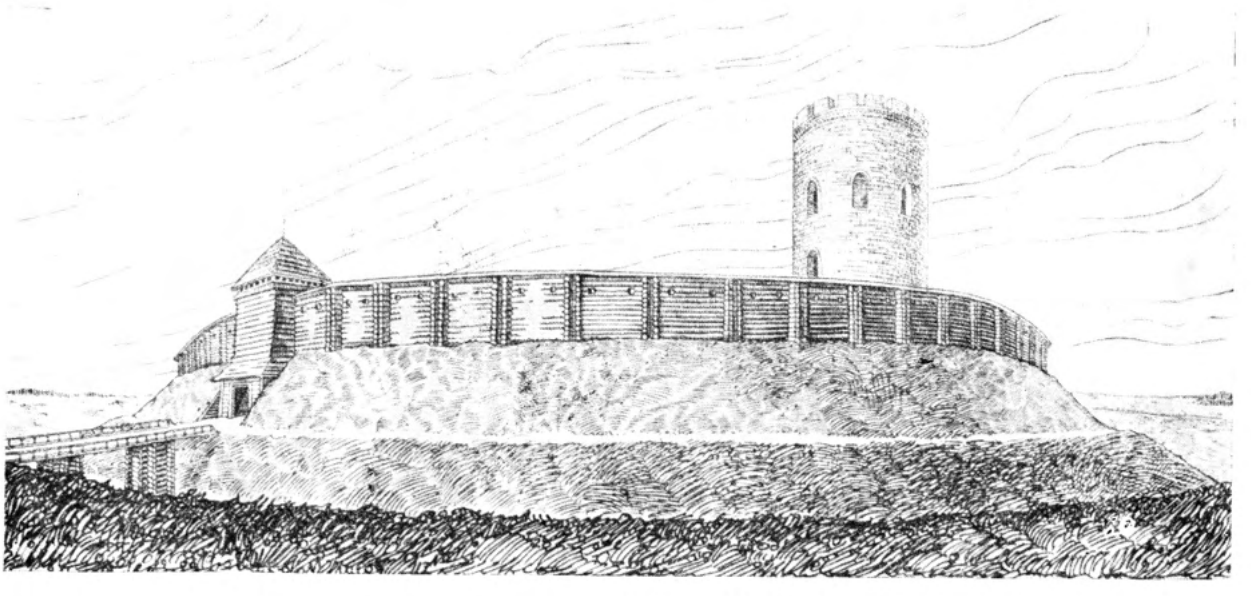

Рис. 162. Черторыйск. Реконструкция.

Рис. 163. Галичский замок. Вид с юга, со стороны рва.

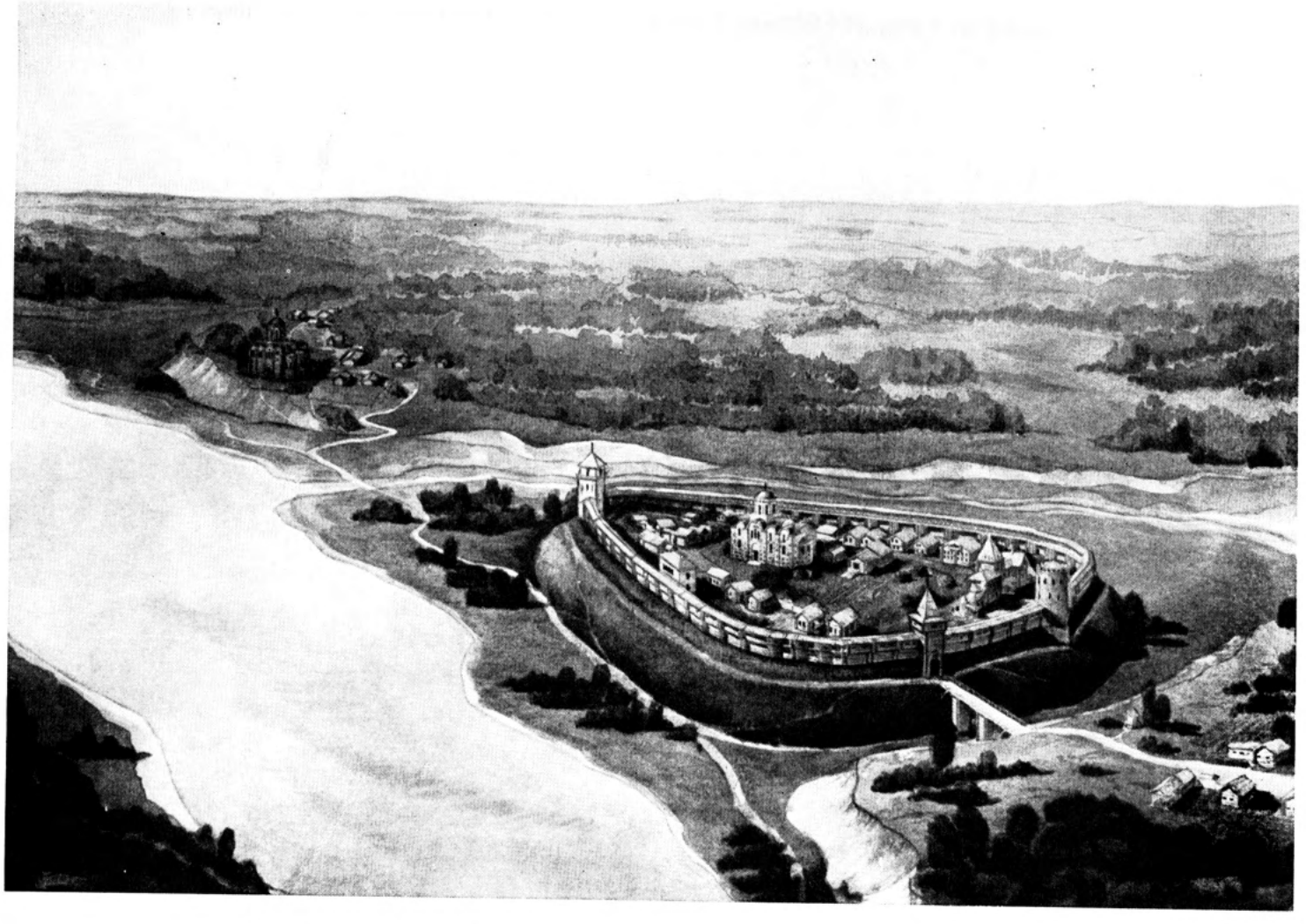

Рис. 164. Гродно в XIII в. Акварель арх. И. К. Новодворской по реконструкции автора. Гродненский историко-археологический музей.

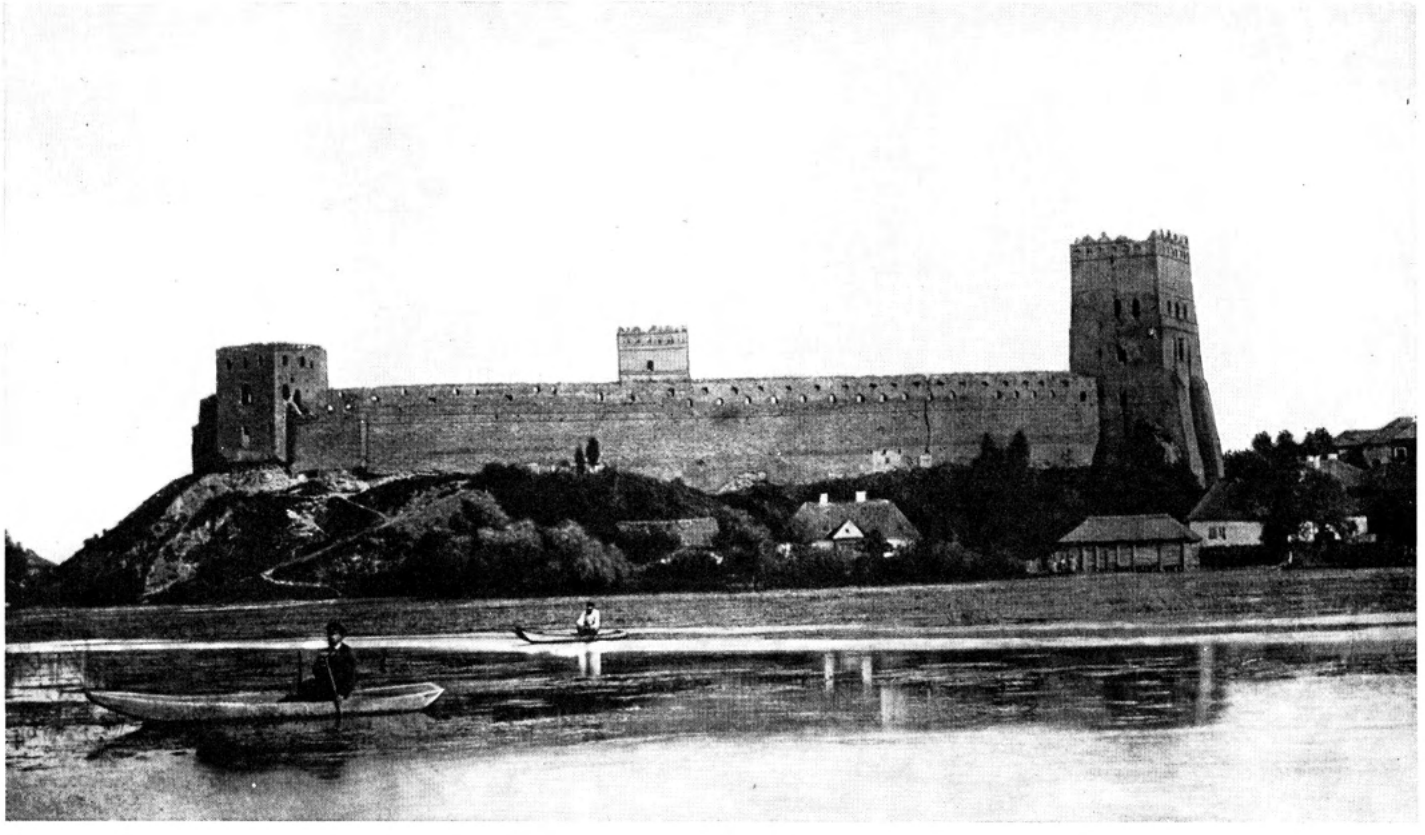

Рис. 165. Верхний замок в Луцке. Вид с северо-запада. Фото 1909 г.

Новая композиционная схема слагалась, однако, очень медленно. Даже в кирпичном Луцком замке напольная сторона, усиленная двумя башнями, расположенными по обоим ее концам, с точки зрения художественного впечатления выделена еще не очень решительно. Боковые фасады Луцкого замка имеют вполне самостоятельный характер, не являются полностью подчиненными главному, напольному, фасаду и лишь немногим уступают ему в художественной выразительности (рис. 165). Лишь к середине XIV в. вместе со сложением «односторонней» системы организации обороны крепостей окончательно складывается и новая композиционная схема, в которой один напольный фасад полностью доминирует в художественном облике всего сооружения. В западнорусских землях хорошим примером этому может служить Галичский замок (рис. 163).

Отчетливо выраженные раннеготические черты в памятниках военного зодчества Западной Руси конца XIII—XIV вв. свидетельствуют о том, что оборонное строительство производилось здесь под явным влиянием западного, по-видимому, главным образом польского военного зодчества. Тем не менее можно отметить, что эволюция композиции города, происходившая в западнорусских землях, почти аналогична той, которая имела место в это время в северных районах Русской земли.[78]

[78] П. Раппопорт. Очерки II, стр. 235.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Накопление материала по истории древнерусского военного зодчества и выяснение особенностей его эволюции в различных районах и на различных этапах дает возможность с большей полнотой понять общие закономерности развития военно-инженерного искусства древней Руси. И первое место среди этих закономерностей бесспорно занимает периодизация основных этапов военного зодчества и выявление причин, вызвавших смену одного этапа другим.

Что должно быть положено в основу периодизации? Очевидно, самые главные признаки оборонительных сооружений, т. е. общая структура укреплений, принципиальная схема организации их обороны. Вместе с тем для выявления основных особенностей развития военного зодчества необходимо учитывать также взаимосвязь обороны крепостей с тактикой осады, т. е. характерные лишь для данного исторического периода инженерно-тактические приемы. Только периодизация, базирующаяся на таких общих принципах, будет соответствовать главным закономерностям развития военного зодчества. Поэтому разделение оборонительных сооружений на отдельные этапы должно производиться на основании анализа общей схемы организации обороны и выяснения того, каким принципам осады эта схема отвечает. Частные вопросы, связанные с формой, материалом и архитектурным характером крепостных сооружений, не могут лежать в основе общей периодизации, как бы ярки и своеобразны они ни были.

Изучение истории военного зодчества и взаимосвязей, существующих между изменениями оборонительных сооружений и социальными явлениями, показывает, что подобно всем прочим явлениям общественной жизни военное зодчество своим развитием обязано изменению уровня производительных сил и производственных отношений. Но связь между этими явлениями далеко не всегда является непосредственной. Изменение и развитие способа производства вызывает развитие оборонительных сооружений, но происходит это лишь в результате сложной и опосредствованной связи. Конечно, в ряде случаев развитие техники, т. е. составной части производительных сил, прямо приводит к изменениям в устройстве оборонительных сооружений (при этом по мере приближения к концу средневековья роль техники постепенно все более возрастает). Но чаще связь между производительными силами общества и военно-инженерным искусством сказывается через общие социальные и политические изменения, вызывающие изменения в структуре армий и способах ведения войны.

И все же, хотя связь между этими явлениями весьма опосредствованная, она существует и в конечном счете развитие военного зодчества не только зависит, но и вызывается изменениями, происходящими в производительных силах и производственных отношениях общества. Поэтому основные этапы в развитии военного зодчества должны в какой-то степени отвечать общеисторическим этапам, т. е. частная периодизация военного зодчества должна зависеть от общей периодизации истории России. Причем естественно, что частная и общая периодизации могут при этом и не иметь полного хронологического совпадения.

Местные инженерные традиции, а также различия в военно-политической обстановке

отдельных русских земель приводили к появлению самостоятельных «школ» военного зодчества, существенно отличавшихся одна от другой. Следует учитывать также, что структура оборонительных сооружений слагалась под непосредственным воздействием тактики осады, господствовавшей в данное время не только на Руси, но и у соседних народов. Сочетание всех этих явлений вело к тому, что картина развития древнерусского военного зодчества была многообразной, сложной, а порою даже противоречивой. И все же, если отвлечься от всех второстепенных различий и выделить лишь наиболее важные закономерности, вырисовывается общая система периодизации военного зодчества древней Руси.

Наиболее ранним этапом в развитии русского военного зодчества является период до сложения раннефеодального государства, т. е. VIII—IX вв. Этот период представлен памятниками военного зодчества не на всей территории древней Руси. В юго-восточной части, в районе Днепровского Левобережья, имеется очень большое количество остатков оборонительных сооружений этого времени — городища роменско-боршевской культуры. В более западных и северных районах ко времени до середины X в. относится лишь незначительное количество городищ.

Роменско-боршевские городища представляют собой остатки чрезвычайно примитивных по организации укреплений, в которых роль искусственных оборонительных сооружений (в основном рвов и частоколов) очень мала и все внимание обращено на тщательное использование естественных защитных свойств рельефа местности. Такие укрепления служили лишь для того, чтобы дать населению возможность спрятаться на короткое время вражеского вторжения. При этом подразумевалось, что враги — степные кочевники — совершенно не умеют проводить организованные осады и могут захватывать укрепления лишь внезапным наездом. В таких условиях достаточно было иметь хотя бы самые примитивные оборонительные сооружения, приспособленные к пассивной обороне.

Судя по немногим известным городищам, в западных районах укрепления в это время строились несколько иначе. Здесь встречаются городища, расположенные на плоской местности и имеющие в плане правильную круглую форму. Однако и здесь старались использовать естественные защитные свойства местности (в Полесье — болота), а искусственные оборонительные сооружения имели небольшую мощность. Тактический принцип обороны здесь полностью совпадает с укреплениями Днепровского Левобережья: оборонительные сооружения этого времени — средства, дающие возможность пассивно отсидеться в период кратковременного вражеского набега.

Укрепления такого примитивного типа даже в это время далеко не всегда обеспечивали безопасность населения, особенно в тех случаях, когда кочевники нападали значительной массой. Свидетельствами этого являются те многочисленные укрепленные поселения Днепровского Левобережья, которые были сожжены печенегами в конце IX—первой половине X в.

Переход к качественно иному этапу военного зодчества произошел во второй половине или даже конце X в. В это время в связи с окончательным сложением раннефеодального государства появились гораздо более организованные и хорошо вооруженные воинские силы, а вместе с тем и бóльшие возможности в строительстве укреплений. Примерно в это же время окончательно сложилась и более сложная тактика осады — пассивная, но систематическая и длительная блокада — *облежание*. Для противодействия этой системе осады начали строить значительно более совершенные крепости, обладавшие мощными искусственными оборонительными сооружениями и дававшие возможность вести стрельбу по противнику со всего периметра укрепления. Экономические возможности для строительства таких крепостей появились лишь вместе с сложением классового, феодального общества: для строительства княжеской крепости, укреплений средневекового города или даже боярской укрепленной усадьбы, конечно, можно было мобилизовать значительно больше рабочей силы и средств, чем для строительства общинных укреплений.

На новом этапе развития военного зодчества крепостные сооружения, так же как и раньше, имеют не совсем одинаковый характер в различных районах древней Руси. В Среднем Поднепровье, а также в Северо-Восточной и в Северо-Западной Руси это исключительно укрепления мысового и

островного типов, т. е. полностью подчиненные естественным защитным свойствам рельефа местности. Однако в крепостях конца X—XI в. в отличие от более ранних очень большое значение приобретают искусственные оборонительные сооружения — мощные валы и срубные деревянные стены тип имел давние традиции. В тактическом отношении эти круглые крепости Западной Руси отвечали тем же приемам, что и крепости, расположенные на мысах или на отдельных всхолмлениях. Действительно, поскольку основным приемом штурма в это время было облежание, схема обороны

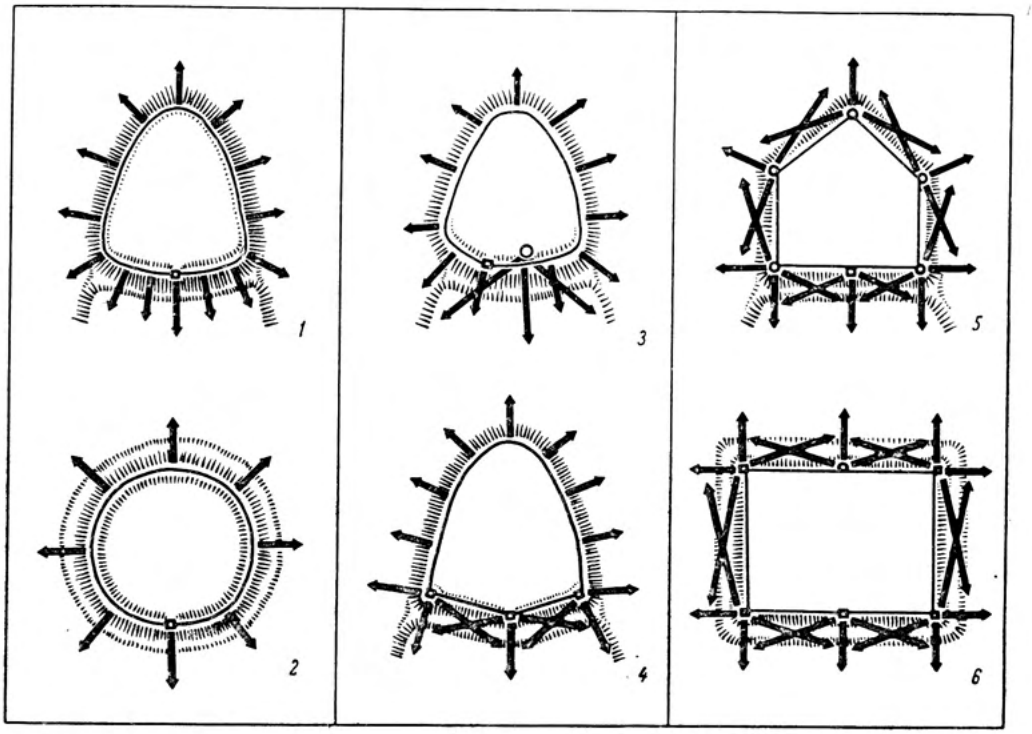

Рис. 166. Развитие типов организации обороны древнерусских крепостей.
Объяснение см. в тексте.

(рис. 166, *1*). Роль защитных свойств рельефа местности продолжает оставаться еще достаточно значительной, но первенствующее значение постепенно переходит к искусственным частям оборонительной системы. В западнорусских землях картина была несколько иной. Здесь параллельно с укреплениями, использующими рельеф местности и имеющими в плане неправильную форму, соответствующую конфигурации этого рельефа, уже в X—XI вв. получили широкое распространение различные варианты округлых в плане укреплений (рис. 166, *2*). Это явление легко объясняется тесными связями, которые существовали между западными районами Руси и западнославянскими землями, где круглый должна была строиться на фронтальной стрельбе со всего периметра крепостных стен, направленной вперед, в сторону противника. Такая стрельба не позволяла осаждающим приблизиться к укреплениям и являлась основной причиной, препятствовавшей им ворваться в крепость и взять ее штурмом. Но для ведения такой стрельбы округлые в плане крепости были приспособлены в еще большей степени, чем крепости, связанные с холмистым рельефом.

Параллельно с фронтальной стрельбой почти обязательным тактическим элементом системы обороны были вылазки, задача которых — заставить противника снять осаду и отойти от крепости.

Такая система организации обороны, сложившись во второй половине или конце X в., продолжала господствовать в русском военно-инженерном искусстве в течение XI и XII вв. Конечно, за это время тактические приемы совершенствовались, но основные принципы не претерпели существенных изменений. В развитии оборонительных сооружений этого периода наиболее явны две тенденции: строительство более мощных, чем раньше, крепостей и широкое распространение по всей территории Руси крепостей, имеющих круглую в плане форму. Оба эти явления безусловно связаны с развитием военного зодчества, отвечающим сложившимся уже в X в. принципам осады и обороны. Мощные крепости с глубокими рвами, огромными валами и массивными срубными стенами на этих валах соответствовали возросшим требованиям, предъявлявшимся к оборонительным сооружениям. Вместе с тем схема обороны этих крепостей оставалась в основном такой же, как и в крепостях конца X в.: оборона строилась на организации кругового фронтального обстрела со всего периметра укреплений.

Среди всех типов оборонительных сооружений, существовавших на Руси во второй половине X и в XI в., наиболее полно отвечавшим тактическим требованиям этой поры оказался тип круглых крепостей, имевших распространение в западнорусских землях. Расположение на плоской, часто низменной местности гарантировало эти крепости от скрытого подхода врагов и внезапного захвата, а также обеспечивало водоснабжение укрепленного поселения в случае длительной осады. Особенно привился такой тип крепостных сооружений при строительстве боярских и княжеских усадеб, т. е. феодальных замков, что способствовало массовому распространению круглых крепостей в XII в. по всей территории Русской земли.

Существенные изменения в тактике осады становятся ощутимыми на Руси уже к концу XII в. и особенно заметно сказываются в первой половине XIII в. Вместо пассивного *облежания* все большее распространение получает штурм — *взятие копьем,* — поддерживаемый действием камнеметных машин. С такой же тактикой русские сталкиваются в это время в сражениях с поляками, венграми, немецкими рыцарями. В разработанном виде ту же тактику принесли и вторгшиеся на Русь татаро-монгольские войска. К середине XIII в. штурм становится полностью господствующим приемом захвата укреплений. Для противодействия этому тактическому приему вырабатываются новые приемы организации обороны и соответственно этому — новые формы оборонительных сооружений.

К сожалению, сведения о развитии крепостей, которыми мы располагаем, для второй половины XIII в. чрезвычайно фрагментарны. На территории Среднего Поднепровья после монгольского вторжения строительство оборонительных сооружений вообще надолго прекратилось. Неизвестны крепости этого времени и в северных районах Руси, хотя здесь строительство и восстановление разрушенных укреплений в ограниченных масштабах все же производилось. Таким образом, развитие форм военного зодчества данного периода можно проследить пока лишь в западнорусских землях, особенно в западных районах Волыни. Здесь во второй половине XIII в. слагается совершенно новая тактическая схема организации обороны — появляются «однобашенные крепости», т. е. крепости, основным узлом которых была мощная башня-донжон (рис. 166, *3*). Этот тип крепостей вполне отвечал тем требованиям, которые предъявлялись к оборонительным сооружениям в связи с появлением новых приемов осады, однако на Волыни он сложился в специфических формах, связанных с влиянием военного зодчества западных соседей Руси.

Вместе с тем уже в XIII в. появляется, а в первой половине XIV в. начинает приобретать все большее значение другая тенденция — максимальное использование защитных свойств рельефа местности и усиление напольной стороны крепостей. В таких крепостях штурм, поддерживаемый действием камнеметных машин, был возможен лишь на очень ограниченном участке периметра, т. е. там, где не было достаточно мощных естественных защитных рубежей. Именно на этом участке концентрировали основные защитные устройства и строили усиленные части оборонительной системы. Пути развития данного типа укреплений еще не во всем ясны, но безусловно, что к середине XIV в. эта оборонительная схема уже полностью сложилась как в юго-запад-

ных, так и в северо-восточных районах Руси. Сложился тип «односторонних крепостей» с башнями на напольной стороне (по древнерусской терминологии, *с приступа*). Такая система обороны обеспечивала возможность фланкирующего обстрела стен на наиболее опасном во время штурма участке (рис. 166, *4*).

Что следует считать началом нового этапа в развитии древнерусского военного зодчества — появление «однобашенных крепостей» во второй половине XIII в. или же сложение к середине XIV в. крепостей «одностороннего» типа? Очевидно, появление «однобашенных крепостей». Эти крепости принципиально отличаются по своей схеме организации обороны от всех существовавших до этого типов укреплений. Они отвечают совершенно иным, новым тактическим приемам — интенсивной стрелковой обороне, предназначенной противодействовать штурму. Но если это так и если появление «однобашенных крепостей» действительно следует считать началом нового этапа в развитии древнерусского военного зодчества, то является ли данный этап самостоятельным? На этот вопрос, по-видимому, следует ответить отрицательно. Даже если в дальнейшем будет доказано, что «однобашенные крепости» характерны не только для Юго-Западной Руси, а представляют собой общерусское явление,[1] то их существование все же вряд ли можно считать самостоятельным этапом в развитии древнерусского военного зодчества. Эти крепости были предназначены для обороны в условиях господства тактики штурма, поддерживаемого камнеметами, т. е. в таких же тактических условиях, как и крепости «одностороннего» типа второй половины XIV в. Конечно, разница между этими типами крепостей довольно существенная: в одних — штурму противодействуют стрельбой с высокой башни, занимающей господствующее положение в системе обороны укрепления, в других — напольная сторона защищена фланкирующим обстрелом. Таким образом, схема обороны в этих двух типах крепостей различна, но сложилась она для отражения одинаковых приемов осады. И если с точки зрения организации самих оборонительных сооружений оба типа крепостей принадлежат к разным этапам развития, то с точки зрения общей истории военно-инженерного искусства они принадлежат к одному этапу, вернее, к двум последовательным ступеням одного этапа.

Итак, есть все основания считать, что этап развития древнерусского военного зодчества, начавшийся во второй половине XIII в., имел две фазы: первую, когда господствующим типом были «однобашенные крепости», но явно чувствовалось уже стремление к усилению напольной стороны, и вторую, когда окончательно сложилась «односторонняя» система обороны крепостей, обеспечивавшая фланкирующий обстрел вдоль напольной стороны. Начало нового этапа в развитии военного зодчества (вторая половина XIII в.) хронологически не совпадает с началом феодальной раздробленности на Руси, хотя эти явления безусловно друг с другом связаны. Появление в XII в. сильных и самостоятельных феодальных княжеств, часто воевавших друг с другом и обладавших хорошо организованными армиями, создало обстановку, в которой могла сложиться организованная тактика штурма, проводимого при поддержке камнеметной артиллерии. Сама эта тактика сложилась уже в первой половине XIII в., но в военном зодчестве она получила отражение только во второй половине этого века.

Появление на Руси в 80-х годах XIV в. огнестрельной артиллерии на первых порах не изменило ни тактики осады, ни структуры крепостей. Правда, наряду с камнеметами при осаде и обороне теперь одновременно стали применять и пушки, однако по дальности действия и эффективности эти ранние пушки еще мало превосходили камнеметы. Поэтому тактика штурма, характерная для XIV в., не только не изменилась, но, наоборот, именно в первой половине XV в. получила наибольшее развитие. Точно так же наибольшего совершенства достигли в это время и крепости «одностороннего» типа. При этом в конструкции башен, толщине стен, а особенно в устройстве бойниц под влиянием огнестрельного оружия происходили существенные изменения.

[1] Такое предположение было выдвинуто В. В. Косточкиным, который приводит в качестве возможных примеров «однобашенных крепостей» Северо-Западной Руси, построенных в первой половине XIV в., Изборск, Орехов, в середине XIV в. — Корелу (В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI веков. М., 1962, стр. 97).

Дальнейшее развитие артиллерии и главным образом увеличение ее дальнобойности привели к сложению новой тактики штурма. В новых условиях пушки, поддерживавшие штурм, располагались на значительно большем расстоянии от стен крепости, чем камнеметы, и обеспечивали обстрел не с одной напольной стороны, а большей частью со всех сторон. Кроме того, обстрел преследовал теперь и иную цель — не только сбить защитные брустверы, но и пробить брешь в самих крепостных стенах, чтобы этим открыть путь штурмующей колонне. Естественным ответом на новую тактику было сложение во второй половине XV в. такого типа крепостей, у которых башни равномерно располагались вдоль всего периметра, что давало возможность защищать все стены крепости фланкирующим огнем (рис. 166, *5*). Наиболее совершенным выражением этой структуры были «регулярные» крепости, имеющие в плане форму правильного четырехугольника, реже треугольника или многоугольника (рис. 166, *6*).[2]

Непосредственной причиной появления новой схемы обороны укреплений было развитие огнестрельной артиллерии и связанное с этим сложение новых приемов штурма. Однако массовое производство пушек и широкое внедрение огнестрельной артиллерии в армию как для осады, так и для обороны крепостей оказалось возможным на Руси лишь со сложением централизованного государства. Таким образом, новый этап военного зодчества, начавшийся во второй половине XV в., отвечает уже эпохе Русского централизованного государства.

Совершенно естественно, что периодизация военного зодчества древней Руси, основанная исключительно на русском материале, может не совпадать с периодизациями, построенными на материале других, даже соседних стран. Лишь тогда, когда будут выявлены основные закономерности развития военного зодчества целого ряда стран и созданы их периодизации, можно будет попытаться вскрыть более общие закономерности, характерные для развития военного зодчества больших районов средневековой Европы.[3]

Военное зодчество — одна из важнейших составных частей средневековой культуры. Да иначе и не могло быть; в тяжких условиях жизни той поры, когда военные столкновения были повседневным явлением, оборонительному строительству всегда должны были уделять очень много внимания. От этого зависело существование населения, от этого же зависело и социальное положение феодала как представителя господствовавшего класса. Ведь именно обладание укрепленным жилищем-замком позволяло феодалу держать в узде зависимое от него крестьянское население и не бояться угрозы со стороны соседних феодалов. Без оборонительных сооружений не существовали ни замки, ни средневековые города. Сам термин *город* в древнерусском языке обозначал всякое укрепленное поселение независимо от его величины и характера экономики. Русские летописи наполнены известиями о строительстве *городов*, об их осадах и уничтожении. Огромную долю экономических возможностей, средств, творческой энергии, наконец, просто физического труда вкладывали в эпоху средневековья в строительство укреплений.

Создание простых, экономичных и в то же время надежных оборонительных сооружений было задачей, от успешного разрешения которой зависела не только сохранность имущества, но и сама жизнь. Поэтому уже на довольно ранних этапах у восточных славян сложились свои устойчивые военно-инженерные традиции, несколько различающиеся по племенным группам, но в конечном итоге восходящие к наиболее выгодному использованию в целях обороны характерных для данного района ландшафтных условий.

Позднее, после того как сложилось и упрочилось Древнерусское государство, а особенно с наступлением периода феодальной раздробленности, сходство и различия в устройстве оборонительных сооружений стали определяться уже не столько традициями, сколько политическими факторами. Оборонительное строительство играло

---

[2] Подробнее об этом см.: В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество..., стр. 166; П. А. Раппопорт. Очерки II, стр. 175.

[3] В польской научной литературе была сделана попытка нарисовать общую картину развития польского средневекового военного зодчества (B. Miśkiewicz. Rozwój stałych punktow oporu w Polsce do połowy XV wieku. Poznań, 1964). О периодизации польских замков см. также: B. Guerquin. Problematyka architektury polskich zamków średniowiecznych. Kwartalnik architektury i urbanistyki, t. IV, z. 1—2, Warszawa, 1959, стр. 73.

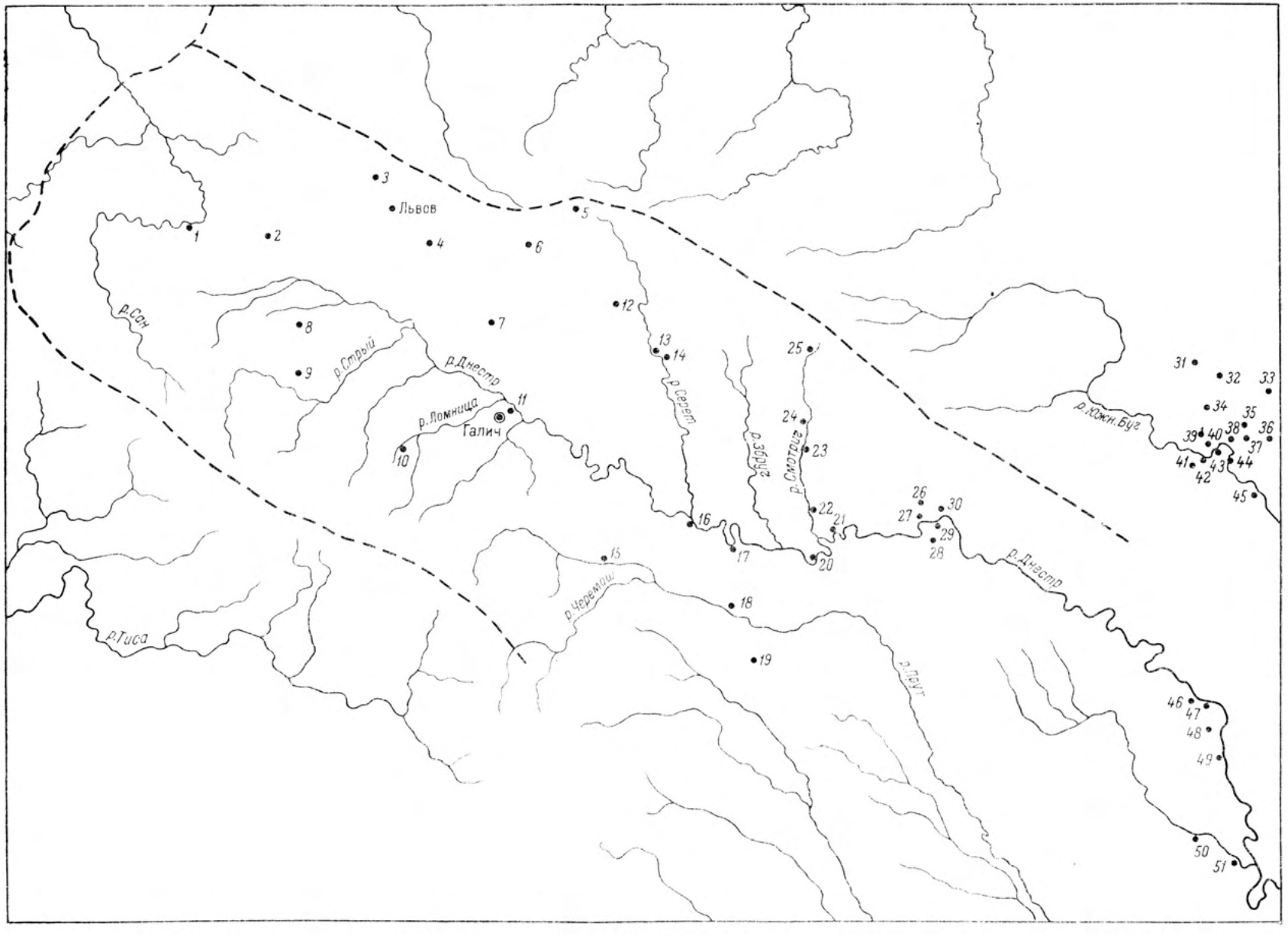
слишком важную роль в судьбах страны, чтобы княжеская власть могла выпустить его из своих рук. Строители укреплений — *городники* были не ремесленниками, а военно-инженерными специалистами, представителями княжеской администрации. Поэтому в развитии военного зодчества очень существенное значение приобретают политические тенденции, характерные для того княжества, в рамках которого возводились укрепления. На сходстве и различии оборонительных сооружений отражается теперь наличие междукняжеских военно-политических группировок. Впрочем, определяющей в оборонительном строительстве всегда была функциональная целесообразность: князья могли враждовать друг с другом, но крепости строить одинаково, если этот тип крепостей был для данного времени наиболее совершенным в военном отношении.

Еще одна замечательная особенность военного зодчества — способность очень чутко реагировать на социальные изменения. Сами типы оборонительных сооружений отвечают не только специфически военным, но и социальным функциям: для феодального замка или средневекового города большей частью выбирали разные типы укреплений. Но социальные изменения сказывались на военном зодчестве и менее прямым путем — они влияли на развитие приемов осады и обороны через изменения в социальном составе войска и через общие изменения в стратегии и тактике.

Связь с широким кругом исторических явлений делает военное зодчество одной из важных и совершенно неотъемлемых составных частей средневековой культуры. Многие стороны материальной и духовной культуры, политической жизни и социальных отношений окажутся обедненными, не раскрытыми до конца, если не учитывать развитие оборонительного строительства. Изучение военного зодчества дает возможность полнее и ярче осветить историю древней Руси.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ	— Вопросы истории.
ВУАН	— Всеукраинская Академия наук.
ИЗ	— Исторические записки.
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
КСИАУ	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
ЛОА	— Ленинградское отделение архива Института археологии АН СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
Працы I	— Працы катэдры археалёгіі, т. I, Менск, 1928.
Працы II	— Працы археалёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930.
Працы III	— Працы сэкціі археалёгіі, т. III, Менск, 1932.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РАНИОН	— Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
П. Раппопорт. Очерки I	— П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956.
П. Раппопорт. Очерки II	— П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. МИА, № 105, 1961.
П. Раппопорт. Отчет ... г.	— П. А. Раппопорт. Отчет о работе отряда по изучению крепостей за ... г. Хранится в архиве Института археологии АН УССР (Киев) и архиве Института истории АН БССР (Минск) соответственно памятникам, находящимся на территории УССР и БССР; копии — в архиве Института археологии АН СССР (Москва) и архиве Ленинградского отделения того же института.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников.
М. А. Тиханова. Отчет 1961 г.	— М. А. Тиханова. Отчет о работе Днестровско-Волынской экспедиции 1961 г. Хранится в архиве Института археологии АН УССР (Киев); копии — в архиве Института археологии АН СССР (Москва) и архиве Ленинградского отделения того же института.
Тр. ... АС	— Труды археологических съездов.
ЦГВИА, ВУА	— Центральный государственный военно-исторический архив. Военно-ученый архив.
ЦГИАЛ	— Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
WA	— Wiadomości archeologiczne (Warshawa).

Львов
Галич
р. Сан
р. Стрый
р. Днестр
р. Ломница
р. Серет
р. Збруч
р. Смотрич
р. Южн. Буг
р. Тиса
р. Черемош
р. Прут
р. Днестр
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51

Карта 1.

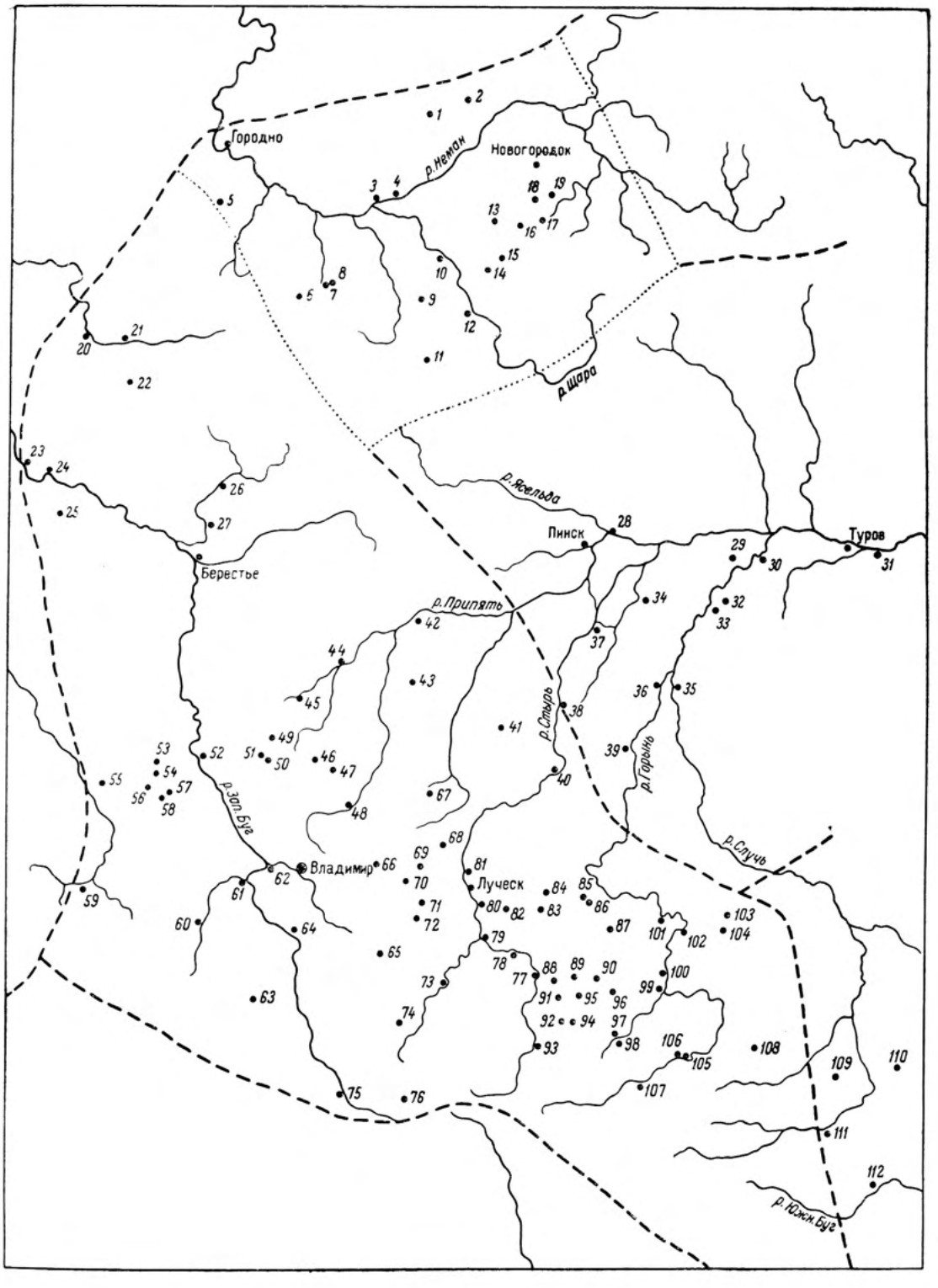
КАРТЫ И ПЕРЕЧНИ

ПАМЯТНИКОВ ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА, ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ КОТОРЫХ РАССМАТРИВАЮТСЯ В НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЕ

ПЕРЕЧЕНЬ ПАМЯТНИКОВ К КАРТЕ 1

1. Перемышль.
2. Судовая Вишня.
3. Завадов.
4. Звенигород.
5. Плеснеск.
6. Гологоры.
7. Рогатин.
8. Ступница.
9. Тустань.
10. Нижний Струтин.
11. Галичский замок.
12. Городище.
13. Теребовльский замок.
14. Теребовль.
15. Олешков.
16. Василёв.
17. Баламутовка.
18. Ленковцы.
19. Червона Диброва.
20. Гринчук.
21. Мукша.
22. Каменец-Подольский.
23. Карачковцы.
24. Большой Карабчеев.
25. Оташковцы.
26. Пилипы Хребтиевские.
27. Хребтиев.
28. Щовб.
29. Непоротово.
30. Калиус.
31. Войтовцы.
32. Жорнище.
33. Пархомовка.
34. Телегиевка.
35. Юрковцы.
36. Джуринцы.
37. Лоевцы.
38. Гута Райгородская.
39. Червоне.
40. Коржовка.
41. Ястрембиха.
42. Брацлав.
43. Салинцы.
44. Соколец.
45. Ладыжин.
46. Пояны.
47. Алчедар.
48. Царевка.
49. Екимауцы.
50. Лукашевка.
51. Машкауцы.

На карту нанесены приблизительные границы русских княжеств XII—XIII вв.

Городно
р. Неман
Новогородок
р. Щара
р. Ясельда
Пинск
Туров
Берестье
р. Припять
р. Стырь
р. Горынь
р. Случь
р. Зап. Буг
Владимир
Луческ
р. Южн. Буг

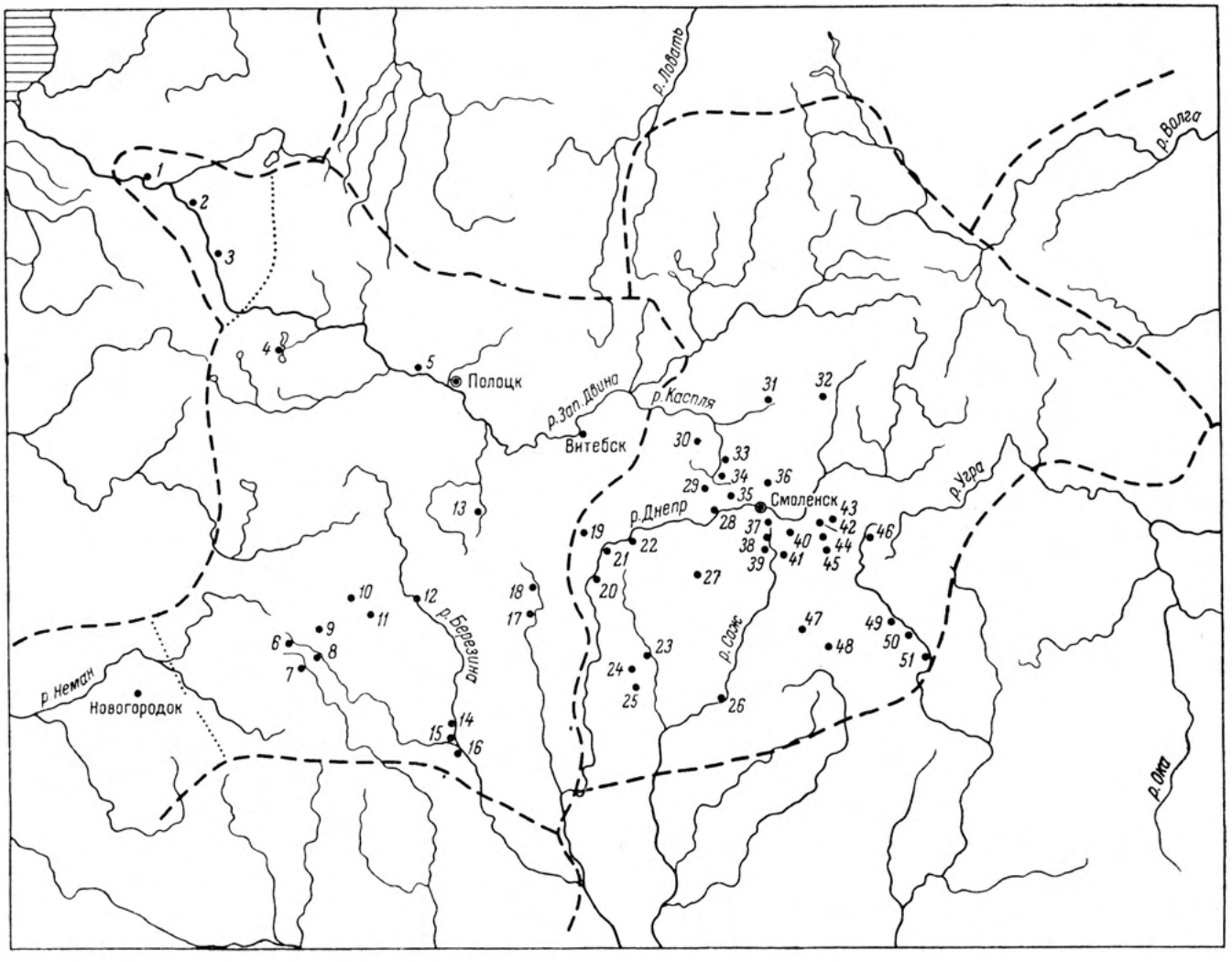
Карта 2.

ПЕРЕЧЕНЬ ПАМЯТНИКОВ К КАРТЕ 2

1. Мыто.
2. Ольжево.
3. Голынка.
4. Турийск.
5. Индура.
6. Мстибогов.
7. Волковыск.
8. Муравельник.
9. Збочно.
10. Яново.
11. Меречевщина.
12. Турецкая Гора.
13. Санюки.
14. Деревна.
15. Высоцк.
16. Огородники.
17. Пурневичи.
18. Радогощa.
19. Селище.
20. Сураж.
21. Зайончки.
22. Бельск.
23. Бужиски.
24. Дрогичин.
25. Дзиенциолы.
26. Каменец-Литовский.
27. Покры.
28. Городище.
29. Бесова Гора.
30. Давид-городок.
31. Переров.
32. Хотомель.
33. Белоуша.
34. Нечатово.
35. Залужье.
36. Дубровица.
37. Заречное.
38. Бабка.
39. Городец на Горыни.
40. Черторыйск.
41. Чернеч-городок.
42. Ветлы.
43. Камень-Каширский.
44. Ратно.
45. Рай.
46. Смидин.
47. Кошер.
48. Турийск.
49. Головно.
50. 2-е Любомльское городище.
51. Любомль.
52. Гуща.
53. Сайчице.
54. Тарнув.
55. Канье.
56. Столпье.
57. Холм.
58. Белавино.
59. Сутейск.
60. Червень.
61. Волынь.
62. Устилуг.
63. Белз.
64. Старгород.
65. Борочицы.
66. Затурцы.
67. Мельница.
68. Любче.
69. Шеполь.
70. Горзвин.
71. Коршев.
72. Городище близ Чарукова.
73. Перемиль.
74. Лопатин.
75. Бужеск.
76. Олеско.
77. Дубен.
78. Муравица.
79. Тарговица.
80. Круна.
81. Жидичин.
82. Острожец.
83. Посников.
84. Одерады.
85. Белёвское городище.
86. Пересопница.
87. Басов Кут.
88. Мирогощa.
89. Листвин.
90. Волица Стубельская.
91. Иваниничи.
92. Стожок.
93. Кременец.
94. Данилов.
95. Малая Мощаница.
96. Дермань.
97. Васьковцы.
98. Шумск.
99. Острог.
100. Розваж.
101. Дорогобуж.
102. Гощa.
103. Сапогынь.
104. Столпин.
105. 1-е Михновское городище.
106. 2-е Михновское городище.
107. Тихомль.
108. Изяславль.
109. Деревич.
110. Разино.
111. Губин.
112. Кудин.

На карту нанесены приблизительные границы русских княжеств XII—XIII вв.

1/8 15 П. А. Раппопорт

р. Лобать
р. Волга
Полоцк
р. Зап. Двина
р. Каспля
Витебск
Смоленск
р. Днепр
р. Угра
р. Березина
р. Сож
р. Неман
Новогородок
р. Ока
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51

Карта 3.

ПЕРЕЧЕНЬ ПАМЯТНИКОВ К КАРТЕ 3

1. Кокнезе.
2. Асоте.
3. Ерсика.
4. Браслав.
5. Гаравыя.
6. Заславль.
7. Городище на р. Птичь.
8. Минск.
9. Семков городок.
10. Логожск.
11. Понизовье.
12. Борисов.
13. Лукомль.
14. Новоселки.
15. Свислочь.
16. Углаты.
17. Тетерин.
18. Друцк.
19. Черкасовское городище.
20. Копысь.
21. Орша.
22. Германовское городище.
23. Высокое.
24. Азарычи.
25. Чаранки.
26. Кричев.
27. Зверовичи.
28. Красная Горка.
29. Вонлярово.
30. Жидчичи.
31. Вержавск.
32. Городна.
33. Каспля.
34. Волоковая.
35. Лодейница.
36. Вязовеньки.
37. Церковище.
38. Ободрово.
39. Ковшаровское городище.
40. Кучинское городище.
41. Колычево.
42. Воротнинское городище.
43. Ганино.
44. Бородинское городище.
45. Матвеевское городище.
46. Ельня.
47. Деребуж.
48. Ростиславль.
49. Караковичи.
50. Осовик.
51. Пацин.

На карту нанесены приблизительные границы русских княжеств XII—XIII вв.

УКАЗАТЕЛИ[1]

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[2]

Амбразуры II, 148—149, 172.
Арбалет см. Самострел.
Артиллерия огнестрельная II, 169—173, 182, 241; III, 165, 218, 219.

Баран I, 159; II, 161.
Бастион I, 14, 15.
Башня I, 135—137, 144, 155, 165, 166, 179; II, 144—147, 165, 168, 182; III, 103, 104, 139—153, 163, 164, 203—205, 209—213, 217—219.
Берма I, 112, 113; II, 115, 130; III, 126, 132.
Бойницы I, 124; II, 142, 147—149, 173, 228.
Болонье I, 60.

Вал I, 67, 68, 115, 143; II, 99, 112, 113 128, 129; III, 12, 60, 131—134.
Вар II, 163.
Вежа I, 135, 136; II, 144.
«Взятие копьем» I, 150; II, 159; III, 159, 217.
«Волынский тип» укреплений III, 51, 196—198.
Ворота I, 126—133, 144; II, 149—153; III, 139, 149—153, 208.
«Ворота» III, 175.
Вылаз II, 154.
Вылазки I, 151; II 162; III, 216.
Вышгород I, 60; II, 98.
Вышний город II, 98.

Город I, 16, 20, 22, 59, 114, 168, 170, 171; II, 97, 98, 134, 204, 229; III, 11, 167, 175, 185—191, 206, 207, 219.
Городище I, 10—15, 17, 20; II, 7, 183; III, 11.
Городни I, 122—124; II, 139, 140.
Городники (или Городщики) I, 177; II, 210, 211; III, 220.
Городное дело II, 210.
Грады (осадные) II, 161.
Гребля (или Гробля) I, 114, 115; II, 81, 99.

Детинец I, 39, 47, 51, 59; II, 97, 208, 228, 238; III, 186, 187.
Донжон II, 221, 227, 238; III, 163, 204, 205.
Дънешний город I, 60.

Заборола (или Забрала) I, 124—126, 144, 155; II, 134, 140, 142, 173; III, 136, 160.
Зáмок I, 28, 38, 47, 64; II, 185, 195, 205; III, 112, 113, 191—193.
Засада III, 176.
Засечная черта II, 201.
Застава III, 176.
«Застава богатырская» III, 172.
Застенок II, 151.
Захаб II, 151, 152.
Змиевы валы I, 168—170; III, 167.

Избица II, 139.
Изгон см. Изъезд.
Изъезд I, 147, 148, 151, 179, 180; II, 158, 159, 180; III, 157.

Камнеметные машины I, 157—161, 179; II, 159—162, 170, 178, 182, 240; III, 159—165, 217, 218.
Кастель II, 98.
Катки II, 163.
Кожюх II, 151, 152.
Колодец I, 149; II, 155; III, 154, 155.
Контрвалационная линия см. Отынивание городов.
Костёр II, 144, 145.
Кремль II, 98, 206.
Крепость I, 168, 175; II, 205—207; III, 172, 173, 192—194.
Кром II, 81, 85, 97.
Кромный город I, 60.
«Крюковая» конструкция II, 112; III, 201.

Лесы I, 136, 158; III, 160.

Майдан I, 12, 13, 59.
Мост I, 134, 135; II, 153, 154; III, 153, 154.

Наряд III, 159.

[1] Настоящие указатели относятся ко всем трем томам работы, посвященной истории древнерусского военного зодчества. Приведенные в них номера страниц после цифры I относятся к первому тому (П. Раппопорт. Очерки I), после цифры II — ко второму тому (П. Раппопорт. Очерки II) и после цифры III — к третьему, т. е. к настоящему тому.

[2] В указателе даются ссылки лишь на те страницы, где имеются объяснения военно-инженерных терминов или какие-либо данные для их характеристики.

Обламы II, 142.
Облежание I, 148—151, 180; II, 158, 159, 163, 180, 240; III, 157—159, 215.
Окольный город I, 52, 60; II, 26, 43, 59, 98, 169, 206, 207, 228, 238; III, 186, 187.
Острог I, 60; II, 43, 80, 98.
Отынивание городов I, 158; II, 159, 160.
Охабень II, 98.

Перси II, 81, 98, 164.
Пиргос II, 144.
Подкопы II, 161.
Пороки см. Камнеметные машины.
Потерны I, 134, 151.
Примёт I, 158; II, 160, 161; III, 160.
Приспа I, 115.
Пристрой градной II, 162.
Прясло II, 149, 182.

Решетки II, 153.
Ров I, 67, 113, 114, 143; II, 99, 113, 129, 130; III, 131—134.
Рондель I, 13, 15.
Рубка «внахлестку» I, 122; III, 129.
Рубка «в обло» I, 75; II, 106, 109, 124, 127; III, 127, 129.
Рубка «в режь» II, 108, 109, 124, 218.
Рукав II, 151.

Самострел I, 160, 179; II, 160, 162, 168; III, 159, 160.
Соп I, 115.
Стена I, 119, 124; II, 98, 133, 134, 172; III, 135—139, 207—211.
Столбовая конструкция стен II, 143; III 135, 136.
Столп I, 135; II, 144; III, 163.
Столпие I, 119.
Стрельница II, 144, 145.
Сырцовая кладка I, 73—91, 142, 143.

Тайник II, 156.
Таран I, 159.
Тарасы I, 122—124; II, 116, 138, 139, 173.
Туры I, 136, 158; II, 161.
Тын I, 119; II, 143, 144; III, 135.

Убежища II, 208; III, 186.

Фланкирующий обстрел I, 155, 166; II, 165, 174, 175, 182, 183, 227, 228, 240, 241; III, 149, 158, 159, 164, 218, 219.
Фронтальный обстрел I, 155; II, 163, 165, 180, 181, 239, 240; III, 158—160, 216, 217.

Хоромы I, 47.

Частокол I, 68, 119, 143; II, 143; III, 134, 135.

Штурм I, 149, 150, 157, 158, 160, 161, 179; II, 159, 160, 163, 164, 178, 182, 240; III, 160—162, 164, 217—219.

Эскарп II, 67, 109; III, 134.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ [3]

Азарычи (г-ще, Могилевской обл.) I, 24, 182 (№ 118); III, 95, 227 (№ 24).
Алексин (город в Московском княжестве) II, 156, 157.
Алчедар [г-ще, гор. Черн (?), Молдавия] III, 30, 111, 131, 132, 169, 177, 201, 223 (№ 47).
Андреев городок (город мещерских князей) II, 132.
Асоте (г-ще, Латвия) I, 140; II, 225, 226; III, 130, 172, 194, 227 (№ 2).

Бабка (г-ще, Ровенской обл.) III, 76, 111, 225 (№ 38).
Бакота (город в Галицком Понизье) III, 175, 177.
Баламутовка (г-ще, Черновицкой обл.) III, 15, 223 (№ 17).
Банище (г-ще над Соловей-озером, Курской обл.) I, 26, 182 (№ 79).
Басов Кут (г-ще, Ровенской обл.) III, 39, 40, 225 (№ 87).
Басовка (г-ще, Сумской обл.) I, 56—57, 182 (№ 39).
Бежицы (гор. Бежичи, Бежецкий Верх, Калининской обл.) II, 37, 192—194, 246 (№ 39); III, 189.
Безрадичи Старые см. Старые Безрадичи.
Белавино (башня близ гор. Холма, Польша) I, 164, 165; III, 10, 104, 141, 146, 148, 225 (№ 58).
Белая Вежа (гор., Ростовской обл.) I, 142.
Белгород (город в Рязанской земле) см. Лубянское г-ще.
Белгород (город в Тверской земле) II, 189, 190.
Белгородка (г-ще, гор. Белгород, Киевской обл.) I, 16, 54, 73—82, 90, 91, 113, 120, 127, 134, 137, 141—143, 147, 149, 151, 172, 173, 175, 182, (№ 5); III, 157, 188—190.
Белёв (г-ще, Ровенской обл.) III, 39—42, 121, 132, 135, 150, 188, 225 (№ 85).
Белз (гор., Львовской обл.) I, 148; III, 64, 101, 164, 179, 180, 182, 186, 188, 189, 190, 191, 225 (№ 63).
Белоозеро (гор., Вологодской обл.) II, 22, 112, 164, 167, 177, 184, 193, 218, 244 (№ 20); III, 161.
Белоуша (г-ще, Брестской обл.) III, 76, 77, 225 (№ 33).
Бельск (гор., Польша) III, 46, 180, 183, 225 (№ 22).
Березовец (гор., Калининской обл.) II, 39, 191—193, 195, 228, 246 (№ 36).
Берестье (гор., совр. Брест) I, 135, 164; III, 42, 103, 104, 148, 163, 180, 183, 184, 191 197, 224.
Берлад (гор. в Нижнем Поднестровье) III, 177.
Бесова Гора см. Городец.

[3] В указателе отмечены укрепленные пункты и оборонительные сооружения, рассматриваемые или упоминаемые в работе. В скобках указано местонахождение по современному территориальному делению, а для памятников, анализируемых исключительно на основании письменных источников, — по исторической принадлежности или летописным сведениям.

Сокращения: г-ще — городище; гор. — древний *город*, упоминаемый в письменных источниках.

Бильче Золотое (г-ще, Тернопольской обл.) III, 12.
Билярское г-ще (Татарской АССР) II, 223.
Блистово (г-ще, Черниговской обл.) I, 29, 182 (№ 63).
Богатырское дворище (г-ще, Рязанской обл.) I, 46, 182 (№ 98); II, 30, 244 (№ 66).
Богатырский Бугор см. Вышгород на р. Раке.
Боголюбово (гор. Боголюбый, Владимирской обл.) I, 116, 131; II, 11, 12, 100, 101, 112, 130, 131, 184, 221, 236, 244 (№ 4); III, 189.
Божки (г-ще, совр. Красное Утро, Сумской обл.) I, 24, 182 (№ 74).
Божск (или Божьский, летописный город) I, 174; III, 179.
Болонеск (город в Московском княжестве) II, 186.
Большая Слобода см. Мукша.
Большая Талба (г-ще, Чувашской АССР) II, 223, 224.
Большие Деревичи (г-ще, гор. Деревич, Житомирской обл.) I, 30, 31, 69, 109, 112, 113, 115, 155, 182 (№ 24); II, 164; III, 72, 132, 175, 180, 192, 225 (№ 109).
Большой Карабчеев см. Карабчеев Большой.
Борилово (г-ще, Орловской обл.) II, 32, 244 (№ 43).
Борисов (гор., Минской обл.) I, 36, 182 (№ 109); III, 91, 189, 227 (№ 12).
Боровск (гор., Калужской обл.) II, 54, 187, 245 (№ 42).
Боровское г-ще (Московской обл.) II, 46, 245 (№ 39).
Бородинское г-ще (Смоленской обл.) II, 96, 227 (№ 44).
Борочицы (г-ще, Волынской обл.) III, 55, 225 (№ 65).
Боршевское Большое г-ще (Воронежской обл.) I, 24, 25, 27, 67, 182 (№ 89).
Боршевское Малое г-ще (Воронежской обл.) I, 24, 25, 68, 182 (№ 88).
Борщево (г-ще, гор. Брашева, Московской обл.) II, 46, 47, 187, 245 (№ 37).
Бранск см. Браньск.
Браньск (Бранск, Брянск, город в Подляшье) III, 180, 183.
Браслав (гор. Брячиславль, Витебской обл.) III, 91, 189, 227 (№ 4).
Братский острог (гор., Иркутской обл.) II, 142.
Брацлав (гор., Винницкой обл.) III, 102, 103, 223 (№ 42).
Брест см. Берестье.
Брусилово (г-ще, Черниговской обл.) I, 29, 182 (№ 61).
Брянск см. Браньск.
Бубновская Слободка (г-ще, Черкасской обл.) I, 109, 182 (№ 28).
Будаевка (г-ще, Киевской обл.) I, 173.
Будераж (г-ще, Ровенской обл.) III, 31.
Будеч (г-ще, Чехословакия) I, 139.
Бужеск (гор., совр. Буск, Львовской обл.) III, 39, 40, 175, 179, 180, 188, 189, 225 (№ 75).
Бужиски (г-ще, Польша) III, 47, 225 (№ 23).
Буйгород (город в Тверской земле) II, 189, 190.
Буромка (г-ще, близ г. Сосницы, Черниговской обл.) I, 26, 182 (№ 65).
Буск (или Буськ) см. Бужеск.
Быч (г-ще, Львовской обл.) III, 12.
Ванай (город «в Немечькой земле») II, 178.
Варадин (венгерский город) II, 178.
Вары (г-ще, Закарпатской обл.) III, 176.
Василёв (гор., Черновицкой обл.) I, 30; III, 16, 175, 177, 189, 202, 223 (№ 16).
Василёв (город в Киевской земле) I, 167, 172, 173; III, 172, 189, 190, 202.
Васьковцы (г-ще, Тернопольской обл.) III, 57, 59, 133, 225 (№ 97).
Великие Болгары (гор., Татарской АССР) II, 223.
Великий Карабчеев см. Карабчеев Большой.
Велиль (город в Новгородской земле) II, 192, 193.
Велье (гор., Псковской обл.) II, 74, 75, 119, 121, 132, 151, 155, 195, 196, 222, 246 (№ 12).
Вержавск см. Ржавец.
Ветжно—Бубрка (г-ще, Польша) III, 13.
Ветлы (гор., Волынской обл.) III, 45, 46, 101, 162, 180, 184, 225 (№ 42).
Верея (гор., Московской обл.) II, 6, 47, 48, 50, 122, 124, 128, 129, 133, 186—188, 245 (№ 40).
Вертязин (гор., г-ще в с. Городня, Калининской обл.) II, 10, 63, 189, 244 (№ 27).
Вигуровщина (г-ще, Киевской обл.) I, 44, 47, 173, 182 (№ 2).
Вилна (город в Литве, совр. Вильнюс) II, 170.
Витачёв (Южное г-ще, гор. Святополч, Киевской обл.) I, 25, 33, 69, 70, 110, 170, 173, 182 (№ 8); III, 170.
Витачёв (Северное г-ще, гор. Витичев, Киевской обл.) III, 202.
Витебск (гор.) III, 94, 189, 226.
Владимир-Волынский (гор., Волынской обл.) I, 125, 136, 150, 164, 174, 178; III, 5, 56, 67—71, 110, 131, 134, 136, 153, 162, 173, 179—181, 183, 186, 187, 189—191, 197, 198, 224.
Владимир на Клязьме (или Владимир Залесский, гор.) I, 116, 117, 119, 126, 128, 148, 158, 178; II, 12, 26, 27, 100 103, 112, 115, 116, 129, 130, 137, 150, 152, 153, 158, 160, 161, 184, 185, 193, 205, 206, 211, 213—215; III, 150, 188, 189, 200.
Возвягль (летописный город) III, 180.
Воин (село на границе с Польшей) III, 181.
Воинь (гор., г-ще Воинская Гребля, Полтавской обл.) II, 218; III, 168, 172.
Войтовцы (г-ще, Винницкой обл.) III, 28, 223 (№ 31).
Волица Стубельская (г-ще, Ровенской обл.) III, 36, 38, 153, 225 (№ 90).
Волковыск (гор., Гродненской обл.) III, 9, 87—89, 124, 180, 183, 186, 188, 189, 225 (№ 7).
Волконск (гор., Тульской обл.) II, 64, 245 (№ 58).
Володава (летописный город) III, 180.
Володарев (летописный город) I, 174.
Володимирец (гор., Псковской обл.) II, 87—89, 138, 145, 157, 175, 196, 197, 208, 209, 217, 236, 246 (№ 20).
Волоковая (г-ще, Смоленской обл.) I, 27, 68, 182 (№ 131); III, 94, 227 (№ 34).
Волоколамск (гор. Волок Ламский, Московской обл.) II, 23, 24, 154, 184, 189, 192—194, 244 (№ 26); III, 189.
Волочек (город в Новгородской земле) II, 193—194.
Волынцево (г-ще Курган, Сумской обл.) I, 28, 182 (№ 77).
Волынь (гор., г-ще Грудек Надбужный, Польша) III, 8, 65, 127, 180, 181, 189, 198, 225 (№ 61).
Вонлярово (г-ще, Смоленской обл.) I, 35—36, 182 (№ 130); III, 95, 227 (№ 29).

Воронач (гор., Псковской обл.) II, 74, 76, 77, 180, 195, 196, 246 (№ 16).
Воротнинское г-ще (Смоленской обл.) III, 98, 227 (№ 42).
Воротынск (гор., Калужской обл.) II, 33, 65, 66, 124—126, 128, 133, 220, 245 (№ 54).
Восвят см. Усвяты.
Вослоним см. Слоним.
Вотрин см. Городна.
Врев (гор., Псковской обл.) II, 77, 79—81, 195, 196, 246 (№ 18).
Всеволож см. Старгород.
Вселук (гор., Калининской обл.) II, 58, 245 (№ 27).
Вщиж (гор., Брянской обл.) I, 32, 56, 101, 136, 137, 143, 182 (№ 69); III, 163, 189, 190.
Выбор (гор., Псковской обл.) II, 77, 78, 119, 130, 196, 197, 213, 246 (№ 17).
Выбор («город немецкий») см. Выборг.
Выборг (гор., Ленинградской обл.) II, 159, 172, 193.
Вырское г-ще (Тульской обл.) II, 32, 244 (№ 40).
Вырь (летописный город) I, 168, 171.
Высокий городок (гор., Псковской обл.) II, 67—69, 119, 179, 192, 193, 246 (№ 24).
Высокое (г-ще, Могилевской обл.) I, 25, 29, 182 (№ 117); III, 95, 227 (№ 23).
Высоцк (г-ще, Гродненской обл.) III, 80, 82, 186, 225 (№ 15).
Вышгород (гор., Киевской обл.) I, 54, 55, 69, 101—103, 109, 110, 112—115, 124, 141, 143, 172, 173, 177, 182 (№ 1); II, 219, 220; III, 132, 189, 190.
Вышгород на р. Раке (г-ще Богатырский Бугор, Рязанской обл.) II, 30, 244 (№ 70).
Вышгородок (гор., Псковской обл.) II, 90, 91, 196, 197, 209, 246 (№ 10).
Вышегород (гор., Псковской обл.) II, 71—73, 140, 142, 192, 193, 246 (№ 23).
Вышегород на Протве (гор., Московской обл.) II, 47, 49, 145, 179, 186, 187, 245 (№ 41).
Вышегород на Яхроме (гор., Московской обл.) II, 50, 53, 60, 145, 166, 186, 187, 245 (№ 35).
Вязовеньки (г-ще, Смоленской обл.) I, 24, 182 (№ 127); III, 95, 227 (№ 36).
Вятка см. Хлынов.

Галич (гор., г-ще Крылос, Ивано-Франковской обл.) I, 56, 109, 137, 148, 157; III, 5, 9, 26—28, 106, 114—118, 131—134, 136, 153, 161, 169, 174, 175, 177, 186, 187, 189—191, 197, 222.
Галич Малый (город в Нижнем Поднестровье) III, 177.
Галич Мерьский (гор., Костромской обл.) II, 6, 17, 19, 52, 53, 90, 92, 104—105, 112, 122—125, 129—130, 133, 136, 138, 145, 177, 184, 186, 206, 208, 244 (№ 16), 245 (№ 9); III, 189, 203.
Галичский замок (Ивано-Франковской обл.) III, 106, 107, 137, 139, 149, 164, 212, 213, 223 (№ 11).
Ганино (г-ще, Смоленской обл.) III, 95, 227 (№ 43).
Гаравыя (или Горовые, г-ще Таукач, Витебской обл.) I, 26—27, 68, 182 (№ 113); III, 90, 227 (№ 5).
Гать (г-ще, Орловской обл.) II, 33, 244 (№ 51).
Гдов (гор., Псковской обл.) II, 89, 131, 136, 153, 164, 175, 196, 198, 200, 208, 209, 217, 246 (№ 1).
Германовское г-ще (Витебской обл.) I, 33, 34, 37, 70, 182 (№ 116); III, 96, 227 (№ 22).
Герсика (или Герцике) см. Ерсика.
Глинск (г-ще, Полтавской обл.) I, 32, 182 (№ 54).
Глинск (г-ще, Ровенской обл.) III, 31.
Глубичичи (чешский город) III, 160.
Гноиница (летописный город) III, 179, 180.
Головно (г-ще, Волынской обл.) III 46, 127, 225 (№ 49).
Гологоры (гор. Голые Горы, Львовской обл.) III, 15, 16, 175, 178, 188, 191, 192, 202, 223 (№ 6).
Голые Горы см. Гологоры.
Голынка (г-ще, Гродненской обл.) III, 111, 225 (№ 3).
Голышевка (г-ще, Воронежской обл.) I, 56, 182 (№ 87).
Гонючево (г-ще, Орловской обл.) II, 32, 244 (№ 46).
Горзвин (г-ще, Волынской обл.) III, 47—48, 141, 225 (№ 70).
Горкинское г-ще (Сумской обл.) I, 24, 28, 72, 109, 182 (№ 78).
Горналь (г-ще, Курской обл.) I, 28, 182 (№ 49).
Горовые см. Гаравыя.
Городен (летописный город) II, 133, 213.
Городена (г-ще у пог. Красно, Московской обл.) II, 27, 244 (№ 62).
Городенск (г-ще, Курской обл.) I, 29, 182 (№ 80).
Городец (г-ще Бесова Гора, Брестской обл.) III, 74, 225 (№ 29).
Городец (гор., Горьковской обл.) II, 17, 112, 155, 177, 184, 185, 244, (№ 1); III, 188, 189.
Городец на Жиздре (г-ще, Калужской обл.) I, 35, 36, 182 (№ 84); II, 32, 244 (№ 39).
Городец на Горыни (г-ще, Ровенской обл.) III, 76, 225 (№ 39).
Городецкий остров (Исад-городец, Псковской обл.) II, 40, 192, 196—197, 246 (№ 4).
Городище (г-ще в Белозерье, Вологодской обл.) II, 12, 244 (№ 18).
Городище (г-ще, близ. дер. Кайболово, Ленинградской обл.) II, 35, 37, 191, 246 (№ 49).
Городище (г-ще южнее Псковского озера, Псковской обл.) II, 191.
Городище близ г. Шепетовки см. Изяславль.
Городище на р. Сяси см. Сясьское г-ще.
Городище на р. Рати см. Ратское г-ще.
Городище у устья р. Трубежа (гор. Устье, Киевской обл.) I, 42, 182 (№ 29).
Городище (г-ще, Смоленской обл.) I, 34, 182 (№ 124).
Городище близ Чарукова (г-ще, Волынской обл.) III, 57—59, 225 (№ 72).
Городище (г-ще, Брестской обл.) III, 76, 225 (№ 28).
Городище на р. Птичи (Минской обл.) III, 92, 227 (№ 7).
Городище (г-ще, Тернопольской обл.) III, 19, 120, 223 (№ 12).
Городищенское г-ще на р. Десне (Черниговской обл.) I, 49, 182 (№ 66).
Городищи (г-ще, близ Юрьева-Польского) см. Мстиславль.
Городна (г-ще, Смоленской обл.) III, 96, 227 (№ 32).
Городница (г-ще, Ивано-Франковской обл.) III, 12.
Городно (г-ще, Брестской обл.) III, 90.
Городня см. Вертязин.
Городня (г-ще, Тульской обл.) II, 32, 244 (№ 55).
Городок (Волынской обл.) см. Чернеч-городок.
Городок на Ваге (город в Новгородском Подвинье) II, 193.
Городок у дер. Новоселки см. Новоселки.
Городок у г. Вельска (Архангельской обл.) II, 68, 246 (№ 41).
Городок на р. Ловати (г-ще, Псковской обл.) II, 39, 42, 191, 246 (№ 32).
Городок на р. Моче см. Перемышль.

Городск (г-ще, Житомирской обл.) I, 106, 134, 175, 182 (№ 18); III, 172.
Гороховец (гор., Владимирской обл.) II, 17, 184, 244 (№ 2).
Горышин (г-ще, Калининской обл.) II, 58, 245 (№ 25).
Гостиный (польский город) II, 159.
Гочево (г-ще, Курской обл.) I, 57, 182 (№ 52).
Гоща (г-ще, Ровенской обл.) III, 58—60, 189, 225 (№ 102).
Гремячев (гор., Тульской обл.) II, 64, 245 (№ 60).
Грибовичи Малые (г-ще, Львовской обл.) III, 13.
Григоровка (г-ще, Киевской обл.) I, 45, 182 (№ 10).
Гримовское г-ще (Киевской обл.) I, 25, 30, 37, 68—70, 182 (№ 20).
Гринчук (г-ще, Хмельницкой обл.) III, 17, 119, 120, 132, 223 (№ 20).
Гродно (гор. Городно, Гродненской обл.) I, 135, 137, 164—166; III, 9, 10, 90, 103, 148, 164, 180, 183, 184, 188, 189, 197, рис. 164 между стр. 212—213, 224.
Грубское г-ще (Житомирской обл.) I, 43, 47, 58, 63, 68, 70, 182 (№ 16).
Грудек Надбужный см. Волынь.
Губин (гор. Житомирской обл.) I, 49, 50, 62, 69, 72, 108, 109, 155, 166, 182 (№ 25); II, 164; III, 72, 175, 180, 189, 192, 225 (№ 111).
Гута Райгородская (г-ще, Винницкой обл.) III, 29, 30, 209, 223 (№ 38).
Гуща (г-ще, Волынской обл.) III, 32, 33, 225 (№ 52).

Давид-городок (гор., Брестской обл.) I, 106, 107, 182 (№ 102); III, 7, 74, 75, 122, 132, 140, 170, 180, 184, 189, 225 (№ 30).
Давидова Боженка (летописный город) I, 174.
Давыдовское г-ще см. Малое Давыдовское г-ще.
Данилов (гор., г-ще на горе Троица, Тернопольской обл.) I, 159; III, 34, 35, 101, 112, 155, 162, 173, 175, 180, 188, 189, 225 (№ 94).
Дедовичи (г-ще, Псковской обл.) II, 67, 68, 70, 246 (№ 25).
Демидов (г-ще, Киевской обл.) I, 112.
Демон (г-ще Княжья Гора близ Демянска, Новгородской обл.) II, 71, 72, 192, 193, 246 (№ 37).
Деребуж (г-ще, Смоленской обл.) I, 35, 182 (№ 120); III, 95, 227 (№ 47).
Деревич см. Большие Деревичи.
Деревна (г-ще, Гродненской обл.) III, 79, 186, 225 (№ 14).
Дермань (г-ще, Ровенской обл.) III, 50, 51, 196, 225 (№ 96).
Джуринцы (г-ще, Винницкой обл.) III, 29, 223 (№ 36).
Дзиенциолы (г-ще, Польша) III, 72, 111, 199, 225 (№ 25).
Диево городище (Ярославской обл.) II, 52, 245 (№ 12).
Дмитров (гор., Московской обл.) I, 101, 102; II, 20, 21, 45, 108, 109, 112, 113, 155, 159, 161, 167, 176—178, 184, 185, 187—189, 205—207, 230, 244 (№ 23); III, 189.
Долгий Колодезь (г-ще Городок, Курской обл.) I, 46, 68.
Долгий Колодезь (г-ще Наволочки, Курской обл.) I, 56, 57, 182 (№ 50).
Долгий Колодезь (г-ще Стрелица, Курской обл.) I, 24, 25, 182 (№ 51).
Донецкое г-ще [г-ще у с. Карачевка, гор. Донец (?), Харьковской обл.] I, 25, 29, 71, 107, 182 (№ 58).
Дорогичин см. Дрогичин.
Дорогобуж (гор., Ровенской обл.) I, 174, 175; III, 65, 66, 180, 182, 189, 190, 225 (№ 101).
Дорогобуж (город в Смоленской земле) II, 161.
Дорогобуж (город в Тверской земле) II, 189, 190.
Дрензе (г-ще, Германия) III, 199.
Дрогичин (гор., Польша) III, 36, 37, 132, 180, 183, 225 (№ 24).
Дрогобыч (гор., Львовской обл.) I, 164; III, 104, 175.
Друцк (гор., Могилевской обл.) III, 7, 93, 189, 193, 227 (№ 18).
Дубков (гор., Псковской обл.) II, 77, 79, 80, 195, 196, 246 (№ 21).
Дубно (гор. Дубен, Ровенской обл.) I, 174; III, 42, 180, 225 (№ 77).
Дубровица (гор., Ровенской обл.) III, 75, 76, 170, 180, 183, 225 (№ 36).
Дуна (г-ще, Тульской обл.) II, 32, 244 (№ 37).
Дядьково см. Богатырское дворище.

Екимауцы (г-ще, Молдавия) I, 109, 121—122; III, 10, 30, 111, 125, 132, 136, 155, 169, 177, 223 (№ 49).
Елшинское г-ще см. Чортово г-ще.
Ельня (гор., Смоленской обл.) III, 97, 189, 227 (№ 46).
Ерсика (гор., Латвия) I, 36; III, 6, 91, 92, 136, 227 (№ 3).
Ерши-Лодыжицы [г-ще, гор. Лодейница (?), Смоленской обл.] III, 95, 227 (№ 35).

Желний (или Желъди, город в Переяславской земле) III, 193.
Жидичин (г-ще, Волынской обл.) III, 38, 39, 180, 192, 225 (№ 81).
Жижецкое г-ще (гор. Жижець, Псковской обл.) II, 37, 38, 192, 193, 246 (№ 31).
Жичицы (г-ще, гор. Жидчичи, Смоленской обл.) III, 95, 227 (№ 30).
Жокинское г-ще (Рязанской обл.) II, 28, 30, 31, 177, 244 (№ 72).
Жорнище (г-ще, Винницкой обл.) III, 29, 223 (№ 32).
Жуевка (г-ще, Орловской обл.) II, 32, 244 (№ 41).

Завадов (г-ще, Львовской обл.) III, 13, 196, 223 (№ 3).
Зайончки (г-ще, Польша) III, 46, 225 (№ 21).
Зайцево (г-ще, Орловской обл.) II, 31, 244 (№ 52).
Залужье (г-ще, Ровенской обл.) III, 74, 186, 225 (№ 35).
Зарайск (гор., Московской обл.) II, 175.
Заречное (г-ще, Ровенской обл.) III, 77, 225 (№ 37).
Заречье (г-ще, Киевской обл.) I, 29, 30, 37, 38, 87—89, 109, 121, 142, 143, 170, 173, 182 (№ 6); III, 167.
Заречьск (летописный город) III, 170.
Заславль (гор., Минской обл.) I, 41, 43, 47, 70, 182 (№ 103); III, 93, 227 (№ 6).
Затурцы (г-ще, Волынской обл.) III, 33, 34, 225 (№ 66).
Збочно (г-ще, Гродненской обл.) III, 86, 87, 184, 191, 199, 202, 225 (№ 9).
Збыраж (город в Галицкой земле, совр. Збараж) III, 175, 178.

Звенигород (гор., Московской обл.) II, 6, 48, 49, 122, 124, 128, 129, 133, 136, 184, 186—188, 206, 245 (№ 33); III, 189.
Звенигород (гор., Львовской обл.) I, 152; III, 9, 25, 175, 178, 186, 187, 189—191, 223 (№ 4).
Зверовичи (г-ще, гор. Красн. Смоленской обл.) I, 48, 51, 182 (№ 125); III, 98, 189, 227 (№ 27).
Звиждень (летописный город) I, 175.
Зеленче (г-ще, гор. Теребовль, Тернопольской обл.) III, 24, 25, 170, 175, 186, 188—191, 223 (№ 14).
Золотоноша (г-ще, Черкасской обл.) I, 109.
Зубцов (гор., Калининской обл.) II, 10, 133, 184, 185, 189, 190, 244 (№ 30).

Иван (г-ще, Киевской обл.) III, 172.
Ивангород (гор., Ленинградской обл.) II, 90, 131, 148, 175, 200, 208, 217, 236—238, 246 (№ 51).
Иваничи (г-ще, Ровенской обл.) III, 33, 225 (№ 91).
Идна-Карское г-ще (Удмуртской АССР) II, 223.
Иерусалим (город в Палестине) III, 163.
Ижеславльское г-ще (гор. Ижеславец, Рязанской обл.) I, 70, 71, 182 (№ 93); II, 30—31, 244 (№ 74); III, 189.
Изборск (гор., совр. Старый Изборск, Псковской обл.) I, 159, 164; II, 34, 74, 131, 140, 146, 151—157, 165, 166, 168, 191—193, 195—200, 227, 231, 232, 234, 246 (№ 7); III, 204.
Изборск (Труворово г-ще в Старом Изборске) II, 34.
Изяславль (гор., г-ще у с. Городище близ г. Шепетовки, Хмельницкой обл.) II, 218; III, 72, 127, 172, 173, 179, 188, 189, 192, 193, 225 (№ 108).
Изяславль (город в Полоцкой земле) I, 150.
Индура (г-ще, Гродненской обл.) III, 83—85, 124, 133, 155, 199, 225 (№ 5).
Ипильтис (г-ще, Литва) II, 225.
Исад-городец см. Городецкий остров.
Искоростень см. Коростень.
Истожек см. Стожок.

Казарь (гор., Рязанской обл.) II, 27, 244 (№ 69).
Кайболово см. Городище.
Калиш (польский город) I, 134; II, 153; III, 153, 160.
Калуга (гор., Симеоново г-ще, Калужской обл.) II, 51, 54, 126—129, 133, 145, 167, 168, 220, 245 (№ 49).
Калфа (г-ще, Молдавия) III, 135.
Калюс (г-ще, гор. Калиус, Хмельницкой обл.) III, 18, 120, 175, 177, 202, 223 (№ 30).
Калязин (город в Тверской земле) II, 190.
Каменец (гор. на р. Случи, по-видимому г-ще у с. Мирополь, Житомирской обл.) I, 43, 182 (№ 22); III, 110, 175, 180, 181.
Каменец-Литовский (гор., Брестской обл.) I, 135, 164, 165, 177; II, 147, 232; III, 10, 104, 141—143, 146, 163, 180, 183—184, 204, 205, 225 (№ 26).
Каменец-Подольский (гор., Хмельницкой обл.) III, 106, 108—110, 223 (№ 22).
Каменное (г-ще, Сумской обл.) I, 28, 182 (№ 44).
Камень-Каширский (г-ще, гор. Камень, Волынской обл.) III, 101, 102, 225 (№ 43).
Камлай см. Остапковцы.
Канев (гор., Черкасской обл.) III, 172.
Канье (г-ще, Польша) III, 48, 133, 199, 225 (№ 55).
Капустинцы (г-ще, Тернопольской обл.) III, 12.
Карабчеев Большой (г-ще, Хмельницкой обл.) III, 17, 18, 134, 191, 192, 223 (№ 24).
Караковичи (г-ще, Смоленской обл.) III, 98, 227 (№ 49).
Карачевка см. Донецкое г-ще.
Карачковцы (г-ще, Хмельницкой обл.) III, 18, 223 (№ 23).
Каспля (г-ще, Смоленской обл.) I, 29, 182 (№ 132); III, 96, 227 (№ 33).
Кашин (гор., Калининской обл.) II, 12, 13, 32, 60, 62, 113, 114, 128, 129, 138, 166, 184, 185, 189, 191, 213, 244 (№ 22), 245 (№ 15); III, 189.
Кветунь (г-ще, Брянской обл.) I, 48, 49, 182 (№ 70).
Кентескалнс (г-ще, Латвия) II, 226; III, 201.
Кидекша (гор., Владимирской обл.) II, 14, 17, 184, 185, 205, 244 (№ 6); III, 189.
Киев (гор.) I, 55, 69, 91—97, 99, 113, 117, 119, 126, 128—131, 138, 141—143, 147—150, 153, 158, 161, 167, 171—173; II, 160, 231; III, 150, 157, 162, 166, 173, 187, 189, 190.
Киево-Печерский монастырь (Киевской обл.) I, 117, 126, 128, 154; III, 168.
Кизивер (г-ще, Полтавской обл.) I, 40, 182 (№ 30); III, 172, 201.
Кимборовка см. Мозырь.
Китаевское г-ще (Киевской обл.) I, 48, 49, 170, 173, 182 (№ 3).
Китеж (легендарный город) II, 231, 236.
Кичменский городок (г-ще, Вологодской обл.) II, 55, 245 (№ 2).
Клевань (летописный город) III, 180.
Клеческ (город в Турово-Пинской земле, совр. Клецк) III, 184.
Клещин (гор., Ярославской обл.) II, 16—18, 244 (№ 12).
Клещов (г-ще, Польша) II, 226; III, 172.
Климентовский погост (г-ще, гор. Новый Ольгов, Рязанской обл.) I, 25, 29, 131, 182 (№ 101); II, 29, 151, 244 (№ 71).
Клин (гор., Московской обл.) II, 60, 166, 187, 189—191, 245 (№ 16).
Кличен (гор., Калининской обл.) II, 58, 245 (№ 26).
Кляземский городок см. Стародуб.
Кнышевка (г-ще, Полтавской обл.) I, 28, 182 (№ 43).
Княжа Гора (г-ще, близ. г. Канева, Черкасской обл.) I, 119, 182 (№ 11).
Княжья Гора см. Демон.
Кобрынь (город в Берестейской земле, совр. Кобрин) III, 180, 184.
Кобыла (гор., совр. Кобылье г-ще, Псковской обл.) II, 87—89, 133, 137—139, 161, 175, 196, 197, 199, 208, 217, 236, 246 (№ 5).
Кобяково г-ще (Ростовской обл.) I, 142.
Ковшаровское г-ще (Смоленской обл.) I, 32, 119, 182 (№ 122); III, 96, 136, 227 (№ 39).
Кодень (боярская усадьба на Зап. Буге) III, 180, 192.
Козельск (гор., Калужской обл.) I, 115, 119, 158, 159; II, 32, 160, 244 (№ 38).
Козьян (город Московского государства) II, 175.
Кокнезе (гор., Латвия) III, 6, 92—93, 227 (№ 1).
Кокстон (замок в Шотландии) II, 209.
Колобжег (гор., Польша) II, 226.
Колодяжин (гор., Житомирской обл.) I, 34, 105, 106, 113, 119, 134, 141, 143, 145, 151, 159, 175, 182 (№ 23); III, 127, 162, 172, 173, 175, 180, 192, 193.
Коложе (гор., Псковской обл.) II, 77, 80, 82, 195—197, 246 (№ 14).
Коломна (гор., Московской обл.) II, 159, 187, 188, 200, 207.
Коломыя (город в Галицком Понизье) III, 175, 177.

Колычевское г-ще (Смоленской обл.) III, 96, 227 (№ 41).
Комарово (г-ще, Орловской обл.) II, 32, 244 (№ 48).
Константинополь (город Царьград в Греции) II, 144, 164, 171.
Копорье (гор. Ленинградской обл.) I, 164; II, 36, 131, 153, 157, 174, 192—195, 198, 200, 221, 235, 237, 246 (№ 48).
Копысь (гор., Витебской обл.) III, 97, 227 (№ 20).
Корела (гор., Ленинградской обл.) II, 71, 144, 193—195, 207, 246 (№ 46); III, 218.
Коречьск (волынский город) I, 175; III, 180, 182.
Коржовка (г-ще, Винницкой обл.) III, 29, 223 (№ 40).
Корзенев (город в Московском княжестве) II, 187.
Коростень (г-ще, гор. Искоростень, Житомирской обл.) I, 101, 146, 152, 182 (№ 21).
Корсунь (город в Крыму) I, 159.
Корчеватый (г-ще, Житомирской обл.) I, 39, 109, 182 (№ 17).
Коршовское г-ще (Волынской обл.) I, 54, 70; III, 60, 122, 169, 180, 187—190, 225 (№ 71).
Костёр (Ливонский замок) II, 228.
Кострома (гор., Костромской обл) II, 11, 184, 186, 200, 207, 244 (№ 15).
Котелно (гор., Псковской обл.) II, 77, 80, 83, 119, 120, 129, 155, 195—197, 246 (№ 19).
Котельница (летописный город) I, 174.
Кошары (г-ще, гор. Кошер, Волынской обл.) III, 102, 103, 134, 225 (№ 47).
Кошкин городок (гор., Псковской обл.) II, 72—74, 192, 193, 246 (№ 22).
Краков (польский город) I, 164; III, 165.
Красн см. Зверовичи.
Красная Горка (г-ще, Смоленской обл.) I, 34, 182 (№ 129); III, 96, 227 (№ 28).
Красно см. Городена.
Красное Утро см. Божки.
Красный (город в Московском государстве) II, 175.
Красный городок (гор., Псковской обл.) II, 86, 157, 175, 196, 197, 199, 208—209, 217, 246 (№ 11).
Кременец (гор., Тернопольской обл.) I, 134, 159; II, 153; III, 34, 101, 106, 112, 139, 149, 154, 155, 162—164, 173, 175, 180, 225 (№ 93).
Кременск (гор., Калужской обл.) II, 51, 56, 157, 179, 187, 200, 245 (№ 43).
Крешов (город в Галицкой земле) III, 176.
Кричев (гор. Могилевской обл.) III, 97, 227 (№ 26).
Кросно (город в Галицкой земле) III, 176.
Круглеца (г-ще, Орловской обл.) II, 32, 244 (№ 45).
Круглица (г-ще, Московской обл.) II, 46, 245 (№ 38).
Крупа (г-ще, Волынской обл.) III, 36, 225 (№ 80).
Круча см. Тарасовка.
Крылос см. Галич.
Кснятин см. Скнятин.
Кснятин см. Снетинское г-ще.
Кудинка (гор. Кудин, Хмельницкой обл.) I, 45, 47, 69, 71, 72, 108—109, 155, 182 (№ 26); II, 164; III 72, 175, 180, 192, 225 (№ 112).
Куземин (г-ще, Сумской обл.) I, 23, 68.
Кузнецовское г-ще (Воронежской обл.) I, 24, 182 (№ 90).
Куконос см. Кокнезе.
Кулешово (г-ще, Тульской обл.) II, 30, 182 (№ 86).
Кульчицы (г-ще, Львовской обл.) III, 12.
Курган см. Волынцево.
Курское г-ще (гор. Курь, Новгородской обл.) II, 66, 192, 193, 246 (№ 28).
Кучелмин (город в Галицком Понизье) III, 177.
Кучинское г-ще (Смоленской обл.) III, 96, 227 (№ 40).
Кушлянщина (г-ще, Смоленской обл.) I, 40.

Ладыжин (г-ще, Винницкой обл.) III, 28, 223 (№ 45).
Ладога (гор., совр. Старая Ладога, Ленинградской обл.) I, 116, 154, 164; II, 35, 131, 153, 157, 174, 191—195, 200, 201 204, 208, 221, 246 (№ 44).
Ленинское (г-ще. Сумской обл.) I, 46.
Ленковцы (г-ще, Черновицкой обл.) III, 10, 19, 20, 26, 128—130, 132, 135, 172, 202, 223 (№ 18).
Лесники (г-ще, Киевской обл.) I, 112.
Лестравка (г-ще, Смоленской обл.) I, 24, 182 (№ 128).
Либушин (г-ще, Чехословакия) I, 139.
Липинское г-ще (Курской обл.) I, 25, 32, 182 (№ 81).
Липовое (г-ще, Сумской обл.) I, 41, 42, 182 (№ 41).
Листвин (г-ще, Ровенской обл.) III, 60—62, 150, 151, 154, 155, 169, 180, 187, 189, 190, 225 (№ 89).
Литовеж (г-ще, Волынской обл.) III, 43.
Лихаревское г-ще (Рязанской обл.) I, 30, 182 (№ 92); II, 29, 30, 244 (№ 77).
Лихвин (гор., совр. Чекалин, Тульской обл.) II, 64, 245 (№ 56).
Логойск (г-ще Замок, гор. Логожск, Минской обл.) I, 34, 182 (№ 110); III, 92, 189, 227 (№ 10).
Лодейницы см. Ерши-Лодыжицы.
Лоевцы (г-ще, Винницкой обл.) III, 28, 223 (№ 37).
Локна (г-ще, Орловской обл.) II, 32, 244 (№ 44).
Лопатин (гор., Львовской обл.) III, 101, 102, 225 (№ 74).
Лопушна (г-ще, Львовской обл.) III, 13.
Лубянское г-ще [гор. Белгород (?), Рязанской обл.] II, 30, 244 (№ 73); III, 189.
Лукашевка (г-ще, Молдавия) III, 30, 223 (№ 50).
Луки (город в Новгородской земле, совр. Великие Луки) II, 140, 192—194.
Лукомль (гор., Витебской обл.) III, 91, 227 (№ 13).
Луцк (гор. Луческ, Волынской обл.) III, 67, 68, 106, 108, 137, 138, 149, 153—154, 158, 162, 164, 173, 179, 180, 182, 186, 187, 189—191, 206, рис. 165 между стр. 212—213, 224.
Лыхавере (г-ще, гор. Леолэ, Эстония) I, 140; II, 225.
Львяж (город Волынской земли) III, 180, 184.
Львов (гор., Львовской обл.) III, 13, 173, 175, 222.
Любачев (город в Галицкой земле) III, 175, 176.
Любенское г-ще (Гомельской обл.) I, 67, 182 (№ 67).
Любеч (гор., Черниговской обл.) III, 132, 163, 189, 192.
Любим (город в Московском государстве) II, 200, 212.
Люблин (польский город) I, 135; III, 180, 182.
Любомль (гор. г-ще Фосия, Волынской обл.) III, 50, 180, 183, 225 (№ 51).
Любомль (г-ще 2-е Любомльское, Волынской обл.) III, 71, 72, 111, 133, 189, 199, 225 (№ 50).
Любутск (гор., Калужской обл.) II, 64, 245 (№ 57).
Любче (г-ще, Волынской обл.) III, 49, 50, 133, 225 (№ 68).

Лящивцы (или Лящевка, г-ще, Черкасской обл.) I, 58, 59, 182 (№ 31).

Малое Давыдовское г-ще (Владимирской обл.) II, 10, 244 (№ 7).
Малоярославец (гор., Калужской обл.) II, 54, 57, 117, 118, 128, 143, 187, 245 (№ 44).
Малые Грибовичи см. Грибовичи Малые.
Малый Галич см. Галич Малый.
Матвеевка см. Кизивер.
Матвеевское г-ще (Смоленской обл.) III, 96, 227 (№ 45).
Мацковцы [г-ще, гор. Снепород (?). Полтавской обл.] I, 42, 70, 149, 150, 182 (№ 33); III, 168.
Машкауцы (г-ще, Молдавия) III, 30, 223 (№ 51).
Мда (г-ще, Псковской обл.) II, 38, 41, 191, 208, 246 (№ 3).
Медведь (г-ще, Калининской обл.) II, 102.
Медвежье (г-ще, Сумской обл.) I, 49, 182 (№ 40).
Межибожие (летописный город) I, 174; III, 179.
Межотне (г-ще, Латвия) I, 140; II, 225.
Мельник (город в Подляшье) III, 180, 183.
Мельница (гор., Волынской обл.) III, 49, 50, 101, 122, 170, 180, 188, 189, 196, 225 (№ 67).
Меречевщина (г-ще, Гродненской обл.) III, 81, 83, 225 (№ 11).
Мерцаловка (г-ще, Орловской обл.) II, 33, 244 (№ 50).
Мещанское г-ще см. Редичевские городища.
Мещовск (гор., Калужской обл.) II, 64, 245 (№ 53).
Миклашевское (г-ще, Полтавской обл.) III, 168, 201.
Микулин (город в Галицкой земле) III, 175.
Микулино-городище (гор. Микулин, Московской обл.) II, 22, 24, 63, 184, 189, 206, 244 (№ 29); III, 189, 203.
Минск (гор.) I, 70, 71, 182 (№ 104); II, 112, 219, 226; III, 7, 10, 93, 130, 131, 151, 152, 188, 189, 201, 227 (№ 8).
Мирогощa (г-ще, Ровенской обл.) III, 31, 58, 225 (№ 88).
Мирополь см. Каменец.
Митковицы (г-ще, Псковской обл.) II, 38—40, 191, 246 (№ 6).
Михайлов (гор., Рязанской обл.) II, 63, 245 (№ 61).
Михайловский кордон (г-ще, Воронежской обл.) I, 58, 182 (№ 91).
Михальче (г-ще, Ивано-Франковской обл.) III, 12, 13.
Михнов (1-е г-ще, Хмельницкой обл.) III, 31, 47, 225 (№ 105).
Михнов (2-е г-ще, Хмельницкой обл.) III, 36, 225 (№ 106).
Мичьск (летописный город) I, 175.
Могрица (г-ще, Сумской обл.) I, 28, 182 (№ 48).
Можайск (гор., Московской обл.) II, 54, 132, 179, 186—188, 200, 212, 245 (№ 30).
Мозырь (г-ще Кимборовка, Гомельской обл.) III, 76.
Моклеков (летописный город) III, 178.
Молвотицы (гор., Новгородской обл.) II, 66, 192, 193, 195, 228, 246 (№ 35).
Молоденово (г-ще, Московской обл.) II, 60.
Монастырище (г-ще у г. Ромны, Сумской обл.) I, 23, 27, 67, 68, 182 (№ 38).
Морева (город Новгородской земли) II, 192, 193.
Мосальск (гор., Калужской обл.) II, 64, 245 (№ 51).
Москва (гор.) I, 158; II, 11, 44, 45, 59, 95, 110—112, 129, 132, 134, 140, 142, 145, 147, 149, 150, 153, 154, 157, 159—162, 167, 174, 176, 178, 184—188, 202, 203, 206, 207, 213, 215, 219, 226, 229; III, 189, 201.
Московское г-ще см. Редичевские городища.
Мощаница Малая (г-ще, Ровенской обл.) III, 41, 43, 225 (№ 95).
Мощино (г-ще, Калужской обл.) II, 31, 32, 244 (№ 33).
Мстибово (г-ще, гор. Мстибогов, Гродненской обл.) III, 85, 86, 180, 184, 191, 192, 202, 225 (№ 6).
Мстиславль (гор., совр. с. Городищи, Владимирской обл.) I, 102; II, 21—23, 106, 107, 109, 112—115, 155, 177, 184, 185, 206, 213, 214, рис. 139 между стр. 236—237, 244 (№ 8); III, 189.
Мстиславль (гор., Могилевской обл.) II, 140; III, 189.
Мукша (г-ще у с. Большая Слобода, Хмельницкой обл.) III, 19, 20, 223 (№ 21).
Мунарев (летописный город) I, 171, 174.
Муравельник (г-ще в г. Волковыске, Гродненской обл.) III, 80, 89, 155, 186, 225 (№ 8).
Муравица (гор., Ровенской обл.) III, 58, 59, 153, 180, 225 (№ 78).
Муром (гор., Владимирской обл.) II, 28, 184; III, 189.
Мушкатовка (г-ще, Тернопольской обл.) III, 12.
Мшанский городок (г-ще, Рязанской обл.) II, 30, 244 (№ 78).
Мыто (г-ще, Гродненской обл.) III, 81, 225 (№ 1).
Мышецкое г-ще (г-ще на р. Мышеге, Тульской обл.) II, 65, 104, 245 (№ 50).

Набутово см. Очаков.
Наволочки см. Долгий Колодезь.
Нарва (гор., Эстония) II, 196, 237, 238.
Небль (город на границе Волынской и Турово-Пинской земель) III, 180, 184.
Нейгаузен (ливонский замок) II, 196.
Непоротово (г-ще Галица, Черновицкой обл.) III, 22, 223 (№ 29).
Нечатово (г-ще, Брестской обл.) III, 76, 111, 225 (№ 34).
Неятин (летописный город) I, 167.
Нижний Новгород (гор., совр. Горький) II, 132, 184—185.
Нижний Струтин см. Струтин Нижний.
Никольский городок на Кокшенге (г-ще, Архангельской обл.) II, 58, 245 (№ 6).
Ницахские городища (Большое и Малое, Сумской обл.) I, 25, 34, 182 (№ 57).
Новая Слобода (г-ще, Сумской обл.) I, 46.
Новгород (гор. Новгород Великий) I, 114, 116, 154, 164; II, 41—43, 80, 81, 95, 97, 109, 110, 112, 113, 116, 117, 131, 136, 142, 144, 149—151, 153, 161, 171, 174, 191, 193, 201, 203, 204, 206, 207, 210, 212, 216, 219, 221, 226, 228; III, 189, 201.
Новгород-Северский (гор., Черниговской обл.) III, 189, 190.
Новогрудок (гор. Новогородок Литовский, Гродненской обл.) III, 9, 89, 90, 122, 123, 132, 149, 180, 183, 186, 188—190, 224, 226.
Новоселки (г-ще, Могилевской обл.) I, 48, 49, 182 (№ 107); III, 93, 227 (№ 14).
Новоселки (г-ще Городок, Рязанской обл.) I, 31, 39, 182 (№ 100); II, 28, 244 (№ 68); III, 189.

Новотроицкое (г-ще, Сумской обл.) I, 68, 182 (№ 45); III, 185.
Новый городок см. Погорелое городище.
Новый Ольгов см. Климентовский погост.

Ободрово (г-ще, Смоленской обл.) I, 28, 29, 182 (№ 123); III, 96, 227 (№ 38).
Оболенск (гор., Калужской обл.) II, 49, 51, 187, 245 (№ 48).
Овруч (гор. Вручий, город Киевской земли) I, 114, 134, 135.
Огородники (г-ще, Гродненской обл.) III, 81, 225 (№ 16).
Огубское г-ще (Калужской обл.) I, 36.
Одерады (г-ще, Волынской обл.) III, 53, 54, 133, 153, 192, 198, 225 (№ 84).
Одоев (гор., Тульской обл.) II, 64, 245 (№ 59).
Окача (венгерский город) II, 232.
Олеско (гор., Львовской обл.) III, 105, 175, 225 (№ 76).
Олешков (г-ще, Ивано-Франковской обл.) III, 20, 21, 140, 151, 191, 223 (№ 15).
Ольгов (гор., Рязанской обл., см. также: Рубцово) II, 29.
Ольжево (г-ще, Гродненской обл.) III, 79, 225 (№ 2).
Онут (город в Галицком Понизье) III, 175, 177.
Онава (город в Чехии) I, 148.
Онализа (г-ще, Ярославской обл.) II, 9, 10, 244 (№ 17).
Опока (гор., Псковской обл.) II, 41, 132, 192, 193.
Опоки (гор., Калининской обл.) II, 60, 189, 190, 213, 245 (№ 21).
Опоне (гор., Польша) III, 164.
Опочка (гор., Псковской обл.) II, 77, 79, 142, 154, 167, 196—198, 213, 246 (№ 15).
Опошня (г-ще, Полтавской обл.) I, 24, 182 (№ 53).
Орел-городок (гор., Пермской обл.) II, 144.
Орехов (или Орешек, позднее Шлиссельбург, гор., Ленинградской обл.) I, 164; II, 70, 131, 144, 149, 159, 161, 178, 193—195, 200, 211, 246 (№ 45); III, 218.
Орешек см. Орехов.
Орлец (гор., Архангельской обл.) II, 68, 131, 193, 194, 218, 246 (№ 42).
Орша (гор., Витебской обл.) I, 51, 182 (№ 115); III, 97, 227 (№ 21).
Осечен (гор., Калининской обл.) II, 58, 245 (№ 24).
Осовецкое г-ще (Владимирской обл.) II, 14, 17, 94, 102, 112, 184, 205, 244 (№ 10).
Осовик (г-ще, Смоленской обл.) I, 48, 49, 182 (№ 121); III, 98, 189, 227 (№ 50).
Остапковцы (г-ще Камлай, Хмельницкой обл.) III, 19, 223 (№ 25).
Остерский Городец (гор., Черниговской обл.) III, 189, 190.
Остров (гор., Псковской обл.) II, 77, 140, 151, 152, 155, 174, 175, 195—198, 200, 246 (№ 8).
Острог (гор., Ровенской обл.) I, 174; III, 42, 180, 225 (№ 99).
Острожец (г-ще, Ровенской обл.) III, 51, 52, 120, 121, 132, 153, 154, 169, 180, 188, 192, 198, 210, 225 (№ 82).
Офен (город в Венгрии) II, 232.
Очаков (г-ще у дер. Набутово, Черкасской обл.) I, 43, 69, 70, 72, 182 (№ 13).
Ошель (город в Волжской Булгарии) I, 164; II, 159.
Палецкое г-ще (Московской обл.) II, 28, 29, 244 (№ 63).
Пархомовка (г-ще, Винницкой обл.) III, 29, 223 (№ 33).
Пацин (гор., Брянской обл.) III, 97, 227 (№ 51).
Перевитеск (гор., г-ще Перевицкий Торжок, Московской обл.) II, 63, 245 (№ 62).
Перевореск (город в Галицкой земле) III, 175, 176.
Перемиль (гор., Ровенской обл.) III, 36, 37, 101, 175, 179—181, 188, 189, 225 (№ 73).
Перемышль (гор., Польша) I, 150; III, 25, 125, 158, 174—177, 191, 202, 223 (№ 1).
Перемышль (гор., Калужской обл.) II, 64, 245 (№ 55).
Перемышль (гор., Московской обл.) II, 14, 16, 17, 45, 155, 163, 167, 177, 184, 186, 187, 205, 206, 244 (№ 24); III, 189, 203.
Переров (гор., Гомельской обл.) III, 75, 225 (№ 31).
Пересечен (летописный город) I, 146.
Переславль-Залесский (гор., Ярославской обл.) I, 116, 131; II, 24, 133, 155, 159, 178, 184, 185, 188, 205, 213, рис. 134 между стр. 230—231, 244 (№ 11); III, 189.
Пересопница (гор., Ровенской обл.) I, 148, 174; III, 55, 56, 159, 170, 180, 182, 187—189, 191, 198, 225 (№ 86).
Переяславль-Рязанский (гор., совр. Рязань) I, 70, 106, 182 (№ 97); II, 28, 29, 63, 244 (№ 65); III, 189.
Переяславль-Русский (гор., совр. Переяслав-Хмельницкий, Киевской обл.) I, 56, 72, 82—87, 90, 91, 107, 109, 112, 113, 116, 117, 141—143, 167; II, 110, 205; III, 132, 135, 170, 188—190.
Пески см. Демон.
Петербург (гор., совр. Ленинград) II, 229.
Петрово (г-ще, Смоленской обл.) I, 40.
Петровское (г-ще, Сумской обл.) I, 25, 28, 109, 182 (№ 56).
Полипы Хребтиевские (г-ще, Хмельницкой обл.) III, 15, 120, 233 (№ 26).
Пинск (гор., Брестской обл.) III, 78, 122, 127, 170, 180, 182—184, 189, 224.
Пирово г-ще см. Ярополч.
Планерское (г-ще, Крымской обл.) I, 142.
Плесецкое (г-ще, Киевской обл.) I, 140, 173.
Плеснеск (гор., г-ще у с. Подгорцы, Львовской обл.) III, 11, 22, 23, 131, 169, 175, 178, 189—190, 223 (№ 5).
Плёс (гор. Плесо, Ивановской обл.) II, 51, 55, 117, 118, 128—130, 133, 138, 145, 245 (№ 11).
Погорелое городище (гор. Новый городок, Калининской обл.) II, 60, 166, 189, 190, 245 (№ 20).
Подгородье см. Кошкин городок.
Подгородье см. Рогатин.
Подгорцы см. Плеснеск.
Покров (г-ще на р. Рузе, Московской обл.) II, 94, 209, 245 (№ 32).
Покры (г-ще, Брестской обл.) III, 32, 225 (№ 27).
Полонный (летописный город) I, 174.
Полоцк (гор., Витебской обл.) II, 193; III, 7, 94, 189, 226.
Понизовье (г-ще, Минской обл.) III, 92, 189, 227 (№ 11).
Попова Гора (г-ще, Гомельской обл.) I, 44, 45, 182 (№ 68).

Порхов (гор., Псковской обл.) II, 67, 131, 140, 144, 146—148, 150—154, 157, 165, 170, 172, 192, 193, 196, 231—233, 235, 236, 246 (№ 26).
Порхов (Старое г-ще в г. Порхове Псковской обл.) II, 40—42, 106, 119, 121—123, 167, 206, 218.
Посников (г-ще, Ровенской обл.) III, 51, 53, 151—153, 192, 198, 225 (№ 83).
Почтовая Вета (г-ще, Киевской обл.) I, 52, 53, 70, 71, 109, 173, 182 (№ 4); III, 168, 189, 190.
Пояны (г-ще, Молдавия) III, 30, 223 (№ 46).
Приворотье (г-ще, Хмельницкой обл.) III, 12.
Прилук (летописный город на р. Суле) I, 168.
Прилук (летописный город в Поросье) I, 174.
Пронск (гор., Рязанской обл.) II, 31, 63, 244 (№ 75); III, 189.
Псков (гор.) I, 70, 117, 152, 154, 164; II, 34, 80, 81, 83—85, 95, 130, 131, 134, 142, 144, 146, 148, 149, 153, 161—164, 168—171, 173, 182, 191, 193—200, 204, 207, 210, 221, 228, 235; III, 189, 190.
Псково-Печорский монастырь (в Псковской земле) II, 198.
Пурневичи (г-ще, Гродненской обл.) III, 79—80, 186, 225 (№ 17).
Путивль (гор., Сумской обл.) I, 28, 182 (№ 76); III, 189.

Радилов (город в Тверской земле) II, 189.
Радогощa (г-ще, Гродненской обл.) III, 81, 82, 133, 225 (№ 18).
Радонеж (гор., Московской обл.) II, 46, 48, 166, 186, 187, 245 (№ 36).
Разино (г-ще, Житомирской обл.) III, 72, 73, 132, 134, 225 (№ 110).
Рай (гор., г-ще Ярéвище, Волынской обл.) III, 45, 47, 162, 180, 183, 188, 225 (№ 45).
Рай (ятвяжский город, совр. г-ще Райгород в Польше) II, 231.
Райковецкое г-ще (Житомирской обл.) I, 17, 32, 33, 103—105, 113, 122, 134—137, 141, 143, 145, 151, 175, 182 (№ 27); II, 219, 226; III, 127, 172, 173, 192, 193.
Раставец (летописный город) I, 167.
Ратно (гор., Волынской обл.) III, 31, 101, 141, 180, 184, 192, 225 (№ 44).
Ратское г-ще (г-ще у дер. Городище на р. Рати, Курской обл.) I, 25, 28, 182 (№ 83).
Рахлей (гор., Кировской обл.) II, 55, 245 (№ 3).
Ревель см. Таллин.
Редичевские городища (Мещанское, Хотинское и Московское, Черниговской обл.) I, 28, 182 (№№ 71, 72, 73).
Решетники см. Старые Сенжары.
Ржавец (г-ще, гор. Вержавск, Смоленской обл.) III, 95, 227 (№ 31).
Ржев (гор., Калининской обл.) II, 12, 32, 60, 161, 166, 189, 190, 244 (№ 31).
Ржева (город в Новгородской земле) II, 192—194.
Рига (город в Ливонии) II, 228.
Римов (летописный город) I, 123.
Рогатин (гор., г-ще Подгородье, Ивано-Франковской обл.) III, 16, 17, 102, 175, 191, 192, 202, 223 (№ 7).
Роготно см. Санюки.
Родня (город в Тверской земле) II, 189, 190.
Рожково (г-ще, Орловской обл.) II, 32, 244 (№ 42).
Розваж (г-ще, Ровенской обл.) III, 55, 225 (№ 100).
Рокитно (г-ще, Львовской обл.) III, 12.
Романов (гор., совр. Тутаев, Ярославской обл.) II, 50, 52, 117, 119, 128—129, 134, 136, 145, 168, 179, 245 (№ 13); III, 165.
Романово-Борисоглебское г-ще [гор. Борисов-Глебов (?), Рязанской обл.] I, 44, 45, 47, 69, 182 (№ 96); II, 30, 244 (№ 64).
Ромен (летописный город) I, 168.
Ромны см. Монастырище.
Рославль (гор. Ростиславль, Смоленской обл.) III, 97, 227 (№ 48).
Ростиславль (гор., Московской обл.) I, 51, 182 (№ 95); II, 28, 31, 63, 244 (№ 60); III, 189.
Ростов (гор., Ярославской обл.) II, 184, 186, 193; III, 188, 189.
Рубцово (г-ще, Рязанской обл.) I, 25, 30, 69, 182 (№ 99); II, 28, 29, 244 (№ 67).
Руза (гор., Московской обл.) II, 6, 47, 48, 50, 122, 124, 128, 186, 187, 245 (№ 31).
Русса (гор., совр. Старая Русса, Новгородской обл.) II, 34, 191—193, 246 (№ 27).
Рязань см. Старая Рязань.
Рящов (город в Галицкой земле) III, 176.

Сайчице (г-ще, Польша) III, 47, 225 (№ 53).
Салинцы (г-ще, Винницкой обл.) III, 29, 223 (№ 43).
Салтыкова Девица (г-ще, Черниговской обл.) I, 43, 182 (№ 62).
Самбор (город в Галицкой земле) III, 175.
Санок (город в Галицкой земле) III, 175—177.
Санюки (или Роготно, г-ще, Гродненской обл.) III, 83—85, 196, 225 (№ 13).
Сапожин (г-ще, гор. Сапогынь, Ровенской обл.) III, 32, 180, 182, 188, 225 (№ 103).
Саркел см. Белая Вежа.
Сарское г-ще (Ярославской обл.) I, 102; II, 6, 24—26, 94, 102, 108, 244 (№ 13).
Сары (г-ще, Полтавской обл.) I, 28, 182 (№ 42).
Сахновка (г-ще Девичь-Гора, Киевской обл.) I, 70, 182 (№ 12).
Свиридовка (г-ще, Полтавской обл.) I, 29, 182 (№ 36).
Свислочь (г-ще, Могилевской обл.) I, 29, 182 (№ 106); III, 91, 92, 227 (№ 15).
Свияжск (город Московского государства) II, 213, 231.
Святополч см. Витачёв.
Себеж (гор., Псковской обл.) II, 78, 196—198, 246 (№ 13).
Селище (г-ще, Гродненской обл.) III, 79, 186, 225 (№ 19).
Семикоракоровская (г-ще, Ростовской обл.) I, 142.
Семенов городок (гор., Калининской обл.) II, 59, 63, 189, 190, 245 (№ 18).
Семков Городок (г-ще, Минской обл.) I, 36, 182 (№ 111); III, 92, 227 (№ 9).
Сенча (г-ще, Полтавской обл.) I, 40, 41, 182 (№ 35).
Серенск (или Шеренск, гор., Калужской обл.) II, 33, 244 (№ 36); III, 189.
Серпейск (гор., Калужской обл.) II, 64, 245 (№ 52).
Серпухов (гор., Московской обл.) II, 50, 132, 133, 187, 188, 200, 207, 245 (№ 45).
Сетунское г-ще (Московской обл.) II, 46, 245 (№ 34).
Сижка (гор., Калининской обл.) II, 58, 245 (№ 23).
Симеоново г-ще см. Калуга.
Синюково (г-ще, Орловской обл.) II, 32, 244 (№ 53).

Ситно (город Московского государства) II, 175.
Скнятин (или Кснятин, гор., Калининской обл.) II, 12, 184, 185, 189, 206.
Слобода Большая см. Мукша.
Слободка (г-ще, Орловской обл.) III, 173.
Слоним (или Вослоним, город в Черной Руси) III, 9, 180, 183.
Слоним-Жировицы см. Турецкая гора.
Случеск (город в Турово-Пинской земле, совр. Слуцк) III, 184.
Смидин (г-ще, Волынской обл.) III, 50, 199, 225 (№ 46).
Смоленск (гор.) II, 148, 159, 172; III, 7, 98—100, 149, 189, 226.
Снепород см. Мацковцы.
Снетинское г-ще (гор. Кснятин, Полтавской обл.) I, 41—43, 47, 71, 182 (№ 34).
Сновск (летописный город) I, 167.
Снопково (г-ще, Орловской обл.) II, 32, 244 (№ 49).
Соколовка см. Щучье.
Соколец (г-ще, Винницкой обл.) III, 102, 223 (№ 44).
Сосница см. Буромка.
Сочаев (или Сочава, Волошский город) II, 171.
Спас (г-ще, Львовской обл.) III, 13.
Спас (близ. г. Холма, Польша) I, 164; III, 148.
Спас на Оке [г-ще, гор. Воротынск (?), Калужской обл.] I, 39, 48, 50, 182 (№ 85); II, 33, 102, 104, 244 (№ 35).
Спас-Городец (г-ще, Калужской обл.) II, 32, 244 (№ 57).
Спас-Перекша (г-ще, Калужской обл.) II, 31, 244 (№ 34).
Спас-Тешилово см. Тешилов.
Старая Ладога см. Ладога.
Старая Руза (г-ще, Московской обл.) II, 187.
Старая Русса см. Русса.
Старая Рязань (гор. Рязань, Рязанской обл.) I, 52, 69, 101, 106, 112, 120, 143, 158; II, 31, 160, 184; III, 189.
Старгород (г-ще, гор. Всеволож, Волынской обл.) III, 42—45, 179, 180, 188, 225 (№ 64).
Старица (гор., Калининской обл.) II, 60—63, 128—130, 145, 157, 168, 176, 189—191, 245 (№ 19); III, 165.
Стародуб (г-ще Кляземский городок, гор. Стародуб-Ряполовский, Владимирской обл.) II, 11, 45, 102, 184, 244 (№ 3); III, 189.
Старое Село (г-ще, Витебской обл.) I, 24, 182 (№ 112).
Старые Безрадичи (г-ще, гор. Тумащь, Киевской обл.) I, 25, 33, 37, 38, 51, 61, 98, 100, 101, 121, 132, 133, 135, рис. 102 между стр. 136, 137, 143, 149, 170, 173, 182 (№ 7); III, 189, 190.
Старые Сенжары (совр. Решетники, г-ще Городок, Полтавской обл.) I, 46.
Старый Чарторыйск см. Черторыйск.
Степань (город в Турово-Пинской земле) III, 180, 183, 192.
Стерж (гор., Стерженское г-ще, Калининской обл.) II, 37, 38, 191—193, 246 (№ 34).
Стожок (г-ще, гор. Истожек, Тернопольской обл.) III, 33, 34, 112, 155, 162, 173, 180, 225 (№ 92).
Столпин (г-ще, Ровенской обл.) III, 36, 225 (№ 104).
Столпье (башня близ г. Холма, Польша) I, 163—166; II, 147; III, 10, 104, 141, 146, 148, 163, 180, 204, 225 (№ 56).
Сторожинец (г-ще, Псковской обл.) II, 35, 191, 192, 196, 246 (№ 2).
Стрелица см. Долгий Колодезь.
Струтин Нижний (или Струтынское г-ще, Ивано-Франковской обл.) I, 25, 32; III, 14, 120, 131, 186, 223 (№ 10).
Стуга (г-ще, Житомирской обл.) I, 35, 182 (№ 19).
Ступница (г-ще, Львовской обл.) III, 23, 24, 118, 119, 150, 169, 175, 187, 189, 190, 223 (№ 8).
Сувар (гор., Татарской АССР) II, 223.
Судовая Вишня (1-е г-ще, Львовской обл.) III, 9, 10, 20, 111, 127, 129, 140, 153, 155, 172, 194, 196, 201, 223 (№ 2).
Судовая Вишня (2-е г-ще, гор. Вишня, Львовской обл.) III, 16, 175, 191, 192, 202.
Судомирь (город в Польше) I, 158; III, 182.
Суздаль (гор., Владимирской обл.) II, 26, 99—101, 109, 112, 113, 116, 129, 137, 138, 184, 205, 206; III, 188, 189.
Сунгиревское г-ще (г-ще у Сунгиревского оврага, Владимирской обл.) I, 102; II, 14, 15, 17, 94, 106—109, 112, 115, 184, 205, 244 (№ 5).
Супруты (г-ще, Тульской обл.) II, 32, 244 (№ 54).
Сураж (г-ще, Польша) III, 43, 180, 183, 225 (№ 20).
Сутейск (гор., г-ще Сонсиядка, Польша) II, 225; III, 9, 10, 56, 62, 63, 125, 126, 133, 135, 151, 155, 180, 181, 189, 225 (№ 59).
Сяськое г-ще (г-ще на р. Сяси, Ленинградской обл.) II, 34, 191, 246 (№ 43).

Таллин (орденский замок Ревель) II, 228.
Талсы (г-ще, Латвия) I, 140; II, 225.
Таманское г-ще (гор. Тмутаракань, Краснодарский край) I, 142.
Тарасовка (г-ще Круча, Полтавской обл.) I, 44, 46, 59, 182 (№ 37).
Торговица (г-ще, Ровенской обл.) III, 58, 60, 122, 189, 225 (№ 79).
Тарногский городок (г-ще на р. Кокшенге, Архангельской обл.) II, 58, 245 (№ 5).
Тарнув (г-ще, Польша) III, 48, 199, 225 (№ 54).
Тверь (гор., совр. Калинин) II, 11, 110, 112, 129, 132, 140, 145, 153, 154, 160—162, 172, 184, 185, 189, 191, 193, 211—213, 219, 227, 244 (№ 28); III, 189, 201.
Телегиевка (г-ще, Винницкой обл.) III, 29, 223 (№ 34).
Телятьев (город в Тверской земле) II, 189, 190.
Темгеневское г-ще (Рязанской обл.) II, 30, 244 (№ 79).
Теребовль см. Зеленче.
Теребовльский замок (Тернопольский обл.) III, 103, 137, 223 (№ 13).
Тетерин (или Цицерын, гор., Могилевской обл.) I, 25, 32, 182 (108); III, 92, 227 (№ 17).
Тешилов (гор., Московской обл.) II, 29, 104, 151, 244 (№ 59).
Тиверский городок (гор., Ленинградской обл.) II, 70, 119, 121, 193, 194, 218, 246 (№ 47).
Титова-Мотыка (г-ще, Орловской обл.) II, 33, 244 (№ 47).
Титчиха (г-ще, Воронежской обл.) III, 172, 194.
Тихомль (гор., Хмельницкой обл.) III, 56, 57, 122, 179, 180, 182, 188, 198, 225 (№ 107).
Тополи (г-ще, Сумской обл.) I, 28, 182 (№ 47).
Торжок (гор., Калининской обл.) I, 150, 158; II, 35, 36, 67, 84, 129, 139, 158, 160, 182, 184, 189, 192—194, 245 (№ 17), 246 (№ 38); III, 189.

Торнов (г-ще, Германия) III, 172.
Торопец (гор. Калининской обл.) I, 36, 182 (№ 133); II, 22, 23, 25, 39, 90, 91, 93, 104, 112, 164, 167, 193, 208, 218, 244 (№ 32), 245 (№ 28), 246 (№ 30); III, 161.
Торческ (летописный город в Поросье) I, 167; III, 168.
Триполье (город Треполь в Киевской земле) I, 167, 170, 172, 173.
Триполье (г-ще Девичь-гора, Киевской обл.) I, 26.
Троица см. Данилов.
Троице-Сергиев монастырь (в Московском княжестве, совр. Загорск) II, 187.
Троки (город в Тверской земле) II, 213, 217.
Тростяницкое г-ще (Сумской обл.) I, 27, 182 (№ 55).
Труворово г-ще см. Изборск.
Тула (гор.) II, 90, 175, 208, 245 (№ 47).
Тум (г-ще, Польша) I, 140.
Турейск (гор. Турийск, Гродненской обл.) III, 83, 180, 183, 225 (№ 4).
Турецкая Гора (или Слоним-Жировицы, г-ще, Гродненской обл.) III, 78, 79, 225 (№ 12).
Турийск см. Турейск.
Турийск (гор., Волынской обл.) III, 45, 46, 101, 180, 188, 189, 225 (№ 48).
Туров (гор., Гомельской обл.) I, 56; III, 77, 78, 180, 182, 186, 188—190, 197, 224.
Тустань см. Урыч.
Тушков городок (гор., Московской обл.) II, 6, 10, 43, 44, 113, 115, 122, 124, 129, 155, 184—187, 244 (№ 25), 245 (№ 29).

Углаты (г-ще, Могилевской обл.) I, 44, 46, 47, 182 (№ 105); III, 93, 227 (№ 16).
Углич (или Углече поле, гор., Ярославской обл.) II, 11, 45, 184, 185, 189, 244 (№ 21).
Угровеск (летописный город) III, 180.
Ужгород (город в Закарпатье) III, 170, 175.
Унжа (гор., Костромской обл.) II, 54, 184, 185, 245 (№ 10).
Унорож (г-ще, Костромской обл.) II, 54, 245 (№ 8).
Урыч (г-ще, гор. Тустань, Львовской обл.) III, 13, 104, 105, 137—139, 175, 223 (№ 9).
Усвяты (г-ще, гор. Восвячь, Псковской обл.) II, 39, 192, 246 (№ 33).
Усичи (г-ще, Волынской обл.) III, 31.
Устенское 2-е см. Дермань.
Устилуг (гор., Волынской обл.) III, 40, 43, 122, 132, 135, 225 (№ 62).
Устьвым («владычный городок») II, 194.
Устюг Великий (гор., Вологодской обл.) II, 58, 139, 159, 245 (№ 4).
Устюжна (гор., Вологодской обл.) II, 66, 193, 246 (№ 40).
Ушица (город в Галицком Понизье) III, 175, 177.
Ушск (летописный город) I, 175.

Федосьин городок (гор., Вологодской обл.) II, 12, 54, 244 (№ 19), 245 (№ 7).
Феськовка (г-ще, Черниговской обл.) I, 41, 42, 46, 182 (№ 64).
Фитьков (г-ще, Ивано-Франковской обл.) III, 13.
Фоминск (гор., Калининской обл.) II, 58, 189, 245 (№ 22).
Фоминское г-ще (Псковской обл.) II, 74, 77, 196, 246 (№ 9).

Хабарово г-ще (Владимирской обл.) II, 91, 94, 117, 120, 129, 130, 143, 209, 213, 214, 245 (№ 14)
Халепье (город Халеп в Киевской земле) I, 167, 170, 173.
Хильчицы (г-ще, Гомельской обл.) I, 40.
Хлынов (гор., позднее гор. Вятка, совр. Киров) II, 54, 161, 245 (№ 1).
Ховзовка (г-ще, Сумской обл.) I, 25, 28, 182 (№ 75).
Ховрач (предполагаемое название Нового городка в Тверской земле) II, 190.
Холм (гор., Польша) I, 135, 149, 159, 164, 166, 178; II, 231, 236; III, 63, 104, 137, 139, 146, 155, 163, 173, 180, 182, 188, 189, 209, 225 (№ 57).
Холм (город в Тверской земле) II, 189, 190.
Холм (гор., Новгородской обл.) II, 67, 68, 119, 129, 133, 134, 136—138, 145, 192, 193, 246 (№ 29).
Хом (г-ще близ гор. Василёва) III, 17.
Хорошевское г-ще (Харьковской обл.) I, 57, 182 (№ 59).
Хотинское г-ще см. Редичевские городища.
Хотомель (г-ще, Брестской обл.) I, 24; III, 74, 75, 225 (№ 32).
Хотунь (гор., Московской обл.) II, 28, 43, 44, 187, 244 (№ 58), 245 (№ 46).
Хребтиев (г-ще, Хмельницкой обл.) III, 22, 223 (№ 27).

Царевка (г-ще, Молдавия) III, 30, 223 (№ 48).
Церковище (г-ще, гор. Воищина, Смоленской обл.) III, 10, 95, 135, 140, 227 (№ 37).
Цихановщина (г-ще, Смоленской обл.) I, 50, 182 (№ 126).
Цяцерын см. Тетерин.

Чаранки (г-ще, Могилевской обл.) I, 24, 182 (№ 119); III, 95, 227 (№ 25).
Чарторыйск Старый см. Черторыйск.
Червень (гор., г-ще Чермно, Польша) III, 8, 63, 64, 121, 154, 180—182, 188—191, 225 (№ 60).
Червона Диброва (г-ще, Черновицкой обл.) III, 15, 223 (№ 19).
Червоне (г-ще, Винницкой обл.) III, 28, 29, 223 (№ 39).
Черкасовское г-ще (Витебской обл.) I, 33, 34, 70, 119, 182 (№ 114); III, 96, 136, 227 (№ 19).
Чермно см. Червень.
Чернеч-городок (гор., Волынской обл.) III, 31, 32, 101, 180, 225 (№ 41).
Чернигов (гор.) I, 113, 151, 157, 167; III, 189, 190.
Черница (город в Псковской земле) II, 195, 196.
Чернобыль (летописный город) I, 174.
Чернятин (город в Тверской земле) II, 189, 190.
Чертово г-ще см. Чортово г-ще.
Черторыйск (гор., г-ще Старый Чарторыйск, Волынской обл.) I, 135, 164, 174; III, 37, 38, 103, 126, 128, 132, 142—147, 164, 170, 180, 183, 184, 188, 189, 211, 225 (№ 40).
Чортово г-ще (Рязанской обл.) I, 29, 182 (№ 94); II, 28, 244 (№ 76).
Чутовка (г-ще, Полтавской обл.) I, 40, 41, 182 (№ 32).
Чучин (гор., г-ще Щучинка, Киевской обл.) III, 168, 189, 190.
Чюрнаев (летописный город) I, 147.

Шарковское г-ще (или Шаргородское, Киевской обл.) I, 106, 119, 182 (№ 9).
Шепель (г-ще, гор. Шеполь, Волынской обл.) III, 54, 55, 122, 180, 188, 189, 198, 225 (№ 69).
Шерна (город в Московском княжестве) II, 187.
Шестовицы (г-ще, Черниговской обл.) I, 28, 182 (№ 60).
Шпилевка (г-ще, Сумской обл.) I, 109, 182 (№ 46).
Шуклинское г-ще (Курской обл.) I, 24, 182 (№ 82).
Шумск (гор., Ровенской обл.) III, 66, 67, 133, 134, 175, 179, 180, 188, 189, 190, 225 (№ 98).

Щекотов (город в Галицкой земле) III, 178.
Щитов (город в Московском княжестве) II, 187.
Щовб (г-ще, Черновицкой обл.) III, 17, 223 (№ 28).
Щучинка см. Чучин.
Щучье (г-ще, Тульской обл.) II, 33, 244 (№ 56).

Юрковцы (г-ще, Винницкой обл.) III, 30, 223 (№ 35).
Юрьев (город в Поросье) III, 168.
Юрьев (летописный город в Эстонской земле) I, 117, 164; II, 159, 192, 193, 228.
Юрьев-Польской (гор., Владимирской обл.) II, 20, 45, 102, 103, 112, 113, 115, 155, 167, 176—178, 184, 185, 205, 206, 213—215, 230, 244 (№ 9); III, 189.
Юрьевец-Поволгский (город в Залесской земле) II, 185.
Юшково (г-ще, Московской обл.) II, 27, 28, 244 (№ 61).

Ягнятин (г-ще, Житомирской обл.) I, 70, 182 (№ 14).
Яжелбицы (город в Новгородской земле) II, 193, 194.
Ям (гор., Ленинградской обл.) II, 89, 131, 193, 194, 198, 201, 207, 246 (№ 50).
Яново (г-ще, Гродненской обл.) III, 81, 225 (№ 10).
Ярёвище см. Рай.
Яроповичи (г-ще, гор. Ярополч, Житомирской обл.) I, 72, 109, 111, 171, 174, 182 (№ 15).
Ярополч (гор., Пирово г-ще у г. Вязники, Владимирской обл.) II, 184.
Ярослав (город в Галицкой земле) I, 159; II, 161, 162; III, 175—177.
Ярославль (гор., Ярославской обл.) II, 10, 11, 27, 184, 186, 189, 244 (№ 14).
Ястрембиха (г-ще, Винницкой обл.) III, 29, 155, 223 (№ 41).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение 5

Планировка оборонительных сооружений.

I. Общие замечания 11

II. Галицкая земля 12

1. Введение (12). — 2. Городища X—XIII вв., подчиненные рельефу местности (13). — 3. Городища X—XIII вв. правильной геометрической формы (19). — 4. Сложно-мысовые и сложные городища (22). — 5. Городища на границе со степью (28).

III. Волынь 30

1. Городища X—XIII вв., подчиненные рельефу местности (30). — 2. Круглые городища X—XIII вв. (45). — 3. Городища «волынского типа» (51). — 4. Сложно-мысовые и сложные городища (57). — 5. Городища Болоховской земли (72).

IV. Турово-Пинская земля 74

V. Черная Русь 78

VI. Полоцкая земля 90

VII. Смоленская земля 94

VIII. Памятники XIV в. 100

IX. Выводы 110

Конструкции оборонительных сооружений.

I. Земляные конструкции 114

1. Валы без внутренних деревянных конструкций (114). — 2. Валы с внутренней деревянной конструкцией (125). — 3. Первоначальная форма валов и рвов (131).

II. Наземные конструкции 134

1. Частоколы и крепостные стены (134). — 2. Башни (139). — 3. Ворота и мосты (149). — 4. Водоснабжающие устройства (154).

Организация обороны.

I. Тактика осады и обороны 157

1. Тактика осады и обороны до XIII в. (157). — 2. Развитие тактики осады и обороны в XIII—XIV вв. (160).

II. Стратегия обороны 165

1. Оборона южнорусских земель от степных кочевников (165). — 2. Оборона Галицкой земли (173). — 3. Оборона Волыни (178).

Общие выводы по оборонительным сооружениям.

I. Социальный облик укрепленных поселений 185

1. Общинные укрепления (185). — 2. Города (186). — 3. Замки (191). — 4. Крепости (192).

II. Местные «школы» военного зодчества и национальное своеобразие западнорусских оборонительных сооружений 194

1. Памятники X—XI вв. (194). — 2. Памятники XII в. (202). — 3. Памятники второй половины XIII—XIV в. (203).

III. Оборонительные сооружения как памятники архитектуры 206

Заключение 214

Список сокращений 221

Карты и перечни памятников военного зодчества, оборонительные системы которых рассматриваются в настоящей работе 222

Указатели. Терминологический указатель (228). — Географический указатель (229).

Павел Александрович Раппопорт

ВОЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО
ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ X—XIV вв.

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Т. Бочевер.*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *Е. В. Вивчар* и *Э. В. Коваленко*

Сдано в набор 29/IX 1966 г. Подписано к печати 8/II 1967 г.
РИСО АН СССР № 141—106В. Формат бумаги 84 × 108$^{1}/_{16}$.
Бум. л. 7$^{5}/_{8}$. Печ. л. 15$^{1}/_{8}$ + 1 вкл. ($^{1}/_{8}$ печ. л.) = 25.62 усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 25.19. Изд. № 3110. Тип. зак. № 1234.
М-08157. Тираж 1700. Бумага типографская № 1

Цена 1 р. 90 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1
1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.